БЫЛИНЫ НИЖНЕЙ ПЕЧОРЫ

БЫЛИНЫ НИЖНЕЙ ПЕЧОРЫ

издание подготовил
Александр Ма́точкин

Нарьян-Мар • 2025

УДК 398
ББК 82.3(2=411.2)-441я4 + 83.3(231)5-8
М 34

М 34 **Былины Нижней Печоры:** сборник текстов с аудиоприложением (флешкарта) / издание подготовил А. А. Маточкин; ГБУК «Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа». — Нарьян-Мар: ЭКЦ НАО, 2025. — 496 с.: ил.

ISBN 978-5-6054646-9-3

Былины Нижней Печоры отдельной книгой выходят впервые. Помимо самого́ нижнепечорского былинного эпоса в книгу вошли сведения о том, кем и от кого он был записан, примечания к текстам, словарь былинной речи и указатели. Кроме печатных текстов все нижнепечорские былины приводятся в их устном, звучащем виде, что является первым опытом такого рода в истории издания отечественного эпоса. Для распевания былин были взяты подлинные нижнепечорские напевы. Работу по распеванию печатных текстов, основываясь на опыте современного сказительства, проделал Александр Александрович Маточкин (г. Санкт-Петербург) — профессиональный сказитель былин, фольклорист, собиратель.

Для любителей, исследователей и исполнителей северного фольклора.

УДК 398
ББК 82.3(2=411.2)-441я4 + 83.3(231)5-8

ISBN 978-5-6054646-9-3

Все права защищены
© Александр Маточкин, 2025
© ГБУК «ЭКЦ НАО», 2025

Слово составителя

Пчела, куда ни полетит, делает мёд.
Так и худо́жный мастер, куда ни придёт,
где ни живёт, зи́ждет добро́ту.
Борис Викторович Ше́ргин

Нижняя Печо́ра[1] — один из самых северных очагов бытования русского эпоса. Здесь, за полярным кругом, у Ледовитого океана, с начала до середины XX века записывались былины[2] — стихотворные сказания о богатырях, князьях, боярах, купцах, кулачных бойцах, каликах перехожих.

В старину́ умение искусно сказывать былины ценилось весьма высоко и передавалось из поколения в поколение. Корни этой народной устной литературы теряются в веках. Сказители — мужики по званью и художники по знанью — цепко воспринимали то словесное наследие, в окружении которого они рождались, и несли его дальше, стараясь не обронить ни слова. При этом сказительство — не просто пропевание заученного, но и творческое складывание текста былины. Раз за разом воссоздавая эпос по памяти, былинщик старается сказывать стройно, красови́то, подобно плотнику, который рубит новую постройку, держа в уме старые, проверенные образцы. Такое словесное творчество особенно заметно, когда знакомишься с тем, как разные люди передают одну и ту же былину: много тут общего, но много и различий. Можно сказать, что сама традиция, сам устно-поэтический канон предполагает личное живое участие мастеров-сказителей в создании общенародного эпоса.

Чудом эти образцы старинной художественной словесности дошли до нас. Ведь речь идёт об устной поэзии, которая является только во время своего произнесения здесь и сейчас и не предполагает записи. «Мы грамотой не грамотны, зато памятью памятны», — говорили прежние сказители, передавая эпическое знание из уст в уста в ходе живого общения. Включённая в повседневный быт, былина, казалось, была с народом всегда и навсегда с ним останется. Но постепенно эта устная литература стала уходить вслед за традиционным укладом жизни. Мастеров народного слова, удерживающих в памяти сотни, а порою и тысячи строк, становилось всё меньше. Сказительское искусство могло бы исчезнуть без следа, если бы не деятельность собирателей.

Эпическую традицию на Нижней Печоре открыл Николай Евгеньевич Ончуко́в, записав здесь 18 былин от шести сказителей. Наиболее полно собиратель записал

---

[1] Имеется в виду Пустозёрская волость Печо́рского уезда Архангельской губернии, ныне Заполярный район Не́нецкого автономного округа Архангельской области.

[2] Для обозначения былин используется также слово «ста́рины». При этом понятие «ста́рины» более широкое, оно включает в себя не только былины, но и старшие исторические песни, баллады, духовные стихи, скоморошины.

Павла Григорьевича Ма́ркова из Бедово́го и Николая Петровича Шалько́ва из Великовисочного. Затем в той же Великой Ви́ске[3] Анна Михайловна Аста́хова записала 5 былин от Параско́вьи Ивановны Дитя́тевой. Ещё 26 былин от пяти сказителей записал Николай Павлович Лео́нтьев. Из его ста́ринщиков выделяются Иван Кириллович Осташо́в из Смека́ловки и Василий Петрович Тайбаре́йский из Ла́божского. Наталья Павловна Колпако́ва завершила дело собирания былинного эпоса Нижнепечорья, записав 9 местных былин[4] от трёх сказителей, из которых особо следует отметить Андрея Фёдоровича Пономарёва, родом из Ла́божского. Всего собирателями было записано 58 нижнепечорских былин от 15 сказителей. Общий объём этого корпуса текстов — почти 11 тысяч строк, что в звучащем виде составило почти 26 часов пения.[5]

На Нижней Печоре было записано 11 былинных напевов, из которых 9 — в 1956 году Фла́вием Васильевичем Соколо́вым. Наличие звукозаписей местных исполнителей даёт нам счастливую возможность и сегодня петь былины Нижней Печоры именно по-нижнепечорски. Настоящее издание является первым собранием русского эпоса, где все произведения даются не только в письменном, но и в устном, распетом виде. Работу по распеванию нижнепечорского эпоса проделал составитель с опорой на свой личный опыт сказителя былин.[6]

Былины в книге расположены по основным этапам их собирания: I) записи 1902 года, II) записи 1929 года, III) записи 1938 года и IV) записи 1956 года. Перед каждым разделом идёт заметка о записи нижнепечорского эпоса на данном этапе. Внутри разделов произведения даются по сказителям. Первыми идут те сказители, от которых удалось записать бо́льший объём былинных стихов.[7] Былины каждого сказителя предваряются сведениями о нём, сообщёнными собирателем или взятыми из других источников.

После текстов былин идут приложения, содержащие нотные расшифровки 11-ти напевов (№№ н1-н11); 8 дополнительных (отрывочных) текстов (№№ д1–д8) и заметку о нижнепечорских былинщиках, от которых былин записано не было. Далее идут другие вспомогательные материалы: разъяснены особенности передачи былинных текстов в настоящем издании; даны примечания к текстам былин; составлен словарь былинной речи; сделаны табличные указатели, в которых упорядочиваются данные о публикуемых текстах; в самом конце приведены список использованной литературы и заметка о составителе этого сборника.

Хочется верить, что напевное былинное слово, некогда звучавшее в деревенских домах, промысловых избах, у артельного костра, пригодится и в наши дни, радуя и утешая людей, обогащая их культурную жизнь и украшая повседневное общение. Пусть эта книга станет не только памятником нижнепечорскому эпосу, но и подспорьем в работе, источником вдохновения для тех, кто хочет заниматься былинами сегодня — читать, слушать, изучать, сказывать.

---

[3] В нашей книге используется старое название села Великовисочное — Великая Ви́ска. Именно так это село называется в книгах всех четырёх собирателей нижнепечорского эпоса [*Ончуко́в 1904*, с. VIII; *Аста́хова 1938*, с. 1; *Лео́нтьев 1939*, с. 5; *Колпакова 1961*, с. 29].

[4] Речь идёт только о тех былинах, которые безоговорочно представляют именно нижнепечорскую традицию. Былины, хоть и записанные на Нижней Печоре, но восходящие целиком или частично к другим очагам русского сказительства, в настоящем издании не учитываются.

[5] Смотри: Указатель 1. Былины Нижней Печоры.

[6] Смотри: О составителе.

[7] Для сказителей 5 и 6, 14 и 15 этот порядок не соблюдён. Смотри: Указатель 3. Нижнепечорские сказители былин.

ЧАСТЬ I

Записи 1902 года

Русский народный эпос на Нижней Печоре открыл Николай Евгеньевич Ончуко́в (1872–1942), произошло это в 1902 году.[8] За год до своего открытия собиратель писал следующее: «Что былины, старые стихи и прочее сохранились ещё в Пустозе́рской волости, в селениях которой я был только проездом, — это вне всякого сомнения, в этом меня уверяли местные торговцы и крестьяне, и даже приводили названия былин, какие сохранились там» [*Ончуко́в 1901*, с. 452].

Николай Евгеньевич Ончуко́в (1872–1942).
Снимок из Свода русского фольклора [Свод 2001]

И вот в 1902 году Николай Евгеньевич отправляется на Печору за былинами. Приехав в самом конце Великого поста, 12 апреля, он записывает сначала устьцилёмских и пи́жемских сказителей и остаётся в Усть-Ци́льме ждать, пока тронется Печора. А тронулась она в тот год 14–16 мая в Усть-Ци́льме и 26–28 мая в Пустозе́рске [*Ончуко́в 1902-2*, с. 359]. После вскрытия Печоры и до Петрова дня, то есть между 28 мая и 29 июня 1902 года и были сделаны самые старые записи нижнепечорских былин. Точных дат, когда он работал с тем или иным былинщиком, Ончуко́в не приводит.

Время для записи былин было не самым подходящим. Вот как об этом пишет сам собиратель: «По вскрытии Печоры, когда я поехал в Пустозе́рскую волость, уже многих из хороших сказа́телей[9] я не застал дома. <…> Но с грехом пополам дело ещё можно было вести до Петрова дня. <…> В Пустозе́рской волости многие с очищением Печорской губы

[8] Поездка на Печору состоялась благодаря поддержке Отделения этнографии Императорского русского географического общества и Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Помимо былин Ончуко́в записал тогда баллады, исторические песни, духовные стихи, небылицы, обрядовые песни, сказки. Эти материалы опубликованы в его книгах: «Печорские былины» [*Ончуко́в 1904*], «Печорские стихи и песни» [*Ончуко́в 1908*], «Северные сказки» [*Ончуко́в 1909*].

[9] Помимо слова «сказа́тель» у Ончуко́ва встречаем также «скази́тель», «ста́ринщик» и «были́нщик».

ото льда, а с Петрова дня все безусловно заняты или ловлей сёмги, или отправляются в губу за рыбной и звериной ловлей. Вообще в обеих волостях с Петрова дня не до пения ста́рин» [*Ончуко́в 1902-2*, с. 360].

В итоге шесть сказителей-нижнепечорцев напели Ончуко́ву 18 былин[10]:

1) Павел Григорьевич Ма́рков в О́ксине (из Бедово́го) (7 былин, 1229 стихов);

2) Николай Петрович Шалько́в в Великой Ви́ске (местный) (5 былин, 814 стихов);

3) Степан Фёдорович Хабаро́в на тони́ (из Пы́лемца) (2 былины, 579 стихов);

4) Алексей Иванович Дитя́тев в Великой Ви́ске (местный) (1 былина, 318 стихов);

5) Василий Артамо́нович Ни́конов в Пустозе́рске (из Нары́ги) (2 былины, 115 стихов);

6) Парасковья Ивановна Шевелёва в Ку́е (родом из По́йлова) (1 былина, 153 стиха).

По возвращении в Петербург Николай Евгеньевич сразу же публикует в журнале «Живая старина» статью «Былинная поэзия на Печоре» [*Ончуко́в 1902-2*], в которой рассказывает о своей поездке и о своём удивительном открытии. Он отмечает, что древняя былинная поэзия ещё жива на Печоре, но постепенно приходит в упадок и весьма скоро исчезнет совсем. Возможно, надеясь, что кто-то продолжит его дело и тоже отправится на Печору за словесным жемчугом, Ончуко́в подробно описывает, как добраться туда из Петербурга, в какое время года надо ехать, даёт характеристику печорцам, а также советует, как держать себя с ними, чтобы записать былины. Собиратель сообщает, какие ста́рины у опрошенных им сказителей он не записал, и приводит целый список пустозёров, с которыми он не виделся, но на которых ему указывали как на сказителей былин. Ончуко́в также добавляет: «Можно наверное сказать, что не все ста́ринщики ещё попали в составленный мною список».[11]

Обнаружив живую самобытную эпическую традицию на Нижней Печоре, Николай Евгеньевич записывает только избранные её образцы, оставляя обширный фронт работ для «будущих экскурсантов на Печору». Однако эта богатая, ещё весьма яркая устная литература начала XX века за редким исключением так и не дождалась своего второго собирателя. Тем самым материалы, собранные Ончуко́вым, оказались уникальным свидетельством о самом раннем по времени записи былинном творчестве нижнепечорцев и бесценным вкладом в дело сохранения русского народного эпоса.

---

[10] Следует уточнить, что №3 — это только начало ста́рины, а №№1 и 17 могут считаться и отдельными ста́ринами, и частями ста́рин. Но во всех подсчётах для простоты означенные номера проходят как ста́рины. Также упомянем здесь, что Ончуко́вым были записаны былины от Анкуди́на Ефимовича Осташо́ва из села Заме́жное на Пи́жме, которые имеют некоторое отношение к Нижней Печоре. Дело в том, что этот сказитель много странствовал и некоторые былины слышал в Пустозе́рске [*Ончуко́в 1904*, с. 37]. Однако Анкуди́н Ефимович учился сказывать также и дома, на Пи́жме, и в других местах, где бывал, и выявить именно нижнепечорскую составляющую в его ста́ринах весьма затруднительно, если вообще возможно. Поэтому его былины в нашем издании не учитываются.

[11] Смотри: Приложение 3. Незаписанные сказители Нижней Печоры.

1. Павел Григорьевич Ма́рков

Это худенький, маленький, тщедушный старичок 76 лет, типичный пустозёр. Говорит тенорком, сладким певучим голосом. Он сирота, то есть беден, а также и вдов. Родом из деревни Бедово́й, где и прожил всю жизнь. Но я его встретил и ста́рины у него списал в селе О́ксине, где он домовничал у родной дочери, которая со своим мужем отправилась «промышлять» в Печорскую губу. Зять — такой же бедняк. И вот Павел Григорьевич живёт на краю села в маленькой избушке, возится с двумя внучатами, присматривает за коровой, которую и кормит, и доит сам. За это он получает бесплатную квартиру с дровами и, кажется, хлеб от зятя, а на приварок зарабатывает тем, что пускает в маленькую хибарку, где живёт, ещё и квартирантов, плотников-зырян, строящих что-то в О́ксине, и варит им пищу.

Павел Григорьевич очень религиозен, он яро настроенный старообрядец. Бедова́я — единственная деревня в Пустозе́рской волости, где раскол держится открыто и известен официально. Потому-то эту единственную больную овцу в «православном» пустозерском стаде усердно навещает миссионер, и потому-то, может быть, Павел Григорьевич так яро настроен: он положительно не может говорить равнодушно о Ни́коне, об Авва́куме; последнего он прекрасно знает и называет не иначе как «Авва́кум Петрович» и много, подробно и с жаром о нём рассказывает [*Ончуко́в 1904*, с. 330, 331].

Павел Григорьевич, как и другой ста́ринщик-пустозёр, Василий Артамо́нович Ни́конов из Нары́ги, рассказывал об Иване Грозном так, как будто царь этот жил на его памяти, лет 30 назад. Марков, например, упорно передавал мне местное предание, что пустозёры — новгородцы, бежавшие из Великого Новгорода во время известных казней Ивана Грозного. Он отрицал даже, что его родная деревня Бедова́я — выселок из Пустозе́рского остро́га. Он утверждал, что Бедова́я, да и некоторые другие деревни заселились непосредственно выходцами из России. Для подтверждения его рассказа нет данных, кроме преданий, передаваемых, правда, очень упорно и не мне одному [*Ончуко́в 1904*, с. XIV].

Ста́рины Павел Григорьевич знает прекрасно и довольно легко и охотно согласился петь мне их, совершенно неожиданно найдя в этой нетрудной для него работе кой-какой заработок. Как и многие из моих сказителей, Павел Григорьевич во время пения ста́рин что-нибудь делал: обыкновенно или ткал нитки для сети, или вязал эту самую сеть [*Ончуко́в 1904*, с. 331].

Павел Григорьевич Ма́рков сообщил о своём знании 10 былин[12], из которых Ончуко́в записал 5 полностью и 2 частично (всего 1229 стихов):

1) Рождение Вольги́ (записана полностью, но может рассматриваться и как начало более полного сюжета);

2) Ту́ры златорогие и Ску́рлат-царь (Василий Игнатьевич) (записано лишь начало ста́рины);

3) Васи́лей Касими́рович;

4) Олёша и Туга́рин (записана);

5) Дуна́й Иванович (записана не с начала);

6) Иван Горде́нович;

7) Соло́ман;

8) Василей Бусла́евич набирает дружину и бьётся с новгородцами (записана);

9) Василей Бусла́евич едет в Еруса́лим (записана);

10) Садко́ (записана).

---

[12] От этого сказителя Ончуко́в также записал и опубликовал старшие исторические песни и духовные стихи, обрядовые песни и сказку [*Ончуко́в 1904*; *Ончуко́в 1908*; *Ончуко́в 1909*].

1. Рождение Вольги́

Ко́гды на́ небе роди́лся светёл месе́ц,
то́гды на Руси роди́лся могуч богаты́рь,
моло́дыи Во́льгя Всеславьевич.

Рыба отступила во морску́ глубину,
всё слы́шамши на Руси бога́тыря,
молодо́го бы Во́льгу Всеславьевича.

Птиця солеталась по подне́бесью,
всё слы́шачи на Руси бога́тыря,
молодо́го Во́льга Всеславьевича.

То́нки горностали — во сыру́ землю́,
всё слы́шачи на Руси бога́тыря,
молодо́го Во́льию Всеславьевича.

Да бу́ры леси́цы — по темны́м лесам,
всё слы́шачи на Руси бога́тыря,
молодо́го Во́льию Всеславьевича.

Да в та́ поры́ Во́льиина матушка
ходила она по всим по церьквям,
служила молебны почесныя.

В пе́рвых просила нынь у Господа:
«Дай Бог моему-де цяду милому,
молодому Во́льии Всеславьевичу,
да ту́лово ему бы Светогорово».

В други́х бы просила нынь у Господа
да сила Самсона Колыбановиця.

«Дай Бог моему-де цяду милому,
молодому Во́льи Всеславьевицю,
да конь бы Ильи́, да И́льи Муромца.

Дай Бог моему-де чаду милому,
молодому Во́льии Всеславьевичу,
кафтан бы ему Дюка́ Стёпа́новиця.

Дай Бог моему-де цяду милому,
молодому бы Во́льге Всеславьевичу,
сапожки Чури́ла бы Плёнковича.

Дай Бог моему да чаду милому,
молодому бы Во́льие Всеславьевичу,
шапка Кузе́нка Сибирча́женина.

Дай Бог моему-де цяду милому,
молодому бы Во́льге Всеславьевичу,
рукавичи Каза́рина Петровиця.

Дай Бог моему-де цяду милому,
молодому бы Во́льге Всеславьевичу,
сме́тка Олёши нынь Поповича.

Дай Бог моему да цяду милому,
молодому бы Вольие Всеславьевичу,
ве́шво Добрынюшки Микитиця».

Да в та́ поры́ Во́льия Всеславьевич
училса бы в во́льнём море щукой ходить,
училса бы по подне́бесью птицею летать,
училса бы по полю лютым зверем рыскати.

2. Олёша и Туга́рин

Из да́лече-дале́че, из чиста́ поля́
тут едут уда́лы два мо́лодца,
едут конь-о́-конь да седло́-о-седло́,
узду́-о-узду́ да тосмя́нную.

Да сами меж собой разговаривают:
«Куды нам ведь, братцы, уж как ехать будёт?
Нам ехать, не ехать нам в Су́здал-град?

Да в Суздале-граде питья много́,
да бу́дёт добрым мо́лодцам испропи́тисе,
пройдёт про нас славушка недобрая.

Да ехать, не ехать в Чернигов-град?
В Чернигове-граде девки хороши,
с хорошими девками спозна́тца будёт,
пройдёт про нас славушка недобрая.

Нам ехать, не ехать во Киев-град?
Да Киеву-городу на о́борону,
да нам, добрым мо́лодцам, на вы́хвальбу».

Приезжают ко городу ко Киеву,
ко тому жё ко князю ко Владымиру,
ко той жё ко гри́денки ко све́тлоей.

Става́ют молодцы́ да со добры́х коней
да ме́цют коней своих невязаных,
некому́-то коней да неприказанных,
некому́-то до коней да, право, дела нет.

Да лазят во гриденку во светлую,
да крест-от кладут-де по-писа́ному,
поклон-от ведут да по-учёному,
молитву творят да всё Ису́сову.

Они бьют челом на вси чёты́ри стороны,
а князю с княгиней на осо́бинку:
«Ты здраствуй, Владымир Стольнoки́евской,
ты здраствуй, княгина мать Апра́ксия!»

Говорит-то Владымир Стольнoки́евской:
«Вы здраствуйте, уда́лы до́бры мо́лодцы!

Вы какой жё земли, какого города,
какого отца да какой матушки,
как вас, молодцо́в, да именём зовут?»

Говорит тут уда́лой до́брой мо́лодец:
«Меня зовут Олёшой нынь Попо́вицём,
попа бы Лево́нтья сын Ростовского,
да другой-от Еки́м, Олёшин па́робок».

Говорит тут Владымер Стольнoки́евской:
«Давно про тя весточкя прохаживала,
случилосе Олёшу в очи видети.

Да пе́рво те место да подле́ меня,
друго́ те́бе место супроти́в меня,
тре́тьё те́бе место, куды сам ты хошь».

Говорит-то Олёшенька Поповиц-от:
«Не се́ду я в место подле́ тебя,
не се́ду я в место супроти́в тебя,
да се́ду я в место, куды сам хощ́о.

Да седу на пецьку на мура́вленку,
под кра́сно-хоро́шо под трубно́ окно».

Немножко поры-де миновалосе,
да на́ пету гри́ня отпираласе,
да ла́зат-то цюдо́ пога́ноё,
собака Туга́рин был Змеевич-от.

Да Богу собака не мо́литче,
да князю с княгиной он не кла́нетче,
князьям и боярам он челом не бьёт.

Вышина́ у собаки видь уж трёх сажён,
ширина у собаки видь двух охва́т.

Промежу́ ему глаза да пядь бумажная,
промежу́ ему ушей да калена́ стрела.

Садилса собака он за ду́бов стол,
по праву́ руку́ князя́ он Владымира,
по леву́ руку́ княгины он Апра́ксии.

Олёшка на за́печье не у́терпел:
«Ты ой есь, Владымир Стольнoки́евской,
али ты с княгиной не в любе́ живёшь —

Промежу́ вами́ чудо́ сидит поганое,
собака Туга́рин-от Змеевич-от?»

Принесли-то на стол да как белу́ лебе́дь,
вынимал-то собака свой була́тен нож,

Поддел-то собака он белу́ лебе́дь,
он кинул, собака, ей себе в гортань,

Со щеки-то на щёку перемётыват,
лебе́жьё косьё да вон выплю́ иват.

Олёша на за́печье не у́терпел:
«У мое́го у света у батюшка,
у попа́ у Лево́нтья Ростовского,
было ста́ро собачишшо дворо́вое.

По подсто́лью собака волочиласе,
лебе́жею ко́сью задавиласе,

Собаки Туга́рину не минуть того,
лежать ему во да́лече в чисто́м поле́».

Принесли-то на стол да пирог столово́й,
выма́л-то собака свой була́тен нож,

Поддел-то пирог да на була́тен нож,
он кинул, собака, себе в гортань.

Олёшка на за́печье не у́терпел:
«У мое́го у света у батюшка,
у попа́ у Лево́нтья Ростовского,
было ста́ро коро́вишшо дворовое.

По двору-то корова волочиласе,
дроби́ной корова задавиласе,

Собаки Туга́рину не минуть того,
лежать ему во да́лечем чисто́м поле́».

Говорит-то собака нынь Туга́рин-от:
«Да что у тя на за́печье за смерд сидит,
за смерд-от сидит, да за засе́льшина?»

Говорит-то Владымир Стольнoки́евской:
«Не смерд-от сидит да не засе́льщина,
сидит ру́ськёй могу́чёй да бо́гатырь,
а по имени Олёшенькя Попович-от».

Выма́л-то собака свой була́тен нож
да кинул, собака, нож на за́печьё,
да кинул в Олёшеньку Поповиця.

У Олёши Еки́мушко подхва́дчив был,
подхватил он ведь но́жицёк за че́решок.

У ножа были́ припо́и нынь серебрены,
по весу-то припо́и были́ двенадцеть пуд.

Да сами они-де похваляютца:
«Здесь у нас дело зае́зжёе,
а хлебы у нас здеся завозныя,
на вине-то пропьём, хоть на калаче проедим».

Пошёл-то собака из застолья вон,
да сам говорил-де таковы́ речи́:
«Ты бу́дь-кё, Олёша, со мной на́ полё».

Говорит-то Олёша Поповиць-от:
«Да я с тобой, с собакой, хоть топе́ре готов».

Говорит-то Еки́мушко да па́рубок:
«Ты ой есь, Олёшенькя, назва́ной брат,
да сам ли пойдёшь али меня пошлёшь?»

Говорит-то Олёша нынь Поповиць-от:
«Да сам я пойду, да не тебя пошлю.

Да силы у тя дак есь ведь с два меня,
а смёточки и половины нет».

Пошёл-то Олёша пеш дорогою,
настре́ту ему идёт назва́ной брат,
назва́ной-от брат и́дет Гу́рьюшко.

На ногах несёт по́ршни кабан-зверя́,
на главы́ несёт шело́н зе́мли Греческой,
во руках несёт шёлы́гу подорожную.

По весу была шёлы́га девеносто пуд,
да той же шёлы́гой подпираетца.

Говорит-то Олёшенька Попович-от:
«Ты здраствуй, ты мой ты назва́ной брат,
назва́ной ты брат да ведь уж Гу́рьюшко!

Ты дай мне-ка по́ршни кабан-зверя́,
ты дай мне шёло́н зе́мли Греческой,
ты дай мне шёлы́гу подорожную».

Наложил Олёша по́ршни кабан-зверя́,
наложил Олёша шёло́н зе́мли Греческой,
в руки взял шёлы́гу подорожную.

Пошёл-то Олёша пеш дорогою
да этой шёлы́гой подпира́етце,
он смотрел собаку во чисто́м поле́.

Лета́ёт собака по подне́бесью,
да кры́лье́ у коня ноньце́ бума́жноё.

Он в та́ поры́ Олёша сын Поповиць-от,
он молитця Спасу Вседержи́телю,
чу́дной Мати Божей Богородици:

«Уж ты ой еси, Спас да Вседоржитель наш,
чу́дная есть Мать да Богородиця,

Пошли, Господь, с неба крупна́ дожжа́,
подмочи, Господь, кры́лье́ бума́жноё,
опусти, Господь, Туга́рина на сыру́ землю́».

Олёшина мольба Богу дохо́дна была,
послал Господь с неба крупна́ дожжа́,
подмочилось у Туга́рина кры́лье́ бума́жноё,
опустил Господь собаку на сыру́ землю́.

Да е́дёт Туга́рин по чисту́ полю́,
крычит он, зычит да во всю го́лову:

«Да хошь ли, Олёша, я конём стопчу,
да хошь ли, Олёша, я копьём сколю,
да хошь ли, Олёша, я живко́м сглону́?»

На то-де Олёшенькя ведь вёрток был,
подвернулса под гриву лошадиную.

Да смотрит собака по чисту́ полю́,
да где-де Олёша нынь стопта́н лежит.

Да в та́ поры́ Олёшенька Поповиць-от
выскакивал из-под гривы лошадиноей,
он ма́шёт шёлы́гой подорожною
по Туга́риновой-де по буйно́й головы́.

Покатилась голова да с плець, как пуговиця,
свалилось трупьё да на сыру́ землю́.

Да в та́ поры́ Олёша сын Поповиць-от
има́ёт Туга́ринова добра́ коня.

Лево́й-то рукой да он коня дёржи́т,
право́й-то рукой он трупьё секёт.

Россе́к-то трупьё да по мелку́ часью́,
розмета́л-то трупьё да по чисту́ полю́.

Поддел-то Туга́ринову буйну́ голову́,
поддел-то Олёша на востро́ копьё,
повёз-то ко князю ко Владымеру.

Привёз-то ко гри́денке ко светлоей
да сам говорил-де таковы речи́:

«Ты ой есь, Владымир Стольнoки́евской,
бу́де нет у тя нынь пивна́ котла,
да вот-те Туга́ринова буйна́ голова.

Бу́де нет у тя дак пивны́х бо́льших чаш,
дак вот те Туга́риновы есны́ оци́.

Бу́де нет у тя да больши́х блю́дишшов,
дак вот те Туга́риновы больши́ у́шишша.

3. Ту́ры златорогие и Ску́рлат-царь (Василий Игнатьевич)

«Вы ой ли, мои да два гнеды́ тура́,
два гнеды́ тура́, да два милы́ чада́,
вы где были, ту́ры, да цего видели?»

Говорят-то туры́ да златорогие:
«Ты, свет государына наша матушка,
гнедая тури́ца златорогая,

Мы были, туры́, и во Ча́хове,
во Ча́хове были мы, во Ля́хове.

Идём нынь из города из Киева,
да Киев-от-город полночь прошли.

Да такого чуда не видели,
да такого дива мы не слы́хали.

Середи́ было города, се́редь Киева,
тут столб-де стоял, да столб бы о́гненной,
от сырой-де земли столб бы до́ неба.

Шли мимо це́ркёв мимо Божью тут,
отворились воро́та нынь церкёвныя,
выходила деви́ца ду́ша красная.

Во руках выносила книгу́ Божественну,
Божественну кни́гу Ева́нгельё,
она сто́льки не чтит, са́ма вдво́ё плачёт».

Говорит-то тури́ца златорогая:
«Вы глу́пы, туры́, да дети малыя.

Не столб-де стоял, да столб не о́гненной,
от сырой земли да столб бы до́ неба,

Подымаетце светыня нынь из Киева,
подымаетце светыня ныньце на́ небо,

Всё цюет над городом несгодушку,
всё цюет над Киевом великую.

Подыматця собака злодей Ску́рла-царь,
со зе́тем, собака, он со Кы́ршаком,
да с сыном, собака, со Конча́льничкём.

Их сорок царей, соро́к царевичей,
их сорок королей, сорок королевичей.

На всякого царя да силы по три тьмы,
на царевичей да по три тысечи.

На всякого короля да у их по три тьмы,
на всякого королевиця по три тысечи.

Да всей у их силы нынь неверноей,
да всей у их силы чи́сла-смету нет.

Да великим-то днём да нынь межённыим,
да чёрному ворону не о́блетати,

Осённою ночью нынь тёмною,
осённою ночью нынь межённою,
да серому волку не о́брыскати.

Да глу́пы туры́, да дети малыя,
не деви́ця-та ищэ да душа красная,
тут шла Пресвята Мать Богородица,
во руках несе́т книгу́ Божественну.

Она чу́ёт над городом несгодушку,
она чует над Киевом великую.

Как Киев-от-город хотят в полон бы взять,
да церкви-ти Божии на дым спустить,

Иконы-ти Божьи на попла́в реки,
православную веру облаты́нить всю,

Да князя Владымира во грезь втоптать,
княгину Апра́ксию за Конча́льничкя взять».

Да в та́ поры́ собака злодей Ску́рлат-царь
садилса, собака, на реме́щат стул,
писал бы ерлы́к, да ско́ру грамоту
ко тому-то князю́ ко Владымиру.

Выбирал он, собака, триста послов,
из триста послов да он тридце́ть послов,
из три́дцеть послов да он ведь трёх послов,
из трёх бы послов да одного посла,
он выбрал тотарина неми́лослива.

Да сам он послу своему наказыват:
«Ты ой, мой посол, да ско́рыи гоне́ч,
ты полём-то едь, да не дорогою,
да во город-от лазь-ко не воро́тами.

Скачи через стену городо́вую,
у дверей не спрашивай придве́рничкёв,
у ворот не спрашивай приворо́тничков».

4. Дуна́й Иванович

Выходили уда́лы до́бры мо́лодцы,
выходили молодцы́ да вон на улицу,

Седлали-уздали бы добры́х коней
во ту же узду да во тосмя́нную,
во то же седёлышко тоцёное.

Двенадцеть кладут подпруг шёлковых,
тринадцету кладут чересхребётную,

Не ради басы́, всё ради крепости,
ради пры́тости лошадиноей,
не оставил бы до́брой конь в чисто́м поле́.

Не видели поездки богатырскоей,
только видели их, как в стремена ступили.

Скопо́тили желты́ пески сыпучия,
не видно ходе́ча кра́сна солнышка.

Они до́лго ли ехали, коро́тко ли,
не дошёд было города Лехови́тского,
становились молодцы́ да во чисто́ поле́.

Говорит-то Дунай да сын Ивановиц:
«Ты ой еси, Добрынюшка Микитиць блад,
останся ты э́тта во чисто́м поле́.

Оставляю я те да нынь проме́тоцькю,
поставлю копьё я вверх тупым кончём.

Положу на копе́йчо я копе́ечкю,
да ту же копеечкю сере́брену.

Когды́ это копе́йчо да зашатаеце,
поте́мнит бы копе́ечка сере́брена,
я буду у казни у сме́ртноей.

Гони ты, Добрыня, скоро-на́скоро,
заставай меня живого до́бра мо́лодца».

Да поехал Дунай в город Леховицкия,
ко тому же Семёну Леховитскому.

Приезжает ко городу Леховитскому,
ко той же ко гри́денки ко светлоей.

Ставáёт Дунай да со добрá коня,
он лазит во гри́денку во светлую.

Да Богу моли́тьсе у их не́кому,
то́льки бьёт челом на вси чёты́ри сто́роны,
самому-то Семёну на осо́бинку:
«Ты здравствуй, Семён да Леховитския!»

«Ты здравствуй, Дунай да сын Иванович!
Куды́-то ты е́дёшь, куды́ путь держи́шь?
Кабы мне-ка ты приехал в услуженьицо?»

Говорит-то Дунай да сын Ивановиц:
«Не тебе я приехал в услуженьицо,

Приехал я к те да нынь посвататьсе
на той Опросе́ньи дочь Семёновны
за того же ли за князя за Владымира».

Говорит-то Семён да Леховитския:
«Ты ой есь, Дунай да сын Ивановиц,
не ста́ра бы заслуга твоя прежная,
отсек бы я у тя да по́ плець голову».

Говорит-то Дунай и во второй нако́н,
говорит-то Дунай да не с упáдкою.

Он топнул-то правой ногой во кирпи́щат пол,
подрожали пола́ты кнеженé́вския.

Да сам говорит-де таковы́ реци́:
«Отдашь бу́де че́сью, возьму с ра́досью,
не отдашь бу́де че́сью, возьму не́честью.

Мы всё твоё царсво под мець вы́клоним,
заморим мы тя в злодейке земляно́й тюрьмы́».

Да тут бы Семён да осержáетце,
скакал бы Семён да на резвы́ ноги́,
выбегал бы Семён да вон на у́лечу.

Играл бы Семён да он во ту́рей рог,
нагони́л силы многим множество.

Сохвата́ли уда́ла до́бра мо́лодца,
свеза́ли во пу́тенки шелко́выя.

Садили на тележку-двоеко́лочкю,
повезли-то ко казни ко сме́ртноей,
ко сме́ртноей казни, к позо́рноей:

Речи́стой язык да вынеть те́менём,
да я́сны-ти о́ци-ти коси́чами,
рети́вое са́рцо промежу́ плецьми́.

По праву руку́ и́дёт силы сорок тысецей,
по леву руку́ идёт сорок тысецей,

Переде́-то его да чи́сла-сме́ту нет,
позаде́-то его да чи́сла-сме́ту нет,
кабы пла́цёт Дунай, да как река тецёт.

Немножко поры-де миновалосе,
у Добры́нюшки копе́йчо зашаталосе,
поте́мнила бы копе́ечка сере́брена,
наезжает Добрынюшка Микитиць блад.

У я́сна со́кола да кры́льё о́тросло,
у до́бра мо́лодца вдво́ё силы при́было.

Разрывал-то он пу́тенки шелко́выя,
скакал-то Дунай да на резвы́ ноги́,
ухватил-то тележку-двоеко́лочкю.

Да вперёд-де махнёт, дак ле́жит у́лича,
наза́дь отмахнёт — с переулками.

Добира́етче Дунай-де до добра́ коня,
добралса Дунай-де до добра́ коня.

Садилса Дунай-де на добра́ коня,
они секли, рубили до единого.

Выходил Семён да вон на уличу,
кла́нетця им да понижёшенькю.

«Вы ой есь, уда́лы до́бры мо́лодцы,
вы си́льни могуци руськи́ бога́тыри,

Умирите-тко се́рчо своё рети́воё,
оставте хоть малого, либо старого».

Умирилисе уда́лы до́бры мо́лодцы,
приезжают ко гри́денки ко светлоей.

Срежа́тча Опросе́нья дочь Семёновна,
да пла́цёт Опросе́нья, как река тецёт.

«Кабы моя да нынь родна́ сёстра́,
кабы та же Настасья дочь Семёновна,
ты ой есь, Дунай да сын Ивановиць,
кабы она бы с тобой да поотведалась».

Среди́лись уда́лы до́бры мо́лодцы,
посадил Дунай да позади́ себя,
посадил Опроси́нью дочь Семёновну.

Поехали уда́лы до́бры мо́лодцы,
поехали они да в сто́льнё Киев-град.

Они до́лго ли ехали, коро́тко ли,
нашли они и́скопыть конинную.

Говорит-то Дунай да сын Иванович:
«Ты ой есь, Добрынюшка Микитиць блад,
посажу я те Опроси́нью нынь назад в седло́,
ты поедь-то, Добрыня, в сто́льнё Киев-град.

А назад-то суда не воро́чайся,
я поеду по и́скопоти конинноей.

Он поехал, Дунай да сын Иванович,
он до́лго ли ехал, нынь коро́тко ли.

Заздри́л, на чи́стом по́ли стоит чёрн шатёр,
приехал ко шатру да нынь ко чёрному.

Он откинул по́лу ие́ левую,
заходит Дунай да нынь во чёрн шатёр.

Да спит-то Настасья не пробудитце,
лёжи́лса Дунай ей на праву́ руку́.

Разбужа́тча Настасья дочь Семёновна,
схватила Настасья нынь востру́ саблю́,
сдыма́ла Настасья выше го́ловы,
остоялась рука, да рука правая.

Как будит Настасья дочь Семёновна,
разбужаетця Дунай да сын Ивановиць.

Выходили они да вон на улечу,
схватился Дунай да со Настасьюшкой.

Они до́лго ли води́лисе, коро́тко ли,
сысполнилось вре́мё трои сутоцьки.

Как ме́цёт Настасьюшка Дунаюшка,
как метала Настасья на сыру́ землю́,
садилась ему дак на белы́ груди́.

Немного поры́ дак миновалосе,
наезжает Добрынюшка Микитиць блад
да сам говорит-де таковы́ реци́:

«Ты ой есь, Дунай да сын Ивановиць,
нам не чесь-то, хвала да молодецкая,
не выслуга бу́дёт богатырская
лёжа́ть-де под гузно́м нынь под бабьим тим.

Да баба-то, пра́во, нынь задо́м пухла́,
треси́ ей за пе́льки, пинай по́д гузно́».

Дунай тряс ей за пе́льки, пинал по́д гузно́,
слетела Настасья со Дунаюшка.

Скочил-то Дунай на резвы́ ноги́,
садился Дунай ей на белы́ груди́,

Да хо́цёт пороть-де гру́ди белыя,
да хо́цёт смотреть да ретиво́ серцо́.

Да пла́цёт Настасья, как река тецёт,
сама говорит таковы́ реци́:

«Ты возьми меня, Дунай, да во супружесво,
принесу я те два уго́дья, два великия,
два-ти жё, два сына, два любимыя.

По коле́н-то ноги да будут в золоте,
по локо́т-то ведь будут руки в се́ребре.

Во лбу-то ведь бу́дёт кра́сно солнышко,
в тылу́-то ведь бу́дёт блад светёл месе́ц.

По коси́чам-то будут тут есны́ зори́,
по верхо́вишшу будут ча́сты зве́здочки».

Говорит тут Добрынюшка Микитиць блад:
«Прости ее́, бабу, во перво́й вины́».

Ставáет Дунай дак на резвы́ ноги́,
берёт-то Дунай дак за белы́ руки́,
челу́ёт Настасью в сахарны́ уста,
поехали они вси в сто́льнёй Киев-град.

Приехали они да в сто́льнёй Киев-град,
стрецяют-то их да кнéзи-бóяра,
да сильны могучия багáтыри.

Стреця́ёт Владимир Стольноки́евской,
берёт Опроси́нью за белы́ руки́,
челу́ёт Опроси́нью в сахарны́ уста.

Крещёна Опроси́нья, миром не мáзана,
заводили во цéрквю во Бóжью тут,
мазали ведь миром православныим.

Ставал-то Владымир на подно́жек-от
со той Опроси́ньей дочь Семёновной.

Спринимал-то Владымир золоты́ венчи́
со той Опроси́ньей дочь Семёновной.

Выпивал-то Владымир чару заздравную
со той Опроси́ньей дочь Семёновной.

Пошёл-то Владымир он из церкви вон,
заходили во полаты белокаменны,
да пир-от пошёл, пир навéсело.

Обвенчался Дунай да сын Ивановиц,
обвенчался Дунай да со Настасьюшкой.

Да вси на пиру да пья́ны-вéселы,
да вси на пиру да прирасхвастались.

Как хвастат Дунай да сын Иванович:
«Я горазд-де, Дунай, да во приме́т стреле́ть».

Говорит-то Настасья дочь Семёновна:
«Ты не хвастай, Дунай да сын Иванович,

Сама я, Настасья, не хиле́ тебя
да стреле́ть во приме́тоцьки приме́тныя».

Кабы тут-то Дунай да осержáетце,
выходил-то Дунай да вон на улицу.

Да сам говорит да таковы реци́:
«Выходи-тко, Настасья дочь Семёновна».

Выходила Настасья вон на улицу,
относила приме́тоцьку в чисто́ полё,
да ту же приме́тоцьку, злаче́н персте́нь.

Нате́гивала Настасья свой ведь ту́гой лук,
кабы стре́лила Настасья во чисто́ полё,
да в ту же приме́тоцьку, злаче́н персте́нь,
простре́ли́ла Настасья свой злаче́н персте́нь.

Осержа́етце Дунай да сын Иванович,
поводит Настасью во чисто́ полё.

Угоовариват Солнышко Владимер князь,
угоовариват Опроси́нья дочь Семёновна:

«Ты ой есь, Дунай да сын Иванович,
умири свое са́рцо нынь ретивое,
прости ее́, бабу, во перво́й вины́».

Богатырское серцо-то запла́ивчиво,
не ми́ритче Дунай да сын Иванович.

Как пла́цёт Настасья, как река течёт,
сама говорила таковы речи́:

«Прости меня, Дунай, да во перво́й вины́,
не стреляй меня, Дунай да сын Иванович.

Да есь два уго́дья во мне великия,
два чада жё, два чада, нынь два милыя,
два чада жё, два сына, два любимыя.

По коле́н-то у их ноги в золоте,
по локо́т-то у их руки в се́ребре.

Во лбу-то у их кра́сно солнышко,
в тылу́-то у их светёл месе́ц.

По коси́чам у их есны́ зори́,
по верхо́вишшу частыя зве́здочки.

Не слу́шаёт Дунай да сын Иванович,
он клал ей ведь на голову золото́ кольчо.

Он ей стре́лил, Дунай, в золото́ кольчо,
прострели́л Дунай ей гру́ди белыя.

Розломил-то у ей да грудь он белую,
розрубил-то у ей да ретиво́ сарцо́,
смеша́л-то ей да кров со печенью.

Он увидел у ей два уго́дьича,
два-ти жё, два чада, нынь два милыя,
два-ти жё, два сына, два любимыя.

По коле́н-то у их ноги в золоте,
по локо́т-то у их руки в се́ребри.

Во лбу-то у их кра́сно солнышко,
в тылу́-то у их светёл месе́ч.

По коси́чам у их есны́ зори́,
по верхо́вишшам частыя зве́здочки.

Богатырско се́рцо нынь заплы́вчиво,
изуставил Дунай своё востро́ копьё,
изуставил Дунай да всё во бе́лу грудь,
кабы ткнул копьём себе в бе́лу грудь.

Ищэ поворо́титця у Дуная е́зык в го́ловы:
«Где пала-то ныньце бела́ лебе́дь,
да пади-косё тут да и есе́н соко́л».

5. Василей Буслаевич набирает дружину и бьётся с новгородцами

Сидел Василей сын Буслаевич,
они пили-де, ели, потешалися,
о полу́-де пира́ да прирасспо́рили.

Ударилса Василей сын Буслаевич,
ударилса Василей о вели́к закла́д

Битьцэ бы, дратьця с Новым городом,
опри́чь Онто́ньева мона́стыря,
задор возьмёт, дак и с Онто́ньевым.

Говорит ему матушка родимая:
«Ты ой, мо́ё цядо ныньце милое,
ты бладо́й Василей сын Буслаевич,

Да жил-де Бусла́в да девеносто лет,
не имел-де Бусла́в девети друго́в,
имел Бусла́в дак он три друга́,
да три-то друга́ да три назва́нныя,
у тя, моё цядо, не единого».

В та́ поры́ Василей сын Буслаевич
устроил-то щан да середи́ двора,
спустил он ведь чашу полтора ведра.

Да в та́ поры́ Василей сын Буслаевич
садилса Василей на реме́щат стул,
писал ерлыки́ да ско́ры грамотки,
метал по дорогам прямоезжиим:

«Да шли бы, брели бы к Ваське́ на двор,
к молодому Ва́ське Буслаевичу,
бра́тчину пить бы медо́вую,
деньги платить бы единому мне-кава,
ножики доржа́ть-то переменныя».

Из того из Нова́-города́,
из того бою́ кулачного

Идут-то ши́льники, мы́льники, иго́льники,
всякия люди недобрыя.

На пир они шли, дак уж радовались,
с пиру́ пошли, дак нынь заплакали:

«Да у вора, у Васьки Буслаева,
не у́пито было, не уе́дено,
красно-хо́рошо было не ухо́жено,
только на́век увечья зале́зено».

Из того из Нова́-города́,
из того бою́ кулацьного
идёт-то ведь Костя Новото́рженин.

Да бу́дёт-то Костя середи́ двора,
говорит Василей сын Буслаевич:

«Не призне́ть тебе чаша едино́й рукой,
не выпить те мёд да едины́м духо́м,
не снести тебе удару богатырского».

Берёт-то ведь Костя едино́й рукой,
выпива́ёт-то мёд да едины́м духо́м.

Ма́шёт Василей черлёны́м везо́м
по его по буйной по го́ловы.

Стоит молоде́ч да не воро́хнетче,
на го́ловы кудерцы не трёхнутче.

Челом он ударил да ведь вон пошёл:
«Да будь ты мне, Васенькя, назва́ной брат».

Говорит-то Василей сын Буслаевич:
«Да паче ты брата родимого».

Из того-де из Нова́-города́,
как из того бою́ кулачного

Да бу́дёт тут нынь как Фома Толсто́й,
Фома-то Толсто́й сам Реме́сленной.

Да бу́дёт Фома и середи́ двора,
берёт-то ведь чашу едино́й рукой,
выпивает-то мёда едины́м духо́м.

Да ма́шёт Василей черлёны́м везо́м
да по его по буйно́й по головы́.

Стоит молоде́ц, не воро́хнетче,
на головы́ е́го ку́дерцы не трёхнутче.

Челом он ударил, сам и вон пошёл:
«Да будь ты мне, Васенькя, назва́ной брат».

Говорит-то Василей сын Буслаевич:
«Да паче ты брата мне родимого».

Из того-де из Нова́-города́,
как из того бою́ кулачного
идёт-то Потанюшка Хро́менькёй.

На одну ножку́ Потанюшка припа́дываёт,
на другу́ ножку́ Потанюшка прихра́мываёт.

Костылём бы Потаня подпираетца,
ко двору-то Потаня приближаетца.

Да бу́дёт Потаня середи́ двора,
берёт-то Потаня чашу едино́й рукой,
выпива́ёт-то мёд да едины́м духо́м.

Да ма́шёт Василей черлёны́м везо́м
по его по бу́йной по головы́.

Стоит молоде́ц, не воро́хнетче,
на го́ловы ку́дерцы не трёхнутче.

Челом он ударил да и вон пошёл:
«Да будь ты мне, Васенькя, назва́ной брат».

Говорит-то Василей сын Буслаевич:
«Да паче ты брата мне родимого».

На том бы пошли да вот во Новгород,
пришли-то ко стены городовоей.

Говорит-то Василей сын Буслаевич:
«Ищэ хто из нас, братцы, на ножку́ легóк?»

Да Потанюшка у нас на ножку́ легóк,
скакал через стену городóвую,
роздéргивал решёточки железныя,
отворил воро́та да горо́довыя,
запустил свою дружинушку хоробрую.

Да Костя прошёл, да тысяцю убил,
Фома-то прошёл, дак нынь другу́-ту убил.

А Василей сын Буслаевич
вперёд-де махнёт, дак ле́жит у́лича,
а назад отмахнёт — с переулками.

Кабы видят мужики да новгоро́жана,
они видят себе да неминучую,
побежали к Васильевой матушки:

«Ты ой есь, Васильева матушка,
чесна́ вдова Оме́льфа Тимофеевна,
уйми своя чада нонь любимого,

Оставь бы в Но́ве-го́роде хоть бы малого,
хоть бы малого да хоть бы старого».

Пошла-то Васильева матушка,
пошла-то она да на побоищо,
брала-то Василья за белыя руки́,
поводила Василья в тёплу ло́жню-ту.

Привела-то Василья в ло́жню тёплую,
сковала в железа нынь тяжёлыя,
в ножны́ и в руцьны́, нынь в запле́цныя,
да спит-то Василей, не пробу́дитце.

Да в та́ поры́ девушка-черна́вушка
пошла-то-де по́ воду на Волхову́-реку́,
вороти́ла к Василею Буслаевичу.

Как за́мкнут Василей ныньце в три замка,
как в три-ти замка да ныньце крепкия.

В та́ поры́ девушка-черна́вушка
она пнула-то двери право́й ногой,
отлетели-то двери с ободве́ринками.

Заходила-то девка в ло́жню тёплую,
сама говорила таковы реци́:

«Ты ой есь, Василей сын Буслаевич,
ты спишь-то, Василей, не пробудишьсе,

Как вся твоя дружинушка в крови́ ходи́т,
кушака́ми у ей головы приве́рчены».

Пробудилса Василей сын Буслаевич,
скакал-то Василей на резвы́ ноги́.

Он выломал железа нынь тяжёлыи,
ножны́ и ручны́, нынь заплечныи.

Побежал-то Василей на побо́ище,
на си́льнё, гро́зно, на крова́воё.

Настре́ту старик идёт Антоний-от,
на главы несёт колокол девеносто пуд,
язык в колоколе петьдесят пудов,
сам говорит да таковы реци́:

«Ты ой, Василей сын Буслаевич,
да молодо́ курё, не попа́рхивай.

Не выпить те воды да из Волхово́й-реки́,
не выбить те людей да из Нова́-города́.

Сызмалёшенькя в едином училище учился,
тогды́ мы с тобой боролисе,

Тогда я тебя часте́нькё побрасывал,
а ты меня тогды́-сегды́».

То Васьки слово́ за беду стало́,
за вели́ку досаду показалосе.

Побежал-то Васька́ нынь за Волхову́-реку́,
вырывал-то дубину он из корени,
он ма́шёт дубиной нынь с кокорою
по его по буйно́й по го́ловы,
покатилась голова с плеч, как пуговица.

Поворо́титце у старика еще язык в головы́:
«Топе́рь нету, Василей, тебе старо́го вожака».

Прибежал-то Василей на побоищо,
на си́льнё, гро́зно, на кроволи́тие.

Вперёд-то махнул, дак ле́жит у́лича,
назад отмахнёт — с переулками.

Дак ведь видят мужики новгоро́жана,
побежали к Васильевой матушки:

«Ты ой есь, Васильева матушка,
чесна́ вдова Омельфа Тимофеевна,
уйми сво́я ча́да любимого».

Говорит-то Васильева матушка:
«Вы ой есь, мужики новгоро́жана,
да что вы над чадом насмехаетесь?

У мня спит-то Василей крепко-на́крепко,
он скован в железа во тежёлыи,
во ножны́, во ручны́, во запле́чныи».

Пошла-то Васильева нынь матушка,
пошла-то она да в ло́жню тёплую,
как нету Василья Буслаевиця.

Побежала она да на побоищо,
на си́льно, гро́зно на кроволи́тиё.

Пришла она да на побоищо,
на си́льнё, грозно́ на кроволи́тие,

Не мо́жёт уне́ть цядо́ родимое,
схватила его за праву́ ногу́.

Говорит-то Василей сын Буслаевич:
«Да что за трепи́ча за ногой воло́читче,
да что за ону́ча привязаласе?»

Говорят мужики новгоро́жана:
«Ты ой есь, Василей сын Буслаевич,
уйми сво́е са́рцо рети́вое.

Не трепи́ча за тобой да воло́читче,
не ону́ча к тебе привязаласе,

Как воло́читче матушка родимая,
честна́ вдова Оме́льфа Тимофеевна».

Умири́лсэ Василей сын Буслаевич,
да сам говорит-де таковы речи́:

«Уж вы ой есь, мужики да новгорожана,
на то у нас был да, право, у́говор,

Обсы́пать бы мой да нынь черлёной вяз,
обсы́пать бы мне да красным золотом».

6. Василей Бусла́евич едет в Еруса́лим

Не бе́ла берёзонька к земли кло́нитце,
не бума́жноё ли́стьё росстила́ется,
кабы кланялса Василей своей матушки.

Он бы кланялса ие́ да во резвы́ ноги́
да сам говорил да таковы реци́:

«Ты свет государына мо́я матушка,
честна́ вдова Оме́льфа Тимофеевна,

Уж ты дай благословенье мне великое,
мне велико благословенье, вековецьное,
со буйно́й-то главы́ да до сырой земли,

Мне ехать, Василью, в Еросáлим-град,
свезти положе́ньичо немалое,
мне не мало положе́ньё — сорок тысечей».

Говорит государына е́го матушка,
честна́ вдова Оме́льфа Тимофеевна:

«Ты свет моё цядо но́ньце ми́лоё,
ты бладо́й Василей сын Буслаевич,

В Еруса́лим-град дороженькя не ближная:
кривой ездой ехать ровно три́ годы,
прямой ездой ехать нынь три месяца.

На прямоезжой дорожке есть суббо́й быстёр,
суббо́й-от быстёр, дак есь розбой вели́к».

Говорит государына е́го матушка,
честна́ вдова Оме́льфа Тимофеевна:
«Ко́му ду́мно спасатця, дак можно здесь спастись.

Туда много добрых молодцов ведь уж ха́живало,
назад молодцы не воро́чались».

Он кланелса, Василей, ей во вто́рой раз:
«Ты свет государына мо́я матушка,
честна́ вдова Оме́льфа Тимофеевна,

Уж ты дай благословенье мне великое,
великое благословеньичо, вековечное,
с бу́йноёй главы да до сырой земли,

Мне ехать, Василью, в Еросáлим-град,
святоей святыни помолитисе,
ко Господней гробни́чи приложитисе.

У мня смолоду было бито-граблено,
под старость-ту надо душа спасти.

Нас три́десять уда́лых до́брых мо́лодцов,
субо́й-от быстёр — дак мы пе́регребём,
розбой-от вели́к — дак мы поклонимсе».

Говорит-то Васильева матушка,
честна́ вдова Оме́льфа Тимофеевна:
«Ко́му ду́мно спастися, можно здесь спастись».

Он кланелся, Василей, во третéй нако́н:
«Ты свет государына мо́я матушка,
честна́ вдова Оме́льфа Тимофеевна,

Уж ты дашь, я поеду, и не дашь, я поеду,
не отстать мне-ка дружинушки хоро́броей,
мне три́десять уда́лых до́брых мо́лодцов».

Говорит государыня его матушка,
честна́ вдова Оме́льфа Тимофеевна:

«Как будь благослове́ньё вели́коё
на бладо́м на чаде на Василие,

Те́бе ехать, Василью, в Еросáлим-град,
свято́ей святыни помолитисе,
ко Господней гробницы приложитисе,

Свезти положе́нье немалое,
не мало положе́ньё — сорок тысячей».

Да стал-то Василей снаряжатисе,
сын Буслаевич стал да сподоблетисе.

Испостро́ил Василей нов черле́н корабь,
да нос-де, корма да по-звериному,
да хоботы ме́цёт по-змеиному.

Дерёва́ были́ у ка́рабля кипарисныя,
оснасточькя у ка́рабля белошёлкова,
не здешняго шёлку, шемаши́нского.

Паруса были́ у ка́рабля белополо́тнены,
как флюга́роцька была на ка́рабли позолочена,
как чена́ этой флюга́роцьке петьдесят рублей.

Якоря были́ у ка́рабля булатныя,
место оцей было́ у ка́рабля положено
по тому жё по камешку самоцветному.

Место бровей было́ у ка́рабля положено
по тому жё по соболю по чёрному,
не по здешнему соболю, по сибирскому.

Место ресниц было́ у ка́рабля положено
по тому по бобру да нынь по сизому,
не по здешнему бобру, по зака́меньскому.

Пошёл-то Василей на черле́н кора́бь
со всёй своей дружинушкой хоро́брою.

Обирали-то схо́денки дубо́выя,
покла́ли-то схо́денки вдоль по ка́раблю.

Вынимали-то якоря булатныя,
подымали то́нки па́русы полóтнены.

Фома-то Толсто́й тот на кормы́ стоит,
а Костя Микитиць на носу стоит,
а Потанюшкя Ма́ленькёй о́кол па́русов.

Потому-де Потаня о́кол па́русов,
горазд был Потаня по снастям ходить.

Они до́лго ли бежали, нынь коро́тко ли,
подбежали под гору Сороче́нскую.

Выходил-то Василей на черле́н кора́бь,
он здрил-смотрел, Вася, на круту́ гору́,
увида́л Василей нынь чу́ден крес.

Говорит-то Василей сын Буслаевич,
говорит-то Василей таковы реци́:

«Вы ой есь, дружинушка храбрая,
вы три́десять уда́лых добрых мо́лодцев,

Опускайте вы па́русы полóтнены,
помеците-тко вы якори булатныя,
кладите-тко сходни ко́ньцём на́ берег.

Мы выйдем-ко, братцы, на круту́ гору́,
мы чу́дному кресту Богу помолимся».

Кабы вся его дружина не отслышалась,
опускали-то па́русы поло́тнены,
пометали-то якори булатныя,
поклали-то сходни ко́нцем на́ берег.

Кабы вы́шёл Василей на крут бе́режок,
пошёл-то Василей по круто́й горы́.

Не нашёл-то Василей нынь чудна́ креста,
нашёл Василей только сухую кость,
суху́ голову́, кось человеческу,
он пнул ей, Василей, пра́вою ногой.

Говорит голова, кось человеческа:
«Не попинывай, Василей, меня, сухую кось,
суху́ голову, кось человеческу.

Да был молоде́ч я не в твою́ пору́,
не в тво́ю пору́, да не в твою́ ровню́.

Как убила сорочи́на долгопо́лая,
как та жё ли чудь да двоёгла́зая.

Не бывать тебе, Василью, на Светой Руси,
не видать тебе, Василей, сво́ей матушки,
честно́й вдовы Оме́льфы Тимофеевны».

Он ведь плюнул-то, Василей, сам чура́етца:
«Себе ты спала да се́бе видела».

Он пнул ей, Василей, во вто́рой раз:
«Ужли́, голова, в тебе враг мути́т,
в те́бе враг-от мути́т да в те́бе бес говорит?»

Говорит голова-то человеческа:
«Не враг-от мути́т, мне не бес говорит,
я себе-то спала да те́бе видела.

Лежать тебе́, Василью, со мной в едино́м гробу,
во еди́ном гробу, да по праву́ руку́».

Пошёл-то Василей на черлён кора́бь,
пришёл-то Василей на черле́н кора́бь.

Обирали-то схо́денки дубо́выя,
вынимали-то я́кори булатныя.
подымали-то па́русы поло́тнены.

Побежали они да в Еросáлим-град,
заходили-то в га́лань корабельнюю.

Опушша́ли то́нки па́русы поло́тнены,
пометали-то я́кори булатныя,
поклали-то схо́дни ко́нцем на́ землю.

Пошли-то они да в Еросáлим-град,
заходили они во церьковь Божию,

Да Господу Богу помолилисе,
ко Господней гробни́чи приложилисе.

Положил Василей положе́ньичо,
не мало положе́ньё — сорок тысечей.

Пошёл-то Василей ко Ёрда́н-реки́,
скинува́л-то Василей чве́тно пла́тьичо,
спускалса Василей во Ёрда́н-реку́.

Приходит жёна́ да старома́тера,
говорила сама да таковы́ речи́:

«Ты ой есь, Василей сын Буслаевич,
у нас во Ёрда́н-реки́ не купаютче,
как то́лькё в Ёрда́н-реки́ помо́ютче:
купалса в Ёрда́н-реки́ Сам ведь Сус Христос.

Не бывать тебе, Василей, на Светой Руси,
не видать тебе родимой сво́ей матушки,
честно́й вдовы Оме́льфы Тимофеевны».

Он ведь плю́етче, Василей, сам чура́етче:
«Себе же ты спала да се́бе видела».

Говорит-то жёна́ да старома́тера:
«Себе я спала, те́бе видела».

Выходил-то Василей из Ёрда́н-реки́,
надевал-то Василей чве́тно пла́тьичо,
пошёл-то Василей на черле́н кора́бь.

Зашёл-то Василей на черле́н кора́бь

со всёй своей дружинушкой хоро́брою.

Обирали-то схо́денки дубо́выя,
покла́ли-то схо́денки вдоль по ка́раблю,
высдыма́ли-то я́кори булатныя,
подымали то́нки па́русы поло́тнены,
побежали-то они да во своё царсво́.

О́ни долго ли бежали, нынь коро́тко ли,
подбегали под го́ру Сороч и́нскую.

Выходил-то Василей на черле́н кора́бь,
он здрит-смотри́т на вси стороны,
как увидел Василей нынь чу́ден крест,
говорит-то Василей таковы́ реци́:

«Вы ой есь, дружинушка хоро́брая,
уж мы вы́йдём-ко, братцы, на круту́ гору́,
уж мы чу́дному кресту Богу́ помолимся».

Кабы вся его дружина не ослушалась,
опускали то́нки па́русы поло́тнены,
метали якоря они булатныя,
они вышли нынь, братцы, на круту́ гору́.

Пошли-то они да ко крутой горы́,
подошли-то они да ко крутой горы́.

Не нашли-то они да чудна́ креста,
нашли-то они да сер-горю́ч каме́нь.

В ширину-то каме́нь тридце́ть локо́т,
в долину́-то каме́нь да соро́к локо́т,
вышина его у камешка ведь трёх локо́т.

Говорит-то Василей сын Буслаевич:
«Вы ой, моя дружинушка хоробрая,
мы станем скакать через ка́мешок,
вперёд-от мы скочи́м, назад о́тскочим.

Один у нас Потанюшка есь Ма́ленькёй,
кабы Маленькёй Потанюшка Хро́менькёй,
вперёд ему скочи́ть, назад не о́тскочить».

Скакали они-де через ка́мешок,
вперёд-то скочи́ли, назад о́тскочили.

Говорит-то Василей сын Буслаевич:
«Не чёсь-то хвала да молодецкая,
не выслуга бу́дёт богатырская.

Мы ста́нём скакать да вдоль по ка́мешку,
мы вперёд-то скочи́м, назад о́тскочим.

Один у нас Потанюшка есь Хро́менькёй,
вперёд ему скочи́ть, назад не о́тскочить».

Скакали они да вдоль по ка́мешку,
вперёд-от скочи́ли, назад отско́чили.

Скочи́л Василей сын Буслаевич,
да пал-то Василей грудью белою,
да пал, розломил-то да грудь сво́ю белую.

Поворо́титце у Василья ищэ язык в голове:
«Вы ой, моя дружинушка хоро́брая,
уж вы сделайте гроб да белоду́бовой.

Найдите суху́ кось человеческу,
поло́жьте-тко кось со мной в еди́ной гроб,
в еди́ной-от гроб да по праву́ руку́».

О́ни сделали гроб да белоду́бовой,
нашли кось, голову́ человеческу,
завертели во камо́цьку бе́лу-хру́щату,

Поло́жили их да во бе́лой гроб,
закрыли-то их да гробовой доской.

Копали могилу им глубокую,
спускали в могилу во глубокую,
засы́пали желты́м песком сыпучиим.

Поставили во резвы́ ноги́ им чу́ден крест,
на кресте подписали подпись книжную:

«Лежат два уда́ла до́бра мо́лодца,
два си́льни могу́ци ру́ськи бога́тыря,

Да один-от Василей сын Игнатьевич,
другой-от Василей сын Буслаевич.

Их убила сороч и́на долгопо́лая
да та же ли чудь да двоегла́зая».

Пошли-то дружина на черлён кора́бь,
обирали-то схо́денки дубо́выя,
поклали-то схо́дни вдоль по ка́раблю,
вынимали-то я́кори булатныя.

О́ни сне́ли со дерева флюга́роцьку,
как вы́нели из ка́рабля есны́ оци́,
как взе́ли они да черны́ брови́ —

Не стало на ка́рабле хозяина,
того же Василья Буслаевича.

Подымали то́нки па́русы поло́тнены,
побежали они да во своё царство́.

Да в та́ поры́ Васильева матушка,
честна́ вдова Оме́льфа Тимофеевна,
да ждёт-то Василея Буслаевича,
как смотрит она в трубоцьку подзорную.

Как бежит из-за́ моря черле́н кора́бь,
не по-прежному кораблик, не по-старому.

Да нету на ка́рабле флюга́роцьки,
как нету на ка́рабле есны́х оце́й,
как нету на ка́рабле черны́х бровей.

Как пла́цёт Оме́льфа Тимофеевна,
она плацёт да горюцьми́ слезми́:

«Видно, нету на кораблике хозяина,
да бладá-то Василея Буслаевича».

Пошла она, Васильева матушка,
честна́ вдова Оме́льфа Тимофеевна,
пошла-то она да во Божью́ церко́вь
служить панафи́ды нынь почесныя
по бладо́м Василье по Буслаевиче.

7. Садко́

Во славном-то было во Нове́-городе́,
у того-то у Садка́, купца богатого,
да было пиро́ваньё, почесен пир.

Да пир-от идёт-де о полу́пиру,
да день-от идёт да день ко вечеру,
да со́нчё катитча ко западу.

У́чал Садко́, купець богатыя,
он у́чал по середы́ пола́ похаживать.

Он белыми руками прирозмахиват,
из речей бы Садко́ да выговариват:

«Уж кто у нас товары из Нова́-города́,
повывозит товары на край быстро́й реки,
повыгрузит товары во черлёны ка́рабли?»

Нехто-то бы тем речам не вя́жётча,
говорит-то ведь поп, отец духовныя:

«Ты не хвастай, Садко́, купец богатыя,
я бьюся с тобой об вели́к заклад.

Не купить товары те из Но́ва-го́рода,
не вы́возить товары на край быстро́й реки,
не вы́грузить товары в черле́ны ка́рабли,
за си́нёё мо́рё торговать не утти́».

Ударились они с ним о вели́к заклад,
не о сто рублей, не о тысяче,
о своих о буйныя о головы.

Пошёл-то Садко́, купец богатыя,
да купит Садко́ да, право, день поры,
да купит Садко́ да другой поры,

Да купит Садко́ да неделю всю,
да купит Садко́ да месе́ц поры.

Да в та́ поры́ поп, оте́ч духовныя,
садилса бы поп да на реме́щат стул,
писал ерлыки́, да скоры грамотки,
метал по дорогам прямоезжиим:

«Везли бы товары во Новгород,
на ту жё на зóву на великую,
того жё товару, право, шёлкова».

Да купит Садкó да, право, день поры,
да купит Садкó на другой поры,

Да купит Садкó всю неделюшку,
да купит Садкó и месéц поры.

В гóроды товару прибыло,
пошёл-то Садкó в полату денежну,
у Садкá бы казны да мало мóжётца.

Тут бы Садкó да закручинилса,
весьма-то Садкó да запечалилса.

Пошёл-то Садкó да во Божью́ церкóвь,
он мóлитцэ Миколы Всеможóйскому:

«Ты ой есь, Микола Всеможóйския,
пособи мне выкупить товары из Нóва-гóрода,

Повывозить товары на край быстрóй реки,
повыгрузить товары в черлéны кáрабли,
за сúнёё мóрё торговать идти.

Я построю те церковь обыдённую,
кресты-мáковичи да золочéныя».

Пошёл-то Садкó в полату денежну,
у Садкá-де казны да боле старого.

Да купит Садкó да, право, день поры,
да купит Садкó и да другой поры,

Да купит Садкó да и неделю всю,
да купит Садкó да и месéч поры.

Повыкупил товар весь из Нóва-гóрода,
повы́возил товары на край быстрóй рекú,
повыгрузил товары в черлéны кáрабли.

Пошёл-то Садкó да на черлéны кáрабли
со всёй своей дружинушкой хорóброю.

Обирали-то схóденки дубовыя,
вынимали-то якори булатныя,

подымали то́нки па́русы поло́тнены,
за си́нёё мо́рё торговать пошли.

Они долго ли бежали, коро́тко ли,
середи́ было моря, се́редь си́нёго,

Остое́лись у Садка́, купца богатого,
остое́лись у его черле́ны ка́рабли.

Выходил-то Садко́ да на черле́н кора́бь,
да сам говорил-де таковы речи́:

«Вы ой ли, мои да слуги верныя,
берите шшупы́ да долгомерныя,
мечите шшупы́ да во синё морё.

Да нет ли луды́, да нет ли ка́меньа,
да нет ли ко́шки, злодейки ей подводноей,
на чём мои ка́рабли остое́лися?»

Тут его слуги не отслышались,
да брали шшупы́ да долгомерныя,
метали шшупы́ да во синё морё.

Не нашли-то лу́ды, нынь не ка́меньа,
не ко́шки, злодейки ей подводноей.

Удумал Садко́ да думу крепкую:
«Вы ой, мо́и слуги ныньце верныя,
мы сде́лаём же́ребьи тавóлжены,
кому нам идти да во синё морё».

Они делали же́ребьи тавóлжены,
метали-то же́ребьи в синё морё.

Вси жеребьи́ лишь по верхю́ плывут,
Садко́в жеребе́й тот каменём ко дну,
поверх жеребью́ лишь ключи кипят.

Говорит Садко́, купец богатыя:
«Я этому же́ребью не верую,
мы сде́лаём же́ребьи бере́стены».

Они делали же́ребьи бере́стены,
метали-то же́ребьи в синё морё.

Да вси-то жеребьи́ по верхю́ плывут,
Садко́в жеребе́й тот каменём ко дну.

Говорит Садко́, купец богатыя:
«Я этому же́ребью не верую,
мы сделаем же́ребьи нынь хлебныя».

Они делали же́ребьи нынь хлебныя,
метали-то же́ребьи в синё морё.

Вси жеребьи́ по верхю́ плывут,
Садко́в жеребе́й каменём ко дну.

Тут бы Садко́ да закручинилса,
весьма-то Садко́ да запечалилса.

Заплакалса Садко́ да горючми́ слезми́,
сам говорил-де таковы речи́:

«Вы ой ли, мои да слуги верныя,
посадите меня да на нашёсточькю,
вы дайте-ко мне в руки́ весёлышко,
не столь бы мне страшно идти в синё морё».

Тут е́го слуги не отслышались,
садили Садка́ да на нашёстоцькю,
да дали Садку́ в руки́ весёлышко.

Пришла ко Садку́ да и перва́ волна,
розлучила Садка́ да со наше́стоцькёй.

Пришла ко Садку́ да и втора́ волна,
розлучила Садка́ да со весёлышком.

Пришла ко Садку́ да и третья́ волна,
розлучила Садка́ да со белы́м свето́м.

Подхватыват Садка́ ца́ришшо Поддо́нишшо,
да сам говорил да таковы реци́:

«Ты ой есь, Садко́, купец богатыя,
ты веки, Садко́, по мо́рю хаживал,
а мне-то, царю, да дань не плачивал.

Да хошь ли, Садко́, я живко́м сглону́,
да хошь ли, Садко́, тебя огнём сожгу,
да хошь ли, Садко́, да я тебя жаню́?»

Положил-то Садка́, купца богатого
на ту жё кроватку на тесо́вую.

Да спит-то Садко́, купец богатыя,
привиделось Садку во сновиденьици:

Приходила жёна́ да старома́тера,
сама говорит-де таковы реци́:

«Приведёт те́бе царь да перву́ толпу,
перву́-то толпу да красных де́вушёк,
да в золоте, в се́ребре не со́гнутца,

Говори ты, Садко́, купец богатыя:
«Во этой толпы да мне невесты нет».

Приведёт-то тебе и втору́ толпу,
они в золоте, в се́ребре не со́гнутця,

Говори ты, Садко́, купець богатыя:
«Во этой толпы да мне невесты нет».

Приведёт-то тебе и третью́ толпу,
они в золоте, в се́ребре не со́гнутця,
позади идёт девушка-черна́вушка,

Говори ты, Садко́, купец богатыя:
«Во этой толпы да мне невесты нет,
позади идёт девушка-черна́вушка,
вот эта моя да богосу́жёна».

Ты ле́гешь, Садко́, да с молодой женой
на ту-то кроватку на тесо́вую,
не двинся, Садко́, да к молодой жёны́».

Пробудилса Садко́, купец богатыя,
привёл е́му царь и перву́ толпу,

Говорит Садко́, купец богатыя:
«Во этой толпы да мне невесты нет».

Привёл е́му царь и втору́ толпу:
«И во этой толпы мне невесты нет».

Привёл е́му царь и третью́ толпу,
третью́-ту толпу красных де́вушёк,
они в золоте, в се́ребре не со́гнутца,
позаде́ и́дёт девушка-черна́вушка.

Говорит-то Садко́, купец богатыя:
«Вот эта моя да богосу́жёна».

Уложили Садко́ на кроватоцьку тесо́вую
со той же его да с молодой жёно́й,
не дви́нетце Садко́ да к молодой жёны́.

Пробудилса Садко́, купець богатыя,
лежит-то Садко́ да на крутом бережку́,
лежит-то Садко́ на край быстро́й реки.

Пошёл-то Садко́ во Новгород,
исполнил он заповедь великую,
построил бы церковь обыдённую
тому же Миколы Всеможо́йськёму,
кресты-маковичи да золочёныя.

Тут его слуги ныньце верныя,
воротилисе слуги во обратну путь.

Тогды-то Садко́, купець богатыя,
пошёл бы, Садко́, да на черле́ны ка́рабли.

Обирали-то схо́денки дубо́выя,
вынимали-то я́кори булатныя,

Подымали то́нки па́русы поло́тнены,
побежал-то Садко́ да за синё морё.

2. Николай Петрович Шалько́в

Слепой старик лет 80-ти с лишком, высокий, стройный, с чёрной полуседой бородой. В молодости был, вероятно, очень хороший ста́ринщик, но теперь многое перезабыл, многое перепутал, да и давно уже не поёт, с тех пор как ослеп от старости. Человек очень бедный, Шалько́в живёт в самом конце села за речкой, вяжет сети, а иногда ловит и рыбу.

Послу моему на предложение петь ста́рины очень резко отказал, но, явившись лично, я уговорил его, и он, кроме напечатанных здесь восьми номеров[13], спел ещё несколько стихов и рассказал сказку[14]. Отсюда вывод: никогда не следует посылать для переговоров туда, где нужно приложить много просьб и такта. Не особенно заинтересованные в деле посланные передают просьбу петь ста́рины в форме приказания, например: «Иди, Шалько́в, ста́рины петь, барин там приехал из Петербурга, зовёт тебя», и, конечно, получают резкий и иногда очень грубый отказ. И меня Шалько́в принял сначала очень немилостиво и долго отнекивался петь, а когда мы познакомились поближе, мои посещения были ему даже приятны [*Ончуко́в 1904*, с. 285].

От Николая Петровича Шалько́ва записано 5 былин (всего 814 стихов):

1) Пота́п Артамо́нович;
2) Анна Княжене́вская;
3) Василей Бусла́евич набирает дружину и едет в Еруса́лим;
4) Садко́;
5) Дани́лко Дени́сьевич.

---

[13] Ончуко́в включил в свой сборник записанные от Шалько́ва пять былин, историческую песню, духовный стих и небылицу [*Ончуко́в 1904*, с. 285–312]. В наш сборник включены только былины.

[14] Духовные стихи Шалько́ва Ончуков опубликовал [*Ончуко́в 1908*], сказку — нет.

8. Пота́п Артамо́нович

Из того-де из города из Киева
выезжал-де уда́лой до́брой мо́лодеч,
молодой-де Пота́п сын Артамо́нович.

От рожденья молодцу́ было́ семнадцеть лет,
он конём-де владел да ко́пьём шурмова́л.

Вывозил-то ле боцьки с зелены́м вином,
вывозил-то ле боцьки пива пьяного,
вывозил-то ле боцьки мёду сладкого,
вывозил-то ле хлеба он оввóзами.

Выезжал-то середи́ поля́ он чистого,
станови́л-то дети́на бел поло́тен шатёр,
станови́л-то столы да он дубóвыя.

На столах-то ле е́ствы всё саха́рныя,
на столах-то питья́ да разноли́чныя.

Кабы пил-то ле, ел да забавлялся он,
как попил-то, поел да тут и спать он лёг,
кабы спит-то, храпит, да как порог шумит.

Как стоял-то е́го конь, лошадь добрая,
как стоял-то е́го конь у сыра́ дуба́.

Да насыпано пшаны́ было белоя́ровой,
да поставлена вода сладка́, медóвая.

Да не ес-то пшаны́ конь белоя́ровой,
да не пьёт и соты́, воды медóвоей.

Да пове́ся стоит конь бу́йну голову,
потупя́-то ле оци во сыру́ землю́,

Да бьёт-де копытом во сыру́ землю́,
вся дрожит-то ле матушка сыра́ земля.

Да сырóё-то ду́бьё расшаталосе,
да сухóё-то пе́ньё поломалосе.

Ото сну-то дети́на розбужаетсе,
да выскакивал дети́на вон на улицу

Да в одной-то рубашечки без пояса,
да в одных-то цюлочиках без чёботу,

Да хватил сво́ю палицу буёвую,
как и бьёт он ко́ня по тучны́м ребра́м.

«Еще волчья, конь, сыть, да травено́й мешок,
ищэ что же стоишь да ты не пьёшь, не ешь?

Ле пшана́ ле моя тебе недо́шлая,
ле вода ле моя тебе несладкая?

Не слыхал ле ты гра́янья воро́ньего,
не слыхал ле ты крыку богатырского,
не слыхал ле ты свисту соловьиного?»

Да провешчылся конь, да лошадь добрая,
и́щэ руським язы́ком человеческим:

«Уж ты ой еси, хозяин, сударь ла́сковой,
молодой ты Пота́п сын Артамо́нович,

Подходил-де собака зла-де Ску́рла-царь,
и́щэ Ску́рла-де царь да сын Сморо́дович,
и́щэ прямо идёт да в сла́вной Киев-град.

И́щэ хочет он Киев да во плен сплени́ть,
да Божьи́-то наши церкви на огни соже́чь,

Да чудны́ наши́ иконы на попла́в реки,
да поче́стные мона́стыри во грезь стоптать,

Самого князя Владымира голову́ срубить,
а его-де княгину за себя-то взять».

Помутились у дети́ны оци ясныя,
осердилось у его да ретиво́ сэрцо́.

Кабы стал-то дети́на снаряжатисе,
кабы стал-то дети́на сподоблятисе.

Как налаживал он латы пребулатныя,
как накладывал нагрудници укладные,
да на шею кольчужку позолочену,
на головку колпак да зе́мли Греческой.

И́щэ латы-ти бы́ли двадцеть пять пудов,
а нагрудник-то был да десе́ть пудов,

да на шею кольчуга бы́ла пять пудов,
на головку колпак да сорока пудов.

Да берёт-то с собой да саблю вострую,
да берёт-то ле палицу буёвую,
да берёт-то ле лук со калено́й стрелой,
да берёт-де копе́йцо бурзоме́тноё.

Да уздал-де, седлал он ко́ня доброго,
он двенадцеть кладёт да по́дпруг шёлковых,
он тринадцету кладёт чере́з хребётну кось,

Да не для-ради́ басы́, да ра́ди крепости,
и́щэ ра́ди побёжки лошадиноей,
не оставил чтобы конь да во чисто́м поле́.

И́щэ клал-то ле войлоцьки-подло́жнички,
да на войлочки седе́лышко черка́щето.

Да скочил-то дети́на на добра́ коня,
повернул-де конём, да как люты́м змеём.

Притуга́ёт своя́ да ко́ня доброго,
кабы въехал-то в силу, в проклятý Литву.

Кабы сколько-то силы он саблёй секёт,
и́щэ вдвое-де, втрое он конём топцёт.

Кабы бил-то, ломил че́лы суточки,
приустали его да руки белыя.

Как оттýль-то дети́на поворот даёт,
приезжал-то дети́на ко белý шатру.

Да свезал-то коня́ он ко сырý дубý,
насыпа́л-то пшанý он белоя́рову,
наливал-то соты́, воды медовоей.

Заходил-то дети́на во бело́й шатёр,
да садилса дети́на за дубо́вой стол.

Как попил-то, поел да забавлялся тут,
как попил-то, поел да тут и спать он лёг,
как и спит он, храпит, да как порог шумит.

Как стоял е́го конь да у сыра́ дуба́,
не зоба́л-то пшенý да белоя́рову,
как не пил-то водý да он медо́вую.

Кабы бил-то копытом о сыру́ землю́,
вся дрожит-то ле матушка сыра́ земля.

Как сыро́ё-то ду́бьё расшаталосе,
как сухоё-то пе́ньё поломалосе,

Да в озёрах воды́ця поплескаласе,
у шатра-то тыни́нки все повыпали.

Ото сну-то дети́на пробужаетце,
выходил-то скоре́нько вон на улицу,

Да хватил сво́ю палицу буёвую,
да бы бьёт-то коня он по тучны́м ребра́м.

«И́щэ волчья ты сыть, конь, травеной мешок,
и́щэ что же стоишь да не пьёшь, не ешь?

Ле пшена́-то моя тебе недо́шлая,
ле вода-то моя тебе несладкая?»

А прове́щился конь, да лошадь добрая,
и́щэ ру́ським язы́ком человеческим:

«Уж ты ой есь, хозяин, су́дарь ла́сковой,
молодой ты Пота́п сын Артамо́нович,
да подходит-де собака злая, Ску́рла-царь».

Да броси́лся дети́на на добра́ коня,
повернул-де конём, да как люты́м змеём,
да бы въехал во силу, в прокляту́ Литву.

И́щэ сколько-то силы он саблёй секёт,
и́щэ вдвое-то силы он конём топчёт.

Он бил-то, ломил да двои суточки,
приустали его да руки белыя.

Да отту́ль молоде́ц да поворот держи́т,
приезжал-то дети́на ко белу́ шатру,
привезал-то коня он ко сыру́ дубу́,

Насыпа́л-то пшену́ он белоя́рову,
наливал-то соты́, воды медовоей.

Заходил-то дети́на во бело́й шатёр,
да садился дети́на за дубо́вой стол.

Как попил-то, поел да забавлялся тут,
как попил-то, поел да тут и спать он лёг,
как и спит он, храпит, да как порог шумит.

Кабы спал-то ле он да двои суточки,
как стоял е́го конь да у сыра́ дуба́,

Не зоба́л-то пшену́ да белоя́рову,
как не пил-то воду́ да он медо́вую.

Кабы бил-то копытом о сыру́ землю́,
вся дрожит-то ле матушка сыра́ земля.

Ото сну-то дети́на пробужаетце,
выходил он скоре́нько вон на улицу,

Да хватил сво́ю палицу буёвую,
да бы бьёт он коня да по тучны́м ребра́м.

«Ах ты, волчья ты сыть, травеной мешок,
и́щэ что же стоишь да не пьёшь, не ешь?

Ле вода ле моя тебе несладкая,
ле пшена́ ле моя тебе недо́шлая?»

И провещился конь, да лошадь добрая,
и́щэ ру́ським язы́ком человеческим:

«Уж ты ой еси, хозяин, су́дарь ла́сковой,
молодой ты Пота́п сын Артамонович,

А поедешь ты во силу, прокляту́ Литву,
а поедешь ты по силы, проклято́й Литвы,
накопали пере́копы там глубокия.

Да бы первой пере́коп я пере́скочу,
да бы вто́рой пере́коп я пере́несу,
да бы в тре́тьём пере́копе обру́щусе,
я паду-то тогда да во глубо́к погре́б.

Да наска́цют тотар да много множество,
да наме́цют на тебя, да до́бра мо́лодца,
ищэ ти жё арка́ны белошёлковы,
поведут-де к царю тогда ко Ску́рлату».

Как и это дети́не за беду стало́,
за немалую досаду показалосе.

Да броси́лса дети́на на добра́ коня,
повернул-де конём, да как люты́м змеём,
кабы въехал он в силу, в прокляту́ Литву.

Кабы сколькё-то силы он саблёй секёт,
кабы вдвое-де, втрое он конём топцёт.

Кабы первой пере́коп конь пере́скочил,
кабы вто́рой пере́коп конь пере́нёс нынь,

Кабы в тре́тьём пере́копы конь обру́шшилса,
кабы пал-то бы конь да во глубо́к погре́б.

Наскакало тотар да много множество,
наметали арка́ны белошёлковы,

Сохватали уда́ла до́бра мо́лодца,
повели-то тогда да к ца́рю Ску́рлату.

Привели-то тогда да к ца́рю Ску́рлату,
подходил-де собака то́гда Ску́рла-царь:

«Уж ты здраствуй, уда́лой до́брой мо́лодец!
Ты коёго жё ле города, коёй земли,
коёго́ ты отца да коёй матушки?

И́щэ как тя, дети́на, именём зовут,
и́щэ как величают из оте́чества?

Послужи ты ле мне да верой-правдою,
да вочью́ ле, позаво́чью, не изменою.

Я приду ле во землю во Литовскую,
я те дам ле города да с пригоро́дками».

Говорит-то дети́на таковы́ слова:
«Кабы был я, молоде́ц, да на своей воли́,
на своей-де воли́ да на добро́м коне,
я отсе́к у тебя бы по́ плеч голову».

Говорит е́му Ску́рла во второй нако́н:
«Уж ты ой есь, уда́лой до́брой мо́лодец,

Послужи ты ле мне да верой-правдою,
да воцью́ ле, позаво́цью, не изменою.

Я те дам города с пригоро́дками,
я те дам нынь сёла со деревнями,
я-де дам тебе ле много золотой казны».

Говорит молоде́ц да таковы́ слова:
«Я бы был, молоде́ц, на своей воли́,
на своей-де воли́ да на добро́м коне,
я отсе́к у тебя бы по́ плеч голову».

Говорит-де бы Ску́рла во трете́й нако́н:
«Послужи ты ле мне да верой-правдою,
да вочью́ ле, позаво́чью, не изменою.

Я те дам города с пригоро́дками,
я-де дам те́бе сёла всё со деревнями,
я-де дам тебе́ ле много золотой казны.

У мня есь-то топере едина́я дочь,
я бы дам-то тебе тогда в супружесво».

Говорит-то молоде́ц да таковы́ слова:
«Я бы был кабы, дети́на, на своей воли́,
на своей-то воли́ да на добро́м коне,
я отсе́к бы у тебя бы по́ плеч голову.

Волокут-де телегу троеко́лую,
заковали молодца́ его в желе́за всё.

Да на шею желе́за пятьдесят пудов,
да на ноги желе́за пятьдесят пудов,
да на руки желе́за пятьдесят пудов.

Потену́ли телегу троеко́лую
да ко той-де ко казни ко смёртноей,
да ко той-де ко плахе ко крова́воей.

Да стоял-то ле конь тогда в пере́копы,
россердилось у е́го сэрцо лошадиное,
розмутились е́го о́ци то́гда ясныя.

Кабы вы́скоцит-то конь да из пере́копы,
побежал-то по силы, проклято́й Литвы.

Прибежал-то ко казни ко смёртноей,
да ко той жё ко плахи ко крова́воей.

Испугалисе тотары все поганыя,
как вси выломал желе́за претяжёлыя.

Да скоци́л-то уда́лой до́брой мо́лодец,
да хвати́л-то телегу троеко́лую,

Да куды-то махнёт, да тут и улица,
да назад проведёт — с переулками.

Да бил-де, ломил да двои суточки,
не оставил он не старого, не малого.

Да садилса дети́на на добра́ коня,
да поехал дети́на ко белу́ шатру,
становил-то коня он ко сыру́ дубу́.

Заходил-то дети́на во бело́й шатёр,
кабы ел-то он, пил да позабавилса.

9. Анна Княженéвская

Как во славной земли былó Турецкоей,
у Гремúта короля сынá Манóйлова,

Кабы было-де пирóваньё-столóваньё,
кабы был-то у их, братцы́, почéсен пир

Ах на многиих на кня́зей всё на бóяров,
да на тех же турзóв-мурзóв удáлыих,
как на тех же паленúц да преудáлыих.

А Гремúт король по пóлику погýливат,
как сапог-де о сапог да поколáчиват,
как скóбоцька о скóбоцьку пощóлкиват.

Кабы рýсыма кудря́ми сам натря́хиват,
кабы я́сныма оця́ми сам розгля́дыват
да весёлую речь сам выговáриват:

«Ой вы ой есь, мои кня́зя-бóяра,
уж вы сильние могýты всё богáтыри,

Уж вы ой есь, купци, гостú торговые,
уж вы ой есь, кресья́на православные,

Ище хто же из вас знает сýжёну,
а по-руськи назвать — жёнý венчальную,
по-немецки назвать — супрýжницу?

Как статны́м чтобы́ статнá да пóлна возрастом,
как лицом была она да áки бéлой снег,

А глаза-ти у неё да я́сна сокола,
а как брови у неё да чёрна соболя,

Как ресни́чи у её чтобы́ сизá бобра,
как сизá бы бобра да всё сибирского,

Как походоцька у ней была упáвная,
кабы речь-поговóря тихосмирная».

Кабы мéньши хорóнятся за срéдниих,
кабы срéдни хорóнятся за бóльшиих,
как от бóльшиих Гремúту всё ответу нет.

Как сидел за столом да за пере́дниим,
как на том жё на стуле всё на зо́лоте
молодой-де Идо́л да сын Жидо́йлович.

В вышину был Идо́л да две сажéни нынь,
в ширину был Идо́л да как коса́ сажéнь,
как коса́ же сажéнь да нынь печатная.

Как ставал-то Идо́л да на резвы́ ноги́,
подходил-то ко Грему́ту поближёшенько,
поклонялся он Грему́ту понижёшенько.

«Уж ты ой еси, Грему́т да сын Мано́йлович,
ты позволь-ко, Грему́т, да слово вымолвить,

Не позволь-ко ты за слово́ скоро́ сказни́ть,
не скоро́ ты сказни́ть, скоро́ повесити».

Говорит-то Грему́т да сын Мано́йлович:
«Уж ты ой еси, Идо́л да сын Жидо́йлович,

Говори ты, Идо́л, да не упа́дывай,
не единого слова не затаивай».

«Я-то прежде-то был да в зе́мли Ру́ськоей,
я во том-то во городе во Киеве,
у того-то у князя у Владымира.

У того-то бы есь ныньце́ племянница,
кабы та же ли Анна, княженецька дочь.

Как статны́м она статна́ да по́лна возрастом,
как лицом-де она да а́ки бе́лой снег.

Как глаза-то у её да я́сна сокола,
кабы брови у её да чёрна соболя,
как ресни́чи у её аки́ сыза́ бобра.

Как походоцька у ей будто́ упа́вная,
и́щэ речь-поговóря тихосмирная».

Наливат-то Грему́т сын Мано́йлович,
наливат он чару зелена́ вина,
а нема́лу, невели́ку, полтора ведра,

Принапа́лниват чашу пива пьяного,
на зае́дку ту́рей рог да мёду сладкого,
на закуску колачик бел крупи́счатой,

Подавал-то Идóлу всё Жидóйлову:
«Прúми-выкушай ты чару зелена́ вина,

Послужи ты ли мне да верой-правдою,
ты вочью́-де, позавóчью, не изменою.

Ты ле съезди во стóльнёй во Киев-град,
ты посватайся на Анне Княженéвскоей.

Уж ты, чесью дают, дак бéри с радосью,
есле чесью не дают, дак бéри нéчесью,

Розгроми их полаты белокаменны,
посади князя́ в злодейку землену́ тюрьму».

Говорит-то Идóл да сын Жидóйлович:
«Уж ты ой еси, Гремúт да сын Манóйлович,

Úщэ сколько я рад да был чару пить,
úщэ вдвое я рад тебе службы́ служить,
úщэ службы́ служить да головы́ сложить.

Погрузи ты мне черлёных тридцеть ка́раблей,
úщэ дай мне-ка силы тридцеть тысецей».

Как пошёл-то Идóл да сын Жидóйлович
как на те же черлёны бóльши ка́рабли,

Обирали якоря новы́ булатныя,
обирали все те схóденки дубóвыя,
роспускали паруса белы́ полóтнены,
побежали-то по батюшку синю́ морю́.

Как одна-та сторона там знамену́лася,
как друга-то сторона да показа́лася.

Подбегали-то во гавань карабельнюю,
как во ту жё во пристань во глубокую,

Опускали па́русы белы́ полóтнены,
выкатали якоря новы́ булатныя,
кабы клали-то сходни кóнчём на́ берег.

Как пошёл-то Идóл да сын Жидóйлович,
да идёт-то во сла́вной стóльнёй Киев-град,
как заходит-то во сла́вной стóльнёй Киев-град.

Как идёт-то к полаты княженевскоей
да заходит на крылецько на прекрасное.

Как под им-то крылецико кацяётсе,
косяки-де, перила покосилися.

Да не спрашивал у двéрей он придвéрников,
у широ́киих ворот да приворо́тников.

Да заходит нынь в полаты белокаменны,
да проходит-то в но́вы ныньце го́рницы.

Кабы ру́ськиим богам Богу́ не молитця,
как Владымиру-кня́зю он челом не бьёт,
он челом-де не бьёт да голову́ не гнёт.

Подходил к ему́ Солнышко Владымир-князь:
«Уж ты здраствуй, Идо́л да сын Жидо́йлович,

Ты куды́ же поехал, ку́ды пра́вишьсе,
ты куды́ же, Идо́л, да ныньце путь держи́шь?»

Говорит-то Идо́л да сын Жидо́йлович:
«Я бы еду от Грему́та-короля сына́ Мано́йлова,

Я приехал к тебе ныньце́ посвататьця
да на той же на Анны Княженевскоей.

Кабы чесью отдашь, дак во́зьму с радосью,
кабы чесью не отдашь, дак во́зьму не́чесью,

Розгромлю твои полаты белокаменны,
засажу тебя в злодейку землену́ тюрьму».

И весьма-то испужался князь Владымир тут,
побежал тут Владымир во второй покой
как ко той же ко Анны Княженевскоей:

«Уж ты ой есь, племянница любимая,
уж пришёл на тебе да же́них свататьця.

От Грему́та короля сына́ Мано́йлова
да приехал-то Идо́л да сын Жидо́йлович.

Кабы чесью идёшь, дак бе́рёт с радосью,
ищэ чесью не идёшь, дак бе́рёт не́чесью,

Розгромит мои полаты белокаменны,
засади́т меня в злодейку землену́ тюрьму».

Говорит е́му Анна, княженевска дочь:
«Уж ты ой еси, Владымир Сла́вноки́евской,

Ты не стой-ко за гу́зно ты за ба́бие,
не теряй-ко свою да бу́йну голову».

Кабы стала-то Анна снаряжатися,
ищэ стала она да сподоблятисе,

Надевала на ся да пла́тьё цве́тноё,
как брала с собой я́шшицёк хоро́шенькёй.

Как отту́ль-то Владымир поворот держи́т,
подходил он к Идо́лу ко Жидо́йлову,

Подносил е́му цяру зелена́ вина,
да нема́лу, невели́ку, полтора ведра.

Говорит-то Владымир таковы́ слова:
«Уж ты ой еси, Идо́л да сын Жидо́йлович,

При́ми-выкушай ты чару зелена́ вина,
ты помешкай немножко, всё попра́витце».

Как берёт-то Идо́л да едино́й руко́й,
выпива́ёт Идо́л да к едину́ духу́.

Да поправилась Анна, княженé́вска доць,
как пошла-то на черле́ны бо́льши ка́рабли.

Да пошёл там Идо́л да сын Жидо́йлович
да на те же на черле́ны бо́льши ка́рабли.

Обирали якоря новы́ булатныя,
обирали о́ни схо́дни вси дубо́выя,
роспускали паруса белы́ поло́тнены,
побежали-то по батюшку синю́ морю́.

А бежали-то по батюшку синю́ морю́,
там одна-де сторона да знамену́лася,
а друга-де сторона там показа́ласе.

Выходила-то Анна вон на улицу
да подале на черлёны бо́льши ка́рабли,

Увидала-то бы там да видно чад вели́к,
ищэ чад бы вели́к, да дым столбом вали́т.

Заходила-то назад да в чёрной ка́рабель,
подходила-то к Идóлу ко Жидóйлову:

«Уж ты ой еси, Идóл да сын Жидóйлович,
у вас э́там-то ле что ле будто чад вели́к,
ищэ будто чад вели́к, да дым столбом вали́т?»

Говорит-то Идóл да сын Жидóйлович:
«Уж ты ой éси, Анна, княженевска дочь,

Уж варя́т нам на свадьбу кобылятину,
и́щэ жа́рят нам на свадьбу жеребятину».

Говорит éму Анна, княженевска дочь:
«Уж ты ой есь, Идóл да сын Жидóйлович,

Мне нельзя идти по батюшку синю́ морю́,
и́щэ сённи-то мне-ка имени́нной день».

Говорит-то Идóл да сын Жидóйлович:
«Уж вы ой еси, мои да слуги верныя,

Опускайте паруса белы́ полóтнены,
вы мецúте якоря новы́ булатныя,
нам нельзя идти по батюшку синю́ морю́».

Как пошёл тóгда пир у их навéселы,
пировали-столовали целы сутоцьки.

Из ума-то Идóл тут выпиваетця,
одоли́ла бы хмелинушка великая.

Кабы за́спал Идóл да сын Жидóйлович,
кабы спит-то храпит, да как порог шумит.

Как брала-то ли Анна, княженевска дочь,
как брала-то свою да саблю вострую,
как отсекла́ у И́дола пó плець голову.

Росходилось éго ту́лово пога́ноё,
да пога́ноё ту́лово, серди́тоё,

И́щэ поима́ло мачту карабельнюю,
а бы вы́мело-то мачту во мелкó щепьё.

Усмиряло это ту́лово пога́ноё,
и́щэ па́ло во чёрной бо́льшой ка́рабель.

Как скомандовала Анна, княженевска дочь,
как сбирали якоря новы́ булатныя,
роспускали паруса белы́ поло́тнены,

Побежали нынь во сто́льной сла́вной Киев-град
ко тому ноньце́ ко князю ко Владымиру.

Прибежали-то во сто́льной сла́вной Киев-град,
опускали паруса белы́ поло́тнены,
выкатали якоря новы́ булатныя,
да повы́клали сходни ко́нчём на́ берег.

Да пошла-то ли Анна, княженевска дочь,
как во тот жё во сла́вной сто́льной Киев-град
ко тому же ко князю ко Владымиру.

Заходила нынь в полаты белокаменны,
походила-то подале в но́ву го́рничу
к самому́ ноньце́ ко князю ко Владымиру:

«Уж ты здраствуй, дядюшка Владымир-князь,
убирай ты черле́ны бо́льши ка́рабли».

10. Василей Буслáевич набирает дружину и едет в Ерусáлим

Кабы жил-был Буслáвей девеносто лет,
состарилса Буслáвей, сам преставилса.

Да при смéртоцьке Буслáвьюшко наказывал,
он своей-де жены́ да наговаривал:

«Уж ты ой еси, моя да молодá жена,
молода моя жена, да дорогá семья,

Когда будет-то моё чадо́ на возрасте,
быв ясён-то соко́л будёт на во́злете,

Ище станет-то Васильюшко конём владать,
да конём-де владать, копьём шурмовáть.

Пусть не дёржи́т Василей всё сто рублей,
пусть не дёржи́т Василей целой тысецы,

Пусть-ко дёржи́т Василей у́ ся сто друго́в,
и́щэ сто же друго́в, да сто приятелей.

В Ерусáлим-град ходи́т Богу́ молитися,
ко Христовоей гробнице приложитися.

Да в Ердань-то реки пусть не купаетца,
не купаетца в реки́, пусть омываетце,
да купалса-крестилсе там Исус Христос.

Да свезёт пусть положеньица великого,
да не мало ле, не много — сорок тысецей».
Да покаялса Буслáвей тут, престáвилсэ.

Ко́гда стал-то нынь Васи́льюшко на возрасте,
как ясён-то соко́л стал на во́злете,

Ищэ стал-то Васильюшко конём владать,
да конём стал владать, ко́пьём шурмовáть.

Он пошёл-то, Василей, вдоль по городу,
он ходил-то по лавоцькам торговыим,
он купил себе вези́ноцьку тежёлую.

Он пошёл во царёвы бо́льши ка́баки,
откупал-то ле боцьки сорока́выя,
сорока́выя боцьки с зелены́м с вином,
он выкатывал на пло́щеди широкия.

Россыла́л-то указы ныньце скорыя,
собирал-то голе́й да всих кабацкиих.

Да зовёт-то Василей на поче́сен пир,
кабы пити им вино ноньце́ безденежно.

Собиралосе голе́й да много-множество
как со всех-то сторонок ныньце разныих.

Располу́бил он-то боцьки сорока́выя,
он спустил-то ковши тут позоло́чены.

Кабы пьют-то ле го́ли вси кабацкия,
кабы пьют-то они все зелено́ вино,

Как пьют-то они да потешаютца,
кабы хвалят-то Василья всё Буслáвьева.

Приносил-то Василей свою вези́ноцьку,
выбирал-то себе да он в товарищи:
«И́щэ хто ле из вас может вези́нку знять?»

Их и стал-то вези́ноцькой помахивать,
как по тим головам молодецкиим.

Как пошли-то го́ли, нынь заплакали,
да платками-то ле головы повя́зали.

Говорят-то ле го́ли все кабацкия:
«Да у вора у Васьки у Буславьева

Да не у́пито ле было, не уе́дено,
ба́ско-хо́рошо ле было не ухо́жено,
то́лькё наве́к безве́чьица зале́зено».

Как махнул-то уда́ла до́бра мо́лодца,
как того ли Пота́нюшку нынь Хро́мого,

Да стоит молоде́ц да он не трёхнетце,
и́щэ платье на нём да не воро́хнетце.

Да махнул-то ле Костю Новото́рженина,
как стоит молоде́ц да не трёхнетце.

Да махнул-то ле Васенькю всё Ма́лого,
да стоит молоде́ц, не воро́хнетце,
выбирал-то ле он да три товарыща.

Ходил-то Василей вдоль по городу,
собирал-то Василей се́бе плотничков,
он-то строил, Василей, всё черно́в кара́б.

Он-то в о́ци ны́ньце вре́зал два-то камешка,
он-то в брови-то ле вре́зал два-то соболя.

Он состроил-то, Василей-то, черно́в кара́б,
он спускал-то кара́б да то́гда на́ воду.

Он грузил-то кара́б тогда напитками,
он грузил-то кара́б тогда припасами.

Собирал-то Василей-то товарыщов,
как идти-то ему да во синё морё.

Он приходит-то ко матушке родимоей,
он-то падал ей тогда да во резвы́ ноги́,
он просил благословленьица великого.

Да даёт ему матушка благословленьицо
да с буйно́й-то главы да до сырой земли.

Да пошёл-то Василей вон на улицу,
он пошёл-то на черле́ной бо́льшой ка́рабель.

Обирали ныньце схо́денки дубо́выя,
подымали якоря́ новы́ була́тныя,
роспускали паруса́ белы́ поло́тнены,
побежали-то они да в Еруса́лим-град.

Да бежали-то по батюшку синю́ морю́,
подбегали-то они да в Еруса́лим-град,
как пошли-то ко гробу ко Христовому.

Как Господу Богу помолилисе,
ко Христовоей гробнице приложилисе.

Да пошли-то нынь тогда да на Ерда́нь-реку,
кабы вси-то в реки да омываютца,
да Василей-то Буславьевич купаетце.

Да пошли-то оттýль, да поворот держáт,
да пришли-то они да на чернóв караб.

Подымали якоря тогда булатныя,
обирали-то ле схóденки дубóвыя,
роспускали парусá белы́ полóтнены,
побежали-то по батюшку синю́ морю́.

Подбегали-то под горы Сорочи́нския,
остоя́лса тогда да их чернóй караб.

Как вы́мецют-то щýпы долгомерныя,
кабы ищут-то ле кóшёцьки подвóдноей,
не находят-то кóшки тут подвóдноей.

Да вперёд-то ле шли, нечё не видели,
да сгленули-то на гору Сорочи́нскую,
увидали-то они тут злáчен чýден крес,
как сдумалось им тут да помолитисе.

А бросали ноньце шлюпку óни нá воду,
да спущалисе они да в ету шлюпоцькю.

Выезжали на гору Сорочи́нскую,
приходили ко кресту они ко чудному,
кабы чудному кресту да помолилисе.

Да лежит-то голова тут чёловéческа,
да лежит-то ле тут да сер-горюч камéнь.

Как берёт-то Василей свóю трóстоцькю,
как колóтит-то головý он чёловéческу:
«Уж ты ой есь, голова, чья, чёловéческа?»

Да провéщилась глава, кось чёловéческа,
да руськи́м-то язы́ком чёловéческим:

«Уж ты ой еси, Василей сын Буслáвьевич,
я бы молодéц был да не тебе вёрстá.

Я лежу-то на горах на Сорочи́нскиих,
да лежати-то тебе по мою правý рукý».

Кабы плю́етце Василей, ныньце цюрáетцэ:
«Ты себé-то спала да сéбе видела».

Говорит-то ле кось, глава чёловéческа:
«Я себе-то спала да тéбе видела».

Погленули они на сер-то камешок,
на камню-то бы есь да всё подписано,
на камню-то ли есь тогда подрезано:
«Хто вперёд-то лé скоцúт, назад отскоцúт?»

Как скоцúл-то Василей сын Буслáвьевич,
как вперёд-от скоцúл, назад не óтскочил.

Кабы пал-то Василей о серóй камéнь,
как тогда-то Василью смерть случиласе.

11. Садко́

Как прежде Казань да слободой была,
и́щэ ныньце Казань да новым городом.

Как во той во Казани, в новом городе,
у Левóнтея-попа, отца Ростовского,

Кабы было ле пирóваньё, столóваньё,
кабы был у его тогда почесен пир

Как на многих купцей, людей торговыих,
на почётных попов, отцов духовныих,
да на всих кресьян православныих.

Кабы вси-то на пиру тут напивалисе,
кабы вси-то на честнóм тут наедалисе.

Да сидел на пиру купеч богатыя
да по имени Садкó, купец богатыя.

Из ума-то Садкó да выпиваетце,
из рецей-то Садкó да прошибáетце.

Говорит-то Садкó да таковы словá:
«Я в Новом городе товары все повыкуплю,
я на чёрныя на кáрабли повыгружу,
я на Волгу рекý тогда повыплавлю».

И нехтó жё нынь бы к тем рецям не вя́жётця,
тóлькё вя́жётця Левонтей, поп духовныя:

«В Новом городе товары те не выкупить
да на чёрныя на кáрабли не выгрузить,
да на Волгу-рекý тебе не выплавить».

Да ударились они да о велúк залог,
и́шшэ не о ста рублей, да не о тысеце,
о своих-то ле бьютца бýйных гóловах.

Да бы начал Садкó-купец просыпатисе,
охватúлся Садкó-купец — делó нелáдноё.

Да берёт три слуги с собóй верныя,
да берёт-то три я́шшичка ныньце с дéньгами,
да бы день-то купил весь до вечера,

да накладывал товары всё на во́зы нынь,
кабы вы́держал казну свою из я́шшиков.

Как товару привезли да больше старого,
как день-де купил да другой купил,
как товару в городу́ да худо убыло.

Как купил-то Садко́ да ровно три дни нынь,
как казны-то у Садка́ да мало мо́жетце,
как товару в городу́ да много мно́житце.

Да змолилса Садко́ да Господу́ Богу́,
как тому-то нынь Миколы нынь Светителю:

«Я построю те́бе церко́вь соборную,
да на-во́ имё Миколы тут Светителя».

Кабы тут у Садка́ да ка́зны прибыло,
в городу-де товару мало мо́жетця.

Россылал он указы ныньце скорыя,
подводил-то черле́ны бо́льши ка́рабли,
погрузил-то товары вси-то разныя.

Он пошёл-то, Садко́, да скоро за́ морё,
он повёз-то товары вси-ти разныя.

Да ходил-то Садко́ да ныньце за́ морё,
торговал-то товарами заморскима,
да забыл тогда Миколу он Светителя.

Кабы вы́продал товары он заморския,
как отту́ль-то Садко́ стал поворот дёржа́ть.

Как бежал-то Садко́ да по синю́ морю́,
середи́ моря карабли́ тут остоя́лися.

Опускали паруса белы́ поло́тнены,
да метали о́ни щу́пы долгоме́рныя,

Да искали о́ни ко́шёцьки подводныя,
не находят о́ни ко́шёцьки подводноей.

Кабы ходят по черле́ным бо́льшим ка́раблям,
увидали о́ни цюдо, право, цюдное.

Как бежит-то к ним шлюпоцька-то лёккая,
кабы лёккая шлюпоцька тут о́гненна.

Прибежала-то к черле́ным бо́льшим ка́раблям,
да сидят-то во шлюпке два гребца-то тут.

Как трете́й-то сидит да ныньце ко́рмщицок,
говорит-то им ко́рмщик таково́ слово́:

«Уж вы ой есь, молодцы́ да карабе́льщики,
уж вы дайте чёлове́ка виноватого».

И́щэ ме́ньшии хоро́нятца за сре́дниих,
и́щэ сре́днии хоро́нятца за бо́льшиих.

Выходил-то Садко́, купец богатыя,
да на тот-то черле́ной бо́льшой ка́рабель.

Кабы падало на ум да старопре́жноё:
«Не исполнил я Миколы-то Светителю.

Видно, бу́дёт мне идти да во синё морё,
видно, я жё нынь-топере винова́той есь».

Распростилса со своими да он товарыщами,
как спускалса во шлюпоцьку-то лёккую,
да берёт-то с собой гусли зво́нчаты.

Как вернулася шлюпка тут в обра́тноё,
побежала эта шлюпка по сине́ морю́,
прибежала эта шлюпка к сто́лбу о́гненну.

Да ввернула́сь эта шлюпка во синё морё,
да очу́дились-то двери тут хрустальния.

Как зашёл-то во двери он хрустальния,
он идёт, Садко́, по новой то́гда го́рницы.

Как лежит-то на лавке царь морской ле тут:
«Уж ты здра́ствуёшь, Садко́, купец богатыя!

Я прошу-то тебя да поиграть со мной
да во те же во пешки нынь во шахматы.
Уж ле можь ле звеселить меня, морска́ царя?»

Кабы ходит-то Садко́, купец богатыя,
по тому ходи́т по дому по хруста́льнёму,

Заиграл-то во свои да гусли зво́нцяты,
кабы стал-то мо́рской царь нынь пори́пкивать,
как руками-то он стал да пошевеливать.

Кабы пу́шше игра́т Садкó во свои гусли́,
как садилса-то царь да на гузнó ныньце́.

Кабы стал-то играть Садкó попу́ще же,
кабы стал-то морской царь да поплясывать.

Сколыбалосе тогда да всё синё морё,
заходила-то пова́льня тóгда сильняя.

Да подумал-то Садкó, купец богатыя,
во своём-то уме, да крепком разуме:
«Я-то много потоплю караблéй купеческих».
Он рóзорвал свои да гусли звóнцяты.

Говорит ему топере-нынь морской-от царь:
«Уж ты ой еси, Садкó, купец богатыя,
ты поцинь-ко свои да гусли звóнцяты».

Говорит ему Садкó, купец богатыя:
«Я уци́лса играть да в гусли звóнцяты,
не уци́лса я почини́ть гусли звóнцяты».

Кабы это царю не полюбилосе,
он хватил-то Садка́ за длинну бороду,
он-то бросил Садка́ да вон из тéрему.

Да очу́дилса Садкó, купец богатыя,
под своим-то тогда ли Новым городом,
как лёжи́т у воды да он на бéрегу.

Да ставал тогда Садкó-то на́ ноги,
отреса́л свóю дли́нну-бóльшу бороду,
приходил-то Садкó да в Новой город-от.

Да стрецяют его купци богатыя,
да стрецяют нынь попы́, отцы духовные,
да стрецяют хресья́на православные:

«Уж ты здра́ствуёшь, Садкó, купец богатыя!
Кабы восемь лет тебя мы не видали нынь».

Да пошёл-то Садкó к своёму тéрему,
да бы раньше-то пришли éго чёрны ка́рабли.

Нанимал-то Садкó да тóгда плотничков,
как строил соборну Божью церковь нынь
как тому жё он Миколы всё Светителю.

12. Дани́лко Дени́сьевич

Кабы Волга-река да розливаласе,
кабы ти́хой-де Дон тогда повы́брызгал.

На Дону-де каза́ки зволновалисе,
зволновался-де Дани́лко-вор Дени́сьевич.

«Уж вы милые-де братцы, до́бры мо́лодцы,
уж вы стройте-ко Данилу нов черле́ной струг.

Кабы нос-де, корма да по-звериному,
и́щэ хо́боты метал чтобы по-змеиному.

На сере́доцькю постройте мурами́н чердак,
во чердак ноньце́ кроватку слоновы́х костей.

Потени́те-ко кроватку дорогим сукном,
испробейте кроватку золотым гвозьём».

И́щэ тут молодцы́ всё не отслы́шелись
да построили Данилу нов черле́ной струг.

И́щэ нос-де, корма да по-звериному,
и́щэ хоботы-то ме́цёт по-змеиному.

На сере́доцькю построили мурами́н чердак,
во чердак ноньце́ кроватку слоновы́х костей.

Потену́ли кроватку дорогим сукном,
испробили-то кроватку золотым гвозьём.

И́щэ стали-то они да снаряжатисе,
и́щэ стали-то они́ да сподоблятисе,
а берут они весе́лышка дубо́выя.

Говорит-то им Данилко-вор Денисьевич:
«Уж вы милые-де братцы, добрые мо́лодцы,

Вы гребите-ко, робята, день до вечеру,
те́мну ноченькю гребите до бела́ свету́,

Не пиваюцись гребите, не еда́ючись,
да белы́м рукам отдо́ху не дава́ючись.

Вы гребите-ко на у́сьё сла́вну ти́ху Дну,
заставайте караблй́ новы́ купечески».

Да гребут ныньце́ робята день до вечера,
те́мну ноченькю гребут да до бела́ свету́.

Выгребали-то на у́сьё сла́вно ти́ху Дну,
заставали караблй́ новы́ купечески.

Обирали вси товары, вси заморские,
да отту́ль-то нынь Данилко поворот держи́т.

Да змоли́лисе купци да Господу́ Богу́,
подымалась то́гда туця тёмна-грозная.

Кабы выпала из туци громова́ стрела,
пострелила-то Данилка всё Денисьева,
да тогда-то нынь Данилку смерть случиласе.

Да пристали-то робята на круто́й бере́г,
да построили гробницу белоду́бову,
погребли-то Данила во сыру́ землю́.

Кабы едут-то робята день до вечера,
да приходит-то тогда да ноцька те́мная.

Набежал-то Данилко-вор Денисьевиць,
становй́л-то бы их да середй́ реки

Да крычит-то, громит да зычным голосом:
«Уж вы милые братцы, до́бры мо́лодцы,
не утти-то вам бу́дёт, не уехати».

Как стоят-то они да вплоть до утра тут,
кабы стал-то тогда да ныньце бе́лой день,
кабы пал-то Данилко вниз на землю тут.

Подъезжали-то робята к кру́ту берегу,
погребли-то Данилка во сыру́ землю́.

Да отту́ль-то робята всё поехали,
кабы едут-то ле день они до ноци всё,
как приходит-то ле ноцька ныньце тёмная.

Набежал-то Данилко-вор Денисьевич,
становил-то бы их да середй́ реки,

Крычит-то, громи́т он зычным голосом:
«Уж вы милые братцы, до́бры мо́лодцы,
не утти-то вам будёт, не уехати,
не сухим-то путём, да вам не во́дою».

Кабы был у его да нынь подру́цницёк,
да подру́цьницёк был его, посте́льницёк,
да слыхал он от Данилка таково́ слово:

«Да не дёржит меня да мать сыра́ земля,
то́льки дёржит меня да нонь оси́нов кол».

Да бы стала-де зоря, да то́гда бе́лой день,
да бы пал-то Данилко вниз на землю нынь.

Подъезжали-то робята, до́бры мо́лодцы,
положили-то Данилку внич на землю всё.

Находили-то они тогда оси́нов кол,
как коло́тят-то они да про́ти се́рьча тут,
да остался тут Данилко сын Денисьевич.

3. Степан Фёдорович Хабаро́в

Степан Фёдорович Хабаро́в — небольшой, коренастый, здоровый старик 69 лет. Обе ста́рины, спетые им, записаны на рыболовной тони́[15], в 6–7 верстах ниже родной его деревушки Пы́лемца. Записывались ста́рины в невозможных условиях: на берегу реки, на песке, между двумя лодками, у костра. С Печоры дул сильный ветер, и руки коченели от холода, а, когда я садился у костра, дым невыносимо ел глаза. Кругом сидели рыболовы и своими замечаниями всё время мешали и мне, и сказателю. Кроме того, дело осложнялось ещё тем, что староста рыболовной ватаги, родной брат Степана Фёдоровича, жадный мужик, всё время ворчал, что Степан Фёдорович не работает, а занят пустяками. Не совсем нормален был и сам Степан Фёдорович. Петь он стал только после того, как выпил водки, а выпил он лишнее и потому пел не так твёрдо, как бы мог.[16]

На снимке – Обед пустозёров на тони́ на берегу Печоры. На переднем плане былинщик Степан Хабаро́в из деревни Пы́лемца [Ончуко́в 1902-2, с. 384–385, рис. 1]

---

[15] Тоня́ — рыбачий стан во время ло́ва.

[16] Этот случай собиратель также описывает в другом месте: «Пробовал я съездить на рыбную тоню́ и там поработать. Но условия работы на тоня́х крайне неблагоприятны, можно сказать, невозможны. Записывал былины я, например, у костра, между двух лодок. Если сидеть близко у костра — тепло, но дым невыносимо ест глаза; сесть от костра дальше — нет дыму, но руки коченеют от пронизывающего с океана ветра. Ветер рвёт листы бумаги, валит чернильницу, сыплет песок в глаза, и того и гляди пойдёт дождь. Ко всему этому нужно прибавить, что человек 20–30 рыболовов толпятся около и своими разговорами, замечаниями, вопросами делают работу вконец невозможной. Плохо записав две былины и получив насморк, от дальнейших попыток записывать былины на тоня́х я отказался» [*Ончуко́в 1902-2*, с. 360].

Степан Фёдорович — единственный сказитель в Пы́лемце, но слава о нём в Пустозерской волости так же велика, как о Горенке в Усть-Цилёмской. <…> К большому сожалению, его ни за что не хотели отпустить в деревню петь мне ста́рины, и я списал у Степана Фёдоровича только две. Во всяком случае, для меня была большая потеря, что я его не застал дома, в деревне [*Ончуко́в 1904*, с. 373].

Хабаро́в знал 17 былин, из которых было записано две, общим объёмом 579 строк[17]:

1) Святого́р (слыхал);
2) Илья и Соловéй[18];
3) Василий Игнатьевич;
4) Добрыня и Дунай;
5) Михайло Петрович (записана);
6) Пермя́та и Чури́ла;
7) Добрыня и Маринка;
8) Дуна́й Иванович;
9) Иван Горде́нович;
10) Соло́мон;
11) Фате́нко;
12) Лука́ Игнатьевич;
13) Ставёр Годи́нович;
14) По́тык Михайлович;
15) Дюк Степа́нович;
16) Василей Бусла́евич бьётся с новгородцами (записана);
17) Василей Бусла́евич едет в Еруса́лим.

---

[17] Кроме того, сказитель знал ещё ста́рину про Кострюка, которая также осталась незаписанной.
[18] Возможно, в сочетании с сюжетом про исцеление Ильи.

13. Михайло Петрович

Ай во славном во городе Карамы́шёве,
у того-то было Петра, купца богатого,
у того-то была молода́ жёна́,

Да во ту-то было по́ру, да во то времё,
ай во то-то было время нонь беременна.

Родила́-то, принесла да чада милого,
ай любимого бы сына да одина́кого.

Созывали бы отцов, попов, причя́тников
а крестити бы его, сына́, моли́твити.

Приходили бы попы, отцы духовные,
нарекли бы све́то и́мё ему Михайлушкой.

Заводилса у Петра тогда поче́сён пир
как на тих бы на радощах великиих.

А и пир-от у них шёл да о полу́пира,
кабы стол-от вёлса о полу́стола.

А и все бы на пиру были пья́ны-ве́селы,
да весьма-то бы нонь вси да веселёшеньки.

Говорит-то бы Пётр, купец богатыя:
«Уж ты ой еси, моя да молода́ жёна́,
у нас хто будёт теперь тешить-не́жити?

Отдадим-ко мы ведь бабушки-задво́ренки
а кормити-то, поить да чадо милое
до того бы ума, до кре́пка разума».

Посылали-то за бабушкой скора́ посла,
приходила тут бы бабушка-задворенка,
а примают тут старушку с чесью, с радосью.

Говорит тут его молода жёна́:
«Уж ты ой е́си, бабушка-задворенка,

Ты возьми-тко у нас да чада милого,
да любимого бы сына, одина́кого

Да кормити бы, поить его до возраста,
до того бы ума, до кре́пка разума».

А на то бы тут старушка да соглашаетца,
да берёт-то кормить-поить до возраста,
до того бы ума, до кре́пка разума.

Как бы отдали старушки этой, бабушки,
понесла в свою бы келью нонь во малую
да кормити бы, поить да до́бра мо́лодца.

Принесла бы его, да ди́тя ма́лого,
она кормит кусочками всё сбо́рныма
да пои́т молочькём сладки́м козловыим.

Как бы стал это́т Михайлушко лет пети-шести,
как бы стал это́т Михайлушко лет семи-восьми,

Приучать-то стала в грамоту всё руськую,
кабы в ти́ жё науки протчи мудрые.

А Михайлу грамота даваласе,
хитры-мудрыя науки открывалисе.

Кабы стал Михайло тогды́ на возрасте,
да во том бы уме, во крепком разуме.

Он бы стал бы, Михайло, лет двенадцети,
говорит-то Михайло своей бабушки:

«Уж ты ой е́си нонь, бабушка-задворенка,
а не та, видно, мать, коя́ спородила,
а та, видно, мать, коя́ воско́рмила».

Он бы падал-то ей да во резвы́ ноги́:
«Уж ты ой е́си нынь, бабушка-задворенка,

Уж ты дай благословеньица мне сходить-сгулять,
посмотреть-то охво́та лю́дей добрыих,
показать себя, уда́ла до́бра мо́лодца.

Ты не знашь ле где коня, как лошадь добрую,
по чисту́ мне-ка ли полю прогулятисе?»

Говорит-то то́гда бабушка-задворенка:
«Уж ты глу́по ты дитя да малоле́тноё,

Ты пое́дёшь-то теперь да во чисто́ полё,
а быват, найдёшь уда́ла до́бра мо́лодца,
ай бы сильняго могучего бога́тыря.

Потеряешь ты свою да бу́йну голову,
заневи́д ты потеряешь, не за денежку». —

«Уж ты ой е́си нонь, бабушка родимая,
ты спусти-тко меня да прогулятися.

Да не знашь ле ты мне-ка лошадь добрую?
Посмотреть мне-ка охво́та лю́дей добрыих,
показать себя, уда́ла до́бра мо́лодца».

Говорит-то е́му бабушка родимая:
«Я бы знаю-то далёко в поле чи́стоём,
у сыра-то бы дуба́ да есь глубо́к погре́б.

А во по́гребе стоит бы там до́брой конь,
а закрыт бы доской, плитой железноей,

Да засыпан бы песком, хрещо́м сыпучиим,
да закладен бы он пли́тьем-ка́меньём».

А тогды́-де Михайло осержаетце,
а розмётывал бы всё он пли́тьё-ка́меньё,
а розрыл бы хрящи́, пески сыпучие.

Да была-то бы плита да тут железная,
да тенула бы плита нонь да соро́к пудов.

Он пинал бы доску-плиту своей ногой,
улетела бы доска-плита во чисто́ поле́.

Услыхал-то бы тогды́ да те́перь до́брой конь,
обрывал-то бы чепи вси железные,
он выскакивал-то, конь, теперь из погреба.

Схватил тогда Михаило во белы́ руки́:
«Уж ты конь ле, мой конь, да лошадь добрая,

Уж ты как ле служил прежну́ хозяину,
уж ты так же послужи мне верой-правдою,
уж ты правдой ле, верой, не изменою,

Так же ты сноси меня по чисту́ полю́,
да уда́лого доро́дня до́бра мо́лодца».

Становилса бы конь у до́бра мо́лодца,
он пошёл бы, молоде́ц, да ко сыру́ дубу́.

На дубу-ту бы ведь было всё написано,
глубоко-то бы там было всё подрезано:

«А и есь-то бы тут да у сыра́ дуба́,
тут положено бы есь у до́бра мо́лодца,
да у сильнего могучего бы бога́тыря

Положена бы тут сбруя лошадиная,
тут бы вся-то есь припра́ва богатырская».

Разрывал тогды́ он матушку сыру́ землю́,
да нашёл бы нонь сбрую лошадиную,
как бы всю нонь припра́ву богатырскую.

Надевал бы узду на ко́ня тосмя́нную,
после того-то бы клал да мя́кки войлочки.

А под войлочки он клал подседе́льничёк,
а наверх-то он клал седёлышко черкасское.

Ай двенадцеть-то бы по́дпруг а он шёлковых,
а тринадцету кладёт через хребе́тну степь,

А не ра́ди бы басы́ да ради крепости,
кабы ради-то поездки молоде́цкоей.

Он берёт с собой матёр белой-поло́т шатёр,
он берёт с собой лук тугой-разрывчатой.

И́щэ три берёт стрелы с собой калёные,
ай калёные бы стрелоцьки, перёные,
не простым-то бы пе́рьицом — орловыим,

Не того-то бы орла что российского,
дорогого бы орла славна́ камчу́жского.

А берёт бы с собой да саблю вострую,
да берёт с собой палицу буёвую,
да берёт-то копьё востро́ё с про́пером,

Да берёт-то бы ножи́ще нонь, кинжа́лищо,
а берёт с собой аркан да белошёлковой.

Да берёт с собой латы всё булатные,
как кото́ры бы были с крепким па́нцирём,

Он берёт с собой шапоцьку булатную,
как кото́ра бы была да с крепким па́нцирём, —

Не брала-то её бы сабля, сабля вострая,
не ломила бы ей палица буёвая.

И́щэ брал с собой скатёрку-хлебосо́лочку,
как бы брал с собой шатёр белополо́тненой.

Кабы падал-то он бабушки в резвы́ ноги́:
«Ты прости-то бы, бабушка родимая.

Да не та-то ли нонь мать, коя́ споро́дила,
а та, ви́нно, мать, коя́ воско́рмила».

Да тогды-то бы старушка да приросплакалась,
а скочил молоде́ц да на добра́ коня.

То́лькё видела старушка, как на коня посе́л,
не видала у его поездки молодецкоей.

Прижимал-то бы ко́ня во́ стропы́ булатныя,
заходил-то под ним ко́ницёк, как лю́той зверь.

Он бы ска́цёт-то на ко́ни да с го́ры на́ горы́,
он бы скацёт-то с шёломя на ме́лема ока́тисты.

От его-то поездки молоде́цкоей,
молодецкоей поездки богатырскоей

Да камыш-то бы трава да расстилаетца,
а сыро́-то дубьё всё шатаетсэ.

Выезжал тогда Михаило на круту́ гору́,
вынимал-то он трубоцьку подзорную,
а смотрел-то, гледел да во вси стороны.

А во перву-то сгленул во сторону во северну,
а во северной сторонушке есь сини́ моря,
да сини-то бы моря тут ледовитыя.

Во-вторых, сгленул в стороночкю во летную,
да во летной стороны́ темны́ леса,
а темны́-то бы леса весьма дремучия.

Да сгленул-то бы в стороночкю во вста́чную,
да во восточной сторонке есь круты́ горы́,
да круты́-то бы горы́ да превысокие.

А гленул бы в сторонку тут во западну,
да под позападной сторонки, да под крутой горы́

А стоял-то бы в поле тут бы чёрн шатёр,
круг шатра-то бы ходят три добры́х коня.

А тогды́-то бы Михайло нынь раздумалса:
«А нельзя-то бы шатра протти-проехати,
а надь во шатре людей проведати, —

Мне не честь будёт, хвала да молодецкая,
да не выслуга бу́дёт богатырская».

Поворачивал коня тут ко черну́ шатру,
ищэ сам-то в уми тут природумалса:

«Я слыхал от своей бабушки родимоей,
что бы че́рн-от шатёр будёт неверныи,
а бы бе́лой-от шатёр да наш русскии,
кабы нецё молодцу́ страшитця-боятисе».

Поворачивал коня да ко черну́ шатру,
он бы гнал кабы кру́то по чисту́ полю́.

Приезжал тогды́ Михайлушко ко черну́ шатру,
во шатре-то бы Михайло сам послушиват
кабы злы-то разговоры их татарские.

Кабы есь тут три тотарина поганые,
а поганые собаки, нечестивые,
а четвёрта-то с има́ сидит кра́сна девушка.

А ограбили они-то золоту́ казну,
огроми́ли о́ни церкви вси соборные,
розорили бы мона́стыри приче́стные.

Да между́-то бы собой собаки дел делят:
на один-от пай кладут, собаки, сорок тысецей,
на другой-от пай кладут, собаки, сорок тысецей,
на третье́й-от пай нонь кладут кра́сну де́вицу.

Тут бы пла́цёт-то деви́ца, как река текёт,
она ро́нит бы те слёзы всё горючие,
а трепи́т-то бы, шшы́плёт трубчату́ косу́:

«Уж ты ой еси́, моя да трубчата́ коса,
ты досталася не кне́зю, не боярину,

не уда́лому доро́дню до́бру мо́лодцу,
а не сильнему могу́цю хра́бру воину,
а досталася тотарам на пору́ганьё».

Ак один-от говорит да таково́ слово́:
«Ты не плачь-ко, деви́ца, ду́ша красная.

Если ты-то в моём пао́ достанешьсе,
я возьму-то ведь тебя да за себя в жены́.

Я те дам поуче́ньё нонь вели́коё,
да на ко́ждой день по раны по кровавоей».

А другой-от говорит да таково́ слово́:
«Ты не плачь-кё, деви́ца, да ду́ша красная.

У меня-то бы есь теперь люби́мой сын,
да люби́мой-от бы сын да одино́кой был,

А возьму я нонь тебя за его в жены́,
уж ты будешь у меня в доме́ хозяйкою.

Он бы будёт же, деви́ца, нонь строжи́ти те,
а на ка́ждой день бить он будёт и стегать будёт,
а по три-ти раны давать тебе кровавыя».

А третей-от говорит да таково́ слово́:
«Ты не плачь-кё, деви́ца, ду́ша красная.

Уж в моём ты пао́ если достанешьсе,
про тебя-то у меня есь сабля вострая,
кабы востра́, нова́, некровавлена,
я ссеку у тя, срублю да по́ плеч голову».

Ай бы пла́цёт-то деви́ца пуще старого,
да не видит она свету ноньче белого.

А тогды́-то бы Михайлу за беду стало́,
за больша́ ему досаду показалося.

Он скакал бы тогды́ да со добра́ коня,
оставлял бы коня да не привязана,
как бы шёл ко тотарам да во черн шатёр.

Он не спрашивал не роду их, не племени,
а хватил-то их, тотар, тогды́ за черны́ кудри́
да тащил-то их, собак, да вон на улицу.

Как одно́го-то бы брал он под праву́ руку́,
а другого-то бы брал сам под леву́ руку́,
а третьёго прижимал на гру́ди белоей.

Высдымал-то бы выше буйной го́ловы,
да хвоста́л-мета́л о матушку сыру́ землю́,
а тогда-то бы тотарам смерть случиласе.

Розрывал-то бы татар их по мелку́ чесью́,
розметал бы собак да по чисту́ полю́.

Заходил тогды Михайло да во че́рн шатёр:
«Уж ты здра́ствуёшь, деви́ца, ду́ша красная!

Во-первы́х, ты мне невеста обручённая,
во-вторых, ты мне княгина первобрачная,
а по-ру́ськёму назвать — жёна́ венча́нная».

И не спрашивал у ей не роду он, не племени,
а ложилса с ей бы спать да в едино́ место́.

Он бы спал с ею же времени трои су́тоцки,
на четвертые сутки розбужаетце.

«Уж ты ой еси́, деви́ца, ду́ша красная,
ты коёго те́перь города, коёй земли,
коего́ видь ты отца да ро́дной матушки?

И́щэ как тя назвать будёт по имени,
и́щэ как звеличать по отечеству?»

Отвечат ему деви́ца, да ду́ша красная:
«Я из славного города Карамы́шёва,

Я того ведь нонь Петра, купца богатого,
я ему-то ведь буду всё люби́ма дочь».

А тогды́ бы говорил Михайло таково́ слово́:
«Уж ты ой есь, деви́ца, да ду́ша красная,

И́щэ ты мне не невеста обручённая,
и́щэ ты мне не княгина первобрачная,

И́щэ ты мне не жёна́ будёшь венча́нная,
и́щэ бу́дёшь ты мне́-ка, де́вушка, родна́ сестра».

А тогды́ они с ею да думу думали,
розделили пополам с им золоту́ казну.

Как удумали они с им Богу́ молитисе,
за свои-ти грехи тежки́ прощатисэ,
как пошли они в мона́стыри пречёстные.

Роспростилисе тогды́ да со родно́й сестрой,
он бы брал половину золотой казны.

Он поехал к сво́ей бабушки родимоей,
да навеки-то проститьсе с ро́дной бабушкой.

Он бы о́тдал ей двадцеть тысяць золотой казны,
а остатки-то бы взял он с собо́й тогды́.

14. Василей Буслáевич бьётся с новгородцами

А во том-то былó во Нóве городе,
кабы был, заводилса тут почесен пир.

А тогда-то бы вси весьма придумали
как позвать-то дорóдня дóбра мóлодца,
а и сúльнёго могýця храбра воина,

Как по имени Василья сынá Буслаева,
со своей-то дружинушкой хорóброей.

Как послали óни тогдú скорá посла
а просить его со матушкой с родимоей,
а просить-то во Новгород на почесен пир.

Кабы скоро послы теперь поехали,
попросили Василья сынá Буслаева
со своей-то дружиной со хорóброю.

А на то бы Василей не отслышен был,
он со матушкой Василей снаряжаетца,
со своей бы дружиной сподобляетце.

А поехал Василей в слáвной Новгород
кабы в той бы карете золочёноей
кучеров, молодцов очýнь хорошиих.

Как стрецяют-то их да с чесью, с радосью,
как проводят-то их да в гри́ни светлыя.

Óни все на пиру да напивалисе,
óни все на честнóм да пья́ны-вéселы,
на пиру бы молодцú да приросхвастались.

А один-от бы хвастат золотой казной,
а иной-от бы удачей молодецкоей,
а иной-от бы силой богатырскоей,
а иной-от бы несчатным скатным жемчугом.

Кабы умной бы хвáстат старой матерью,
а безумной похваля́тца молодой женой.

А тогды-то Василей неотступчив был:
«Уж вы ой, молодцы новгорóжаны,
и́щэ хто со мной бьётца о велúк заклад?

Я возьму бы, побью да сла́вной Новгород,
некому со мной во городе не выстоять».

Мужики новгоро́дчана неотсту́пцивы,
унимала-то дружина его хоро́брая:

«Уж ты ой есь, Василей сын Буслаевич,
не серди ты уда́лых до́брых мо́лодцов.

Нам не чесь-то, хвала бу́дёт молодецкая,
на пиру сидеть спорить, теперь сдо́ритьця».

Унимала его матушка родимая:
«Уж ты ой е́си, Василей сын Буслаевич,
полно те спорить, полно сдо́рити».

А Василей не на чё да не сдава́етце,
не уступат им уда́лой до́брой мо́лодец.

О́ни бились тогды́ да о вели́к заклад,
о́ни сделали усло́вьё промежу́ собой,

Ай когды́ открыть войну да на чисто́м поли́,
а в коё бы-то времё, да в кои́ часы.

Кабы вся его дружина подписалася
как под ту бы бумагу, под усло́вьё всё.

Отходил бы крутёнько тут почесен пир,
со пиру-то бы все да расходилисе,
по домам-то бы все да разбежалисе.

Поезжат бы Василей сын Буслаевич
со своей-то со матушкой родимоей,
со своей бы дружинушкой хоро́броей.

Приезжал бы во палаты белокаменны,
а и мать тут тогды́ да думу думала,
как бы как-то скроти́ть да сына милого.

Она удумала бы сделать нынь почесен пир,
напоила бы его тут зелены́м вином.

Он бы пьёт, гостит со матушкой родимоей,
а то матери-то сам не оберега́етца,
не бережа́етце бы матери, не опаса́етце.

Он напилса допьяна́ зелена́ вина,
кабы где-ка бы пал, да тут бы спать-то лёг.

То-то думала матушка родимая,
созвала бы кузнечей, да крепких мастеров,
заковала бы вокруг окошечка косявчаты.

Заковала у его да руки белые,
заковала у его да ноги резвые.

Занапле́цны железа сделала де́сеть пуд,
кабы на́ руки железа были пять пудов.

Повалила на кроватоцьку тесо́вую,
а на ту бы перинушку пухо́вую.

Одева́льницой закрыла че́рных со́болей,
ясны очи закрыла ка́мкой хру́щатой.

Как замкнула ведь она тогды́ за́ три замка,
ай за́ три бы замка крепки́-весу́чие,
тут поставила сторожо́в да карау́льниих.

Он бы спит, молоде́ц, да просыпаетце,
ото сну времё детине розбужатисе.

Как во ту-то бы по́ру, да во то́ времё,
то́гды шла-то де́вушка из Нова́ города́.

Подбегала ко его высокому те́рему,
ко тому бы ко окошечкю кося́вцету,
ко его-то бы нонь да ло́жни тёплоей.

Говорит бы девушка таково́ слово́:
«Уж ты ой еси, Василей сын Буслаевич,

Ты хорош был во славном Но́ве го́роде,
ты удал был, боёк би́тьце-ра́титьце
с мужиками новгородскими о велик заклад,
а тепере ты, Василей, сам запрятался.

Да твоей-то дружины мало можетца,
не может стоять да со Новы́м городом.

А у их-то вси головы приломаны,
кушаками ихны головы поверчены».

Ото сну тогда Василей пробужаетце,
от великой хмели́ны просыпаетце,
он учу́юл на́ се железы злы-тежёлые.

Е́го ясны-ти очи помутилисе,
как горе́чи е́го сле́зы прокатилисе,
а могучие плечи расходилисе.

Он срывал тогды́ желе́зы да со бе́лых рук,
а спихал-то желе́зы да со ре́звых ног,
о́ни лопнули, желе́зы, розлетелися.

Потену́лса-то он да могуцьми́ плецьми́,
кабы со́рвал желе́за занапле́цные —
то́гды стал молоде́ц да на своей воли́.

Кабы стал со кроватоцьки тесо́воёй,
он беле́шенькё, Василей, умываетце,
тонким-белым полотенцем утираетце.

А накладывал на ся тогды́ кунью́ шубу́,
надевал сапоги тогды́ сафья́нные,
опоя́ску опоясывал он шёлкову,

Не того, видно, шёлку что российского,
дорогого сла́вна шёлку шемати́нского.

Приходил ко дверям нонь ко железныим:
«Уж вы ой еси, вы стражи каравульныя,

Отмыкайте замки скоро́ весучия,
выпускайте меня, уда́ла до́бра мо́лодца.

Мне не времё-то жить теперь во комнаты,
мне-ка времё-то идти да на свою волю,
как идти-то, бежать во славной Новгород».

От стра́жей-то Василью нынь ответу нет,
как тогда-то Василью за беду стало́,
за великую досаду показалосе.

Его ясные оци помутилисе,
как могучи-то плеци расходилися,
богатырско е́го сэрцо разъярилосе.

Он пинал-то бы двери всё железныя,
розлетелися двери на сере́дь двора,
кабы со́рвал замки он всё весу́ция.

А стражи-то бы всё усторони́лисе,
выходил-то бы Василей вон из комнаты,
да нехто́ бы не смет слова вымолвить.

Говорил-то деви́це, ду́ше кра́сноей:
«Когды буду я, Василей, на своей воли́,

Наделю-то те́бя я да золотой казной,
я обсыплю тебя дак скатным жемчугом».

Не берёт-то Василей золотой казны,
а берёт то́лькё Василей свой черле́ной вяз,

По весу ко́я палица буёвая,
по весу она бы те́нёт девено́сто пуд.

Побежал-то Василей в славной Новгород
ко своей-то дружинушке хоро́броей.

Он бежал-то, Василей, по чисту́ поли́ю,
ай не есён-то соко́л перелёт летел,
ай то бел-то бы кре́чет перепу́рх пустил.

Ой немного тут поры́ да миновалосе,
тут бы стретилась им женщина снарядная,
говорит-то она да таково́ слово́:

«Уж ты ой еси, Василей сын Буслаевич,
ты горазд был гостить да во Нове́-городе́,
а горазд ты был битьця о вели́к заклад.

А теперь-то молоде́ц да приюпряталсе,
уж ты выдал дружинушку хоро́брую.

Как твоей-то дружине мало мо́жетца,
а не может стоять да с Новым городом.

У их вси-то бы головы испроломаны,
кушаками и́хны головы поверчены».

Ай Василью это слово за беду стало́,
за великую досаду показалося.

Он срывал-то бы с женщины пла́тьё цветное,
обнажил-то бы женщину всю до́нага,
отдавал-то пла́тьё деви́це, ду́ше кра́сноей.

«Ты прими-тко, деви́ца, ду́ша красная,
когда буду-то я да на своей воли́,
награжу я тебя да золотой казной».

Он бежит-то бы, Васька, по чисту́ полю́,
ай не есён-то соко́л перелёт летит,
ак бе́лой-то бы кре́чет перепу́рх пустил,
он бы столь скоро́ бежит по чисту́ полю́.

Повстречалса ему́ кали́ка перехожая,
кабы тот старичи́ще Перегри́мищо.

Ай несёт бы ко́локол да девено́сто пуд,
на своей-то несёт да буйной го́ловы.

«Уж ты молодо́ курё, не попа́рхивай,
моло́дыя Василей, не похвастывай.

Я ведь был богаты́рь да не в твою пору́,
не в твою-то бы пору́, не тебе ровня́.

Уж ты выдал всю дружину всю хоро́брую,
а твоей-то дружины мало мо́жётца.

Все у их головы да проломаны,
кушаками их головы повернены».

А Василью тогды́ да за беду стало́,
за большу́ ему досаду показалосе.

Е́го ясны-ти оци помутилисе,
как горяци е́го слёзы покатилисе.

Он выхватывал бы скоро свой червлёной вяз,
он махнул старику да по буйно́й головы́,
по тому колоко́лу всё великому.

А и стоит старичо́нко, не воро́хнетце,
как на головы́-то кудри всё не тря́хнутця.

А тогды́-то Василью за беду стало́,
за большу́ бы досаду показалося.

Побежал-то бы Васька к речки Во́лховой,
а стоял под горой да тут бы сы́рой дуб,
о двенадцети он са́жен был печатныих.

Вырывал-то бы сы́рой дуб из ко́реню,
он хвоста́л бы о матушку сыру́ землю́.

Розлетелсе бы дуб да на́ три же́ребья,
он схватил бы-то же́ребей с кокóрою.

Он бежал бы тогда да на круту́ гору́,
он махнул старика да Перегри́мища
как из той бы из силы богатырской.

Розломил колоко́л да на три он же́ребья,
он бы со́рвал же голову с могу́щих плеч.

А ищэ у старика язык воро́титцэ:
«Уж ты ой е́си, Василей сын Буслаевич,
ай не бу́дёт тебе да поединщика».

А тогды́ шёл бы Васенька во Новгород,
прибежал-то Василей в сла́вной Новгород,
а дружины-то его да мало можетця.

И́щэ все их бы головы проломаны,
кушаками их головы все поверчены.

Говорит-то Василей сын Буслаевич:
«Уж вы ой, моя дружинушка хоро́брая,
вы отда́льтесь-ко прочь да во чисто́ полё.

Уж вы дайте-ко мне-ка розгулятисе,
с новгородцами мне-ка поотведатца,
поотведатця нонь, да и поправитце».

Отшану́ла вся дружинушка хоро́брая,
он бы взял-то бы кру́то свой черле́ной вяз,

Он бы стал тут вязо́м, Васька́, помахивать,
как нехто́-то не мо́жёт битьця-ратитьця.

Ай летал он по силы, силы-армии,
кабы бегат Василей, как бы лю́той зверь.

Ай увидели во городи как стрась таку́,
о́ни думали бы думу промежду́ собой:
«Не стоять, видно́, с уда́лым до́брым мо́лодцом».

Посылали они тепереча скора́ посла
ко его-то бы матушки роди́моёй,
уняла чтобы́ своего́ чада милого.

Кабы скоро-де послы тогды́ поехали,
приезжали они тогды́ к Омельфе Тимофеевны.

Кабы просят они тогда нижáющо,
как нижáющо просят, со покóрносью,

Уняла чтобы́ своéго чада милого,
ай бы милого бы сына, всё любимого.

Отвечат-то им она да таковó словó:
«Уж вы ой нонь еси, да люди добрыя,
уж вы что жё надо мной да посмехаетесь?

У́ мня спит-то бы чадо, не пробудитце,
ай в крепких-то железах, во тежёлыих».

«Уж ты ой еси, Омельфа Тимофеевна,
ты подлéгчи, сходи да в гри́ню светлую».

Ай пошла бы она да в гри́ню светлую,
éго нету во гри́не, не случилосе,
ай во грине лежит всё прило́мано.

Ай назад бы тогды́ да поворот даёт,
от стражей-караульщиков óна спрашиват:
«Ай куды у мня ушёл да нынь люби́мой сын?»

От стражей-то тогда да и ответу нет,
а слезами-то стражи да уливаютце,
а нехтó-то бы не смет да слово вымолвить.

Ай пошла тогда Омельфа Тимофеевна,
как пошла-то в свои да нóвы комнаты,

Призывала своих да дóбрых мóлодцов,
и́щэ тех бы нонь слуг да всё придворныих.

Приказала запрéчь тогда добрá коня
и́щэ в ту бы корету золочёную,

Ай проведать своéго чада милого,
ай любимого бы сына, одинáкого.

А на это ведь слуги не отслы́шелись,
запрегáли бы в карету золочёную,
повезли-то ие́ да в слáвной Новгород.

Привозили-то её да в сла́вной Новгород
как на то бы побоищо великое,
как на то бы кроволи́тьё непомерное.

Как крычит она, зычит да громким голосом:
«Уж ты ой есь, ты мой ясён соко́л,

Уж ты ой еси, моё ты чадо ми́лоё,
ай люби́моё дитя ты, одино́коё,

Умири ты свое да ретиво́ сэрцо́,
опусти ты свои да руки белыя».

А крычит вся дружинушка хоро́брая,
как ревут все, зыча́т да громким голосом,
нечёму́-то бы Василей тут не ба́рдуёт.

Побежала она́ к е́му, до́бру мо́лодцу,
захватилася ему да за праву́ ногу́,
волочилась бы она да по чисту́ полю́.

Как крычит-то, зычит дружинушка хоро́брая:
«Уж ты ой есь, уда́лой до́брой мо́лодец,

Умири ты сво́е се́рцо богаты́рское,
опусти ты сво́и нынче руки белыя».

Говорит-то Василей сын Буслаевич:
«И́щэ что это́ да ону́ча привязалася?»

Говорит-то дружина всё хоро́брая:
«Привязалася-то к те да ро́дна матушка».

Как тогды́-то бы уда́лой до́брой мо́лодец
опустил он свои да руки белыя,

А поставил-то бы он свой черле́ной вяз
как во сла́ву во матушку сыру́ землю́.

А на то бы мужики были́ догадливы,
да таскали то́гды золото со всех сторон.

А осы́пали бы вяз-от золотой казной,
нонь не видно стало палицы боёвоей.

Покорилса-то весь да славный Новгород,
выдавали-отдавали золоты ключи.

4. Алексей Иванович Дитя́тев

Слепой старик 71 года из Вели́кой Ви́ски. Живёт очень бедно на самом краю села, на заречной стороне, в маленькой избушке, вместе с родным братом. Несмотря на своё убожество и старость, ещё должен работать. Когда я пришёл к нему, он на берегу речки с мальчонком, своим племянником, пилил на дожде дрова, а зрячий брат его в это время плёл в тёплой избе сети. Ещё совсем недавно Алексей Иванович ездил на целое лето в море на звериные промыслы.

Ста́рины Дитя́тев знает прекрасно, поёт твёрдо, уверенно. При пении сильно акает, между тем при разговоре аканья вовсе не заметно, да и неоткуда ему быть. Алексей Иванович также прекрасный сказочник. И сказки он знает твёрдо, рассказывает очень хорошо, складно [*Ончуко́в 1904*, с. 312; *Ончуко́в 1909*, с. 127].

Алексей Иванович Дитя́тев сообщил о своём знании 5 былин[19], из которых Ончуко́в записал одну в 318 строк:

1) Добрыня и змея;
2) Касья́н Степанович;
3) Иван Горде́нович (былина записана);
4) Соло́мон;
5) По́тык Михайлович.

Сказитель из Ла́божского Василий Петрович Тайбаре́йский сообщил, что перенял от Алексея Ивановича былину про Илью и Соко́льника (№ 40).

---

[19] От этого сказителя Ончуко́в также записал и опубликовал старшую историческую песню про Скопина́ и восемь сказок [*Ончуко́в 1904*; *Ончуко́в 1909*]. Знал Дитя́тев и духовные стихи.

15. Иван Горде́нович

Во сто́льноём во городи во Киеви
у ласкова князя у Владымира

Было пиро́ваньё-столо́ваньё,
да был у него, братцы́, почесен пир

Про многих князей да многих бо́яров,
да сильныих русскиих бога́тырей.

Да вси на пиру да пья́ны-ве́селы,
да все на честно́м потешаютца.

Растешилса Солнышко Владымир-князь,
да погуливат по гри́денке по светлоей,
по той же се́реды кирпищатой,

Ре́звыма ногами он посту́пыват,
белыми руками он розма́хиват,

Ру́сыма кудрями принатря́хиват,
я́сныма оця́ми на всех сгле́дыват.

Он завидел уда́ла до́бра мо́лодца
по имени Ивана всё Горде́нова:

«Ты ой есь, Иван да сын Горде́нович,
ты что же сидишь о́чунь не весело,

Пове́ся держи́шь да бу́йну голову,
поту́пя очи ясны во кирпи́щат пол?

Али местом тебя мы приуни́зили,
али цары тебе да не доно́сили?»

«Аж ты ой еси, Солнышко Владымир-князь,
вы местом меня да не унизили,
да цары-ти мне-кова доно́сили.

У тя все на пиру сидят пожёнены,
у тя красныя де́вичи повы́даны,

Един я, Иван, да нынь холо́ст хожу,
я холо́ст-от хожу да не женат живу.

Захотелосе бы мне да поженитисе
да во сто́льнём городе в Чернигове
у ласкова у князя у Черниговска

На его же на любимой на дочери,
на душке Маринке Лебедь Белоей,
на той Маревья́ны на Прекрасноей».

Говорит-то наш Солнышко Владымир-князь:
«Когда хочешь, Иван, дак можешь на ей женитисе».

«Аж ты ой е́си, дядюшка роди́мой мой,
ты Солнышко батюшко Владымир-князь,
одному-то мне теперь ее́ не взять будёт.

Мне-ко надо тридцать всё бога́тырей,
да сильниих русских храбрых воинов».

Говорит-то наш Солнышко Владымир-князь:
«Ты ой есь, Добрынюшка Микитиц блад,

Садись-кё, Добрыня, за дубо́вой стол,
за дубо́вой-от стол да на реме́щет стул,
пиши ерлыки́ да скоропи́щеты».

На то-де Добрыня не осль́ышалсэ,
да скоре́ он садитца за дубо́вой стол,
за дубо́вой-от стол, да на реме́щет стул,
писал ерлыки́ да скоропи́щеты.

Срежаетце Добрыня во чисто́ полё,
узда́ёт-седлает ко́ня доброго.

Да скоре́ он садитца на добра́ коня,
поехал Добрыня во чисто́ полё,

По тим по дорогам по широ́киим
метал ерлыки́, да ско́ры грамотки.

Соезжалисе бога́тыри во Киев-град,
да тридцать-де три ровно́ бога́тыря,
да ко ласкову князю на почесен пир.

Да пир-от идёт да о полу́пиру,
да стол-от идёт да о полу́стола,
да князь-от Владимир о полу́хмеля.

Да день-от идёт у нас ко вечеру,
да солнышко катитце ко западу,
кнеженевская радость в полура́дости.

Говорил-то Иван сударь Горде́нович:
«Ты Солнышко батюшко Владымир-князь,
ты откатывай боцьки сороковоцки,

А сорок нам бо́чёк зелена́ вина,
двадцеть нам бо́чёк да пива пьяного,
сорок нам возо́в да ха́рчу хлебного,

Давай мне товару на сорок тысечей,
заплачу тебе, суда́рь, деньги полныя».

На то же Владымир не отслышелсэ,
откатывал боцьки сороковоцьки,

Сорок-де бо́цёк да зелена́ вина,
двадцеть нам бо́чёк пива пьяного,

Сорок нам возо́в да ха́рчу хлебного,
давал же товару на сорок тысецей.

И стали молодцы да нонь срежатисе,
скоре́ того они да сподобляютцэ.

Во-первы́х, стар казак Илья Муромец,
со своим же бы он да со деся́точкём,

Во-вторых, Самсон сын Колыбанович,
со своим же бы он да со деся́точкём,

Во-третьи́х, Борис сударь Горде́нович,
со своим же бы он да со деся́точкём.

Уздают, седлают ко́ней до́брыих,
да скоро́-де скачут на добры́х коней.

Не видали молодцо́в, когда на ко́нь сяли́,
да видят, там во поле курева́ стоит,
скопоти́ли пески мелки́-сыпучие.

Да скоре́ пое́тца, скоре́ скажетца,
да много-де времени минуетца.

Подъезжают под сла́вной под Чернигов-град,
становилисе они на зелены́ луга.

Розоставили шатры белополо́тнены
от Чернигова-града за двенадцеть вёрст.

Да стали пировать да столовати же,
да стали они да думу думати:

«Кому из нас идти во Чернигов град,
кому же идти из нас свататьцэ?

Послать нам Олёшенькю Поповица,
второго Добрынюшку Микитица,

Умеют они да, право, чесь воздать,
чесь-ту воздать и слово вымолвить».

На то молодцы́ да не отслышались,
поехал Добрынюшка Микитиц блад,
другия Олёшенькя Поповиц блад.

Да едут во славен во Чернигов-град,
ко городу едут не дорогою,
они в город заезжают не воро́тами.

Скачут через стену городовую,
ко тим же полатам княженевскиим,
ко тому ко крыльцю ко прекрасному.

Да скацют-де скоро со добры́х коней,
да вяжут своих да ко́ней добрыих

Ко тому же столбу да ко дубо́вому,
за то же колечико серебрено.

Заходят они да на красно́ крыльцо,
проходят они да во новы́ сени́,
из новы́х сеней во гри́ню во столовую.

А молятце они да Господу́ Богу́,
они крес кладут да по-писа́нному,
поклон-от ведут да по-учёному.

Да кла́нятце на все четыре стороны:
«Здра́вствуёшь, князь Фёдо́р Черни́говской!»

«Приходите, удáлы дóбры мóлодцы,
и куда идите́ да ку́ды правитесь?»

«Идём как о дóброём о деле о сва́товсве
на твоей же на любимоей на дочери,

На душке Маринке Лебедь Белоей,
на той Маремьяны на Прекрасноей,
за того же за Ивана за Горде́нова».

Говорит-то им князь Фёдо́р Черни́говской:
«Не Иван-то поставил и́шшо плёночку,
не Горде́нову попала в плёнку уточкя.

Поставил плёнку Васенькя Окулович,
да Васеньке попала в плёнку уточка.

Да Васенька Окулович весьма вели́к,
промежду́-де плецьми́ его коса́ сажéнь,
промежду́-де глазьми́ его цело́й арши́н.

Да ноги его будто́ кичи́жища,
да руки его как си́льни гра́блища,

Да очи его как пи́вны ча́шища,
да уши его как царски блю́дища,

Голова у него будто́ пивно́й котёл,
да тот же котёл сорока́ ведёр».

Говорил-то Добрыня, не упадывал:
«Ты ой есь, князь Фёдо́р Черни́говской,
ты тем-то-де нас нынь не устрашивай.

Самих же нас здесь трицце́ть бога́тырей,
да сильниих русских храбрых воинов.

Ты чесью нам дашь, дак во́зьмем с радосью,
ты чесью не дашь, мы во́зьмем не́чесью».

Пошёл-то-де князь Фёдо́р Черни́говской
ко своей он ко дочери любимоей:

«Ты душка Маринка Лебедь Белая,
идёшь ли за Ивана за Горде́нова?» —

«Не Иван-де поставил и́ще плёноцькю,
не Горде́нову попала в плёнку уточка.

Да поставил плёнку Васенька Окулович,
да Васеньки попала в плёнку уточка».

А и тут-то князь Фёдор осержа́етце,
хватил-то свою да саблю вострую:

«Ссеку я тебе да по́ плеч голову —
нейдёшь за Ивана за Горде́нова».

«Аж ты ой еси, батюшка родимой мой,
я не еду теперече на их конях,
суреди́ же ты мне да своего коня».

Суреди́ли же ее́ да ворона́ коня,
выходила Маремьяна дочь Прекрасная,
садилась она на ворона́ коня.

Поехала она да на зелёны́ луга,
ко тим ко шатрам белополо́тненым.

Стречат-то Иван да сын Горде́нович,
берёт-то ее́ да за белы́ руки́,
сыма́т ее́ да со добра́ коня,
чёлу́ет ее́ в уста саха́рныё,
заводит её да во бел шатёр.

Пировали-столовали трои сутоцьки,
отту́ль молодцы да поворот дают.

Обирали шатры белополо́тнены,
да скоре́ они садяцца на добры́х коней,
да едут во сто́льнёй сла́вной Киев-град.

Да едут они да по чисту́ полю́,
им па́ла дорожка попере́цная,
попере́цна дорожецька, кровавая.

Да тут молодцы остановилисе,
говорил-то Иван суда́рь Горде́нович:

«Ты ой есь, Борис суда́рь Горде́нович,
поедь со своим да со деся́точкём,
изведай дорожечкю кровавую».

На то-де Борис не отслышалсэ,
поехал со своим да со деся́точкём.

198. Поехали они да по чисту́ полю́,
199. им па́ла дорожка попере́чная,
200. попере́цна дорожечка, кровавая.

201. Да тут молодцы остановилися,
202. говорил Иван суда́рь Горде́нович:

203. «Ты ой есь, Самсон сын Колыбанович,
204. ты поедь со своим да со деся́точкём,
205. изведай дорожечкю кровавую».

206. На то-де Самсон да не отслышалса,
207. а уехал со своим да со деся́точкём.

208. Поехали они да по чисту́ полю́,
209. им па́ла дорожка попере́цная,
210. попере́чна доро́жёцька, кровавая.

211. Да тут молодцы́ остановилисе,
212. говорил-то Иван суда́рь Горде́нович:

213. «Ты ой есь, старо́й да И́лья Муромец,
214. ты поедь со своим да со деся́точкём,
215. изведай дорожечкю кровавую».

216. Говорил-то старо́й да И́лья Муромец:
217. «Ты ой есь, Иван суда́рь Горде́нович,
218. ты оставь себе меньшо́го слу́гу-па́робка.

219. Говорил-то Иван суда́рь Горде́нович:
220. «Поезжай со своим со всем деся́точкём».

221. Говорил-то старо́й да Илья Муромец:
222. «Ты оставь себе меньшо́го слу́гу-па́робка».

223. Скрычал-то Иван суда́рь Горде́нович:
224. «Говорят, поезжай со всем деся́точкём».

225. На то-де Старо́й да не отсльшелсэ,
226. поехал со всим своим деся́точкём.

227. Поехал Иван суда́рь Горде́нович
228. со душкой Маринкой Лебедь Белою.

229. Заехали они да в ле́сы те́мныя,
230. да тут-то они остановилисе,

Раскинули шатёр да бел-поло́тненой,
легли о́ни спать, да опочи́н держать.

Как о ту было по́ру и о то́ времё
наехал-де Васенька Окулович,
крычит-то Василей во всю голову:

«Ты гадина, ворона пустопёрая,
ты та жё сорока огумённая,

Куда полетел по чисту́ полю́?
Да полно те спать, право́, пора ставать».

Ото сну тут Иван пробужаетцэ,
в одно́й-де рубашечке без пояса,
в одны́х-де чулочках без чёботов

Выскакивал скоро вон на улицу,
бежит-то ко Васеньки настре́ту же.

Да едет Василей на добро́м коне,
махнул-то Василей саблей вострою.

На то же Иван да был увёртливой,
подвернулся под гриву лошадинную,
промахнулса-то Васенькя Окуловиц.

Хвати́л-то Иван да за русы́ кудри́,
да сдёрнул его да со добра́ коня
на ту же на матушку сыру́ землю́.

Садилса ему да на белы́ груди́,
расстегивал пуговки талья́чныя.

«Ай ты душка Маринка Лебедь Белая,
подай-ко синьжа́лищо була́тен нож,

Распороть-то бы мне да гру́ди белыя,
посмотреть-то бы мне да ретиво́ сэрцо́».

У него, у собаки у проклятоей,
да во рте язык, право́, воро́чатце:

«Да душка Маринка Лебедь Белая,
за им-то те быть — будёт служанкой слыть,
за мной-то те быть — будёшь царицой слыть».

Прибежала Маремьяна дочь Прекрасная,
попу́тала Ивана всё Горде́нова.

Да справилса Васенькя Окуловиц,
да скакал-то Василей на резвы́ ноги́.

Прижимали Ивана ко сыру́ дубу́,
да опутали во пу́тенки шелко́выя:
«Да тебе сырой дуб да молода жена».

Заходили они да нынь во бел шатёр,
да не закинули у шатра да по́лу правую,
легли о́ни спать, да опочи́н держать.

Во ту было по́ру и во то́ времё
прилетели из чиста́ поля́ два го́луба,

Садились они да на сыро́ дубьё,
на самыя они да на верши́ночки.

Увидел-то Василей он двух го́лубов,
хватил у Ивана, право, ту́гой лук,
хватал его стрелоцьку кале́ную.

Натегат-то Васильюшко нонь ту́гой лук,
стрелят-то Василей в этих го́лубов.

Не дошедши стрела их, поворот даёт,
разлеталася Васеньке в белы́ груди́,
роспорола его да гру́ди белыя.

Сомешалась его да кровь со печенью,
да тут-то Василью смерть случиласе.

Выходила Маревья́на из бела́ шатра,
она кланяетца Ивану в ногу правую:
«Прости глу́пу бабу во перво́й вины». —

«Спроста́й-ко меня да от сыра́ дуба́,
прощаю тебя да во перво́й вины».

Роспроста́ла опу́тинки шелко́выя,
спроста́лса Иван суда́рь Горде́нович.

Одеваетце в своё да платье чве́тное,
да скоре́ он сади́цца на добра́ коня,
а душка Маринка за им же тут.

Поехали они да лесом тёмным,
доехали они да нонь до реченьки.

Да тут-то они остановилисе,
да слез-то Иван да со добра́ коня.

«Ты душка Маринка Лебедь Белая,
захотелосе бы мне-кова напитисе,
ты подай-кося мне воды ключа́воей».

Слезова́ёт Маревья́на со добра́ коня,
берёт-то Иван да саблю вострую.

Отсек он у ей да по коле́н ноги́:
«А эти мни ноги-ти не надобно,
со поганым татарином оплеталисе».

Отсек он у ей да по локо́т руки́:
«Да е́ти мне ру́чишша не надобно,
со поганым тотарином обнималисе».

Отсек он у ей да нос-от с гу́бами:
«Эти мне гу́бишша не надобно,
со поганым тотарином человалисе».

Умывал-то Иван да руки белыя,
уехал в пещеры во великия,
да начал Иван Богу́ молитисе.

5. Василий Артамо́нович Ни́конов

Василий Артамо́нович Ни́конов — пустозерский старшина, родом из Нары́ги. А две Нары́ги, Большая и Малая, славятся на Печоре обилием ста́рин и мастерством петь их. В Нары́гах я, по случаю наступления времени промысла, не был, но Василия Артамо́новича как волостного старшину встретил в Пустозёрске, где он в волостном правленье и рассказал мне, что знал. Это типичный пустозёр: маленький, толстенький, с тихими, немного льстивыми речами. Ста́рины свои сообщал мне как-то таинственно, после усиленных просьб, точно рассказывал какую-то тайну, которая только что случилась у него в соседях [*Ончуко́в 1904*, с. 393].

Василий Артамо́нович, подобно Павлу Григорьевичу Ма́ркову из Бедово́го, рассказывал об Иване Грозном так, как будто царь этот жил на его памяти, лет 30 назад [*Ончуко́в 1904*, с. XIV].

От Василия Артамо́новича Ни́конова записано две небольшие былины (всего 115 стихов)[20]:

1) Пота́п Иванович;

2) Василей Бусла́евич набирает дружину.

---

[20] Также от сказителя Ончуко́в записал и опубликовал три исторические песни и одну балладную [*Ончуко́в 1904*].

16. Пота́п Иванович

Подходил Шку́рлак-царь под Новгород,
хо́цёт Шку́рлак-царь взять Новгород,

Самолучшую-то силу повыгонить,
худолучшую силу-то под пень склонить.

Бога́тырей во городе не лучи́лосе,
был один Пота́п сын Иванович,
о́т роду Пота́п двенадцеть лет.

Приходил Пота́п к отцу, к матере,
падает Пота́п в ноги резвые:

«Благослови меня, отец да ныньце матушка,
выехать мне да на чисто́ полё».

Не спуска́ёт его да о́тец с матерью:
«Ты не езди, ты чадо малоле́тноё».

«Даите́ благословеньицо — поеду я,
не даите́ благословеньицо — поеду жё».

Стал-то Пота́п да снаряжатися,
он уздал-то, седлал да ко́ня доброго.

Заскакивал Пота́п да на добра́ коня,
и не видели его посадку молоде́ческу,
то́льки видят-то, в по́ли курева́ стоит.

Наехал-то Пота́п на рать великую,
на ту жё Литву да на поганую,

Во праву́ руку́ махнёт — дак ле́жит улича,
во леву́ отведёт — дак переулками.

Отъехал тут Пота́п да во чисто́ полё,
роскинул-то Пота́п да бел поло́тнен шатёр,
заснул Пота́п с тяжкой работы.

Розоспалса Пота́п да тяжким сном,
взе́ли собаки во полон Пота́па,
сковали Пота́па в чепи-оковы.

Повалили Пота́па на телегу двоеко́льщету,
потену́ли Пота́па к ца́рю Шку́рлаку.

Притену́ли Пота́па к ца́рю Шку́рлаку,
говорит-то Пота́пу Шку́рлак-царь:

«Склонься мне, Пота́п сын Ивановиць,
дам-то я тебе да золотой казны».

Отвечат Пота́п сын Ивановиць:
«Кабы был-то я, жил да на своей воли́,
ссек бы у тебя да по́ плець голову».

Говорит-то Пота́пу Ску́рлак-царь:
«Молодой ты, детина, сердцом заплываешься,
мне, царю, да в речи не дава́ешьсе.

Склонься мне, Пота́п да сын Иванович,
дам тебе доце́рь я в супружесво».

Говорит-то Пота́п да сын Ивановиць:
«Кабы был-то я, жил да на своей воли́,
ссек бы у тебя голову и у дочери».

Отвечат ему ныньце да Шку́рлак-царь:
«Молодой ты, сердце́м заплываешься,
мне, царю, да в речи не вдаваешься».

Потену́ли Пота́па во чисто́ полё,
ко той ко плахе кровавоей,
отрубить у Пота́па по́ плець голову.

Тут Пота́п и расплакалса,
в уме-то Пота́п тут и взмолилсе:

«О, Пресвята Мать Богородица,
я стоял-то за Спаса Вседоржителя,
я стоял за Пресвяту Мать Богородицу,

Я стал за чесны́ мона́стыри,
я стоял за отца, за мате́рь свою,
я стоял за веру православную».

Бе́жит по чисту́ полю́ кали́ка перехожая,
крычит кали́ка громким голосом:

«Не бейте Пота́па да Ивановиця,
дайте с Пота́пом мне проститисе».

С рук-то, с ног у Пота́па железа обвалилисе,
с шеи оковы да окатилисе,
соскочил-то Пота́п тут на резвы́ ноги́.

Нечем у Пота́па борони́тисе
от рук от татарских да нечестивыих.

Схватил-то Пота́п телегу двоекольчету,
бил-то, ломил Пота́п многочисленно.

Побежал тут Пота́п ко добру́ коню,
заскочил-то Пота́п тут на добра́ коня,
броси́лса Пота́п к ца́рю Шку́рлаку:

«Уж ты здраствуй, Шку́рлак, нечести́вой царь!
Не ты ли мне давал, царь, золотой казны,
не ты ли-то давал, царь, супружесво?»

Ссек он у собаки по́ плець голову,
ссек он голову и у доцери.

17. Василей Буслáевич набирает дружину

Был-жил Буславей девеносто лет,
не с кéм Буславей не ссáривалса,
не с кéм-то Буславей не сдáривалса,
ноньце Буславей преставилса.

Оставаетце его да чадо милое
по имени Василей сын Буслаевич,
поступки-пошшáпка не отцовския:

Выйдет с малыма робятами играть на улицу,
коего зá руку схватúт — рука вырветса,
коего зá ногу схватúт — нога изломитце,
посерёдочки хватúт — жизнь кончаетце.

Стали к матушки ходить, жалобу творить:
«Свóё чадо уйми, либо нас удали».

Тут-то Васеньки за беду сталó,
за великую досаду показалося.

По городу он да погуливат,
на колене ерлыцьки-грамоты росписыват,
по дорожецькам грамоты розмётыват:

«Хто хóцёт ись-пить готового,
носить хто хочёт припасёного,
идите ко Васеньки ко Буслаеву».

Те же находят — нет не пить, не ись,
идут-то, гредýт ко Васеньке Буслаеву,
Васенькя Буслаевич того вязóм:

Кой удар унесёт, того к себе берёт,
кой удар не унесёт, того проць пошлёт.

У вора у Васьки у Буслаевьева
не упúто было, не уéдено,
бáско-хóрошо было не ухóжено,
великого увечья получено.

Собирал-то Буславьев на почесен пир:
во-первы́х, на обеде был Фома Толстой,
Фома Толстой, сам Ремéсленной,

Во-вторых-то, был Костя Новото́рженин,
во-третьи́х-то, был Потаня Хро́менькёй.

6. Параско́вья Ивановна Шевелёва

Параско́вья Ивановна Шевелёва, известная под прозвищем Пойловча́нки (родом из деревни По́йловой), — мать той замечательной ста́ринщицы-девицы 21 года, которая поёт, по словам матери, 22 ста́рины[21]. Параско́вья Ивановна совсем не поёт ста́рин и спела мне «Женитьбу Олёши» после усиленной моей просьбы, спела, кажется, в первый раз в жизни и потому очень плохо. Но прекрасно знает ста́рины её дочь Акси́нья, выучившаяся петь от деверя матери и своего дяди, ещё в то время, когда они жили в деревне По́йловой, теперь уже не существующей. Деревня стояла в 7 верстах ниже Ку́и по Печоре, но каждый год полая вода рвала берег деревни так, что в конце концов жители должны были выселиться из По́йловой. Параско́вья Ивановна говорила мне, что знает ста́рины и сын её Яков, 13 лет. Сама Пойловча́нка с Мезе́ни родом, но с 17 лет живёт на Печоре [*Ончуко́в 1904*; с. 388, 389].

От сказительницы записана одна ста́рина в 153 строки:

1) Добрыня и Олёша.

---

[21] Список ста́рин, которые знала Акси́нья Степановна Шевелёва, правда не 22, а 21, смотри в Приложении 3.

18. Добрыня и Олёша

Отправлялся Добрыня во чистó полё
не на много ведь поры́, на двадцеть два года́.

Оставля́ёт он свою да любиму́ семью,
любиму́ свою семью да молоду́ жёну́.

«Если сполнится мне да двадцеть два года́,
не сиди-то ты, моя да молода́ жёна́,
не сиди-то ты тогда вдовой горькою.

Ты поди-кося, жёна, да за ина́ заму́ж,
хошь за барина поди, хошь за буярина.

Не ходи толькё за Олёшенькю Поповица,
Олёшенькя ведь мне будёт крестóвой брат».

Заводилосе у князя пирóваньё-столóваньё,
сидели они да на честнóм пиру.

Как запала-то ведь мы́сель в ретивó сердчó,
как задумал ить Олёшенька женитися
как на той-то вдовы́ да на Добрыниной.

«Уж ты, батюшко Владымир Стольнокúевской,
ты позволь мне-ка́ женитися на Добрыниной вдовы».

Отвечат ему Владымир Стольнёкúевской:
«Мóжёт быть, Добрыня еще и сам живой».

Говорит Олёшенько Поповиц блад:
«Я давно ведь ездил во чистó полё,

Сквозь Добрынюшка уже давно трава ростёт,
сквозь Микитица уже давно цветы цветут.

Ты позволь мне на его вдовы́ женитися,
ты же сам будёшь на свадьбы мне-ка батюшком,
а княгина-то Апра́ксия место матушки.

Уж как ты, старóй казак да Илья Муромець,
ты же мне на свадьбы быдь-ко ты́сецким.

Уж как ты, Цюрúло Голошша́пишко,
ты бу́дёшь мне ходить да место дружки-то».

Срежа́лисе они да со кня́зём-то,
как пошли-то ведь да со князем поездом
и́ше к той-то ведь Добрыниной ро́дной матушке.

И́ше шли-то ведь они да но́цьным вре́менём,
как коло́тятся у Добрыниной у матушки,
как у тех же ведь ворот да у крыле́цных.

Выходила-то Добрынина ро́дна матушка:
«И́ше хто же тут коло́титце но́цным вре́менём,
и́ше во́ры то пришли или́ разбойники?»

Отвецат на то Владымир Стольнёки́евской:
«Запускай нас, Добрынина ро́дна матушка,
мы идём ведь к Добрыни на почэ́сен пир».

Запускала их Добрынина ро́дна матушка,
не воро́тят ведь они во гри́ню светлую,
ищэ прямо всё идут да в лёжню спальнюю,
где-то спит его да молода́ жёна́.

Заходил Владымир Стольнёки́евской
как со тем же ведь Олёшенькой Поповицом,
как со тем же ведь стары́м да Ильёй Муромцом.

Говорят они Добрыниной молодой жёны́:
«Ты ставай-косе, вдова, со кроватоцьки,
ты ставай-косе с постелюшки пухо́воей,
со кроватоцьки ставай-ко со тесо́воей.

Надевайся ты во пла́тьицо во цве́тное,
ты поди-косе с Олёшой ко Божье́й церкви́,
принимай-кося с Олёшой золоты́ венчи́».

Тут не белая лебёдушка воскли́кала,
у Добрыни молода́ вдова заплакала.

Как ставала ведь она да со кроватоцьки,
как брала о́на в руки́ да золоты́ ключи,
отмыкала о́на ящики око́ванны.

Вынимала умыва́ньицо румя́нное,
вынимала она своё да платье цве́тноё,
надевала она своё да пла́тьё цве́тноё.

Е́ще брал-то ей Олёша за праву́ руку́,
как повёл-то ей Олёша во Божью́ церкву́,
принимали с им они да золоты́ венчи́.

Уж как были у Добрынюшки три у́техи,
и́ше были три ворона кормлёные.

Полетели эти вороны кормлёные,
где-ка спит-то ведь Добрыня во чисто́м поли́,
и́ще спит-то ведь Добрыня во бело́м шатре.

Как один-от ведь садилса на сы́рой дуб,
как другой-от ведь садилса на бе́л шатёр,
как трете́й-от ведь садилса на сыру́ землю́.

Как первой-от ворон-от воску́ркаёт,
как удро́гла ведь матушка сыра́ земля.

Как второй-от ведь ворон-от воску́ркаёт,
как сухое-то пе́нье поломалося.

И́щэ третей-от ведь ворон-от воску́ркаёт,
как наш-то до́брой мо́лодец пробужаетце,
от великою хмели́нки просыпаетце:
«Видно, есь у нас над городом несго́душка».

Как сряжалса ведь Добрынюшка Микитьевич,
как сбирал-то ведь Добрыня свой бело́й шатёр,
поворот дёржи́т Добрынюшка во сво́й горо́д.

Приезжал-то Добрынюшка но́цьным вре́менём,
как коло́титце Добрыня у своих ворот.

Выходила ведь Добрынюшкина ро́дна матушка:
«Ищэ хто же тут коло́титце но́цьным вре́менём,
ищэ во́ры ли вы ходите, розбойники?»

«Отпирай-кося ты, матушка родимая,
запусти-ко ты меня, уда́ла до́бра мо́лодца».

Как заходит ведь Добрыня да в гри́ню светлую,
как заходит ведь Добрыня в спальну ло́жную,
как ведь нет-то его да молодой жёны́.

И́щэ спрашиват свою да ро́дну матушку:
«И́щэ где-ка моя да любима́ жена?»

Как не белая берёза росшаталася,
не зелёная к земле да приклонялася,
падала Добрынина матушка во резвы́ ноги́.

«Недавно́ ведь у́ нас был Владымир Стольноки́евской
ишшо с тем же ведь Олёшенькой Поповицом,
увели-то у Добрынюшки молоду́ жёну́».

«Уж ты дай мне-ка, матушка, благословеньицо
как сходить-то ведь к Олёшеньке на свадебку».

Говорила ему матушка родимая:
«Ты пойдёшь, мо́ё дитятко, на свадебку,
ищэ много крови ты прольёшь напрасноей».

«Я не про́лью, матушка, кровь напрасноей,
и́щэ е́йно-то ведь дело было невóльноё».

Надевал-то ведь он пла́тьицо кали́ческо,
заходил-то ведь Добрынюшка на свадебку.

Как сидят-то за столами за дубовыми
как Добрынина жена с Олёшенькой Поповицом.

Наливали кали́ки чару зелена́ вина,
подавал кали́ки князь да стольноки́евской.

Подходил-то ведь Добрыня к дубову́ столу́,
ищэ брал он ведь чару во праву́ руку́,

Как за цяроцькой Добрыня выгова́ривать:
«Те́бе дай Боже, Владымир, хо́дить батюшком».

Наливают кали́ки чару зелена́ вина,
подава́ёт кали́ки княгина мать Апра́ксия.

Как приходит-то кали́ка к дубову́ столу́,
как берёт он ця́ру во праву́ руку́,

Как за чарой Добрыня выгова́ривать:
«Те подай Боже, княгина, хо́дить матушкой».

Наливают кали́ки чару зелена́ вина,
подава́ет кали́ки Илья Муромець.

Как берёт-то кали́ка во праву́ руку́,
как за чарой сам он выгова́ривать:
«Уж те дай Бог, Илья, да хо́дить ты́сецьким».

Наливат цару Олёша-то Поповиць-от,
подава́т цару Олёшенька Добрынюшке.

Как берёт-то Добрыня во правý рукý,
ищэ пьёт-то цярý да со еднá духý,

Как за царой сам выговáриват:
«Те подай Боже, Олёша, во совете жить».

Наливáёт-то ведь чару молодá жёнá,
и́щэ пьёт-то ведь Добрыня с единá духý:
«Те подай Боже, молóдушка, согласно жить».

Как сымáёт-то Добрынюшка с правóй руки,
как с правóй-то руки да свой злачёной перстéнь.

Роздвигала-то ведь óна дубовы́ столы,
да и пáдала ведь мужу во резвы́ ноги́:

«Ты прости меня, Добрыня, во первóй вины,
как моё-то ведь дело подневóльнёё».

Как он брал свою жену да за правý рукý.
«Проздравляю тебя, Олёша, с молодой жёнóй.

Благодарю тебя ведь, князь да стольнокúевской.
Ты на что надéелса, Илья Муромец?
Вы уж взяли жену да от живá мужá».

ЧАСТЬ II

Записи 1929 года

Анна Михайловна Астáхова (1886–1971).
Снимок из Свода русского фольклора [Свод 2001]

Лишь спустя 27 лет после того, как Николай Евгеньевич Ончукóв открыл былинный эпос на Нижней Печоре и записал здесь свои 18 былин от 6 сказителей, его дело продолжилось. Тогда в селе Великая Ви́ска случайно задержалась на день, ожидая парохода, искусствоведческая экспедиция Государственного института истории искусств [*Колпакова 1961*, с. 32]. Благодаря этой счастливой случайности 23 июля 1929 года участница этой экспедиции Анна Михайловна Астáхова (1886–1971) записала ещё одну сказительницу — Прасковью Ивановну Дитя́теву. Так нижнепечорское собрание былин увеличилось на 5 записей, опубликованных собирательницей в 1938 году [*Астáхова 1938*].

7. Параско́вья[22] Ивановна Дитя́тева

В 1929 году Параско́вья Ивановна Дитя́тева была слепой старушкой 69-ти лет из села Великая Ви́ска. Худенькая, болезненная, чрезвычайно ласковая и приветливая, она, ослепнув с полутора годов, жила раньше с братом и матерью, а после их смерти осталась совсем одинокой: «Теперь все родные, сколько были, в земле лежат, вот и живу я сиротиною».

Былинам Параско́вья Ивановна научилась от брата Алексея Ивановича Дитя́тева, от которого — тоже слепого старика — Ончуко́в в 1902 году записал две ста́рины.[23]

Былины сказительница пела с большой охотой. По словам окружающих, к ней частенько заходили ребята и девушки слушать ста́рины и сказки. И сама Дитя́тева говорила: «Ста́рины пою, когда попросят, вот вроде тебя кто и свои тоже». Но чаще всего пела для себя: «Утешаюсь».

Записывать от Прасковьи Ивановны было очень трудно и прямо «с голоса» совершенно невозможно, так как пела она чрезвычайно быстро. Приходилось сперва записывать текст и затем выправлять его при пении. Тексты Дитя́тева знала довольно твёрдо, но при пении несколько изменяла. Сама она говорила, что былины «позабывает». Однако она путала только имена, весь же ход событий и все подробности, в общем, передавала стройно. Все былины исполняла на один напев.

Во время исполнения сказительницей в изобилии давались комментарии, иногда преследовавшие цель не простого разъяснения, но и определённой мотивировки того или иного эпизода.

Ончуко́в тоже знал Дитя́теву как сказительницу,[24] но былины её записывать не стал, сообщив лишь их названия. Из перечисленных Ончуко́вым шести былин Аста́хова записала четыре, а также ещё одну — про Ивана Гости́новича. Её Ончуко́в не упоминал. В этих пяти былинах, по первоначальным словам исполнительницы, заключался весь её репертуар. Однако потом, после расспросов собирательницы, она призналась, что «маленько знает» ещё про По́тыка[25] и сказку

---

[22] *Пара*ско́вья — так у Ончуко́ва. Аста́хова даёт другую форму имени сказительницы — *Пр*ско́вья.

[23] Из этих двух ста́рин — одна былина (№ 15).

[24] О сказывании Дитя́тевой Ончуко́в оставил лишь короткое замечание: «Поёт приятным голосом, но не твёрдо» [*Ончуко́в 1904*, с. 329].

[25] Про знание этой былины она сообщала и Ончуко́ву.

о Добрыне,[26] но записать этот материал за неимением времени Аста́ховой уже не удалось [*Аста́хова 1938*, с. 514–515].

Таким образом, Параско́вья Ивановна Дитя́тева в разное время знала 7 былин[27], из которых было записано 5 (всего 1042 стиха):

1) Исцеление Ильи; Илья и Соловéй;
2) Васи́лей Касими́рович (не записана);[28]
3) Касья́н Иванович;
4) Пермя́та и Чури́ла;
5) Фатéнко;
6) По́тык Михайлович (не записана);
7) Иван Гости́нович.[29]

---

[26] Аста́хова отождествила эту незаписанную ей сказку про Добрыню с былиной про Василия Касимировича, о знании которой Дитя́тева сообщала Ончуко́ву.

[27] Кроме того, от Дитя́тевой Ончуко́в записал одну ста́рину-небылицу [*Ончуко́в 1904*, с. 329–330], а Аста́хова — три лирические и одну игровую песни. Также собирательница сообщает, что сказительнице были известны сказки про Еруслáна и про Ивана Царевича.

[28] Упоминается лишь в 1902 году. О знании этой былины в 1929 году сказительница не сообщает.

[29] Записана в 1929 году. О знании этой былины в 1902 году сказительница не сообщает.

19. Исцеление Ильи; Илья и Соловей

Эх, во той же Маленькой во Галицы Великоей,
во той Корелы пребогатоей

Да жила-была вдова благочестивая
да по имени Оме́лфа Тимофе́ёвна.

Кабы было у ей цадо милое
да по имени Илья сын Иванович.

Да сидел-то Илеюшка на пе́ченьки,
он на той жё на печке на мура́вленке.

Кабы не было у И́льи по коле́н ножо́к,
кабы не было у И́льи по локо́т ручо́к,
кабы не было у Иле́юшки о́чей ясных.

Не видел Иле́юшка свету белого,
свету белого не видел, солнца красного,
солнца красного, добры́х людей.

Много то́го время миновалося,
как того прошло время, право, тридцеть лет.

Как приходит кали́ка перехожая,
а заходит в гри́дню во тёплую.

Уж и крест ли кладёт по-писа́ному,
поклон-от ведёт по-учёному.

Из речей кали́ка выговариват:
«Уж здравствуй ты, Илья и сын Иванович!
Сотвори мне мило́стыньку душевную».

Говорит Иле́йко таково́ слово́:
«Уж ты здравствуй, кали́ка добрый мо́лодець!
Я сижу теперь на печке на мура́вленке,

Кабы нет у меня по коле́н ножо́к,
нет у меня по локо́т ручо́к,
нету у меня о́чей ясных.

Не вижу я свету белого,
не вижу я солнця красного,
не вижу я да лю́дей добрыих.

Если видишь, то на полке сам возьми,
ты возьми своей рукой правоей».

Говорит калика таковó словó:
«Уж ты ой еси, Илья и сын Иванович,
ты сойди́-кося со печки со муравленой.

Те не даст ли тéбе Бог ноги резвые,
те не даст ли тéбе Бог руки белые,

Те не даст ли тéбе Господь очи ясные,
не увидишь ли ты солнця красного?»

То немного время миновалося,
вот содвинулся Илеюшка со пéченьки.

Поевились у Ильи ноги резвые,
оказались у Ильи ручки белые,
оказались у Ильи очи ясные.

Увидел Илеюшко свету белого,
свету белого увидел, солнце красное,
увидел Илеюшко лю́дей добрыих.

Спустилса Илéюшко со печечки муравленой,
берёт со спици шубу ено́тову,
отдава́ёт кали́ки до́бру мо́лодцу.

А хотел на кали́ку ладо́м посмотреть,
а не видел — кали́ка из виду́ ушёл.
Эта кали́ка Миколой Светым пришёл.

Заслышал Илья в сéбе силы множество,
он приходит ко своей матери родимоей:

«Уж ты ой еси, моя мати́ родимая,
ты честна́ вдова Омелфа Тимофéёвна,
уж ты дай мне-ко благословенья великого.

Захотелось мне-ка съездить в стольный Киев-град,
а захотелось себя показать, людей посмотреть,
посмотреть Солнышка Владимира».

Говорит éго матушка такие реци́:
«Я не дам тебе благословеньицка великого
я с буйно́й главы да до сыро́й земли.

А в город ехать бу́дёт дальний путь,
премо́й дорогой ехать те́бе три́ года,
кривою дорогой ехать тридцеть лет,
протéнут твои да молоды́ лета́.

Тридцать лет сидел на́ печи,
да тридцать лет ехать — вот сколько!

А премою дорогой — есть за́ставы великия,
есть три за́ставы великия.

Одна за́става великая — есь мостики колёные,
а колёные мостики нынь по́дгнили.

Не переехать будет те́бе ре́ченок,
утупи́шь своёго коня доброго.

Другая есь за́става великая —
а стоит тут рать-сила́ великая,
а не ма́ла, не вели́ка — сорок тысечей,
не пройти тебе бу́дёт, не проехати.

А третья есть за́става великая —
тут сидит Соловéюшко Рахма́тьевич,
ах на трёх-де дубах да на трёх по́ддубах.

Зашипит Соловéйко по-змеиному,
закричит Соловéйко по-звериному.

Упадёт твой конь нао́корочь,
не пройти те́бе бу́дёт, не проехати».

Говорит Илья таково́ слово́:
«Уж ты ой еси, моя матушка родимая,

Хошь ты дашь благословленьицо — поеду я,
хошь не дашь благословленьицо — опять поеду я».

Кабы тут е́го горькая матушка росплакалась,
из рецей она да выговаривала:

«Уж ты чадо, чадо мо́ё горькое,
ты горькое моё дитя́ сла́дкоё».
Не могла отбитьця она от Илеюшки.

Надевала на себя кунью́ шубу́,
на босу́ ногу́ башмачки надёргиват.

98. Бра́ла она с собой золоты́ ключи́,
99. выходила она вон на улицю.

100. Отмыкала она всё подвалы всё великие,
101. выносила о́на сбрую лошадиную,
102. выводила она его ко́ня до́брого.

103. Ах, уздает-седлает он ко́ня доброго,
104. а двенадцеть по́дпруг кладёт шёлко́вых,
105. а тринадцатую кладёт чере́з хребе́тну кость,

106. Не ради басы́ — ради крепости,
107. а ради при́прежи лошадиныя,
108. чтобы не оставил е́го конь во чисто́м поле́.

109. Он берёт палицу буёвую,
110. он берёт с собой ту́гой лук,
111. ту́гой лук с каленой стрелой.

112. Не видели никто — Илья на коня ступил,
113. на коня-де ступил да в стремена вскочил.

114. Только видели, во по́ле курева́ стоит,
115. курева́ стоит да дым столбо́м вали́т.

116. Он ведь клал меж собой свой вели́к зало́г:
117. «Чтобы мне до города не слезть с коня».

118. У́же е́дёт Илья ныньче́ чисты́м поле́м,
119. ну, подъехал ко тем мостикам калёным.
120. заплелась трава́ во резвы́ ноги́.

121. И тут-то Илья остановился жё,
122. из рецей же сам Илья выговариват:

123. «Хошь я клал меж собой вели́к зало́г,
124. а ведь то будет мне разрешить свой вели́к зало́г».

125. Он спуска́тця, Илья, с ко́ня доброго
126. на ту на матушку на сыру́ землю́.

127. Он уж левою рукою коня́ ведёт,
128. а правою рукою сы́ро ду́бьё рвёт.

129. Сы́ро дубьё-де рвёт да он мост мостит,
130. перевёл он своего ко́ня доброго.

Уж скоро садитця на добра́ коня́,
поехал Илья во чисто́ поле́.

Он завидел во́ поле рать великую,
да не ма́лу, не вели́ку — ровно сорок тысечей.

Сосчитал он всех людей до единого,
не оставил ни единого не сцислёного.

Сорок тысеч человек было, а всех сосчитал!

Подъеждяет Илья ко этой ко силе великоей:
«Уж вы здраствуйте, уда́лы до́бры мо́лодцы,
уж сорок тысеч уда́лыих мо́лодцев!

Укажите мне дорожку премопутнею,
премопутнею и премоезжую».

Не могли они указать дорожки премопутнеей,
о́ни взяли Илью круго́м себе,

Стали Илеюшку пошо́ргивать,
стали Илеюшку ведь поде́ргивать.

Побеждать хотят.

Кабы тут Илейке за беду́ стало́,
за великую досаду показалосе.

Кабы взял он палицу буёвую,
сколько он бьёт палицей буёвою,
а вдвое-втрое топчет своим конём.

Победил он всю рать-силу́ великую,
не оставил в живых ни единого.

Отту́ль-то Ильюшка поворот даёт,
а завидел он в по́люшки Соло́вьюшка
на трёх дубах, на́ трёх по́ддубьях.

А зашипел Солове́йко по-змеиному,
а заревел Соловей по-звериному,
как упал у Ильи конь нао́корочь.

Как хватил Илья в руки палицу буёвую,
начал бить коня по тужи́м ребра́м:

«Ах ты волчья же сыть, травеной мешок,
неужели не слыхал ты крику звериного,
не слыхал ты свисту змеиного?»

Соскочил е́го конь на резвы́ ноги́,
а берёт Илья в руки свой, право, ту́гой лук,
берёт ту́гой лук право́й рукой.

Натега́ет у туга́ лука́ верёвочку,
накладыват калену́ стрелу́.

Ко стрелы́ Илья да приговариват:
«Ты лети, моя стрела да всё калёная,
не падай ни на́ землю, ни на́ воду,

Розлетись Солове́юшку во правой шар,
роздроби ты его всю бу́йну го́лову».

Полетела стрела, как люта́ змея́,
она не пала ни на́ землю, ни на́ воду,

Розлетелась Солове́юшку во правой шар,
роздробила его всю бу́йну го́лову.

А подъехал Илья сын Иванович,
кабы скоро хватил Солове́юшка,

Привезал Солове́юшка к добру́ коню,
привезал коню под брю́шицу,
поехал Илья сын Иванович во чисто́ поле́.

Долго пое́тця, скоро скажется.
Уже третье́й год едет.

Немного время миновалося,
завидел Илья, во поле тере́м стоит.

Во этом терему́ во великоем
сидели Соловья деточки родимые.

У этого Солове́юшка Рахма́тьева
кабы была́ у его любима́ семья,
любима́-де семья, да дети малые.

Старша дочь его в окно броси́лася:
«Татушка едет, мужика везёт».

192. А другá дочь броси́лася в окошечко,
тоже говорит:
193. «Татушка едет, мужика везёт»,

194. А ма́ла дочь броси́лася в окошечко:
195. «А мужик-от едет, отця везёт».

Близко стало — так видит.

196. Побежали эти дочери во чисто́ поле́:
197. старшая дочь бежит с муто́вкою,
198. а вторая дочь бежит с поварёнкою,
199. а кабы ма́ла дочь бежит, о́на ковш тащи́т.

200. Тут сидит Илья да усмехаетца,
201. говорит Соловéюшко Рахма́тьевич:

202. «Уж вы ой еси, мои дети́ любимые,
203. не дразните уда́ла до́бра мо́лодца,

204. Вы катите-ко сорокóвку кра́сна золота,
205. откупите у его отця-родителя».

206. Он на то ведь, Илья, не ослышелся,
207. отворачиват конём, как люты́м зверём,
208. едет Илья во чисто́ поле́.

Долго поетця, скоро сказываетця.

209. Приежджа́ет Илейко в сто́льней Киев-град
210. ко тому же ко Солнышку Владимиру.

211. Оставляет своего коня на улице,
212. заходит ко Солнышку Владимиру
213. во те во покои да во све́тлые.

214. Крест-от кладёт по-писа́ному,
215. он поклон-от ведёт по-учёному.

216. Из речей Илья да выговариват:
217. «Уж здраствуй, Солнышко Владымир-князь,
218. ты Владымир-князь да Сто́льнекиевский!»

219. Говорит Солнышко Владимир-князь:
220. «Уж здраствуй, Илья сын Иванович!»

221. Собирает князь пир великий же
222. для того он Ильи сына́ Ивановича.

Говорит Владымыр таково́ слово́:
«Уж ты ой, Илья ты сын Иванович,

Ты позволь завести нонь Соловéюшка,
завести во гри́ни светлые».

Илья и говорит таково́ слово́:
«Заводите вы в све́тлые све́тлицы».

Из речей Владымир выговариват:
«Уж вы ой еси, слуги верные,

Выйдите́ на крылечушко на прекра́сноё,
заводите Соловéюшка Рахма́тьевича
во мои покои во светлые».

На е́то слуги не ослы́шелись,
как выходят на крылечушко прекра́сноё,
но не смеют спуститьця на сыру́ землю́.

Из речей е́ти слуги выговариват:
«Уж ты ой еси, Соловéюшко Рахма́тьевич,

Как просил те́бя Солнышко Владымир-князь
как во свою он во светлую нонь све́тлицу».

Сами не смеют подойти.

Отвецает ноне Соловéюшко Рахма́тьевич:
«Я не ца́рьско нонь ем-пью-кушаю,
не Владымира ныне слушаю.

Уж я Илеюшки пью-ем-кушаю,
а Ивановича я нонь и слушаю».

Отнесли е́ти слуги слова́ царю,
что-де «Илеюшки пью-ем-кушаю,
а Ивановича нонь и слушаю».

Говорит царь таково́ слово́:
«Уж ты ой еси, Илеюшка Иванович,
заводи ты Соловéюшка Рахма́тьевича
во те ле во гри́дни светлые».

Тогда Илья вышел вон на улицу,
он заводит Соловéюшка Рахма́тьевича.

Говорит Владымыр таковó словó:
«Уж ты ой еси, Соловей сын Рахмáтьевич,

Засвисти, Соловéюшко, по-соловьиному,
закричи, Соловей, по-змеиному,
зареви, Соловéюшко, по-звериному».

Говорит Соловéйко таковó словó:
«Не твоё я ем-пью-кушаю,
а не Владымыра Солнышка и-де слушаю,

Я Ильи Ивановича пью-де ем и кушаю,
и ёго же, Илью Ивановича, и слушаю».

Говорит Владымер таковó словó:
«Уж ты ой еси, Илья да сын Иванович,
уж ты позволь-ко спеть Соловéюшку».

На то Илеюшко не ослышелся,
говорит Илья сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Соловей ты Рахмáтьевич,

Вполовину засвисти по-соловьиному,
вполовину закричи ты по-змеиному,
вполовину зареви по-звериному».

Не послушался Соловéюшко хозяина,
зашипел-заревел Соловéюшко во всю прыть.

Испужались вси гости на честнóм пиру,
кабы все упали, как бубнó лежат.

Тогда Илеюшко рассéрдилса,
вывел Соловéюшка Рахмáтьевича вон на улицу.

Бросúл Соловéюшку о сырý землю́,
тут Соловéюшку смерть случилася.

Тут и конець.

А девки-ти обратно укатили то золото.
Хотели откупить, да не могли.

20. Иван Гости́нович

Как во стольнеем во городе во Киеве,
у ласкова князя у Владымира
да было пиро́ванье-столо́ванье

Про многих бояр, лю́дей добрыих,
про сильных могучих бога́тырей,
про тех королей королевскиих.

Тут вси на пиру да напиваютца,
да вси на честно́м наедаютца.

Тут ходит нонь Солнышко Владымыр-князь
по тому же по полу по дубо́вому,

Сапог о сапог он постукиват,
каблук о каблук поколачиват,

Белыми руками он розмахиват,
златыми перстнями сам побрякиват,

Русыми кудрями он потряхиват,
ясными очами поваживат,
из речей Владымир поговариват:

«Уж вы ой еси́, мои гости́ приезжие,
приезжие вы го́сти дальние,
приезжие гости всё прихожие,
уж сильные могучие бога́тыри,
кто бьётся со мно́й о вели́к зало́г?

Я бьюся теперь о вели́к зало́г,
съездить от города до города,
от Киева-града и до Чернигова,
да три девяноста равномерных вёрст,
ме́жу у́треней съездить, меж обе́днюю.

Я сто кладу́ рублей со тысячей,
а кто бы о своей буйно́й головушке?»

Выставает уда́лой до́брой мо́лодець
по имени Иванушка Гости́нович
из того-де стола из середнего.

Встава́ёт он да на резвы́ ноги́
и кла́неетца Влады́мыру челобитием:

«Ты Солнышко батюшко Владымир-князь,
я съеждю от города до города,
от Киева-града и до Чернигова,
да три девеноста равномерных вёрст,
ме́жу у́треней и межу́ обе́днюю.

Клади-тко ты сто рублей со тысецей,
а я о своёй буйно́й головушке».

Отошёл у Владымира почесен пир,
пошёл Иванушка вон на улицу.

Приходит ко своёй ло́шади доброей,
из рецей Иванушка выговариват:

«Ты маленький Бу́рушко-Косма́тецько,
да добрый конь сеголе́тоцек,

Да ты мо́жёшь ли сходить от города до города,
от Киева-града и до Чернигова,
три девеноста равномерных вёрст,
между у́треней, межу́ обе́днюю?

Я билса с князем о вели́к зало́г,
да князь кладёт сто рублей со тысецей,
а я о своёй буйно́й головушке».

Говорит-то ему е́го добрый конь
маленький Бу́рушко-Косма́тецько,
говорит ему таковы́ слова:

«Уж ты ой есь, Иванушка Гости́нович,
уж мы съездим от Киева-града до Чернигова
и три девеноста равномерных вёрст
ме́жу у́треней и межу́ обе́днюю,

А не выдаст-ка Владымир денежки выгодно,
а выгодно денежки и выездно».

Обуздает-седлает он добра́ коня,
поехал Иванушка из чиста́ поля́ в стольный Киев-град,
и приежда́ет он ко церкви ко Божьей же.

Да скоро он скачет со добра́ коня,
заходит Иванушка во церковь во Божью́,
из рецей-то Иванушка выговариват:

«Уж вы ой еси, попы́, отцы духовные,
вы служили заутреню воскресеньскую,
роспишитесь вы-ко мне в скорограмотку,
не уда́рживайте вы уда́ла до́бра мо́лодца.

Я билса-то с князем о вели́к зало́г,
да сто кладёт князь рублей со тысецей,
а я о своёй буйно́й о головушке.

Мне съездить от города до города,
от Киева-града до Чернигова,
да три девеноста равномерных вёрст,
ме́жу у́треней и межу́ обе́днюю,
мне не съездить — голову́ сложи́ть».

Да на то ведь попы́ не ослышались,
росписались они ему в скорограмотку.

Да скоро Иван да вышел вон на улицу,
взял Иван да скорограмотку.

Пошёл детина вон на улицу,
садилса на коня на доброго,
поехал Иванушка во чисто́ полё.

Маленький Бу́рушко-Косма́тецько,
добренький конь сеголетоцек,
начал он еха́ть по чисту́ полю́,
стал уско́ки скакать он немаленьки.

Первый уско́к скочи́л за деся́ть вёрст,
вто́рой уско́к скочи́л за́ два́дцеть вёрст,
а третий уско́к скочи́л за три́дцеть вёрст.

Начал маленький Бу́рушко ростешился,
и добренький конь роспотешился.

Начал он скакать с го́ры на́ гору,
со ще́льи скачет он на ще́лину,
с ока́тици ка́титца он на ока́тицу.

Мелкие о́зеры хвостом покрыват,
быстрые речки перескакиват,
зыбу́чи болота промеж ног берёт.

Уж как долго пое́тца, скоро скажетца,
приехал Иван да во Чернигов-град,

106. оставляет своего́ коня доброго,
107. заходит во церковь во Божию,
108. служит обедню воскресеньскую.

109. Из рецей-то Иванушка выговариват:
110. «Уж вы ой еси, отцы, попы́ духовные,
111. вы причётники вси церковные,

112. И роспишитесь мне в скорограмотку,
113. не уда́рживайте вы меня, добра́ мо́лодца.

114. Я билса с князем о велик зало́г,
115. да князь кладёт сто рублей со тысецей,
116. а я о своей буйно́й головушке.

117. Мне съездить от города до города,
118. от Киева града до Чернигова,
119. да три девеноста равномерных вёрст,
120. ме́жу у́треней и межу́ обе́днюю».

121. На то попы́, отци духовные, не ослышались,
122. росписались уда́лу до́бру мо́лодцу.

123. Топеря Иван да по́шёл вон на улицу,
124. да скоро садилса Иван да на добра́ коня́,
125. поворацивал конём как люты́м зверём,
126. поехал Иванушка во чисто́м поли́.

127. Да маленький Бу́рушка-Косма́тецько ростешился,
128. добренький конь роспотешился.

129. Начал он скакать с го́ры на́ гору,
130. со ще́льи он скачет на ще́лину,
131. с ока́тици ка́титца он на ока́тицу.

Отдохнул, так снова стал скакать.

132. И приехал Иван да в стольный Киев-град,
133. приежда́ет Иванушка к церкви ко Божией,
134. заходит во храм Божий он
135. и служит зау́треню воскресеньскую.

И там служил, и здесь приехал, служит.
Вот как ездит!

136. Увидел он Солнышка Владымыра,
137. говорит Иван да таково́ слово́:

«Уж ты Солнышко Владымыр-князь,
отдай-ко мне денежки выездны и выгодны,
да сто рублей клади со тысецей.

Я-де съездил от города до города,
с Киева-града до Чернигова».
Тут-то росписались и там росписались.

Говорит ему Солнышко Владымыр-князь таковó словó:
«Прошу милости, Иванушка, ко мне на почесен пир».

Пошёл-то у Владымыра почесен пир
для того для Иванушки Гости́нова.

Долго ли пировали,
говорит-то Иван да таковó словó:
«Уж ты Солнышко батюшко Владымыр-князь,
Владымир-князь Стольнекиевский,

Клади-тко ты денежки выгодны,
выгодны денежки, выездны,
сто рублей клади теперь со тысецей.

Не съезди я от города до города,
ты ссек бы у меня бу́йну голову».

Говорит ему цари́ще таковó словó:
«Уж ты ой еси, Иванушка Гостинович,
продай-ка мне маленького Бу́рушка».

Говорит Иван да таковó словó:
«Не продам я Бу́рушка ни за каки́ деньги́,
несёт-то тысячу на буйно́й головы́».

Тут-то Владымиру за беду сталó,
за великую досаду показалосе,
говорит-то Владымир таковó словó:

«Уж вы ой еси, мои слуги верныи,
верные слуги, неизменные,

Сходите-ко, слуги, на конюшен двор,
выпускайте тридцеть же́ребцей неучёныих.

Пущай побежат эти же́ребцы в чистó полё,
пущай заедят е́го Бу́рушка-Косма́тецька».

На то е́го слуги не ослышались,
побежали эти же́ребцы во чисто́ полё
да стали же́ребцы покусывать.

Да маленький Бу́рушко ростешился,
да начал скакать по чисту́ полю́.

Да все эти кони испужалися,
да все кони пали, как бубны́ лежат.
Все пропали.

Опять Иван стал просить деньги:
«Я не съездил бы от города до города,
ты бы ссек бы у меня бу́йну голову.

Ты клади-тко денежки выгодны,
выгодны денежки, выездны».

И говорит Владымир таково́ слово́:
«Продай-ка мне Бу́рушка-Косма́тецька».

Говорит-то Иван да таково́ слово́:
«Не продам я тебе Бу́рушка ни за каки́ деньги́».

Да тут Владымиру за беду́ стало́,
за великую досаду показалосе.

Из рецей-то Владымир выговаривал:
«Выпускайте трёх же́ребцей неучёных,
пусть заедят Бу́рушка в чисто́м поли́».

На то е́го слуги не ослышались,
побежали жеребцы во чисто́ полё,
теперь от этих коницков вести нет.

Просит Иван денег.
Говорит Иван да таково́ слово́:
«Уж ты Солнышко батюшко Владымир-князь,
клади-тко ты денежки выгодны,
выгодны денежки, выездны,
да сто рублей клади со тысяцей.

Не съезди я от города до города
три девеносто равномерных вёрст,
ты ссек бы у меня бу́йну голову».

201. Никто по детину не выстава́ет жё,
202. а выстава́ёт два уда́лых до́брых мо́лодца:

203. Один — стар каза́к И́лья Му́ромец,
204. а-во вторых, Самсо́н Колыба́нович.

205. Из рецей эти молодца́ выговарива́т:
206. «Уж ты ой е́си, ты Владымир-князь,
207. ты Солнышко князь Стольнекиевский,

208. Отдай ты-ка денежки выгодны,
209. ты выгодны денежки и выездны.

210. Не съезди он от города до города,
211. от Киева-града до Чернигова,
212. ссек бы ему ты бу́йну голову».

213. Пришлось князю отдать денежки выгодны,
214. а тут от Владымира ответу нет,
215. а вынимал Владымир все денежки.

216. Пошёл Иван да во чисто́ полё
217. ко своёму́ он ко маленькому Бу́рушку.

218. Маленькому Бу́рушку за беду́ стало́,
219. за великую досаду показалосе.

220. Тут-то Бу́рушко-Косма́тецько рассе́рдился,
221. хватил-то Ивана за куньо́ шу́бу
222. и бро́сил Ивана на сыру́ землю́.

223. Лежал-то Иванушка три часа замертво,
224. говорит-то конь таково́ слово́:

225. «Ты, молодой, пу́рхай, не попархивай,
226. а маленький детина, не похвастывай».

Это за то, что Иван хвастал,
а кони Бу́рушка кусать хотели.

21. Фатéнко

Во стольнёем городе во Ки́ёве,
у ласкова князя у Владимира
да было пирóваньё-столóваньё

Про многих бояр кособрюхиих,
про всех ли русьскиих бога́тырей,
про тех палени́ц преуда́лыих,
про тех про мещан, лю́дей добрыих,
сидят на пиру, напиваютца.

Тут сидели две вдовы благочестивые
за тем ли столом за сере́дниим,
на той же скамеечке дубовоей.

Одна была Маремья́на, Чусова́ вдова,
а другая Овдо́тья, Блудова́ вдова.

У Маремья́ны бы́ла дочь, прекрасная красавица,
у Овдо́тьи был сын, тоже красаве́ц.

Посваталась Овдо́тья у Маремья́ны на дочери
за любимого своёго сы́на за Фате́нушка.

Обругала Маремья́на у ей сына́ Фате́нушка:
«Да муж у тебя был блу́дищо,
да и сын у тя будет чу́дищо,

По улице ходит сле́пой курицей,
по подсто́лью сле́па куриця валяетсэ,

Ко́гда жёрьнышко найдёт, то́гда сыт живёт,
ко́гда жёрьнышко не на́йдёт, то́гда го́лодом».

Да тут-то Овдо́тьюшке за беду встаёт,
за вели́ку досаду показалосе.

Выходила Овдо́тья из-за дубова́ стола́,
из-за дубова́ стола́ да вон на улицу.

Ступила ногой о кирпищет пол,
пошатнулосе у Владимира гри́ньское царьсво́, —
весь дом пошатнулся, —
из-за стола пи́тья-ку́шанья поплескалися.

Увидал тут Солнышко Владимир-князь:
«Уж ты ой еси, Овдо́тья Блудова́ вдова́,
уж как же ты похо́дишь рано с честна́ пира́?

А́ли местом тебя приуни́зили,
а́ли цярой тебя прио́бнесли?»

Говорит Овдо́тья таково́ слово́:
«Уж ты батюшка Солнышко Владымир-князь,

Уж местом меня не обни́зили,
уж цярой меня не о́бнесли.

Мы сидели, две вдовы благочестивыя,
за тем за столом за середниим,
на той же скамеечке дубовоей.

Одна была Маремья́на, Чусова́ вдова́,
друга́ была Овдо́тья, Блудова́ вдова́.

У ей была дочь любимая,
у меня был сын Фате́нушка.

Я посваталась у Маремья́ны на дочери
за любимого своёго за Фате́нушка.

Обругала она у меня Фате́нушка:
да муж-то у тя был-де блу́дищо,
да и сын-то у те́бя чу́дищо,

По улице ходит сле́пой курицей,
по подсто́лью сле́па куриця валяетцэ,

Ко́гда жёрнышко найдёт, то́гда сыт живёт,
ко́гда жёрнышко не на́йдёт, то́гда го́лодом».

Пошла Овдо́тья вон на улицу,
да долго поётце, скоро сказываетце.

Идёт-то Овдо́тья чисты́м полём,
да приходит Овдо́тья к своему двору.

Увидал-то ей свой Фате́нко-сын
сквозь око́ленку он сквозь хрустальную.

Выходил-то Фате́нко вон на улицу,
на круто́ на прекрасное крылечушко.

Из рецей Фатéнко выговарива́т:
«Уж ты ой еси, Овдóтья Блудова́ вдова́,
ты как же идёшь рано со честна́ пира́?

А́ли местом тебя приуни́зили,
а́ли цярой тебя прио́бнесли?»

Спрашивает так же, как и Владимир.

Говорит Овдóтья таково́ слово́:
«Ох ты ой еси́, любимый сын Фатéнушко,

Да местом меня не они́зили,
и цярой меня не о́бнесли.

Мы сидели, две вдовы благочестивые,
за тем за столом за середниим
и на той же скамеечке дубовоей.

Одна была Маремья́на, Чусова́ вдова,
друга́ была Овдóтья, Блудова́ вдова.

Я посваталась у ей на дочери
за любимого за сына за Фатéнушку.

Обругала она у меня Фатéнушка:
да муж у тя был блу́дищо,
да сын у тя тéперь чу́дищо,

По улице ходит слéпой курицей,
и по подсто́лью слéпа куриця валяетцэ,

Ко́гда жёрьнышко на́йдёт, то́т день сыт живёт,
ко́гда жёрьнышко не на́йдёт, то́т день го́лодом».

Да тут-то Фатéнку за беду́ встаёт,
за вели́ку досаду показалосе.

Ноги ре́звы его да росходилисе,
могу́чи плéчи е́го расшевелилисе,
руки белые его да розмахалисе,
о́ци я́сны его помутилисе.

Пошёл-то Фатéнко на конюшен двор,
выводит себе ко́ня доброго.

Уздáёт-седлáёт кóня доброго
во седёлушко он во черкáльчето,
во уздý-то ли он во тацьяную.

Двенадцеть кладёт пóдпруг шёлкóвыих,
тринадцату кладёт на хребтóву кость,

Не ради басы́, ради крепости,
ради прúпрежи он лошадиныя,
не оставил бы его конь в чистóм полú.

Берёт-то он с собóй палицу буёвую,
садитца Фатéнко на добрá коня.

Видели, Фатéнко на коня ступил
и скоро он в стременá скочил.

Да только видят, в пóли куревá стоит,
куревá ле стоит, дым столбом валúт.

Не мог потерпеть, поехал воевать.

Поехал Фатéнко во чистó полé,
да долго поётце, скоро сказываетця.

Подъеждяет Фатéнко к Маремьянушке,
бросúл он пáлицю буёвую,
вскрыл у Маремьяны двор по тёсу же.

Да тут Маремьяне за беду встаёт,
говорит-то Маремьяна свóей дочери:

«Уж ты ой еси, мóё чадо мúлоё,
выйди-тко ты вон на улицу.

Не буйны́ ли ветры́ на нас сповянули
да вскрыли у нас двор по тёсу же?»

Кричит-то Фатéнко поединшика:
«Уж ты ой еси, Маремьяна, Чусовá вдовá,
давай-ко во поле поединшика.

А не дашь во поле поединшика,
сворочу у тя дом со днá нáверх».

Вверх дном,
видишь, хотúт повернуть дом.

Тут-то Маремья́нушке за беду́ встаёт,
за великую досаду показалосе.

Надевала на себя платье цвéтноё,
на одно плечо кунью́ шубу́,
на босу́ ногу́ башма́чки, сафьян сапог.

Брала она с собой золото́й казны много множество,
пошла Маремья́на вдоль по городу,
зашла она к го́лям каба́цкиим.

«Уж вы ой еси, го́ли большебрюхии, —
обругала их, вишь, —
берите казны много множество,
уж вы идите к Фатéнку в поле поединщиком».

На то го́ли каба́цки не ослышались,
брали казны много множество,
пошли к Фатéнку во поле поединщиком.

Фатéнко едет на добро́м коне́,
они сзади его пеша́ идут.

Фатéнко их как косой коси́т,
косой-то коси́т да всё травой берёт,
да всем голя́м смерть случилася.

Да свезал их волосы за волосы
и броси́л Маремья́не за о́горо́д.

Да броси́л он палицу буёвую,
вскрыл у Маремья́ны двор по потоло́ку же.

Добра не будет!

Кричит Маремья́на снова дочери:
«Уж ты ой еси, моё чадо ми́лоё,
выйди-тко ты вон на улицу.

Не буйны́ ли ветры́ на нас спова́нули,
вскрыли двор по потоло́ку же?»

Тут кричит Фатéнко поединщика,
«Уж ты ой еси, Маремья́на, Чусова́ вдова́,
давай-ко во поле поединщика.

А не дашь во поле поединшика,
сворочу у тя дом со дна́ на́верх».

Маремья́нушке за беду встаёт,
за великую досаду показалосе.

Опять надевает платье цве́тноё,
надевала шубу на одно плечо,
на босу́ ногу́ башма́чки, сафьян сапог.

И брала она с собой золотой казны много
множество,
и пошла Маремья́на вдоль по городу, —
дальше те же слова, всё то же, —
зашла она к го́лям каба́цкиим.

«Уж вы ой еси, го́ли большебрюхии,
берите казны много множество,
уж вы идите к Фате́нку в поле поединшиком».

На то го́ли каба́цки не ослышались,
брали казны много множество,
пошли оны́ к Фате́нку во по́ле поединшиком.

Фате́нко едет на добро́м коне́,
они сзади его пеша́ идут.

Фате́нко их как косой коси́т,
косой-то коси́т да всё травой берёт,
да всем голя́м смерть случилася.

Да свезал их волосы за волосы
и броси́л Маремья́не за о́горо́д.

Броси́л Фате́нко палицу буёвую,
вскрыл двор по окошкам же.

Тут-то Маремья́нушке да за беду встаёт,
говорит-то Маремья́на своей дочери:

«Уж ты ой еси, моё ты чадо ми́лоё,
выйди-тко ты вон на улицу.

Не буйны́ ли ветры́ дак там сповя́нули
да вскрыли у нас двор по окошкам же?»

Опять проси́т Фатéнко поединщичка:
«Уж ты ой еси, Маремья́на, Чусова́ вдова́,
давай-ко мне в поле поединщика,

А не дашь во поле поединщика,
сворочу у тя дом со дна́ на́верх же».

Тут-то Маремья́нушке дак за беду встаёт,
за великую досаду да показалосе.

Да было у Маремья́ны семь сынóв,
написала она ведь им писéмицько,
отослала она его семи сынам,
да чтоб ехали к Фатéнку в пóли поединшичком.

Отписали дети ей тогда письмо:
«Не едем мы к Фатéнку в поле поединшичком.

Потеряем мы свои там бу́йны гóловы
за то же за гузнó всё за бабье жё».

Тут-то Маремья́не за беду встаёт,
за вели́ку досаду показалосе.

Да тут-то Маремья́на расплакалась,
из рецей Маремья́на выговариват:

«Цем мнé-ка было спорóдить семь сынóв,
лучше бы я спорóдила восемь камешков

И броси́ла эти камешки в синё морё,
да сделала бы кóшечки подбойные,
розбивала-розгребала чёрны кáрабли».

Не могла она отбиться от Фатéнушка,
отдала она свою дочь за Фатéнку замýж.

22. Касья́н Иванович

Собирались-соезжались до́бры мо́лодцы,
да сорок кали́к перехожиих.

Исподелали они себе клю́ки-посохи,
испошили себе шубы бархатны.

Да сорок кали́к со кали́кою,
идут-то кали́ки чисты́м полём,
да долго пое́тця, скоро скажетця.

Пошли они в Еруса́лим-град
Богу моли́тьця и светой гробнице поклони́тьця.

Идут кали́ки чисты́м полём,
навстречу едет Солнышко Владымир-царь.

Да конь под им серы́м-серо́й,
а сам на коне белы́м-бело́й.

Да шли вси молодцы преуда́лые,
увидали Солнышка Владымира.

Испоты́кали о́ни клю́ки-посохи
во ту же во матушку сыру́ землю́,
исповесили шубы бархатны на свои клюки́.

Кланяютса Владымиру с челобитием:
«Уж ты здраствуй, Солнышко Владымир-князь,
Владымир князь Стольнекиевский!

Сотвори нам мило́сыньку подушевную,
хошь единую нам золотую гривну́».

Да спрашиват Солнышко Владымир-князь:
«Уж вы ой еси, кали́ки перехожие,
куда вы идёте, ку́ды правите?»

Отвечают кали́ки до́бры мо́лодцы:
«Идём мы в Еруса́лим-град
Богу моли́тьця, светой гробнице поклони́тьця».

Говорит Владымир таково́ слово́:
«Уж вы ой еси, кали́ки перехожие,
у меня нет здесь при се́бе ницего.

Пойдите́ вы в Еруса́лим-град,
приворачивайте в стольней Киев-град,
ко моей кнегины матери Опра́ксее,

Подаст вам мило́сыньку подуше́вную,
хошь единою она вам золоту́ гривну́».

Распростились уда́лы до́бры мо́лодцы,
да взели́ они шубы бархатны,
да взели́ они клю́ки-посохи.

Идут в чистом поле и приговариват,
клали они меж собой вели́к залог:

«И кто у нас в городе соврёт-солгёт,
да кто у нас в городе заворуется,
и кто у нас в городе загуляется,
того нам судить, право́, своим судом:

Закопа́ть его ноне по груда́м в землю́,
язык-от его вы́неть теменем,
да ясные оци вы́неть коси́цами».

Заходят уда́лы до́бры мо́лодцы
во той же славный Киев-град,
ко тому ко двору княжене́цкому,
ко тому же окошечку кося́вщету.

Из рецей кали́ки выговариват:
«Ой еси, кнегина мать Опра́ксея,

Сотвори нам мило́сыньку подуше́вную,
единую нам ты золоту́ гривну́».

Говорит ли мать Опра́ксея таково́ слово́, —
еди́н кали́ка был как есён соко́л, —

Вскрывает мать кнегина Опра́ксея окошечко кося́вщето:
«Да милости прошу во гри́дню светлую».

На то ле кали́ки не ослышались,
на то ле кали́ки отвечали ей:

«Нельзя нам на двор войти,
есь у нас заповедь великая:

Кто у нас в городе соврёт-солгёт,
и кто у нас в городе заворуется,
и кто у нас в городе загуляется,
того нам судить, правó, своим судом:

Закопáть его ноне по грудя́м в землю́,
язык-от его вы́неть тéменем,
да ясные оци вы́неть коси́цами».

Посылали они Касья́на да Ива́новича,
заходит уда́лый добрый мóлодец
во ту ли он в гри́дню в светлую.

Ей крест ле кладёт по-писáному,
поклон-от ведёт по-учёному,
молитву творит пóлну Исýсову.

Он кланяетця во все четыре стороны:
«Уж ты здраствуй, кнегина мать Опрáксея,

Сотвори ты нам милóсыньку подушéвную,
хошь единую ты нам золотý гривнý».

Говорит ли мать кнегина Опрáксея:
«Милости просим молодца в гридню́ во светлую».

Он говорит: «Ой ты ой еси, мать кнегина Опрáксея,
у нас положена заповедь великая:

Кто у нас в городе соврёт-солгёт,
и кто у нас в городе заворуется,
и кто у нас в городе загуляется,
тóго нам судить, правó, своим судом:

Закопáть его ноне по грудя́м в землю́,
язык-от его вы́неть тéменем,
да ясные оци вы́неть коси́цами».

Говорит ли мать кнегина Опрáксея:
«Заходи ко мне по-прежнему, по-досéльному».

Она прежде его-то знала.

«Ой ты ой еси, кнегина мать Опрáксея,
нейдý я во гри́дню к тéбе спать».

Говорит кнегина таковó словó:
«Дай мне сýму бархатну.

Если ты не́йдёшь в гри́дню светлую,
положу я в су́му золоту́ гривну́».

Положила же чару золо́тую во сумочку,
отдала ему эту су́му бархатну.

Пошёл уда́лый до́брый мо́лодец
на то́е же крыльцо на прекрасное.

Пошли уда́лы до́бры мо́лодцы в чисто́ полё,
да долго пое́тця, скоро сказываетця.

Приехал Солнышко Владымир-князь из чиста́ поля,
заходит он во гри́дню светлую.

Хватилса он своей золотой цяры́,
без которой он не пил, не ел.

Говорит Владымир таково́ сло́во:
«Ой ты ой еси, кнегина мать Опра́ксея,

Куды́ ты девала золоту́ цяру́,
без которой я не пью, не ем?»

Говорит мать кнегина таково́ сло́во:
«Приходили кали́ки перехожие,
украли у тя да золоту́ цяру́».

На то Владымир не ослышался,
из рецей Владымир выговариват:
«Уж ты ой еси, Олёшенька Попович блад,

Пойди-ко, Олёшенька, на конюшен двор,
снаряди своего ко́ня доброго,
поедь-ко, Олёшенька, во чисто́ поле́,

Настиги́ ты кали́к перехожиих,
спроси у их ли, спрове́дай же,
не попала ли к им золота́ цяра́».

На то-де Олёшенька не ослышелсэ,
пошёл-то Олёшенька вон на улицу,
на тот же пошёл на конюшен двор,

Снаряжал своего ко́ня доброго,
садился на ко́ня доброго,
поехал Олёшенька во чисто́е поле́.

Настигает калúк дóбрых мóлодцев,
из рецей-то Олёшенька выговариват:

«Вы гадины, вороны пустопёрыя,
уж вы же те сороки загумённыя,

Вы зацем упрятали у Владымира
да ту ле цярýзолóтую,
без которой князь не пьёт и не ест?»

Да тут калúки остановилисе,
поворотили от Олёшеньки назад глаза,

Сняли Олёшу с добрá коня,
нахлестали Олёшеньку пó гузну,
дали все по олáбушу и по тя́пушу.

Посадили Олёшу на добрá коня́,
едва тот Олёша на коне сидит.

Приехал Олёша в стольный Киев-град,
ко тому же крылечку прекрасному,
ко тому же Солнышку Владымиру,
от того же Олёшеньки ответу нет.

Говорит-то Солнышко Владымир-князь таковó словó:
«Ох ты ой еси, Добрынюшка Никитич млад,

Снаряди своего кóня доброго,
поедь-ко, Добрыня, в поле чистое,

Настигú ты калúк перехожих,
спроси у их, спроведай же,

Не попалась ли моя золотая цярá,
без которой цяры́ я не пью, не ем».

На то-де Добрынюшка не ослышался,
скоро ставал с лавочки дубовоей,
надевал на себя платье цвéтное.

Да выходил Добрыня вон на улицу,
снарядил сéбе кóня доброго.

Садился на кóня он на доброго,
поехал Добрыня во чистó полé,
настигает Добрынюшка калúк перехожиих.

Увидал он кали́к, лю́дей добрых,
круго́м объежда́ет он эти́х кали́к,
встава́ет наперёд кали́кам же.

Спускается Добрыня со добра́ коня:
«Вы здраствуйте, кали́ки до́бры мо́лодцы!

Вы скажите ны́неча, вы спроведайте,
куды́ поехали, куды́ направились?

Ох вы ой еси, кали́ки, до́бры мо́лодцы,
вы были у нас в городе в Киеве,

Не попалась ли вам цяра́ золо́тая
того же Солнышка Владымира,
без которой цяры́ он не пьёт, не ест?»

Обыскали они свои сумы́-де бархатны,
нашли у Касья́на да Ивановича
да ту же нонь цяру́ золо́тую.

Да отда́ли ча́ру Добрыне Микитичу,
закопали Касья́на Ивановича по груда́м в землю́.

Распростилса Добрыня Микитич млад,
поехал Добрыня в стольный Киев-град.

Пошли они тогда в Еруса́лим-град,
да эти кали́ки перехожие.

Они входят в Христо́ву Бо́жию церко́вь,
увидали во це́ркви до́бра мо́лодца,
того же Касья́на да Ивановича.

Касья́н сын Иванович стоит, Бога́ моли́т,
тут ему в ноги па́ли, стали́ прощатися.

23. Пермя́та и Чури́ла

Да не во́времё поро́шка снегу выпала,
о́же выпала поро́ха о Петро́ви дни.

Что не се́рой-от за́юшко проскакивал,
не бе́лой-от горноста́люшко прорыскивал,
проходил тут Чури́ла бладо Плёнкович.

Он статны́м-то статнёй, в полном возрасте,
лицо-то его, как белый снег,

Оци его — я́сна сокола,
брови его — чёрна соболя.

На ножецках обутки сафьян сапог,
на головушке шапочка-чу́рванка,
кабы шуба на ём да всё ведь куния.

Опоя́сочки его да троешёлковые,
троешёлковые да петишёлковые,
на ручечках перчаточки серебреные.

Вот идёт-то Чури́ла вдоль по городу,
идёт-то Чури́ла по чисту́ полю́,

Заходит Чури́ло в сто́льнёй Киев-град
ко тому же Перме́ту сыну Степановичу.

Заходит на крылечушко прекрасное,
он колотится в колечико серебреное,
уж заперты воро́та крепко-на́крепко.

Выходила Маремья́на дочь Мику́лична,
отпирала воро́та шире на́ пету,
из рецей Маремья́на выговариват:

«Три года́ красно солнышко не вздыбывалось,
а вздыну́лось красно солнышко в четвёртый год».

А не белый ку́ропат нале́тывал,
ясный сокол всё приле́тывал,
вот пришёл-то Чури́ла бла́дой Плёнкович.

Да взела его за ручушки за белыя,
цёлова́ла его в уста саха́рныя,
проводила во гридню тёплу-спальнюю.

Вот розделса Чури́ла по-домашному,
он козловы сапожки под кровать кладёт,
он куша́к с рукавицками на дубовый стол,
кабы ку́нью шубу́ веси́т на спи́цюшку.

Он ложитса спать на кроватку на тесо́вую,
на ту же на перину на пухо́вую,

Он на то же изголовье на кося́вщето,
он со той же Маремьяной со Микуличной.

Тут выходит нонь девушка-чернавушка,
из рецей эта девка выговариват:

«Ох ты ой еси, Чури́ло бладо Плёнкович,
как же ты разделса но́ньце по-домашному?

Я пойду ле, девка́, во Божью́ церько́вь,
я скажу Перметý сыну́ Степанову».

Говорит ле Чури́ло таково́ сло́во:
«Уж ты ой еси, девушка-чернавушка,

Не ходи-тко ты, девушка, во Божью́ церько́вь,
не сказывай Перметý сыну́ Степанову,
я куплю те́бе платье во петьсот рублей».

На реци бы девка не сдаваетца,
из рецей эта девка выговариват:

«Уж ты ой еси, Чури́ла бладо Плёнкович,
уж как же ты розделса по-домашному?

Я схожу ле, девка́, во Божью́ церько́вь,
я скажу Перметý сыну́ Степанову».

Говорит нынь Чури́ло таково́ сло́во:
«Не ходи-тко, девушка, не сказывай,
я куплю те́бе шаль во шесьсот рублей».

На реци девка не сдаваетца,
надевала на себя платье цве́тное,
пошла эта́ деви́ця вон на улицу.

Заходит девушка во Божью́ церько́вь,
она крест кладёт по-писа́ному,

поклон-от ведёт по-учёному,
а молитву творит полну́ Исусову.

Уже кланятца на все цетыре стороны,
из рецей эта девка выговариват:
«Уж ты здраствуй, Пермя́та сын Степанович!

Уж ты служишь обе́дню воскресеньскую,
уж цитаешь ты книжки всё Божии.

У тебе́ во городе не по-старому,
ах, во Ќёёве-граде не по-прежному:

Заселилса конь чужой нонь в чисто́ поле́,
он ведь то́пщёт твою траву шёлко́вую,
он ведь пьёт твою воду́ медвя́ную».

Уж на то Пермя́та догадаетце,
запирал он скорей книжки Божии,
выходил Пермя́та из Божье́й церкви́.

Заходит на свое́ крылечушко на прекрасное,
он коло́титса в колечико серебрено,
уж заперты ворота крепко-на́крепко.

Кабы тут-то Перме́ту за беду стаёт,
за великую досаду показалосе.

Ноги резвыи его да расходилися,
могу́ци е́го пле́чи расшевелилися,
руки белыя его да розмахалися.

Ли́цо белое его да помутилосе,
и оци ясные его помутились жё,

Ретиво́ его сердце розъерилося,
сомешалася кровь его со пе́ченью.

Толкну́л он ногой во́ двери,
уж он вышиб двери с ободве́ринами.

А заходит Пермята во гри́дню тёплую,
от хвати́л в руки саблю вострую,

Кабы ссек он Чури́ле по́ плеч голову,
кабы бро́сил е́го во чисто́ поле́,
кабы тут Чури́лу смерть случилася.

Говорит-то Перма́та таково́ слово́:
«Уж ты ой есь, Маремьяна дочь Микулична,
я прощу же тебя во перво́й вины».

Говорит Маремьяна таково́ слово́:
«Уж ты вор жё ты, Перма́та сын Степанович,

Кабы была у меня в руках сабля вострая,
я бы ссекла у тя по́ плеч голову».

А на реци Перма́та не сдаваетцэ,
говорит-то Перма́та во второй нако́н:

«Уж ты ой еси, Маремьяна дочь Микулишна,
я прощу тебя во перво́й вины».

Говорит Маремьяна во второй нако́н:
«Уж ты вор, Перма́та сын Степанович,

Было бы у меня в руках копьё бурзомецкое,
я сколола бы тебя, вора Степанова».

Как ещё его ругат!

А на реци Перма́та не сдаваетца,
говорит-то Перма́та во тре́тей нако́н:

«Уж ты ой еси, Маремья́на дочь Мику́лична,
я прощу-то тебя во перво́й вины».

Говорит Маремьяна во тре́тей нако́н:
«Да куда полетел блад ясён соко́л,
да туда же лети́ ле́бедь белая».

Вот какую грубость сказала!

Кабы то Перма́те за беду́ встаёт,
за великую досаду показалосе.

Ссек у Маремьяны по́ плеч голову,
броси́л Маремьяну во чисто́ поле́,
кабы тут Маремьяне смерть случилася.

Взял он девушку-черна́вушку за себя взаму́ж,
повенчалися во Божье́й церкви́ и стали жить.

ЧАСТЬ III

Записи 1938 года

Николай Павлович Лео́нтьев оказался на Нижней Печо́ре, в городе Нарьян-Ма́ре, в сентябре 1936 года, когда стал работать заведующим отделом культуры и быта в местной газете «Красный тундрови́к» («Няръя́на вы́ндер»). В декабре того же года на первой в истории Не́нецкого округа олимпиаде самодеятельного художественного творчества он услышал былину про Илью и Соко́льника в исполнении Василия Петровича Тайбаре́йского. С того времени Лео́нтьев использовал каждую свою корреспондентскую командировку для записи фольклора [*Лео́нтьев 1979*, с. 5 и 6].

Николай Павлович Лео́нтьев (1910–1984). Снимок из открытых источников

На Нижней Печоре Николай Павлович записал 26 былин от 5 сказителей. Это самый объёмный вклад в дело сохранения нижнепечорской эпической традиции. Леонтьев более чем вдвое увеличил число записей нижнепечорского былинного эпоса, сделанных до него (с 23-х до 49-ти). Впервые было записано целиком — около 2000 строк от каждого — былинное наследие двух сказителей: Ивана Кирилловича Осташо́ва и Василия Петровича Тайбаре́йского.

Все записи нижнепечорского эпоса были сделаны Леонтьевым в 1938 году. Былины Василия Петровича Тайбаре́йского Леонтьев записывал с 1 по 4 июня, а Ивана Кирилловича Осташо́ва — с 7 по 10 июня. В начале года была сделана запись Ильи и Соко́льника от Игнатия Тере́нтьевича Ма́ркова, а в конце июня записана ста́рина про Луку́ Степановича от Григория Андреевича Карма́нова. Ещё одна былина Ма́ркова, две Карма́новa и одна Афана́сьи Фёдоровны То́роповой опубликованы без указания дат, лишь с обозначением 1938 года.

Некоторые былины опубликовал сам собиратель в двух своих книгах [*Лео́нтьев 1939*; *Лео́нтьев 1979*], а некоторые увидели свет уже после его смерти в Своде русского фольклора [*Свод 2001-1*; *Свод 2001-2*].

В конце 1930-х годов собирателю довелось застать относительную сохранность былинного сказывания на Печоре, когда оно ещё было необходимым элементом быта, более того — составной частью самого бытия печорцев. Однако, посещая печорский край позднее, в 1944, 1949,

1950, 1951, 1962 и 1963 годах, Николай Павлович застал почти полное исчезновение былинного эпоса.

К сожалению, Леóнтьев почти не оставил заметок о своих сказителях. Выразительно был им изображён лишь Василий Петрович Тайбарéйский.

8. Иван Кириллович Осташóв

Иван Кириллович Осташóв — 65-летний житель деревни Смекáловка. На вопрос Леонтьева о месте и времени исполнения былин Иван Кириллович ответил: «Недель по десяти в лесной избушке каждый год осеновали. Там и попевали» [*Свод 2001-2,* с. 555]. Николай Павлович также сообщает: «Есть такие мастера, которые в совершенстве владеют былинной поэтикой и могут любую сказку дать в былинном изложении; таков, например, сказитель Иван Кириллович Осташов из деревни Смекаловки» [*Леонтьев 1939,* с. 7].

У писательницы Маремьяны Романовны Голубкóвой (№ д3) в её книге 1946 года читаем: «В каждой деревне у нас свои былинщики. <…> В Смекаловке живёт былинщик Иван Кириллович Осташов. На гóстьбах он везде первый певун» [*Голубкóва 1946*, с. 127–128].

Иван Кириллович Осташóв, сидит слева. Снимок предоставила внучка сказителя Анна Терéнтьевна Бáбикова (город Нарьян-Мар)

В книге Леонтьева 1939 года есть ещё такое место: «Сказители Иван Кириллович Осташов, 65 лет (деревня Смекаловка), Игнатий Терентьевич Марков, 80 лет (деревня Голубково), Григорий Андреевич Карманов, 60 лет, Афанасья Фёдоровна Торопова, 68 лет (деревня Виска), и <сказочник — *А.М.*> Александр Трофимович Безумов, 60 лет (колхоз «Красная Печора»), также <как и Василий Петрович Тайбарéйский — *А.М.*> являются учениками талантливых печорских мастеров поэтического слова, в своё время отмеченных ещё Николаем Евгеньевичем Ончуковым: Степана Алексеевича Безумова,[30] Алексея Ивановича Дитятева, Степана Фёдоровича Хабарова, Николая Петровича Шалькова» [*Леонтьев 1939,* с. 7]. Но вряд ли здесь говорится о том, что каждый из четырёх перечисленных сказителей Леонтьева был учеником каждого из четырёх перечисленных сказителей Ончукóва. А если и было ученичество, то мы не можем ничего сказать о его степени: новый сказитель просто слышал сказывание старого мастера или прямо перенял от него ту или иную былину или былины. Вполне могло быть, что один новый сказитель был учеником одного старого сказителя, другой — другого, но у Леонтьева все эти отдельные случаи объединены, так что не понятно, кто от кого учился. Вполне может быть также, что под «учениками» здесь понимаются «продолжатели дела» старых мастеров.

Иван Кириллович Осташóв. Снимок предоставила внучка сказителя Анна Терéнтьевна Бáбикова (город Нарьян-Мар)

С 7 по 10 июня 1938 года Леóнтьев записал от Ивана Кирилловича Осташóва 11 былин (всего 2064 стиха):

1) Исцеление Илéйки; Илéйка и Соловéй;
2) Старóй и Святогóр;

[30] Об этом сказителе смотри Приложение 3.

3) Илья и Издóлишшо: стычка на пиру;
4) Илья и Владимир-князь;
5) Митрий Бря́нской;
6) Старóй и Сокóльник;
7) Перемя́т и Чури́ло;
8) Добрыня и Маринка;
9) Дуна́й Иванович;
10) Ставёр Годи́нович;
11) Дюк Степанович.

Пять былин из этого списка (1, 2, 3, 4, 11) были напечатаны ещё при жизни сказителя [*Леóнтьев 1939*, №№ 1, 2, 4, 5, 10], а позднее перепечатаны [*Леóнтьев 1979*, №№ 2, 3, 8, 9, 19]. Ещё три (6, 8, 9) были впервые напечатаны в 1979 году [*Леóнтьев 1979*, №№ 5, 11, 17]. Остальные три былины (5, 7, 10) увидели свет только в XXI веке [*Свод 2001-1*, № 159; *Свод 2001-2*, №№ 177, 264].

Кроме того, Иван Кириллович рассказывал «россказью» про Солóмона, но у собирателя получилось записать лишь начало (№ д7).

24. Исцеление Илéйки Муромца; Илéйка и Соловей

Как сидел Илейка без рук, без ног,
на пеци сидел Илейка прáво тридцеть лет.

Ушли у него отець-мать нá полё,
сидит Илейка один на пецьки на мурáвленки.

Под окно пришли калúки перехожие:
«Подай, Илейка, милóстыню радú Христа».

Говорит им Илейка таково словó:
«Уж вы ой есь, калúки перехожие,

Уж как рад бы я подать вам милóстыню,
да не действуют у мня ни рýки и ни ногú,
а сижу я уж тридцеть лет без рук, без ног».

Говорит тогда калúка перехожая:
«Протяни-ко, говорит, прáву ноженьку».

Протянул он, Илéйка, прáву ноженьку,
подействовала его да прáва ноженька.

«Протяни-ко, говорит, да и лéву ноженьку».
Протянул он, Илéйка, лéву ноженьку,
и подействовала его дак лéва ноженька.

Тóгда слез он со пецьки со мурáвленки,
говорит он, Илéйка, таково словó:

«Уж вы ой есь, калúки перехожие,
как подействовали у меня ноньцé резвы́ ногú,
да не действуют у меня ноньцé белы́ рукú,
не могу я вам подать ноньцé милóстыню».

Говорит тогда калúка перехожая:
«Протяни-ко, говорит, прáву рученьку».

Протянул тут Илейка прáву рученьку,
и подействовала его дак прáва рученька.

«Протяни-ко, говорит, и лéву рученьку».
Протянул тут Илейка и лéву рученькý,

И подействовала его ведь лéва рученька,
тут вынес он буханочку и пóдал им.

Говорят тогда кали́ки перехожие:
«Уж ты ой еси, Илеюшко ты Муромець,

А спустись-ко ты к матери дак во глубо́к погре́б,
и поды́нь ты, зацерпни-ко квасу круженьку».

Вот спустился Иле́йка да во глубо́к погре́б,
уж и поднял он им квасу круженьку.

Говорит тогда кали́ка перехожая:
«Уж как ой е́си ты, Илейка Муромець,
е́шше выпей ты-ко эту квасу круженьку».

Тут и выпил Илейка квасу круженьку.
«А и чо же нынь, Илейка, ты по́ се чу́вствуёшь?» —
«Уж я чувствую я по́ се но́ньце силоньки». —

«Ты спустись-ко ешшо́ ноньци́ да во глубо́к погре́б,
да поды́нь-ко ешшо́ нам кружку зелена́ вина».
Уж и по́днял он кружку дак зелена́ вина.

Говорит нонь кали́ка перехожая:
«Уж ты выпей-ко, Илейка, эту круженьку».
Вот и выпил Илейка эту круженьку.

Говорит тогда кали́ка перехожая:
«А и чо же ты, Илейка, по́ се чу́вствуёшь?»

Уж как говорит-то Илейка Муромець:
«А и столько я чувствую в се́бе силоньки,

А и было бы кольцё да во сырой земли,
дак поворо́тил бы я всю мать сыру́ земли́ю».

Говорят тогда кали́ки перехожие:
«Уж как дали мы ему ведь силы множество,
тут убавить надо силы половинушка».

И убавили о́ни силы половинушку,
и потерялись тут кали́ки перехожие.

Уж как выходил Илейка вон на улицю,
и пошёл наш Илейка во чисто́ полё,
он к отцю, ко матери идёт на́ полё.

Вот увидела е́го ма́ти родимая,
уж как говорит она мужу Му́рому:

«Уж ты ой есь, мой муж Мýром же,
уж как вон идёт кто ли, как наш Илеюшко». —

«Уж и глýпа ты, баба, да нерозумная,
ведь сидит наш Илейка тридцеть лет без рук, без ног».

Вот поближе подходит к им Илеюшко,
уж как говорит опять жена у Мурома:

«Совсем как наш будтó идёт Илеюшко».
А не верит же Муром ейным словам.

Подошёл к ним Илейко близко-нáблизко,
тут узнали они его и возрадовались,
поздоровалсе тут он с óтцём, с матерью.

Уж и спрашивают éго óтець с матерью:
«А и как же это чудо приключилося?»

Говорит нынь Илейко таково словó:
«Как сидел я на пецьки на мурáвленки,

Под окно пришли тут два калúки перехожие:
«И подай, говорят, Илейко, милóстыню радú Христа».

Говорю же я им таково словó:
«Уж вы ой есь, калúки перехожие,

Уж как рад бы я подать вам милóстыню,
да не действуют у мня ни рýки, ни ногú,
а сижу ведь я уж тридцеть лет без рук, без ног».

Говорит тогда калúка перехожая:
«Протяни-ко, говорит, прáву ноженьку».

Протянул тут я дак прáву ноженьку,
а подействовала моя да прáва ноженька.

«Протяни, говорит, лéву ноженьку».
Протянул тут я и лéву ноженьку,
и подействовала мóя лéва ноженька.

Тогда слез я со пецьки со мурáвленой,
говорю тут я им таково словó:

«Уж вы ой есь, калúки перехожие,
как подействовали у меня ноньцé резвы́ ногú,
да не действуют у меня ноньцé белы́ рукú,
не могу я вам подать ноньцé милóстыню».

Говорит тогда кали́ка перехожая:
«Протяни, говорит, пра́ву рученьку».

Протянул тут я да пра́ву рученьку,
и подействовала моя да пра́ва рученька.

«Протяни-ко, говорит, ле́ву рученьку».
Протянул тут я и ле́ву рученьку,

И подействовала у меня и ле́ва рученька,
уж вынес я буханочку и по́дал им.

Говорят тогда кали́ки перехожие:
«Уж ты ой е́си, Илеюшко Муромець,

А спустись-ко ты к матери во глубо́к погре́б,
и подынь ты, зацерпни квасу круженьку».

Вот спустился я тут во глубо́к погре́б,
уж и поднял я им квасу круженьку.

Говорит тогда кали́ка перехожая:
«Уж как ой е́си ты, Илейка Муромець,
е́шше выпей ты эту квасу круженьку».

Тут и выпил тогда я квасу круженьку.
«А и чо же нынь, Илейка, ты по́ се чу́вствуёшь?» —
«Чувствую я по́ се но́ньце силоньки». —

«Ты спустись-ко ешшо́ да во глубо́к погре́б,
ты поды́нь-ко ешшо́ кружку зелена́ вина».
Уж и по́днял я кружку зелена́ вина.

Говорит на то кали́ка да перехожая:
«Уж ты выпей, Илейка, эту круженьку».
Вот и выпил я дак эту круженьку.

Говорит тогда кали́ка перехожая:
«А и чо же ты, Илейка, по́ се чу́вствуёшь?» —

«А и столько я чувствую в се́бе силоньки,
а и было бы кольцё да во сырой земли,
дак поворотил бы я всю мать сыру́ землю́».

Говорят тогда кали́ки перехожие:
«Уж как дали мы ему ведь силы множество,
тут убавить надо силы половинушку».

И убавили óни силы половинушку,
и потерялись тут калúки перехожие,
тогда пошёл я ко вам во чистó полё».

Говорит тут Илейко да таково словó:
«Уж вы ой есь, вы мои отец-матú,

А садитесь-ко вы да на колóденку,
а подчишшу ведь за вас я нóньце полюшко».

И берёт он дубину за вершинушку,
за вершину он дубинушку подéргивать,
уж как зá полё дубинушку помётывать.

Вот и выцистил он полюшка порядоцьно,
и пошёл он домой да с óтцём, с матерью.

Вот проходит у их дак дома тёмна ноценька,
и ставали они да поутру раны́м-рано́.

Говорит-то старóй да И́лья Муромець:
«Уж вы ой есь, мои да óтець-матушка,
уж вы дайте-ко мне благословлéньицё

А сходить-съездить мне во стóльнёй Киев-град,
посмотреть там князя́ да со княгиною,
посмотреть мне всех руськи́х богáтырей».

Не дават отець-мать благословлéньицё:
«Помрём мы без тебя да смертью лютоей».

И другой раз Старóй их выспрашиват:
«Уж вы ой есь, мои да óтец-матушка,
уж вы дайте-ко мне благословлéньицё

А сходить-съездить мне во стóльнёй Киев-град,
посмотреть там князя́ да со княгиною,
посмотреть мне всех руськи́х богáтырей».

Не давáт отец-мать благословлéньицё:
«Ай помрём мы без тебя тут смертью лютоей».

Третьей раз тут Старóй их выспрашиват:
«Уж вы ой есь, мои да óтец-матушка,
уж вы дайте-ко мне благословлéньицё

А сходить-съездить мне во стóльной Киев-град,
посмотреть там князя́ да со княгиною,

посмотреть мне всех руськи́х бога́тырей.
Даите́ — поеду́ и не даите́ — поеду́».

Говорит-то его ноньце́ отець Муро́м же:
«Ой ты ой есь, мой ста́рой да И́лья Муромець,
уж как ехать тебе дорожкой прямоезжею.

Прямоезжая дорожка призапу́шшена,
призапу́шшена дорога, призасо́рена,
а не ездят той дорогою уж тридцеть-то лет.

Заселился там Со́ловей Рахма́тович,
не пропускат он ни конного, ни пе́шёго.

Не пропускат он зве́ря-та рыскучего,
не пропускат он пти́цю полетушчую.

Не пропускат он и руського бога́тыря,
убиват он своим свистом громкиим.
А кругом дорожкой надо ехать три́ года́».

Вот срежался старо́й да Илья Муромець,
и седлал-уздал он ко́ня доброго.

И подстегивал он двенадцеть по́дпругов,
а тринадцету он степ да лошадиную,

Не оставил бы молодца́ да в по́ли до́брой конь
уж как серым-то волка́м да на съеде́ньицё,
уж как че́рным воронёнкам нынь на гра́яньё.

С о́тцём, с матерью тут он да распрошчается,
не видали нынь отправки молодецкоей,
не видали нынь поездки богатырьскоей.

Только видят, во по́ли курева́ идёт,
курева́-та идёт да дым столбом вали́т.

Приезжал он ко ро́сстаням дороженьки,
и поехал он по прямой по дороженьки.

И приехал он в болотину дыбуцую,
по боло́тины-то мостики прив́ыгнили.

Слезыва́л тут Илейка да со добра́ коня,
у коня брал он повод да во лево́ руку́,

Он правóй рукой дубинушки подергивать,
через болóтинку он мост всё помáшчивать.

Перебрался через болотину дыбучую,
перешёл тут он да во чистó полё,

И садилса он тут да на добрá коня,
и поехал он путью́-дорожечкой.

Там увидел он нóньце во чистóм полú,
а увидел он Соловья́ дак зá семь вёрст.

А сидит Соловей этóт Рахмáтович
на семи дубах он, на восьми поддýбочках.

Вот увидел Соловей рускá богáтыря
а во той же дорожки приросси́ренной.

А натягал Соловей духú змеиные,
заревел тóгда он громким голосом,
у Старóго нóньце конь да на колени пал.

Уж и бьёт он кóня да по туцны́м ребрáм:
«Уж ты конь, ты волчья сыть да травянóй мешок,
не слыхал ли ты граю воронóвого?»

Уж и брал он сéбе да в руки тýгой лук,
да накладывал стрелу и приговаривал:

«Уж ты ой есь, моя-де калена́ стрела,
а не падай ты не нá землю, да не нá воду,
а пади-ко ты Солóвью да во прáвой глаз».

Вот закладывал он стрелоцьку калéную,
не серы́ волкú во поле нынь завóели,
у Старóго у лукá нынь мáкляки заскри́пили.

Полетела эта стрелоцька калёная,
и попала óна Соловью во прáвой глаз.

Тут свалился Соловей да сын Рахмáтович
он с семи-то ле дубов, с восьми поддýбочков.

Не удалось Соловью дак нóньце нá пол пасть,
а подъехал старóй да И́лья Муромець,
приковал он его к седёлышку зеркальцяту,
уж и едет он, Илéйка, по чистý полю́.

Уж и были у Соло́вья как две доцери,
выходили нынь они да на крыльцё пара́тное,
и глядели тут они да во чисто́ полё.

Уж и видят нынь они да во чисто́м поле́,
как отець там едет и бога́тыря везёт.

Забежали тут они ко матушки родимоей:
«Ой ты есь, наша матушка родимая,
уж и татка там едет, да бога́тыря везёт».

Е́шше вышла у́ них матушка родимая
как на то же на крыльцё да на пара́тное,

Уж и брала о́на трубоньку подзорную,
а глядела ведь она да во чисто́ поле́.

Говорит тут она да таково слово́:
«Не отець то везёт, а богаты́рь отця везёт.

Поднимайте надрешётницы тяжёлые,
да зовите-ко вы гостя да попить-поись
а со той же да со пути-дороженьки.

Заезжать станет он во нашу да во оградушку,
дак спустите надрешётницы тяжёлые,
а бога́тырю спустите-ко во бу́йну голову,
да предайте вы его ко смерти лютоей».

Подъезжат нынь старо́й да И́лья Муромець,
выходили тут к нему да кра́сны де́вицы:

«Уж ты ой есь, уда́лый добрый мо́лодец,
приворачивай ко нам с пути-дороженьки,
ты с пути-дороженьки ко нам попить-поись».

Не глядит на их старо́й да И́лья Муромец,
и проехал он мимо в сто́льной Киев-град.

Приездат Старо́й тут во сто́льной Киев-град,
слезывал он да со своёго со добра́ коня,
заходил он ко Солнышку Владимеру.

А идёт тут у Солнышка поче́сен пир,
а садили Старо́го да за пере́днёй стол.

Уж как тут они стали́ его нынь спрашивать:
«А поко́ль же ты, уда́лой до́брой мо́лодец,

А покóль же ты ехал, да пóколь путь держал?
Уж как ехал ты дорожкой кругоéзжеей?»

Говорит-то Старóй да таково словó:
«Уж вы ой éси, удáлы дóбры мóлодцы,
уж как ехал я дорожкой прямоéзжеей».

И нихто не верят удáлы дóбры мóлодцы:
«У нас засóрена дорожка нонь тридцеть лет.

Тут сидит Соловей сын Рахмáтович
как на той же дорожки прямоéзжеей,
не пропускат он ни конного, ни пéшёго.

Не пропускат он звéря-та рыскучего,
не пропускат он птúцю полетушчую.

Не пропускат он и руського богáтыря,
убиват он своим свистом громкиим».

Говорит-то старóй Úлья Муромець:
«Уж вы ой есь, удáлы дóбры мóлодцы,
уж я ехал дорожкой прямоезжеей.

А сидит у́ мня Соловей Рахмáтович,
а сидит он у́ мня да на добрóм конú,
а прикован-то ко седёлышку зеркальцяту».

Говорит-то наш Солнышко Владимер-князь,
говорят-то все руськú-ти богáтыри:

«Если есь у тя Соловей сын Рахмáтович,
заведи-ко ты его да на почéсен пир».

Говорит-то старóй да Úлья Муромець:
«Уж ты ой éси, Добрынюшка Микитин сын,
заведи-ко ты поди да Соловья Рахмáтова».

Выходил-то Добрынюшка Микитин сын:
«Уж ты ой éси, Соловей сын Рахмáтович,
а пойдём же ко Солнышку да на почéсен пир».

Говорит Соловей да таково словó:
«Не твоё ведь я пью-кушаю, не тя и слушаю,
уж как есь у меня хозяин — Úлья Муромець».

Заходил-то Добрынюшка Микитин сын:
«Уж ты ой есь, старóй да Úлья Муромець,
не идёт со мной Соловей сын Рахмáтович».

309. Выходил то́гда Старо́й да вон на улицю,
310. и сымал он Соловья сына́ Рахма́товича,
311. заводил он его да на поце́сен пир.

312. Тут садили ведь его да за дубо́вой стол,
313. подавали ведь ему да цяру зелена́ вина,
314. не большу́ ведь и не малу — полтора ведра,
315. уж как тут о́ни сидят, пьют и едят.

316. Говорит-то наш Солнышко Владимер-князь,
317. говорят-то вси руськие бога́тыри,
318. е́шше ти же нынь бояра толстобрюхие:

319. «Уж ты ой есь, старо́й да И́лья Муромець,
320. разреши-ко ты свистеть Соловью сыну́ Рахма́тову
321. а своим-то ему да громким голосом».

322. Вот ставал тут Старо́й да на резвы́ ноги́,
323. уж и брал князя он под праву́ руку,
324. уж как матушку Апра́ксию под левую.

325. Говорит-то старо́й да И́лья Муромець
326. а тому же Соловью сыну́ Рахма́тову:

327. «Уж ты ой есь, Соловей да сын Рахма́товиць,
328. натяни-ко ты ноньце́ духи́ змеиные,
329. засвисти-ко ты ноньце́ да о полу́свиста».

330. Натягал тут Соловей духи́ змеиные,
331. засвистел Соловей дак он во́ весь свой свист,
332. уж как всех тут нара́з да приошу́нуло.

333. Вот запо́лзали бояра толстобрюхие,
334. поддаржа́л только́ старо́й да И́лья Муромец
335. уж как князя тут он и мать Апра́ксию.

336. Осердился старо́й да И́лья Муромець,
337. и схватил Соловья да за черны́ кудри́,

338. Уж и по́днял он его да выше буйно́й главы,
339. опустил он его да о кирпитчат пол,
340. и придал он его да смерти лютоей.

25. Старóй[31] и Святогóр

Уж как ехал Старóй да по чистý полю́,
и заехал Старóй да на Святý горý,
уж он выехал на и́скопыть лошадиную.

И поехал он по этой по и́скопыти,
нагони́л он ру́ського бога́тыря.

И́шше вынял он па́лицю буёвую,
и ударил он бога́тыря па́лицёй буёвоей.

Говорит Святогор таково слово́:
«А ведь ветру но́ньче нет, а шишки падают».

И другой раз ударил тут его Старóй
а своей же он па́лицёй буёвоей.

Повернулся тогда Святогор назад,
уж как едет за ним ру́ською бо́гатырь
уж и бьёт е́го палицей буёвоей.

То́гда взял Святогор его вместе́ с конём,
вме́сте с конём его в корман положил.

Вот и едет Святогор да по Святой горы́,
как проговорил у его да до́брой конь:

«Уж ты ласков хозяин, ты и сам сидишь,
и бога́тыря с конём ты на мне везёшь,
не могу ведь я вас, три души, нести».

Тогда Святогор Илью Муромця
а вымал он его из кормана с конём,
и говорит он ему да таково́ слово́:

«Уж ты ой есь, уда́лой до́брой мо́лодец,
е́шше едешь ты по чужой по дороженьки».

Назвали́сь они тогда дву́мя братьями,
уж и едут они да по дороженьки.

---

[31] Старóй — так в былинах называют Илью Муромца.

Е́шше стретились им тут два странника,
уж как тут же они гроб делают.

Говорит Святогор таково́ слово́:
«А кому же вы, робята, этот гроб делаете?» —
«В этот гроб, говорят, хошь ты ложись». —

«А куда же я войду да во этот гроб?
Ваш гроб, говорит, мне-ка мал будет».

Говорят-то ведь эти да два странника:
«Слезыва́й ты, ложись, войдёшь во этот гроб».

Тут и слез Святогор со добра́ коня,
уж он лёг в этот гроб, гроб как раз по ём.

А накрылась на него тут до́ска-гро́бница,
и потерялись тут эти ведь два странника.

И лежит Святогор он во том гробу
и не может он поворо́тится.

Говорит Святогор таково́ слово́:
«Уж ты бей, Старо́й, гробни́цю па́лицёй буёвоей,

Розломи-ко ты эту гробову́ доску́,
то́гда стану ведь я из гробу чу́дного».

Уж и бил Старо́й па́лицёй буёвоей
а по той же тут он да гробово́й доски́,
налетел тут на гроб обру́ц зале́зноёй.

Говорит же Старо́й да таково́ слово́:
«Бил, говорит, я по гробово́й доски́,
налетел тут на ей обру́ц зале́зноёй». —

«Бей, говорит, другой раз по середи́нушки,
да розбе́й-ко ты эту гробову́ доску́,
то́гда стану ведь я со гробу с чу́дного».

Говорит Старо́й таково слово́:
«Уж ты ой есь, мой новозва́нный брат,

Бил, говорит, я по гробово́й доски́,
налетел тут на ей обру́ц зале́зноёй». —

«Бей, говорит, и во третий раз,
розбей-ко ты эту гробову́ доску́,
то́гда стану ведь я со гробу чу́дного».

Говорит же Старóй да таковó словó:
«Уж ты ой есь, мой новозвáнный брат,

Бил, говорит, я по гробовóй доскú,
налетел тут на ей обрýц залéзноя».

Говорит Святогор да таковó словó:
«Уж ты ой есь, мой ты назвáнной брат,

А дошла, говорит, мне-ка смерть лютая,
уж как буду, видно, я да помирать нынчé.

А пойдёт у меня да пена белая,
пропусти-ко ты эту пену белую.

А пойдёт у меня да пена жёлтая,
а возьми ты ей в рот да с кóнець пéрстика.

А пойдёт у меня пенá зелёная,
а возьми ты в себя да с кóнець ложецьки.

Как поедешь по нáшёй пути-дороженьки,
а увидишь ты, там во чистóм полú
а стоит ведь там наш дом великия.

Как увидишь, говорит, наш дом великие,
ты нажми-ко своёго да кóня доброго
и гони-ко ты мимо наш дом крепчé.

И зареви-ко ты против дому моёмý отцю,
что Святогор на Святых тех горах пóмер же.

И гони сам, сколько можешь, ты ведь мимо же,
как прогóнишь, ты всё по себе почýствуешь.

Обворотись-ко ты тогда обратно же
и приедь-ко ты ко моему отцю,

И зайди-ко ты в úзбу к моему отцю,
где отець-то сидит на лавки на дубóвоей.

Уж как ты с им тогда и поздоровайсе
и росскажи, как с тобой мы сошлись-съехались,
и у нас какó с тобой былó подéишшо.

Уж как станет он просить у тя ведь праву рученьку,
уж ты дай-ко вместó руки палицю буёвую».

Тогда пошла у него из гробу сила белая,
тогда хлебнул Старóй эту силу белую.

Уж как тут он пал да без памети,
и лежал он без чувствия трои суточки.

А тогда ведь Старóй да пробужаецця,
он почувствовал по себе ведь силы множество.

И тогда копал он яму-ту глубокую
и похоронил он да своёгó товарыща.

И поехал он ноньце по дороженьки,
и увидел, в поли стоит дом бульщýщиё.

Так и нáжал он своёго кóня доброго
уж и гонит он ноньцé мимо этот дом.

Говорит нонь Старóй да таковó словó:
«Ой, Святогор, у тя сын на Святых горах пóмер же».

И прогонúл он дом этóт больщýщиё,
и услышал он над своей головой,
а повыше его что-то пролетело крепко же.

Уж как выскоцил Святогор он из горници,
уж и выдернул он нащóку-ту залезную

И свистнýл он в удáла дóбра мóлодца,
улетела нащóка повыше буйной главы.

Поворотил тут Старóй да кóня доброго,
приезжáт он ко дому да великому,
слезовал он тут со добрá коня.

И заходил он тут в нову гóренку,
где сидит Святогор на лавке на дубóвоей.

Уж как тут они с им поздоровались,
уж как тут же Старóй стал россказывать:

«Уж как ехали, говорит, мы с твоим сынóм,
уж как не было нам поединщика.

Éшше стретились нам тут два странника,
уж как тут же они да гроб делают.

Говорит Святогор таковó словó:
«А кому же вы, робята, этот гроб делаете?» —
«В этот гроб, говорят, хошь ты ложись». —

«А куда же я войду да во этот гроб?
Ваш гроб, говорит, мне-ка мал будет».

Говорят-то ведь эти да два странника:
«Слезывáй ты, ложись, войдёшь во этот гроб».

Тут и слез Святогор со добрá коня,
уж он лёг в этот гроб, гроб как раз по ём.

А накрылась на него тут дóска-грóбница,
и потерялись тут эти ведь два странника.

И лежит Святогор он во том гробу
и не может он поворотúтися.

Говорит Святогор таковó словó:
«Уж ты бей, Старóй, гробнúцю пáлицёй буёвоей.

Розломи-ко ты эту гробовýю доскýю,
тóгда стану ведь я из гробу чýдного».

Уж и бил Старóй пáлицёй буёвоей
а по той же тут он да гробовóй доскú,
налетел тут на гроб обрýц залéзноёй.

Говорит же Старóй да таковó словó:
«Бил, говорит, я по гробовóй доскú,
налетел тут на ей обрýц залéзноёй». —

«Бей, говорит, другой раз по середúнушки,
да розбéй-ко ты эту гробовýю доскýю,
тóгда стану ведь я со гробу чýдного».

Говорит Старóй таковó словó:
«Уж ты ой есь, мой новозвáнный брат,

Бил, говорит, я по гробовóй доскú,
налетел тут на ей обрýц залéзноёй». —

«Бей, говорит, и во третий раз,
розбей-ко ты эту гробовýю доскýю,
тогда стану ведь я со гробу чýдного».

Говорит же Старóй да таковó словó:
«Уж ты ой есь, мой новозвáнный брат,

Бил, говорит, я по гробовóй доскú,
налетел тут на ей обрýц залéзноя».

Говорит Святогор да таковó словó:
Уж ты ой есь, мой ты назвáнной брат,

А дошла, говорит, мне-ка смерть лютая,
уж как буду, видно, я да помирать нынчé.

А пойдёт у меня да пена белая,
пропусти-ко ты эту пену белую.

А пойдёт у меня да пена жёлтая,
а возьми ты ей в рот с кóнець пéрстика.

А пойдёт у меня пенá зелёная,
а возьми ты в себя да с кóнець ложецьки.

Как поедешь по нашёй пути-дороженьки,
а увидишь ты, там во чистóм полú
а стоит ведь там наш дом великия.

Как увидишь, говорит, наш дом великие,
ты нажми-ко своёго да кóня доброго
и гони-ко ты мимо наш дом крепчé.

И зареви-ко ты против дому моёмý отцю,
что Святогор на Святых тех горах пóмер же.

И гони сам, сколько можешь, ты ведь мимо же,
как прогонишь, ты всё по себе почýствуешь.

Обворотись-ко ты тогда обратно же
и приедь-ко ты ко моему отцю,

И зайди-ко ты в úзбу к моему отцю,
где отець-то сидит на лавки на дубóвоей.

Уж как ты с им тогда и поздоровайсе
и росскажи, как с тобой мы сошлись-съехались,
и у нас какó с тобой былó подéишшо».

Попросил Святогор тут у Úльи Муромця
попросил у его он праву рученьку:

195. «Уж ты дай-ко, говорит, мне-ка праву рученьку,
196. а каков ты богатырёк, я попробую».

197. Уж и дал ему Старóй палицю буёвую
198. éшше вместо своей правой руценьки.

199. Пережал у его Святогор палицю буёвую,
200. говорит Святогор да таково словó:

201. «Уж как можешь воевать ты, дóброй мóлодец,
202. уж как можешь защищать свою Россиюшку».

26. Илья и Издóлишшо: стычка на пиру

Как заехал Издóлишше поганое
а во тот же во стóльной во Киев-град.

Уж как у́шишша у его — как сильны блю́дишша,
е́шше гла́зишша у его — как сильны ча́шишша,
а голова-то его — как пивной котёл.

А зашёл он ко Солнышку Владимеру,
разбежалисе все руськи́ бога́тыри,
и тот же старóй да И́лья Муромец.

Уж и скрылся Старóй да он во городи́,
и́шше взял он себе да капли старые,

И состарил он своё белó лицё,
а повесилась у его губа-та дó шшеки.

А погано Издóлишшо заповедал всем,
чтобы не поминали старóго И́лью Муромца.

Вот пришёл Старóй ко Солнышку Владимеру,
со клюкой железной, сам сугóрбилса.

Вот сидит этóт Издóлишше поганое,
на коленях дóржит матушку Апра́ксию,
руками-то бродит под подолами.

Вот подносит Владимер пи́шчу-ку́шаньё,
а сидит этó Издóлишше поганое,

За одну шшеку́ кладёт он буханочку,
за другу́ шшеку́ кладёт он белу́ лебе́дь.

Говорит-то калика перехожая:
«У моей-то у маменьки родимоей
а была у ей корова-та обжóрчива,
по сметья́м она ходила да кóсью задавиласе.

А тебе-то ведь, погано Издóлишшо,
не миновать тéбе етой чаши тож будéт».

Попросил он у Солнышка Владимера:
«Ты подай-ко мило́стыню ради́ Христа,
ты не ради меня, а ра́ди старо́го И́льи Муромца».

Тогды́ схватил это́т Изло́лишше поганое,
он схватил свой чинжа́лишшо, була́тной нож,
и свистну́л он в кали́ку перехожую.

А на то это́т кали́ка был увёрчивой,
уверну́л он от ножа да от булатного.

Как схватил это́т кали́ка перехожая,
уж он выхватил кирпичи́ну из пе́чи же,
и свистну́л он заёмно во черны́ груди́.

Гости́нцы!

Вот попало Изло́лишшу в пивно́й котёл,
провалился Изло́лишше вон с просте́ночком.

27. Илья и Владимир-князь

На того же на Солнышка Владимера
а напал на него войной король неверные,
нагони́л он силы да много-множество.

А и тот же наш Солнышко Владимер-князь
уж и стал он просить И́лью Муромця:
«Уж ты ой есь, старо́й да И́лья Муромец,

А напал же на нас король неверные,
нагони́л он силы много-множество,
а побей-ко ты эту рать неверную».

Тут сряжался Старо́й да сподобляицця,
а седлал-уздал он ко́ня доброго.

И подстегивал он двенадцать по́дпругов,
а тринадцату бы степ да лошадиную.

И не ради басы, а ради крепости,
не оставил бы мо́лодца в поле до́брой конь

А серы́м-то волка́м да на съеде́ньицё,
е́шше чёрным воронёнкам нынь на гра́еньё.

Выезжал то́гда он во чисто́ поле́,
уж и бить стал он эту рать неверную.

Уж и бил эту рать он трои су́тоцьки,
е́шше выбил он всю эту рать неверную.

Приезжат он ко Солнышку Владимеру,
и заходит он к ему да в све́тлу светлицу,
то́гда сделал наш Солнышко поче́сен пир.

Как на том же пиру да на поче́стноем
подарил же Старо́му он кунью́ шубу́.

Вот и ходит Старо́й нынце по́ полу,
он шубу за рукав да он потрехиват,
этой шубы он всё да приговариват:

«Е́шше будь-ко ты, мо́я да шу́ба, шша́слива,
е́шше будь-ко ты, мо́я шуба, тала́ниста,
не давай-ко меня, шуба́, в побе́душку».

Вот учýли бояра да толстобрюхие,
говорят они ведь Солнышку Владимеру:
«Уж ты ой éси, Солнышко Владимер-князь,

Уж как ходит Старóй нынцé по гóрници,
а твою-то шубу он пó полу потаскиват
и твоей-то шубы Старóй да приговариват:

Как легко же эту шубу я потаскиваю,
уж как та же участь будет Солнышку Владимеру,
уж я матушку Апрáксию за ся возьму».

Как поверил им Солнышко Владимер-князь,
уж и выкопали нынце глубóк погрéб,
а глубóк-то погрéб да тридцатьсáженный.

Засадили там старóго И́лью Муромца,
засадили там его да во глубóк погрéб,

Навалили они плиту тежёлую,
а тежёлу плиту, да плúту каменну.

Осердилисе тут руськие богáтыри,
и разъехались они все куда им надобно,
уж как нету ведь при городе ни óдного.

Éшше та же матушка бы нынь Апрáксия
уж как выкопала она подкоп тайные,
и докáрмливат там она его, допáиват.

А на тот же на стóльной да на Киев-град
как напал тут войной король неверные,
и забрать лáдит он стóльной Киев-град.

А не стало тут у них ныньце зашчитника,
ведь розъехалисе все удáлы дóбры мóлодцы,
поморёной ведь Старóй голодной смертью.

Нагонúл тут король силы много-множество.
А куда же Солнышко пошлёт своих послов
а искать он тех руських да богáтырей?

А какого ни найдут, ни один нейдёт:
«Погубили, говорят, старóго И́лью Муромца,
уж как нашего атáмана-зашчитника».

Говорит-то ведь матушка Апрáксия:
«Уж ты ой éси, Солнышко Владимер-князь,

Отвали-ко ты со погреба плиту тежёлую,
не живой ли старóй да И́лья Муромец». —

«Уж как глу́па ты баба, нерозумная,
у тебя-то волос дóлог, а ум-от кóроток.
Столько время он сидит, да ла́дишь ты живому быть».

А приходят ноньце строки ведь короткие
от того ли короля да от неверного.

Говорит опять матушка Апра́ксия:
«Уж ты ой е́си, Солнышко Владимер-князь,

Отвали-ко ты со погреба плиту тежёлую,
посмотрите-ко ноньце́ да во глубóк погре́б,
не живой ли старóй да И́лья Муромец». —

«Уж как глу́па ты баба, нерозумная,
у тебя-то волос дóлог, а ум-от кóроток.
Столько время там сидит, дак ла́дишь чтоб живому быть».

А и тут она помешкала и третий раз насмелилась:
«Уж ты ой е́си, Солнышко Владимер-князь,
ведь напрасно посажён старóй да И́лья Муромец.

Отвалить на́доть со погреба плиту тежёлую,
посмотреть надо ноньце во глубоком погребе,
может, вза́боль жив старóй да И́лья Муромец».

И придумал тóгда Солнышко Владимер-князь,
уж и брал он себе да слуг-то верных,
приходили óни тут ко глубоку́ ко погребу,

Отвалили тут они плиту тежёлую,
посмотрели тут они да во глубóк погре́б.

Там сидит Старóй, как бе́лой ку́ропать,
всё сидит он, цита́т книгу́ Ева́нделё.

Говорит-то наш Солнышко Владимер-князь:
«Уж ты ой еси́, старóй да И́лья Му́ромец,

А прости-ко ты меня да во первóй вины́,
понапрасно я те посадил да во глубóк погре́б.

Как напал нынь войной король неверные,
уж как нету у меня ныньце́ зашчи́тушки,

Ведь розъехалисе все удáлы дóбры мóлодцы,
уж как нету нынче их да ни едúного.

Уж ты ой есь, старóй да Úлья Муромец,
мы тебя нонь подымём из глубокого погреба,
ты зашчúть-ко ле наш стóльной Киев-град.

Нагонúл ведь тот король неверные,
нагонúл он ведь силы много-множество,
окружили óни наш стóльной Киев-град».

До трёх раз звал Солнышко Владимер-князь,
не отгибáт Старóй да éму бýйной главы́,
не говорит он с им ни одного словечика.

И заплакал Солнышко Владимер-князь,
и пошёл он ко своей да и молодой жены́:

«Уж ты ой есь, говорит, матушка Апрáксия,
отвалили ведь мы плиту тежёлую,
посмотрели ведь мы да во глубóк погрéб,
точно, жив там сидит да Úлья Муромец.

Уж и звал я его да нóньце до трёх раз,
а ведь он-то со мной да не словецика.

Всё сидит, цитат он ту книгý Евáнделё,
и не отогнул он мне-ка свою бýйну главý.

А поди-ко ты, зови его, да поконайся нынь,
понапрасно я посадил, дак он сердитця,
потому не говорит он со мной да не словецика.

Ты поди-ко сходи да поконáйся нынь,
не послушат ли тебя да Úлья Муромец».

Как пошла нынь матушка Апрáксия,
приходила она да ко глубóку погребу,
уж как на колени пала на сырý землю́:

«Уж ты ой есú, старóй да Úлья Муромец,
уж ты выйди-ко ноньце из глубóка погреба,
оборони-ко ты наш да стóльной Киев-град.

Окружила нас ведь сила-та неверная,
никого нетý у нас ноньце зашчитника,

Посадили тебя да во глубóк погрéб,
все розъехались тогда руськúй богáтыри».

Тут ставал-то Старóй да на резвы́ ноги́:
«Уж ты ой еси́, наша матушка Апра́ксия,
а уйди-ко ты пода́ле от глубóка погреба».

Отошла она подальше от глубóка погреба,
уж как выскоцил старóй да И́лья Муромец.

Уж и брал он её да за белу́ шею́,
целовал он ей да ли́цё бе́лое:

«Как одна-то ме́ня матушка споро́дила,
а друга́-то ме́ня матушка воскóрмила,
уж как рад я нонь старацця, голову-ту положить».

Заходили они во све́тлу све́тлицю,
говорит-то старóй да И́лья Муромец:

«Уж ты ой есь, мóя матушка Апра́ксия,
уж как есь ли нонь у меня да мой дóброй конь,
уж как есь ли приправа молодецькая?» —

«Уж как твой доброй конь у меня стоит,
уж как ест он пшано да белоя́рово,
а твоя приправа скла́жена во глубóк погре́б».

Тут сряжалса Старóй, да сподоблялса нонь,
выходил он вон тогда на улицу.

Выводили ему ноньче́ добра́ коня,
и седлал-уздал он кóня доброго.

И подстегивал он двенадцать пóдпругов,
а тринадцату он степь да лошадиную.

Он не ради́ басы́, а ради крепости,
не оставил бы молодца́ во пóли дóброй конь

А серы́м-то волка́м да на съеде́ньицё,
е́шше чёрным воронёнкам нонь на гра́еньё.

Не видали тут отправки молодецькоей,
не видали тут поездки богатырьскоей.

Уж как видят, во поле курева́ идёт,
курева́ где идёт да дым столбом вали́т.

Уж как начал косить он рать неверную,
уж как бил-косил он трои су́точки.

Уж как выкосил он всю-ту рать неверную,
уж и гонит он в сто́льной да во Киев-град
со великого-большого со побо́ишша.

Уж и видят старо́го И́лью Муромца,
что серди́той он едет да И́лья Муромец,
вот запрятался наш Солнышко Владимир-князь.

И выскакивал он во све́тлу све́тлицю,
уж как нету но́ньче Солнышка Владимера.

А сидели тут бояра толстобрюхие,
они ждали его со большого со побо́ишча,
он всех выбил тут бояр да толстобрюхиих.

И почувствовал, в ногах его воло́читце,
унима́т е́го матушка Апра́ксия.

Вот увидел он матушку Апра́ксию,
уж он брал тут её да за белы́ руки́,
уж и ставил он её да на резвы́ ноги́.

Уж как тут она его дак всё ума́ливат,
уж как тут она его да всё упра́шиват:
«Уж как много выбил ты бояр да толстобрюхиих».

Тут прошло у его сердце́ ретивое,
стал он спрашивать Солнышка Владимера:

«Уж ты ой е́си, матушка Апра́ксия,
уж и где наш Солнышко Владимир-князь?»

Говорит то́гда матушка Апра́ксия:
«Перепалса наш Солнышко Владимир-князь,
скрылся-спрятался он от тебя да во глубо́к погре́б».

То́гда вывели ему Солнышка Владимера,
уж как пал Солнышко Старо́му во праву́ ногу́:
«Ты прости меня, Старо́й, да во перво́й вины́».

Тогда по́днял его Старо́й да за белы́ руки́,
и поставил он его да на резвы́ ноги́
и простил он его да во перво́й вины́.

28. Старóй и Сокольник

По утрý-де, ýтру было да по ранному,
на восходе-то было красного солнышка
выходил-то Старóй да вон на улицу.

Уж и брал он трубоньку подзорную,
кабы здрел-смотрел он да на все стороны,
уж как слушал он ушми да богатырькима.

А под той под сторонушкой под западной
уж как едет там невежа потешаецця,
небылы́ма он словами похваляецця.

На поéзде он стрелоцьку постреливат,
на полéтике стрелоцьку подхватыват.

Впереди его бежит право сéрой волк,
позади его бежит право бóльшия пёс.

На правóм плецí сидит да блад ясён сокóл,
на левóм-то плецí сидит сизóй орёл.

Небылы́ма он словами похваляецця:
«Я зайду-заеду нонь да в стольный Киев-град,

А соборны церьквы сделаю конюшнами,
уж как чýдны образа да я во грезь стопцю,

Самого-то ле князя́ я головý срублю,
а саму-то ле княгинушку с собой возьму».

Вот зашёл-то Старóй нонь во бел шатёр
и будил он Олёшеньку Поповиця:

«Ты ставай-ко, Олёшенька, скорёшенько,
умывайся, Олёшенька, белёшенько,
обтирайсе, Олёшенька, сушёшенько».

И будил он Добрынюшку Микитича:
«Ты ставай-ко, Добрынюшка, скорёшенько,
оммывайся, Добрынюшка, белёшенько,
обтирайсе, Добрынюшка, сушёшенько.

Как под той под сторонушкой под западной
уж как едет там невежа потешаецця,
небылы́ма он словами похваляетца:

Я зайду-заеду нонь да в стольный Киев-град,
а соборны я церьквы сделаю конюшнами,
уж как чу́дны образа да я во грязь стопцю́,

Самого-то ле князя я голову́ срублю,
а саму-то ле княгинушку с собой возьму».

Тут седлал-уздал Добрыня ко́ня доброго,
и подстегивал он двенадцеть по́дпругов,
а тринадцату он степ да лошадиную,

Он не ради ведь басы́, а ради крепости,
не оставил бы молодца́ да в по́ли добрый конь

А серы́м-то волка́м да на съеде́ньицё,
уж как чёрным воронёнкам на гра́еньё.

Не видали тут отправки молоде́цькоей,
не видали тут поездки богатырськоей,

Только видят, во поли курева́ идёт,
курева́ где идёт, да дым столбом вали́т.

Он наганивал невежу во чисто́м поли́,
стал выспрашивать у него да роду-племени:

«Уж ты ко́его, молоде́ць, да роду-племени,
уж ты ко́его, молоде́ць, да о́тця-матери,
уж как тя, молодца́, да именем зовут?»

Уж как тут от невежи да ответу нет,
и другой раз Добрынюшка выспрашивал:

«Уж ты ко́его, молоде́ць, да роду-племени,
уж ты ко́его, молоде́ць, да о́тця-матери,
уж как тя, молодца́, да именем зовут?»

Уж как тут от невежи да ответу нет,
уж и третий раз Добрынюшка выспрашивал:

«Уж ты ко́его, молоде́ць, да роду-племени,
уж ты ко́его, молоде́ць, да о́тця-матери?»

Заревел тогда невежа бо́льшим голосом,
у Добрыни до́брой конь во́короць пошёл,
как отту́ль-то Добрыня поворот даёт.

А глядит нонь Старóй да во чистó полё,
уж как едет там Добрыня не по-старому,
уж как едет там Добрыня не по-прежному.

Уж как звыл тогда Старóй да и заплакал тут:
«Ви́нно, мне Старóму нóнече замены нет,
винно, нету мне Старóму да великоей».

Тут седлал-уздал Старóй да кóня доброго,
и подстегивал он двенаццеть пóдпругов,
а тринадцату он степ да лошадиную,

Он не ради ведь басы́ — ради крепости,
не оставил бы молодцá в пóли добрый конь

А серы́м-то волкáм да на съедéньицё,
уж как чёрным воронёнкам да на грáеньё.

Он наганивал невежу во чистóм полѝ,
говорит-то Старóй да таковó словó:

«Уж как що же ты, ворона, рострепаласе,
éшше що ты, пустопёра, рострепескáласе,
небылы́ма ты словами похваляиссяˀ»

Вот хватали óни копья нóньце вострые,
по насадкам у́ их копья извернулисе.

Некотóрый некотóрого не ранили,
некотóрой некотóрого не окровавили.

Тут хватали óни сабельки нонь вострые,
по насадкам у́ их сабельки свернулисе.

Некотóрой некотóрого не ранили,
некотóрый некотóрого не окровавили.

Вот хватали они палици буёвые,
по насадкам у́ их палици свернулисе.

Некотóрой некотóрого не ранили,
некотóрой некотóрого не окровавили.

Вот соскакивали они да со добры́х коней,
и хваталисе они тогда во мя́тоцьку,
уж как билисе-боролись трои су́тоцьки.

По великому Старо́го по бессча́стьицу
а права́ нога его да прокатилась,
а лева́ рука его да проскользди́лась,
уж и пал Старо́й тогда да на сыру́ землю́.

И садилса тут Сокольник на белы́ груди́,
розрывал е́го пуговки серебрены.

И вымал он чинжа́лишшо, булатен нож,
уж как ла́дит он пороть дак нонь его белы́ груди́.

Как подумал нонь старо́й да И́лья Муромець:
«Ведь стоял я за веру за крешчёную,
а стоял я за церькви за соборные,
а стоял за младенцей троедённыих.

Винно, выдала Пресвета Мать Богородиця
а поганому издо́лишчу на гра́еньё».

Уж как при́было Старо́му тут бы силоньки
а не вдвое, и не втрое силы — впе́теро.

Тут смахнул он невежу со белы́х груде́й,
и садилса Сокольнику на черны́ груди́,
розрывал он е́го пуговки серебрены.

И вымал он чинжа́лишчо, булатен нож,
уж как ла́дит он пороть его черны́ груди́.

Тут увидел он у Сокольника на правой руки,
на правой-то руки Старо́го именно́ кольцё.

Остоя́лась у Старо́го ру́ка правая,
стал он спрашивать у него да роду-племени:

«Уж ты ко́ёго, молоде́ць, да роду-племени,
уж ты ко́ёго, молоде́ць, да о́тця-матери,
уж как тя, молодца́, да имене́м зовут?» —

«Как сидел бы я у тя да на белы́х грудя́х,
я не спрашивал бы ни роду да и ни племени,
я не спрашивал бы не отця да не матери».

И другой раз Старо́й дак нынь выспрашивал:
«Уж ты ко́его, молоде́ць, да роду-племени,
уж ты ко́его, молоде́ць, да о́тця-матери,
уж как тя, молодца́, да имене́м зовут?» —

«Как сидел бы я у тя да на белы́х груда́х,
я не спрашивал бы ни роду и ни племени,
я не спрашивал бы не отця да не матери».

То́гда третей раз Старо́й его выспрашиват:
«Уж ты ко́его, молоде́ць, да роду-племени,
уж ты ко́его, молоде́ць, да о́тця-матери,
уж как тя, молодца́, да именем зовут?»

Тут сказал он старо́му И́льи Муромцю:
«Из того же я, говорит, да из города,
уж как той же, говорит, матушки-па́ленги».

Тут ставал нонь Старо́й да на резвы́ ноги́,
уж и брал он его да за белы́ руки́,
говорит тут Старо́й да таково́ сло́во:

«Уж как ой есь, ты мой сын Сокольничек,
с тво́ей матушкой я жил ведь право трицеть лет.

Мы поедем-ко, Сокольник, ко мне на за́ставу,
а на за́ставу ко мне ноньче́ попить-пои́сь». —
«А не еду я к тебе ноньче́ на за́ставу».

Второй раз тогда Старо́й его выспрашивал:
«Мы поедем нонь ко мне, мой сын Соко́льничёк,
мы на за́ставу ко мне ноньче́ попить-пои́сь».

Говорит-то его ныньце́ Соко́льничёк:
«Уж как на за́ставу еха́ть мне-ка время нет».

Третьей раз тогда Старо́й его выспрашивал:
«Мы поедем нонь ко мне, мой сын Соко́льничёк,
мы на за́ставу ко мне ноньче́ попить-пои́сь».

Говорит-то его ныньце́ Соко́льничёк:
«Уж как на за́ставу еха́ть мне к вам времято нет».

Розъеждались тут уда́лы до́бры мо́лодцы,
приезжат тогда Соко́льник к ро́дной матери.

Вот стрецяла е́го мать ноньце́ родимая:
«Уж и где ты был, моё да цядо милое?»

Говорит ей Сокольник да таково́ сло́во:
«Уж ты ой есь, мо́я ма́ти родимая,
тот Старо́й тебя зовёт гуля́шчой, меня — нагу́лышом».

Говорит нонь она да таково́ слово́:
«Не пустым ведь, дитя, он похваляицца».

Соскоцил тогда Сокольник со добра́ коня,
на одну он но́гу стал, за дру́гу розорвал.

Тут скоцил он нонь да на добра́ коня,
и отту́ль тот Сокольник поворот даёт.

Приеждат он к Старо́му ко белу́ шатру,
соскоцил нынь Сокольник со добра́ коня.

И скоцил он Старо́му во бело́й шатёр,
уж и спит нынь Старо́й да крепко-накрепко.

Вот схватил тут Сокольник ко́пье вострое,
уж и ткнул он Старо́му во белы́ груди́.

По великому Старо́го да по счастьицу
а попало нынь Старо́му в е́го чу́ден крест.

Толшчина ведь у того креста аршин была,
долина ведь у того креста — коса сажёнь,
вот зашло это́ копьё да до полу́креста.

Соскоцил-то Старо́й да на резвы́ ноги́,
и схватил он Сокольника за черны́ кудри́,
подымал он его да выше буйно́й главы.

Опустил он его да о сыру́ землю́,
и придал он его да смерти лю́тоей.

29. Ми́трий Бря́нской

Как во сто́льном во городи во Киеве
что у ласкова князя у Владимера
заводилосе пиро́ваньё-столо́ваньё

А про тих же кресьян да православныих,
да про тех же бояр толстобрюхиих,

И про тех же людей, купцей торговыих,
и про тех же про руських бога́тырей.

Уж и все на пиру да пья́ны-ве́селы,
уж и все на пиру да приросхвастались.

А ино́й-от хва́стат ко́нем добрыим,
а ино́й-от хва́стат золотой казной,
а ино́й-от хва́стат силой-храбросью.

Уж как у́мной-от хва́стат о́тцём-матерью,
е́шше глу́пой хва́стат молодой женой.

Тут сидят два брата Долгополые,
а повеся держа́т бу́йну голову,
и потупя держа́т да оци ясные.

Говорит-то наш Солнышко Владимер-князь:
«Уж как все на пиру да пья́ны-ве́селы,
уж и все на пиру да приросхвастались.

А ино́й-от хва́стат ко́нем добрыим,
а ино́й-от хва́стат золотой казной,
а ино́й-от хва́стат силой-храбросью.

Уж как у́мной-от хва́стат о́тцём-матерью,
е́шше глу́пой хва́стат молодой женой.

Только вы ле, два брата Долгополые,
вы повеся держите́ бу́йну голову,
и потупя держите́ да оци ясные.

А́ле пир-от идёт вам не по́ уму,
а́ле стол-от идёт вам не по разуму,
а́ле обнесли вас цярой с зелены́м вином?»

Говорят два те брата Долгополые:
«Уж ты ой е́си, Солнышко Владимер-князь,

Уж и пир-от идёт нам нынь пó уму,
и́шшэ стол-от идёт нам ныньце по разуму,
и не обнесли нас цярой с зелены́м вином.

Уж ты ой е́си, Солнышко Владимер-князь,
уж ты дай-косе нам благословле́ньице

Нам ехать в город к Митрию Бря́ньському,
а шуметь-грометь у Митрия во городи».

Говорит на то наш Солнышко Владимер-князь:
«А не дам ведь я вам нонь благословле́ньица
вам ехать во город да ко Митрию.

Клажена́ у нас с им заповедь тежёлая,
а не находить чтобы́ нам друг на́ друга».

Говорят ти два брата Долгополые:
«Уж ты дашь — поедём, и не дашь — пое́дём».

Выходили они да вон на улицю,
и садились они да на добры́х коней,
и отправились они во горо́д ко Митрию.

Приеждают в город оны к Митрию Бранському,
уж как Митрия дома не слуцилосе.

Уж как стали шуметь-грометь во городи,
и шумели-громели трои сутоцьки.

Тут розбили о́ни много нынь мага́зинов,
а розбили они ешшэ́ и со́жгали.

Выеждали они тогда из городу,
уж как ставили шатёр да во чисто́ полё,
отдыхают они во бело́м шатру́.

Приезжат Митрий Бря́нськой ко городу,
а по городу ведь всё там розломано.

Говорит он слу́гам сво́им верным:
«Уж вы ой есь, мои да слуги верные,

Е́шше хто у нас был нонче́ во городи,
е́шше хто шумел-громел у мня во городи?»

Говорят е́му слуги е́го верные:
«Уж ты ой е́си, Митрий Брянские,

Уж как были два брата Долгополые,
как шумели-громели трои сутоцьки
и уехали они да во чисто́ полё».

Тут сряжалса Митрий Бря́нской, сподоблялса он,
а садилса тут он да на добра́ коня,
выезжал он тогда во поле чистое.

И увидел он, во поле да во чи́стоем
а стоит там шатёр да белоба́рхатной.

Приезжал ко шатру да белоба́рхатну,
а соскакивал он со добра́ коня.

Обернулса тут он да горностальциком,
заскоцил он в шатёр да белоба́рхатной,
уж и спят тут два брата крепко-накрепко.

У туги́х луко́в все струны он привы́кусал,
да все стрелоцьки калёные привы́ломал.

Е́шше все-ти копья во́стры он привы́вернул,
и все сабельки-ти во́стры он привы́ломал,
ай все палицы буёвы у их привы́вернул.

Обернулса тогда он добрым мо́лодцем
и говорит он им да таково слово́:

«Уж вы здраствуйте, уда́лы до́бры мо́лодцы,
е́шше штё же у меня во городи вы наделали?»

Соскоцили тут братья на резвы́ ноги́,
и схватили о́ни в руки нынь туги́ луки́,

У туги́х луко́в струны-ти все выкусаны,
а все стрелы калёные у них приломаны.

Тогда хватали они копья нонь вострые,
по насадкам у́ их копья все изломаны.

Тогда хватали о́ни палицы буёвые,
по насадкам у́ их палицы навёрнуты.

То́гда взялса э́тот Митрей Брянськие,
у одного-то он брата ноги выломал,
у другого-то брата глаза выкопал.

«Уж вы ой есь, два брата Долгополые,
а один-от — неси, другой — указывай».

30. Дунай Иванович

Как во сто́льном во городи во Киеве
а у ласкова князя у Владимера
заводилосе пиро́ванье-столо́ванье.

Как бы все-то на пиру да пья́ны-ве́селы,
они все ли на пиру да приросхвастались.

Как ино́й-от ведь хва́стат золотой казной,
как ино́й-от бы хва́стат ко́нем добрыим,
а ино́й-от ведь хва́стат силой-храбростью.

А ведь у́мной-от хва́стат о́тцом-матерью,
а ведь глу́пой-от хва́стат молодой женой.

Как бы ходит Солнышко нынь по́ полу,
он сапог о сапог да поколациват.

Он жёлтыма кудрями да принатряхиват,
и таки́ реци́ ведь князь да выговариват:

«Уж вы все-то у́ мня в городи спожéнены,
уж и все-то у́ мня девушки сповы́даны.

А один только я да неженат хожу,
неженат я хожу да я холо́ст блужу.

Вы не знаете ли, робята, мне-ка сполюбовницю,
мне статны́м-то статну́ да по́лну возрастом,
мне бы во́лосом русу́ да ли́цём белую?»

Как бы вси-то робята призадумались,
уж как бо́льшой хоро́нитца за среднего,
уж как средний хоро́ницця за ме́ньшого,
а от ме́ньшого-то ведь и ответа нет.

Из-за того из-за стола да из переднего
как ставáт нынцé Дунай да сын Ивановиць,
говорит-то ле он да таково слово́:

«Уж ты ой есь, ты Солнышко Владимер-князь,
ты позволь-ко нынь мне да слово вымолвить.

Ты не ста́нёшь ли меня за то слово́ казнить,
а казнить-то меня да нынце вешати?» —

«Говори-ко ты, Дунай, да что те хоцетця,
говори-ко ты нынь, что те приохво́тилось.

Ни единого словецька не утаивай,
не утаивай словецька, не ура́нивай».

Говорит-то Дунай да сын Ивановиць:
«Уж как жил я за мо́рём да за си́ниим,
у того ле жил Семёна Лиховитого,
уж как жил я у его дак право три года́.

Есь у его две доцери Семёновны,
уж как бо́льша-то — Настасья доць Семёновна,
о́на си́льна-могу́ця есь пале́ниця.

Уж как ма́ла-то — Авдотья доць Семёновна,
выходила она в одной рубашици без пояса,
и в одных она шчабле́тах без цюлоциков.

Уж как сквозь ей рубашку да тело видети,
уж как сквозь ей тело кости видети,
уж как всячески те кости человечески.

А сквозь кости у ей и мозги видети,
как из кости в кость мозг переливаецця,
как бы ска́чен-от жемчуг переката́ецця».

Тут у Солнышка ведь сердце загоря́ецця,
говорит-то наш Солнышко Владимер-князь:

«Уж ты ой есь, Дунай да сын Ивановиць,
привези, поедь, ты мне да сполюбовницю».

Говорит тут Дунай да таково слово́:
«Уж ты ой е́си, Солнышко Владимер-князь,

Есь у его Настасья доць Семёновна,
о́на срубит у меня да бу́йну голову.

Уж ты дай-косе мне уда́лых двух мо́лодцев,
одного-то ле — старо́го И́лью Муромця,
а друго́го бы — Олёшеньку Поповиця».

Тут седлали-уздали они да ко́ней добрыих,
и садилисе они да на добры́х коней.

Не видали ведь отправки молодецкоей,
не видали ведь поездки богатырьскоей.

Только видят, как во пóли куревá идёт,
куревá где идёт, да дым столбом валúт.

Приеждали óни к городу Семёнову,
становúли нынь шатёр да во чистó полё,
говорит-то Дунай да сын Ивановиць:

«Уж ты ой есь, старóй да Úлья Муромець,
я один-то ведь поеду нынь посватаюсь.

Бýди дома есь Настасья доць Семёновна,
уж как я сыграю тóгда во свой тýрий рог,
приеждайте вы тогда поскорее ко мне».

Вот поехал тут Дунай да сын Ивановиць,
и приехал он ко городу Семёнову.

Слезывáл он, Дунай, да со добрá коня,
éшше заходил он да нонь во гóренку.

И сидит там Семён да Лиховитый князь,
а на той же он лавоцьки дубовоей.

«Уж ты здравствуешь, Семён да Лиховúтой князь!» —
«Уж ты здравствуй, Дунай да сын Ивановиць!

А куда же ты пошёл, да куда пóехал?
Али ты приехал мне-ка во услужéньицё?»

Говорит-то Дунай да сын Ивановиць:
«А приехал я к тебе не во услужéньицё,

А посватать я Авдотью дак доць Семёновну
за того же за Солнышка Владимера».

Говорит-то Семён да Лиховúтой князь:
«А была бы нонь Настасья доць Семёновна,
она срубила у тебя бы бýйну голову».

И другой-от раз Дунай нонь посватался:
«Уж ты ой есь, Семён да Лиховúтой князь,

Ты отдай-ко Авдотью доць Семёновну
за того же за Солнышка Владимера».

Говорит-то Семён да таково словó:
«А была бы нонь Настасья доць Семёновна,
она срубила у тебя бы бýйну голову».

Уж и третий раз Дунай нынь посватался:
«Уж ты ой есь, Семён да Лихови́той князь,

Ты отдай-ко Авдотью доць Семёновну
за того же за Солнышка Владимера.
А добром если́ не дашь, дак я боём возьму».

Помутились у Дуная оци ясные,
тут схватил он Семёна за черны́ кудри́,

Уж и поднял он его да выше бу́йной главы́,
опустил он его да о кирпишчат пол,
и предал он его да смерти лютоей.

И ломал он у его да кованы́ замки,
заходил он к Авдотьи в тёплу спа́ленку:

«Уж ты здраствуй, Авдотья доць Семёновна!» —
«Уж ты здраствуй, Дунай да сын Ивановиць!
А куда же ты пошёл, да ку́да по́ехал?» —

«А пришёл я к тебе ноньце́ посвататьце
за того же за Солнышка Владимера». —

«Уж и где-ко у меня Семён да Лихо́витой князь?» —
«А придал я его да смерти лютоей.

Уж ты ой е́си, Авдотья доць Семёновна,
ты бери-ко се́бе пла́тьё подвене́цьноё,

Ты пое́дём-ко со мной во сто́льней Киев-град
за того же за Солнышка Владимера».

Уж и горькими слезьми́ она заплакала,
и брала́ она тут платье подвенецьное.

Выходили тут они да вон на улицу,
и садилисе они да на добра́ коня,
и приежда́ли ко шатру да белобархатну.

Говорит-то Дунай да сын Ивановиць:
«Уж ты ой еси́, старо́й да И́лья Муромець,

А бери-ко ты невесту се́бе на́ руки,
да вези ты ей ко Солнышку Владимеру.

Я поеду по Настасью доць Семёновну,
уж как звать стану ей на пир, на свадебку».

И поехал бы Дунай да сын Ивановиць,
выезжат он на и́скопыть лошадиную.

И увидел он, тут да во чистóм полѝ
а стоит там шатёр да чернобархатный.

Приеждат он к шатру да чернобархатну,
слезывáл он тут да со добрáконя.

И спустил он своего да кóня доброго,
заходил он тут да во чернóй шатёр.

А во том же ноньцé да во чернóм шатру
а сидит там Настасья доць Семёновна.

«Уж и здраствуй ты, Настасья доць Семёновна!» —
«Уж и здраствуй ты, Дунай да сын Ивановиць!
А куда же ты пошёл, да кýда пóехал?» —

«А пришёл я, приехал звать на свадебку,
увезли у тя Авдотью доць Семёновну
за того же за Солнышка Владимера».

Говорит тут она да таково словó:
«Уж как где у мня отець да Лиховúтой князь?» —

«А убил я князя да Лиховúтого,
я приехал нóньце звать тебя на свадебку».

Уж как тут ведь они да согласилися,
уж как тут ведь они да обручилися,
поезжают нонь они да в путь-дорожецьку.

Вот поехали они да в путь-дорожецьку,
и приехали они ко городу Семёнову.

Уж и брала нонь Настасья платье подвенецьное,
и поехали они во стóльной Киев-град.

А идёт нонь у Солнышка почéсен пир,
заходили тут они да во свéтлы свéтлици,
посадили их нонь да за дубóвой стол.

А из-за того стола да под венец пошли,
как две свадьбы, две сестры да под один венец.

Выходили тут они да из Божьéй церквú,
и пошёл тут у Солнышка почéсен пир.

Как бы все ли на пиру да напивалисе,
как бы все ли на честно́м да наедалисе.

Говорит-то Дунай да сын Ивановиць:
«Уж как не было таких уда́лых до́брых мо́лодцов,
не могли достать невесту Солнышку Владимеру.

А ведь я достал за Солнышка Владимера
и за ся-то взял Настасью доць Семёновну,
я по ме́тоцькам, верно́, буду́ метне́е всех».

Весела́ стала́ Настасья доць Семёновна,
говорит она ведь тут да таково слово́,
своима́ ле-то словами о́на вы́шиблась:

«Уж ты ой есь, Дунай ты сын Ивановиць,
я ведь силонькой-то нонь буду́ сильне́ тебя,
я по метоцькам-то нонь буду́ метне́ тебя».

Осердился Дунай да сын Ивановиць,
говорит он ноньце́ да таково слово́:

«Уж ты ой е́си, Настасья доць Семёновна,
уж и по́йдем-ко со мной да во цисто́ поле́.

А положим мы колецько на головушку,
мы стрелеть станем нонь да сквозь колецико».

Говорит-то Настасья доць Семёновна:
«Уж ты ой еси́, Дунай да сын Ивановиць,
а прости-ко ты меня да во перво́й вины́».

Не прошчат ведь Дунай ей во перво́й вины́,
уговаривал его и Солнышко Владимер-князь,
уговаривали руськие все бога́тыри,
не могли уговорить уда́ла до́бра мо́лодца.

Выходили тут они да на зелёный луг,
вот и стал тут Дунай да сын Ивановиць,
положил он на голову себе колецико:
«Ты стреляй, говорит, Настасья доць Семёновна».

Первый раз она стрели́ла сквозь колецико,
и другой-от раз стрели́ла сквозь колецико,
уж и третий раз стрели́ла сквозь колецико.

Говорит-то Настасья дочь Семёновна:
«А прости-ко ты, Дунай, меня да во перво́й вины́».

И ставала тут она да на зелёный луг,
уж и клала нонь себе на голову колецико.

Говорит ведь она да таково слово́:
«Уж ты ой еси́, Дунай да сын Ивановиць,
не стрелей мне-ка ты да во белы́ груди́.

Уж как есть-лежат у мня да во белы́х грудя́х
а тобой засеяны два ясных сокола.

Е́шше по локо́т у их руки в золоте,
е́шше по коле́н у их ноги в се́ребри.

А во лбу-то у их кра́сно солнышко,
е́шше как на затылки у́ их свете́л месе́ц,
е́шше по коси́цям ця́сты зве́здоцьки.

Не губи-ко ты своих да ясных соколов
и меня ты не губи, Настасью доць Семёновну».

Пе́рвой раз Дунай стрели́л, он недо́стрелил,
и другой-от раз стрели́л, он пере́стрелил.

Уж как в третий раз тут он направилса,
и спустил он ей стрелу да во белы́ груди́.

И свалилась тут Настасья доць Семёновна
а на ту же о́на матушку сыру́ землю́.

Подбежал тут Дунай да сын Ивановиць,
роспорол он у ей да белы́ груди́,
есть-лежат тут у ей два ясных сокола.

Е́шше по локо́т у их руки в золоте,
е́шше по коле́н у их ноги в се́ребри.

А во лбу-то у их кра́сно солнышко,
е́шше на затылки у их свете́л месе́ц,
е́шше по коси́цям ця́сты зве́здоцьки.

Е́шше тут заткнул Дунай копьё тупым концём
как во ту же он во матушку сыру́ землю́,
навалился он своей да боло́й грудью.

«А куда же нонеце пошла бела́ лебе́дь,
а туда же, говорит, пойдёт и ясно́й соко́л».

31. Добрыня и Маринка

Выходил-то Добрыня на круто́ крыльцё,
как и брал он себе да в руки ту́гой лук.

А закладывал он стрелоцьку калёную,
и стрели́л он стрелоцьку по городу.

Улетела та, вишь, стрелоцька калёная,
и ходил он искать стрелоцьку калёную,
а не мог натти он стрелоцьку по городу.

Уж и вышел он да по-за́ городу,
он увидел, у душки Маринки у Лютóй Грозы
а розбито у ей окно кося́вцето.

Как зашёл-то Добрыня к ей во горенку,
а лежит на столе у ей стрелоцька калёная.

Говорит-то Добрынюшка Микитич млад:
«Уж ты ой есь, душка ты Люта́ Гроза,
ты отдай-ко тоё мне стрелоцьку калёную». —

«Не отдам я те́бе стрелоцьку калёную,
прострелил ведь ты у мня окно кося́вцето.

Залетела тво́я стрелка моёму́ милу́ другу́,
залетела ему да во черны́ груди́,

Да розбила у его да лёгка-пе́ценя,
гляди, лежит убит на кроватке на тесовоей».

Другой раз Добрынюшка выспрашивал:
«Уж ты ой есь, матушка Люта́ Гроза,
ты отдай-ко мо́ю стрелоцьку калёную». —

«Не отдам я тво́ю стрелоцьку калёную,
ведь розбил ты у меня окно кося́вцето,
да убил ты у меня ноньце́ мила́ друга́,

Прострелил у его ведь ты черны́ груди́,
да розбил ты его да лёгка-пе́ценя».

И тре́тей раз Добрынюшка выспрашивал:
«Уж ты ой есь, Маринка Люта́ Гроза,
ты отдай-ко мо́ю стрелоцьку калёную». —

«Не отдам я твóю стрелоцьку калёную,
ведь розбил ты у меня окно косявцето,
да убил ты у меня ноньцé милá другá,

Прострелил у его ведь ты чернú груди́,
да розбил ты его да лёгка-пéценя».

Обернула она его ноньцé гнедóм-турóм,
и спустила его да во чистó полё.

Как у той же у бабушки-задворенки, —
у Добрыни крёсна была, —
а и было у ей как две доцери.

А ходили они да во чистóм поли́,
да увидели они у Маринки гнедóв-турóв.

Раньше было у Маринки девéть турóв,
уж как нынь у Маринки сталó десéть турóв,
а деся́той тур да над тура́ми тур.

Он ближёшенько к им да приближаетца,
уж как низко тут им он поклоняетца,
он горя́цима слезами да умываетца.

И пришли эти девки к свóей матери,
éшше говорят они да таково словó:

«Ой ты есь, наша матушка родимая,
раньше было у Маринки девéть турóв,
уж как нынь у Маринки сталó деся́ть турóв;
а деся́той тур да над тура́ми тур.

Он ближёшенько к нам да приближаетца,
он нижёшенько нам да поклоняетца,
он горя́цима слезами да умываетця».

А на то эта́ старушка была догадлива,
уж как брала óна книгу нынь волшебную,

И смотрела óна в книги нынь волшебноей,
éшше говорит она и таково словó:

«Уж как овéрнутой мой любúмой крéстницёк,
уж как тот же Добрынюшка Микитич млад.

Он ведь раньше ходил в день три раза́,
а ведь нынь он не ходит у́же трéтьёй день».

Надевала о́на шубу на одно плецё,
надевала о́на шляпу на головушку,

Е́шше бра́ла о́на строс ь в руки́ зале́зную,
и пошла она ко душки Маринки Лютóй Грозы́.

Вот зашла она к Маринки Лютóй Грозы́:
«Уж ты здраствуй, Маринка Люта́ Гроза!» —
«Уж ты здраствуешь, бабушка-задворенка!» —

«Уж ты ой есь, Маринка Люта́ Гроза,
отверни-ко ты ноньце́ моёго хресьника». —

«Я не отверну ноньце́ твоёго хресьника,
прострелил он у меня окно кося́вцето,
и убил он у мя ноньце́ мила́ друга́,

Прострелил у него ведь он черны́ груди́,
да розбил он его да лёгка-пе́цени».

И другой раз старушка нынь выспрашиват:
«Уж как ой есь, Маринка ты Люта́ Гроза,
оберни-ко ты ноньце́ моёго хресьника.

А не отвернёшь ты моёго хресьника,
оберну тебя я сукой-волоця́ею,
по все́му го́роду ты станешь волоцитися».

А того ведь Маринка не боялась:
«Не отверну, говорит, твоёго но́ньце хресьника,

Прострелил он у меня окно кося́вцето,
и убил он у мя ноньце́ мила́ друга́,

Прострелил у него ведь он черны́ груди́,
да розбил он его да лёгка-пе́цени».

Говорит то́гда бабушка-задворенка:
«Уж как ой есь, Маринка ты Люта́ Гроза,
отверни-ко ты ноньце́ моёго хресьника.

А не отвернёшь ты моёго но́ньце хресьника,
оберну тебя кобылой водовозноей,
на весь город станешь ты воду́ возить».

А того ведь Маринка забоялась,
а того ведь Маринка и перепа́лась.

Говорит та Маринка дак таково слóво:
«Как возьмёт он меня да за себя взамýж,
так отверну я ноньцé твоёго хресьника».

Говорит тóгда бабушка-задворенка:
«Как возьмём же мы тебя да за его взамýж».

Тут и брала Маринка книгу волшебную,
выходила она да на крутó крыльцё,
да скликала она да всех гнедóв-турóв.

А бежат у Маринки все десéть турóв,
а десятóй тур да над турáми тур,
да отвернула Маринка Добрынюшку Микитича.

Говорит-то Добрыня таково слóво:
«Тебе спасибо, моя любима хрёснушка,
ты избавила меня ноньцé от гáленья».

Говорит тóгда бабушка-задворенка:
«Уж ты ой есь, мой любимой хрéсьницёк,
овешшáласе я ей взеть за тебя взамýж».

Уж и взял Добрыня ей ноньцé за ся взамýж,
тут валила старушка их на кроватку тесóвую.

Говорит-то Добрыня таково слóво:
«Уж ты ой есь, Маринка ты Лютá Гроза,

Целовалась ты с поганым тотарином,
дак отрежу у тебя я о зубы́ губы́».
И отрезал он у ней о зубы́ губы́.

«Обнималась ты с поганым тотарином,
дак отрежу у тебя я по локóт рукú».
И отрезал он у ей по локóт рукú.

«Оплеталась ты с поганым тотарином,
дак отрежу у тебя я по колéн ногú».
И отрезал он у ей по колéн ногú.

Уж и вынес он ей да вон на улицю,
уж и выбросил ей да во чистó полё:

«Полетай-ко ты, душка Маринка, во чистó полé,
как воронам да вóронам на грáеньё».

32. Перемя́т и Чури́ло

Как напала поро́шиця бела́ снега́,
а не во́ пору поро́шиця, не вовремя,
а серёдка бы лета, о Петро́ве дни́.

Как по той ли поро́шици бела́ снега́
тут не бел-от заюшко пробегивал,
и не се́рой горностальчик тут поскакивал,

Ту́да ехал Чури́ло бла́до Пле́нковиць,
а уехал он в город ко Перемя́тиной.

Как ушёл Перемя́т да сын Ива́новиць
а ко той же обедни воскресенскоей.

Вот заходит Чури́ло бла́до Пле́нковиць
а во тот же он дом да к Перемя́тиной,
заходил он тут во све́тлу све́тлицю.

Скинывáт он свою да кунью́ шубу́,
вот и ве́шат он ей да на вешалку,
ой, похо́дит он в тёплу спáленку.

Говорит-то девушка-черня́вушка,
ве́рна Перемя́това куфа́роцька:

«Не ходи ты, Чури́лишко, к чужой жены́,
я пойду нонче́ схожу да Перемяту́ скажу».

Говорит Чури́ло бла́до Пле́нковиць:
«Ты не сказывай, девушка-черня́вушка,
я куплю тебе першча́тки да подвенецьные».

А черня́вка на то не соглашаласе,
говорит она да таково слово́:

«Не ходи ты, Чури́ло, ко чужой жены́,
я пойду нонче́ схожу да Пермяту́ скажу,
Пермяту́ бы скажу, сыну́ Ива́нову».

Говорит-то Чури́ло мла́до Пле́нковиць:
«Ты не сказывай, девушка-черня́вушка,
я куплю те башмаки да подвенецьные».

А чернявка на то не соглашалася,
говорит она таково слово́:

«Не ходи ты, Чури́ло, ко чужой жены́,
я пойду нонче́ схожу да к Пермяту́ скажу,
Пермяту́ бы скажу, сыну́ Ива́нову».

Тут ушёл Чури́ло в тёплу спаленку,
как надела о́на шубу на одно плецё,
побежала она да во Божью́ церько́вь.

Заходила она да во Божью́ церько́вь,
стоит Перемя́т на правом кры́лоси,
а читат он, стоит, книгу́ Ева́нелё.

Подошла тут девушка-черня́вушка,
та бы ве́рна Перемя́това куфа́роцька,
говорит она да таково слово́:

«Ой есь, Перемя́т да сын Ивановиць,
шчо-то ноцесь мне да во́ сни грезилось?»

А на то бы Перемя́т да был догадливый,
а ставал он тогда да с пра́ва кры́лоса,

Выходил он тут да вон на улицю,
и пошёл ко своёму широку́ двору.

И захо́дит он да ходом задниим,
а зашёл он во тёплу во спа́ленку.

А лежит ведь Чури́лишко привя́зьливой
со его бы женой да унижаецця,
на его бы кроватоцьке тесо́воей.

Говорит-то Перемя́т да сын Ивановиць:
«Говорил я тебе, Чури́лишко привя́зьливой,
не езди, Чури́ло, ко чужим жена́м,

Потеряшь ты свою да бу́йну голову
не за денежку, не за копеецьку».

И схватил он Чури́ла за жёлты́ кудри́,
уж и по́днел его да выше буйной главы,
и придал он его да смерти лютоей.

Говорит тут Перемя́та молода́ жена:
«Ой есь, Перемя́т да сын Ивановиць,
уж прости ты меня да во перво́й вины́».

Говорит Перемя́т да сын Ивановиць:
«А и глу́па ты баба, да неразумна ты,
и́шшэ волос-от до́лог, ум-от — ко́роток».

Выходила она да на крыльцё пара́тное,
говорит она да таково слово́:

«Уж не выйдет мо́ё красно солнышко,
уж не за́йдет ко мне в окно косящето,
уж не обогре́т у меня да ретиво́ сердцё».

Как уцо́л Перемя́т да сын Ивановиць,
а выскакивал на крыльцё пара́тное,
на одну ей ногу он стал, за дру́гу розорвал.

И зашёл Перемя́т во све́тлу све́тлицю,
говорит он девушки-черня́вушки:
«Ой е́си ты, девушка-черня́вушка,

А бери у меня да кованы́ клюци,
отмыкай у мня да бо́льши су́ндуки,
и бери се́бе пла́тьё подвенецьное.

Уж мы по́йдем с тобой да во Божью́ церько́вь,
уж и по́йдем с тобой да повенчаемся».

Говорит-то бы девушка-черня́вушка:
«Ты не смейся, Перемя́т да сын Ивановиць,
надо мной же, над девушкой-черня́вушкой».

Говорит Перемя́т да сын Ивановиць:
«Уж ты ой е́си, девушка-черня́вушка,

Ты бери у меня да кованы́ клюци,
отмыкай у мня да бо́льши су́ндуки,
и бери се́бе пла́тьё подвенецьное.

Уж мы по́йдем с тобой да во Божью́ церько́вь,
уж и по́йдем с тобой да повенчаемся».

Говорит-то бы девушка-черня́вушка:
«Ты не смейся, Перемя́т да сын Ивановиць,
надо мной же, над девушкой-черня́вушкой».

Говорит Перемя́т да и во тре́тьёй раз:
«Уж ты ой е́си, девушка-черня́вушка,

Ты бери у меня да кованы́ клюци,
отмыкай у мня да бо́льши су́ндуки,
и бери се́бе пла́тьё подвенецьное.

Уж мы по́йдем с тобой да во Божью́ церько́вь,
уж и по́йдем с тобой да повенчаемся».

Кабы бра́ла она да кованы́ клюци,
отмыкала она да бо́льши су́ндуки,
и выма́ла она да пла́тьё подвенецьное.

И пошли с Перемя́том во Божью́ церько́вь,
а пошли нонь они да повенце́лисе.

33. Ставёр Годи́нович

Уж как ходит Ставёр нынце́ по городу,
по царе́вым он ходит бо́льшим ка́бакам.

Зелена́ вина Ставёр да напиваетця,
он по лавоцкам Ставёр да нынь валяетця.

И таки́ реци́ Ставёр да выговариват:
«Уж я силой-то Солнышка сильне́ буду́,
и по меткам-то я Солнышка метне́ буду́».

Донесли на его бояра толстобрюхие:
«Уж ты ой е́си, Солнышко Владимер-князь,

Уж как ходит Ставёр у тя по городу,
по царе́вым он ходит бо́льшим ка́бакам,

Зелена́ вина Ставёр да напиваетця,
он по лавоцкам Ставёр да нынь валяетця,

И таки́ реци́ Ставёр да выговариват:
Уж я силой-то ведь Солнышка сильне́ буду́,
и по меткам-то я Солнышка метне́ буду́».

Тут послал наш Солнышко Владимер-князь,
а послал-то он посла да поскорёшенько
по того же он Ставра́ сына́ Годи́нова:

«А зови-ко ты Ставра́ сына́ Годи́нова,
а зови-ко ты его да поскоря́шенько».

Вот пришёл это́т посол к Ставру́ сыну́ Годи́нову:
«Уж ты здра́ствуешь, Ставёр да сын Годи́новиць!» —

«Уж ты здраствуй, уда́лой до́брой мо́лодець!
А куда же ты пошёл, да ку́ды по́ехал?» —
«Уж как звал тебя наш Солнышко скорёшенько».

Вот става́т Ставёр со печки со мура́вленки
и пошёл он ко Солнышку Владимеру.

Вот заходит он ко Солнышку Владимеру,
а поклон-от даёт да по-учёному,
а молитвы творит да по-писа́ному.

«Уж ты здраствуй, наш Солнышко
Владимер-князь!» —
«Уж ты здраствуй, Ставёр да сын Годúнович!

Уж ты ходишь, Ставёр, нонцé по городу,
по царéвым ты ходишь бóльшим кáбакам,

Зеленá вина, Ставёр, да напиваесся,
и по лавочкам, Ставёр, нонцé валяесся,

И такú рецú, Ставёр, да выговаривашь:
Уж я силонькой-то Солнышка сильнé будýу,
я по метоцькам-то Солнышка метнé будýу».

Говорит на то Ставёр да сын Годúновиц:
«Не говаривал я, Солнышко, таковы слова». —
«Говорил ты, Ставёр да сын Годúнович».

Засадил князь Ставрá да в тёмну тéмницю,
вот сидит этóт Ставёр да трои сýтоцьки,
не пивáюцись, Ставёр, да не едáюцись,

А и только нынь давáют холоднóй-то воды
по одной-то по кружки Ставрýу сынýу Годúновичу.

А про то узнала Стáврова молодá жена:
«Что сидит у мня Ставёр да сын Годúнович».

Надевала сапожки сéбе мýжески,
надевала óна шубу сéбе мýжеску,
надевала óна перчатки сéбе мýжески.

И курцéвила она у ся да рýсы волоса,
надевала óна шляпу сéбе мýжеску,
а и брáла стрось сéбе в руки мýжеску
и пошла она ко Солнышку Владимеру.

А зашла она ко Солнышку Владимеру,
и поклон она ведёт по-учёному,
и молитвы творит да по-писáному:

«Уж ты здраствуешь, наш Солнышко
Владимер-князь!» —
«Уж ты здраствуй, удáлой дóброй мóлодец!

А кудú же ты пошёл, да кýды пóехал,
уж и как тя, молодцá, да именём зовут?» —
«А зовут-то меня Васенька Окýлович.

Уж ты ой е́си, Солнышко Владимер-князь,
а не дашь ли ты Ставра́ мне-ка́ повыкупить?» —

«А горазд ли ты, Вася, играть во шахматы?» —
«Отцего не так, наш Солнышко Владимер-князь?»

Собирал то́гда Солнышко их до трёхсот,
а из трёхсот выбрал он три игрока.

А со первым Вася сел — обобрал его,
со другим сел Вася — он сдул его,
и со третьим сел Вася — он сдул его.

Уж как ходит Васенька-то нынь по́ полу,
и таки́ реци́ тот Вася да выговариват:

«Уж ты ой е́си, Солнышко Владимер-князь,
а не дашь ли ты Ставра́ мне-ка́ повыкупить?» —

Говорит то́гда матушка Апра́ксия:
«Уж ты ой е́си, Солнышко Владимер-князь,
не мужчина это есь ведь, а женшчина:

Ко́гды по́ полу-то ходит, о́на ця́сто ступат,
а на лавку ко́гды се́дет, всё коленки жмёт».

Говорит то́гда Солнышко Владимер-князь:
«Уж ты глупая баба, да нерозу́мная,
у́ тя волос-от до́лог, ум-от ко́роток».

Говорит тут Вася да таковы слова:
«Уж ты ой е́си, Солнышко Владимер-князь,
а не дашь ли ты Ставра́ мне-ка́ повыкупить?» —

«А горазд ли ты, Вася, да постриле́тися?» —
«Отцего не так, наш Солнышко Владимер-князь?»

Собирал то́гда Солнышко их до трёхсот,
а из трёхсот выбрал он три стрелка.

Выходили оне́ да на зелёный луг,
о́ни ставили петёнышко тут за́ петь-то вёрст.

А и пе́рвой-то стрелок стрели́л, он недо́стрелил,
и другой-от стрелок стрели́л, он пере́стрелил,
уж и тре́тей стрелок стрели́л, он не знат куда.

Уж как Вася стрели́л во петёнышко,
во петёнышко, Вася, да во серёдочку.

Уж как ходит Васенька нынь по́ полу,
и таки́ рещи́ тот Вася да выговариват:

«Уж ты ой е́си, Солнышко Владимер-князь,
а не дашь ли ты Ставра́ мне-ка́ повыкупить?» —

Говорит то́гда матушка Апра́ксия:
«Уж ты ой е́си, Солнышко Владимер-князь,
не мужчина это есь ведь, а женшчина:

Ко́гды по́ полу-то ходит, о́на ця́сто ступат,
а на лавку ко́гды се́дет, всё коленки жмёт».

Говорит то́гда Солнышко Владимер-князь:
«Уж ты глупая баба, да нерозумная,
у́ тя волос-от до́лог, ум-от ко́роток».

Говорит тут Вася таковы слова:
«Уж ты ой е́си, Солнышко Владимер-князь,
а не дашь ли ты Ставра́ мне-ка́ повыкупить?» —

«А горазд ли ты, Вася, поборотися?» —
«Отцего не так, наш Солнышко Владимир-князь?»

Собирал то́гда Солнышко их до трёхсот,
а из трёхсот выбрал он три борця.

Выходили они да на зелёной луг,
говорит то́гда Васенька Окуловиць:

«Уж ты ой есь, Солнышко Владимер-князь,
а с одным я стану боро́цця или́ с двума́ нынце́?»

Говорит то́гда Солнышко Владимер-князь:
«А как ты, Вася, хошь, дак хоть с тремя борись».

Одного-то Вася брал да под праву́ руку́,
и другого Вася брал да под леву́ руку́,
и третьёго-то брал он во середоцьку,
и прида́л он их смерти всех лютоей.

Говорит то́гда матушка Апра́ксия:
«Уж ты ой есь, наш Солнышко Владимер-князь,
надо выпустить Ставра́ сына́ Годи́нова».

Выпускали Ставра́ из те́мной те́мницы,
уж как весь-то он высох во те́мной те́мницы.

Выходил он тогды́ из те́мной те́мницы,
и увидел он тут, стоит выку́пчинка.

«Ай тебе спасибо, уда́лой до́брой мо́лодець,
уж как выруцил меня из беды великоей,
е́шше выкупил ты меня от смерти лютоей.

Ты коёго, молоде́ць, да роду-племени,
ты коёго, молоде́ць, да о́тця-матери?

Уж и как тя, молодца́, да именем зовут,
а по отчеству детину величают нынь?»

Уж как тут она ему такой ответ даёт:
«А моя-та есь ку́кша, твой-от есь трепо́к».

Подбегал он, брал ей за белу́ шею́,
целовал он ей в уста саха́рные.

«Ай, тебе спасибо, моя да молода́ жена,
ты повыкупила меня от смерти лютоей,
ты избавила меня от большого голоду».

Говорит она ему да таково слово́:
«Уж ты ой е́си, Ставёр да сын Годи́нович,
а садись-ко ты со мной да на добра́ коня».

Посадила тут она его да на добра́ коня,
увезла она его да к се́бе в комнату.

34. Дюк Степанович

Как из той же из Ни́жной Ма́лой Га́лицы,
как из той же Коре́лы пребогатыя

Выезжает Дюк да сын Степановиц,
выезжает он да во чисто́ полё.

Вот заехал он на горы Сороч и́нские,
уж и брал он трубоньку подзорную.

И смотрел под сторонушку под северну,
как под той же сторонушкой под северной
а стоит же там, штё ли, как тёмной лес.

И смотрел под сторонушку под летную,
как под той же сторонушкой под летноей
уж как там большой огонь, да сильно зарево.

Говорит-то ле Дюк да сын Степановиц:
«А горит у меня там, видно, Ни́жна Га́лица,
а горит там Коре́ла да пребогатая».

Поворотил он своёго да ко́ня доброго,
приезжат он домой да в Ни́жну Га́лицю.

Тут стрецяла е́го матушка родимая,
пречестна́ ли вдова Оме́льфа Тимофеевна:

«Е́шше что ты, моё да цядо милоё,
а куда же ты ходил, да ку́да ездил нонь?» —

«Уж ты ой есь, мо́я матушка родимая,
уж и был я на горах да Сороч и́нскиих,
уж и брал я нонь трубоньку подзорную.

И смотрел под сторонушку под северну,
как под той же под сторонушкой под северной
а стоит же там, штё ли, как тёмной лес.

И смотрел под сторонушку под летную,
как под той же под сторонушкой под летноей
уж как там большой огонь, да сильно зарево». —

«Уж ты ой еси́, моё да ди́тя милое,
молодёхонько ведь ты, дитя, да зеленёхонько.

Как под той же стороной да под северной
там не тёмной лес стоит, а сто́льной Киев-град.

А под той под сторонушкой под летноей
не огонь там горит, оно не зарево,
кабы светит там наша Нижна Га́лица.

Там сараи всё у нас горят серебрены,
уж как маковки у нас да позолоцены,
как от солнышка они у нас огнём горят».

Говорит-то ле Дюк да сын Степановиць:
«Уж ты ой есь, матушка родимая,
уж ты дай-косе мне благословле́ньицё

Как сходить-съездить мне-ка во сто́льной Киев-град,
посмотреть там князя́ да со княгиною,
посмотреть мне-ка руських всех бога́тырей». —

«Уж не дам я тебе благословле́ньицё
и́дти-ехать тебе да в сто́льной Киев-град,
молодёхонько ты, дитя, да зеленёхонько».

И другой раз Дюк да нынь выспрашивал:
«Уж ты ой есь, матушка родимая,
уж ты дай-косе мне благословле́ньицё

Как сходить-съезди́ть мне-ка́ во сто́льной Киев-град,
посмотреть там князя да со княгиною,
посмотреть мне́-ка руських всех бога́тырей». —

«Уж не дам я тебе благословле́ньицё
и́дти-ехать тебе да в сто́льной Киев-град:
молодёхонько ты, дитя, да зеленёхонько».

Е́шше тре́тей раз Дюк нынь выспрашивал:
«Уж ты ой есь, матушка родимая,
уж ты дай-косе мне благословле́ньицё

Как сходить-съездить мне-ка да во сто́льной Киев-
град,
посмотреть там князя́ да со княгиною,
посмотреть мне-ка руських всех бога́тырей». —

«Уж не дам я тебе благословле́ньицё
и́дти-ехать тебе да в сто́льной Киев-град,
молодёхонько ты, дитя, да зеленёхонько». —

«Уж как дашь — я поеду, и не дашь — поеду». —
Тут заплакала ведь мать его родимая:

«Уж ты ой есь, моё да цадо ми́лоё,
как пойдёшь ты, пое́дешь в сто́льной Киев-град,

Уж как есь там Чури́лишко привя́зьливой,
погуби́т он у тебя да бу́йну голову».

Выносила тут она перчаточки замцю́жные:
«Уж ты ой е́си, мо́ё да цадо милое,
подари ети́ перцятки И́льи Муромцю».

Не видали тут отправки молодецькоей,
не видали ведь поездки богатырськоей.

Только видели, во поле курева́-де стоит,
курева́-де стоит, да дым столбом вали́т.

Приезжат он тут во сто́льной да во Киев-град
а ко той же обедни да воскресенськоей,

Заходил он тогда во Божью́ церько́вь,
становился тут Дюк да на право́й крыло́с,
уж и брал он книгу всё Ева́нделя.

И стоял тут Чури́ло бла́до Плёнковиц,
уж и выжал но́ньце Дюк да сын Степанович
а свои́ма он ведь тут да могутны́ плецьми́,
уж и выжал он Чури́ла бла́да Плёнкова
уж как со того же он со пра́ва кры́лоса.

А тогда подходит Чури́ло бла́до Плёнкович,
уж и стал он его тогда выспрашивать:

«А коёго, молоде́ць, ты роду-племени,
и коёго, молоде́ць, да о́тця-матери,
уж и как тя, молодца́, да именé зовут?»

Говорит на это Дюк да сын Степанович:
«А не то ныньце́ поют, да не́ то слушают,
а поют нынь обедню воскресенськую».

И другой раз Чури́лишко выспрашиват:
«А коёго, молоде́ць, ты роду-племени,
и коёго, молоде́ць, да о́тця-матери,
уж и как тя, молодца́, да именé зовут?»

Говорит на это Дюк да сын Степанович:
«А не то ныньце́ поют, да не́ то слушают —
а поют нынь обедню да воскресенськую».

Уж и тре́тьей раз Чури́лишко выспрашиват:
«А коёго, молоде́ць, ты роду-племени,
и коёго, молоде́ць, да о́тця-матери,
уж и как тя, молодца́, да именем зовут?»

Говорит на это Дюк да сын Степанович:
«А не то ныньце́ поют, да не́ то слушают,
а поют нынь обедню воскресенськую».

Вот отходит обедня да воскресенская,
выходили о́ни все да вон на улицю.

Уж и стре́тил их Дюк да сын Степановиць,
а того же он старо́го И́лью Муромця,
подарил ему перчаточки замцо́жные.

Заходили они в палаты белокаменны
ко тому же о́ни Солнышку Владимеру,
и пошёл тут у Солнышка почесен пир.

Уж как тот же старо́й да И́лья Муромець
а садилса тут он да за пере́днёй стол,

А того же он Дюка да сына́ Степанова
посадил он себе подле́ праву́ руку́.

Уж как тут они сидят, пьют и едят,
е́шше тот же ноньце́ Дюк да сын Степановиц
попивать он стал да зелено́ вино.

Вот сидит же нынь Дюк да сын Степановиць,
уж как ес он у князя белы́ колацики:

Как бы ве́рхну он ко́роцьку на стол кладёт,
как бы ни́жну он ко́роцьку под стол мецёт,
уж как ес он одну да ведь серёдоцьку.

Замечает то Чури́ло бла́ды Плёнковиць,
и говорит нынь Чури́ло таково слово́:

«Уж ты ой е́си, Солнышко Владимер-князь,
а приехал ноньце гость к нам незва́нныя,
а незва́нной к нам гость да и нежда́нной же.

А тебя-то ле, князя́, да он ничем зовёт,
уж как всех нас, бога́тырей, он не во что кладёт.

Уж как ес он у тебя белы́ колацики:
как бы ве́рхну он ко́роцьку на стол кладёт,
как бы ни́жну он ко́роцьку под стол мецёт,
уж как ес он одну да ведь серёдоцьку».

Осердились все уда́лы до́бры мо́лодцы,
осердилса наш Солнышко Владимер-князь.

Уж как все тут стали на него нападывать,
уж как тут стали все ему допрос делати:
«Почему же ты у нас да не ешь колацики?» —

«У моей-то у матушки родимоей,
у цестно́й да у Оме́льфы Тимофеевны

Уж как пецки-ти у нас всё муравлены,
уж как по́тики у нас всё серебрены,
а помёлышко у нас да медвя́ное.

Уж как матушка когда пекёт кола́цики,
как один кола́цик съешь, дак дру́гой пу́шше хо́ицця,
а об тре́тьём-то кола́цики уже душа горит».

Как подда́рживат Дю́ка старо́й да И́лья Муромец.
Уж как тут Дюк с Чури́лом приросспорили,
говорит нынь Чури́ло таково́ сло́во:

«Уж ты ой есь, приехал ты, молокосо́сишко,
я куплю-продам тебя одной своёй куньёй шубо́й».

Уж и бились тут они с Чури́лом о вели́к заклад,
не об злате о́ни бились, не об се́ребре,
об своих о́ни бились буйны́х головах,
у которого из них дороже кунья́ шуба́.

Рестова́ли тут ведь Дю́ка сына́ Степанова,
как подда́рживат его старо́й да И́лья Муромець,
не дават он его да во обидушку.

И писал-то ведь Дюк да сын Степановиць,
а писал он ерлык, да скору грамоту
как своей он матушки родимоей
пречестно́й вдовы́ Омельфы Тимофеевной.

«Уж ты ой есь, мóя матушка родимая,
пречесна́ вдова Омельфа Тимофеевна,
а пошли ты мне пальто да воскресенськое».

Выходил-то ведь он да вон на улицу,
уж и клал он ярлык в седёлышко зеркальцято,
и отправил он своёго кóня доброго.

Уж как прибегат нонь éго дóброй конь
а во ту же нонь во Ни́жну да во Га́лицу.

Как стрецяла éго матушка родимая,
как стрецяла ведь она да и заплакала:
«Потерял, видно, цядо бу́йну голову».

Подходила тут она да к кóню доброму,
отмыкала ведь седёлышко зеркальцято,
и вымала тот ерлы́к, да скóру грамоту.

И цитала ерлы́к, да скóру грамоту:
«Уж ты ой есь, мóя матушка родимая,
а пошли ты мне пальто да воскресенськое».

Выносила тут она пальто да воскресенськое,
уж и клала во седёлышко зеркальцято
и отправила она своёго кóня доброго.

Прибегал этот конь да во стóльной Киев-град,
выходил-то ле Дюк да сын Степановиць,

Отмыкал он седёлышко зеркальцято,
и вымал он своё пальто да воскресенское,
заходил он тогда во свéтлу свéтлицю.

У того же у Чури́ла бла́да Плёнкова
а ценили ту кунью́ шубу́ да во петьсот рублей.

У того же ведь у Дюка у сына́ Степанова
уж как тоже ведь ценили шубу да во пятьсот рублей.

Тут надел-то ле Дюк да сын Степановиць,
на себя надел-то ведь да он кунью́ шубу́.

Уж как было тут у Дюка на шубы да три пуговки,
а провёл-то ле Дюк да сын Степановиць
как по пуговкам своей да правой руценькой,
дак запели эти пуговки разным голосом.

Уж как ценили тут ведь эти пуговки,
уж как двум-то ведь пуговкам да тут ценý далú,
уж как третьей-то ле не могли и цены-то дать.

А скоцúл тут Дюк да сын Степановиць
на свои ле он тут да на резвы́ ногú.

И хватúл он сабельку-ту вострую,
а рубить лáдит у Чурúла буйнý главу.

Уж как тут стали все его упрашивать,
уж как тут стали éго да уговаривать.

Поглядел он на старóго да Úлью Муромця
и простил он Чурúла блáда Плёнкова.

Тут опéть óни сели да на почесен пир,
уж как тут óни нóньце ведь пьют и едят.

Тут опеть Чурúло с Дюком приросспóрили,
говорит-то Чурúло да таковó словó:
«У меня житья-имущества ведь бóльше твоего».

Уж как бились тут они да о велúк заклад:
у которого будет меньше житья-имущества,
дак рубить у того да бýйну голову.

Захватили тут ведь Дю́ка сынá Степанова,
как поддáрживат его старóй да Úлья Муромец,
не дават он Дюкá да во обидушку.

Выбирали тут они ныньцé два писаря:
одного-то Олёшеньку Поповица,
а другого Добрынюшку Микитица,

Уж как ехать во Нижну во Галицю,
да описывать всё житьё-имушшество
у того же у Дю́ка у сынá Степанова;
а ешшé два писаря поехали к Чурúлишку.

Приезжают нонь Олёшенька с Добрынюшкой
а во ту ли ведь они да во Нижню Гáлицю.

Заходили тут оне ведь да во гóрницю, —
номер дома они знают, —
уж и ходит ведь у печки тут женшчина.

«Уж и здравствуй, говорят, Оме́льфа Тимофеевна». —
«Уж как я-то, говорит, не Оме́льфа Тимофеевна,
а ведь я-то, говорит, е́йна бы куфа́роцька,
а Оме́льфа Тимофеевна в па́рной ба́енки».

Как идёт же Оме́льфа из па́рной ба́енки,
а ведут ей две куфа́роцьки по́д руки.

Вот заходит она да ходом задниим,
а зашла она ноньце́ во тёплу спа́ленку,
выходила тут она да к им на ку́фоньку:

«Уж вы здраствуйте, уда́лы до́бры мо́лодцы,
а куда же вы пошли, куда поехали?» —

«А приехали ведь мы тебя описывать,
тут росхвастался Дюк да сын Степанович
как со тем же Чури́лой бла́до Плёнковым
об житье ведь они да об имушшестве».

Вынимал тут Олёша ерлы́к, да ско́ру грамоту,
передал он ерлы́к Оме́льфы Тимофеевны.

Роспечатала она ерлы́к, да ско́ру грамоту
от того же от Дю́ка от сына́ Степанова:

«Уж ты ой есь, моя ты матушка родимая,
пречестна́ вдова Оме́льфа Тимофеевна,

Отведи ты им мага́зин, сбрую лошадиную,
уж как пусть они ее́ ныньце́ описывают».

Говорит Омельфа Тимофеевна таково́ слово́:
«Уж вы ой есь, уда́лы до́бры мо́лодцы,
проходите-ко с дорожки вы попить-пои́сь».

Провела она ведь их да во го́ренку,
посадила о́на их за дубо́вой стол.

Подала она по рюмке вина заморського,
зашаве́ло у робят да бу́йну голову.

По другой пода́ла о́на рюмоцьки вина заморського,
уж и где они сидели, тут и за́спали.

Пробужалисе они да поутру́ рано́,
посадила о́на их опе́ть попить-пои́сь,
подала опе́ть по рюмоцьки вина заморського.

Говорит им она дак таково слово́:
«Уж вы ой есь, уда́лы до́бры мо́лодцы,
вы пойдёмте, отведу я вам мага́зин описывать».

Вот описывали они мага́зин тот два ме́сяця,
не хватило ведь у них ни чарни́ла, ни бумаги же.

Говорит-то Олёшенька Попович блад:
«Не описать нам е́йно житьё-имушчество за це́лой год».

Отправлятьця о́ни стали в путь-дороженьку,
приезжают нынь они во сто́льной Киев-град,
заходили о́ни к Солнышку Владимеру.

Уж как спрашивать стали у Олёшеньки Поповича:
«Уж как долго ты, Олёшенька, поездил нынь,
уж как много ли описали у Чури́ла бла́да
Плёнкова?» —

Говорит им Олёша да таковы слова:
«Описали, говорят, его на пятьдесят тысе́ць». —

«А мы, говорит, у того же Дю́ка сына́ Степанова
мы описывали мага́зин, сбрую лошадиную,
дак описывали ровно мы два месяця.

Не хватило ведь у нас ни чарнила, ни бумаги же
на одну-то ли на сбрую лошадиную.

Как быть всё его имушчество описывать,
дак ведь это заберёт нас на кру́глой год».

А скоци́л тут Дюк да сын Степановиц,
а скоци́л-то ведь он да на резвы́ ноги́.

И хватил он сабельку-ту вострую,
а рубить ла́дит е́го он буйну́ главу,
у того ли у Чури́ла бла́да Плёнкова.

Уж как тут стали все его упрашивать,
уж как тут стали е́го да уговаривать.

Поглядел он на старо́го И́лью Муромца,
он послушал ведь старо́го да И́лью Муромца,
и не стал рубить Чурилы бу́йну голову.

Тогда сели́ опе́ть они да на поче́сен пир,
уж как тут они опе́ть пьют и едят.

Тут опеть они с Чури́лом приросспо́рили,
говорит-то Чури́ло да таково́ слово́:
«Уж как я-то силонькой буду ведь сильне́ тебя».

Уж как тут ведь они да приросспо́рили,
уж как тут ведь они да приросспо́рились.

Уж как бились-боролись о вели́к заклад,
не об злате о́ни бились, не об се́ребре,
о своих ли о́ни бились бу́йных го́ловах:

Как скакать на добрых ко́нях чере́з Дунай-реку́,
а которой Дунай-ре́ку да не пере́скоцит,
дак рубить у того да бу́йну голову.

Как их все тут унимали да упрашивали,
не могли ведь упросить до́брых мо́лодцев.

Выходили тут они да вон на улицю,
и садились тут они да на добры́х коней,

И подъехали они да ко Дунай-реки́,
и собрало́сь тут народу много-множество.

Говорит тут Чури́ло бла́до Плёнковиц:
«Ты скоци́-ко, говорит, Дюк, чере́з Дунай-реку́».

Говорит е́му Дюк да таково слово́:
«Уж как ты если́ накликал, дак наперёд ты скоци́».

Вот розъехалса Чури́ло бла́до Плёнковиц,
и скоци́л он тут чере́з Дунай-реку́,
и огру́з он тут в саму́ серёдоцьку.

Тут розъехалса и Дюк да сын Степановиць,
и скоци́л он тут чере́з Дунай-реку́,

А не оммоцил он тут ведь ни копытика,
он перескоцил ведь цере́з Дунай-реку́.

И поворо́тил он своёго ко́ня доброго,
и прижа́л он его да шпорами вострыма,
и скоци́л ведь назад да цере́з Дунай-реку́.

И хватил он Чури́ла за жёлты кудри́,
да и выташши́л его да из Дунай-реки́.

Соскоци́л тут ведь Дюк да со добра́ коня,
и хватил он сабельку нынь вострую,
и срубил он Чури́лу бу́йну голову.

9. Василий Петрович Тайбаре́йский

В книге 1939 года читаем: «Василию Петровичу Тайбаре́йскому 74 года, но он ещё крепкий старик, «могу́тный», как говорят на Печоре. По национальности он не́нец, но живёт с самого рождения в деревне Ла́божское, и вот уже 53 года, как он промышляет зверя, ку́роптя и рыбу» [*Лео́нтьев 1939*, с. 7]. Несколько строк есть и в книге 1979 года: «Василий Петрович — рыбак и охотник, представительный с виду, с пытливым взглядом. Отец его был ненец-оленевод, мать — русская» [*Лео́нтьев 1979*, с. 6].

Василий Петрович Тайбаре́йский.
Снимок А. М. Гашева из книги Н. П. Леонтьева [Лео́нтьев 1939, с. 9]

Былины сказитель поёт, вставляя между стихами свои замечания. Например, когда Иван Горде́нович с другими богатырями едет из Киева в Чернигов три дня и три ночи (41:113–118), Василий Петрович вздыхает: «Что-то тихо едут-то, не иначе — пьянствуют». Когда выясняется дальше, что в пятнадцати верстах от Чернигова богатыри «пируют-столуют трои суточки и трои же суточки просыпаются» (41:127–128), Василий Петрович с торжеством восклицает: «Ну, что я говорил! Вот уж и девять дён прошло, как из Киева выехали, — ясно, что не без го́сьбы». Когда

Соло́мон перед пристанью приспускает парус (42:156–157), сказитель вставляет реплику: «Хитёр же вор!» В этой же былине к строчке: «Кладут они схо́дни ко́нцом на́ берег» (42:61), Тайбаре́йский делает замечание: «Кладут тра́пы, а поётся — схо́дни». Таких замечаний у Василия Петровича много, и некоторые из них ценны тем, что выражают отношение сказителя к тому или иному передаваемому им факту или событию [*Лео́нтьев 1939*, с. 7].

Есть вероятие, что про Василия Петровича Тайбаре́йского знал первооткрыватель русского эпоса на Печоре Николай Евгеньевич Ончуко́в. Среди незаписанных сказителей собиратель называет Василия Михайловича Тарабаре́ева в Ла́базской [*Ончуко́в 1902-2*, с. 368][32]. Если предположить, что в отчестве была допущена ошибка, то это мог быть 38-летний Василий Петрович Тайбаре́йский, о котором уже в 1902 году люди знали как о сказителе. И это вполне могло быть, ведь, судя по данным Лео́нтьева, с самого рождения, то есть с 1864 года, Василий Петрович жил в Ла́божском, а с 1885-го стал уже ходить на промысел и легко мог в родной деревне или на промысле выучиться сказыванию.

Василий Петрович сообщил собирателю, что пять своих былин (№№ 37, 38, 39, 41, 43) он перенял от своего односельчанина Фёдора Михайловича Пономарёва, с которым они вместе ходили работать «на низы́», три (№№ 35, 36, 42) — от Степана Алексеевича Безу́мова из Великой Ви́ски[33], и одну (№ 40) — от Алексея Ивановича Дитя́тева из того же села.

От Василия Петровича, как и от всех сказителей Лео́нтьева, не осталось звукозаписей. Но сохранились голоса двух его учеников — сына Ника́ндра Васильевича Тайбаре́йского[34] и односельчанина Ника́ндра Ивановича Су́слова [*Колпакова 1961*, с. 29 и 30; *Звук 2013–2014*]. Напевы, которыми они сказывают, весьма близки между собой (№№ н5 и н6), и можно с уверенностью утверждать, что подобным же напевом пел и сам Василий Петрович[35].

У писательницы Маремья́ны Романовны Голубко́вой (№ д3) в её книге 1946 года читаем: «В каждой деревне у нас свои былинщики. <…> В Ла́божском у ненца Василья Тайбаре́йского вся семья от ста́ра до ма́ла поёт ста́рины. С Васильем я ловила рыбу на низа́х. Начнут они рыбу пороть — Василий затянет былину, а сыновья подтягивают» [*Голубко́ва 1946*, с. 127].

---

[32] Здесь любопытно произношение названия деревни — Ла́базская — и фамилии сказителя — Тарабаре́ев. У Колпако́вой находим третий вариант произношения данной фамилии — Тарбаре́йский [*Колпакова 1961*, с. 179].

[33] Про этого сказителя смотри в Приложении 3.

[34] Про сыновей Василия Петровича смотри в Приложении 2 текст № д1.

[35] Следует отметить, что когда берёшь напев Тайбаре́йского-сына и начинаешь петь былины Тайбаре́йского-отца по записям Леонтьева, то оказывается, что собиратель пропускал многие необходимые при пении вставки. Например, у Василия Тайбаре́йского в записи Лео́нтьева находим такой стих: «Во стольном городи во Киеве» (39:1), а соответствующий стих у его сына Ника́ндра Тайбаре́йского звучит так: «*Как* во сто́льнём *во* городе во Ки́ёве» (д1:1). То есть двух вставок в записи Леонтьева недостаёт. Сопоставление других стихов даёт схожую картину. В нашей книге проделана большая работа по восстановлению подобных недостающих вставок, поскольку одна из основных задач настоящего издания — помочь людям в их желании петь былины. Об этом же смотри: Особенности передачи былинных текстов в настоящем издании, пункт 5.

В декабре 1936 года в Нарьян-Мáре Тайбарéйский сказывал стáрину про Илью и Сокóльника. С этого исполнения началось знакомство с живым печорским эпосом собирателя Николая Павловича Леóнтьева [*Леóнтьев 1979*, с. 5–6], который спустя полтора года, в июне 1938-го, уже в самом Лáбожском запишет от Василия Петровича 9 былин[36] (всего 1850 стихов):

1) Илья и Соловéй;
2) Илья и Светогóр;
3) Добрыня и Кáлин-царь;
4) Васúлий Касимúрович;
5) Илья и Сокóльник;
6) Касья́н Иванович;
7) Иван Гордéнович;
8) Солóмон;
9) Иван Гостúнович.

Пять былин из этого списка (3, 4, 5, 7, 8) были напечатаны ещё при жизни сказителя [*Леóнтьев 1939*, №№ 3, 6, 7, 8, 9], а позднее перепечатаны [*Леóнтьев 1979*, №№ 7, 12, 13, 14, 16]. Остальные четыре былины (1, 2, 6, 9) увидели свет только в XXI веке [*Свод 2001-1*, №№ 4/5, 60; *Свод 2001-2*, №№ 174, 193].

---

[36] Кроме того, Леóнтьев записал от Василия Петровича и опубликовал две старшие исторические песни — про Кострюкá и Скопинá [*Леóнтьев 1939*, №№ 11 и 12; *Леóнтьев 1979*, №№ 20 и 59] — и одну младшую — про нашествие французов [*Леóнтьев 1979*, № 67]. По поводу последней Леóнтьев замечает, что Тайбарéйский — едва ли не единственный человек на Печоре, не забывший к 1938 году эту песню [*Леóнтьев 1979*, с. 337]. От сказителя также были записаны, но не опубликованы бурлацкая и свадебная песни [*Свод 2001-2*, с. 565].

35. Илья и Соловей

Как во славном во городи во У́роме,
как во том во селе да Карачаеве
уж и был там детинка тридцати ведь лет.

Из речей-то детинка выговаривал:
«Уж ты ой еси́, ты мать моя родимая,
ты мне дай благословеньицо великое

Мне идти нонче́, еха́ть во сто́льной Киев-град,
мне прямой-то дорогой прямоезжею,
прямоезжею дорогой, малоезжею,
той, кото́ра пустела це́ло тридцать лет».

Говорит то́гда матушка ему родимая:
«А прямой дорогой ехать — тебе живу́ не быть».

Уж и просит он от ей да ко́ня доброго,
выводила она ему да ко́ня доброго,
выносила сбру́ню е́му дак лошадиную.

Выносила ему она и саблю вострую,
выносила ему копейцо бурзомецкое.

Указала ему и палицу буёвую,
и не малу, не вели́ку — девяносто пуд.

Как седлат он, уздат да ко́ня доброго,
перехре́стницок кладёт чере́з хребетну степь,

Он не для-ради́ басы́, а ради крепости:
«Не оставил бы ме́ня до́брой конь во чисто́м поле́».

Тогды́ седлат он, уздат да ко́ня доброго,
а кладёт все доспехи богатырские.

Приготовил своего он ко́ня доброго,
распрошшаитце тогда со своей ро́дной матерью.

Тогда садилса молоде́ц да на добра́ коня,
уж и е́дёт ли детинка по чисту́ полю́,
уж и едет он всё ступцёй броде́воей.

Он доехал до столба до номеро́вана,
там написаны-де надписи немецкие:

«Мне по первой бы дорожки еха́ть — быть женатому,
мне по вто́рой еха́ть, дак быть богатому,
мне по третьей дорожецки ехать — живу́ не быть».

Говорил тогда детинка таковы слова́:
«Мне видь, ста́рому, женицця, пожалуй, не́ для чего.
Уж как старому женицця, то чужа́ корысть.
А мне богасьво, пожалуй, не к диковинки.

А я поеду той дорогой прямоезжею,
прямоезжею дорожкой, малоезжею,
той, которой дорожецкой живу́ не быть».

Он доехал до болот дак до дыбучиих,
он сидит и роздýмыват на сво́ём ко́не доброем:

«Мне из У́рома-де ехать до стольного —
не ставать молодцу́ да со добра́ коня:
уж как разрушить мне-ка будет свой вели́к зало́г».

Тут спускалса молоде́ц да со добра́ коня,
как бы левою рукою он коня ведёт,
а и правою рукою сы́ро ду́бьё рвёт,
сы́ро ду́бьицо он рвёт, себе-ка мост мостит.

Настелил себе он мостики колёные,
переехал он болота все дыбучие.

Тогды́ скакал на своего он ко́ня доброго,
уж и едет детинка по чисту́ полю́.

Приезжал ко вто́рой за́ставы великоей,
там стоят мужики да малоке́рчана,
их не мало и не много — сорок тысячей.

Подъезжат он к этой силушки великоей:
«Уж вы, братья, мужики вы малоке́рчана,

Где-ка э́тта нынь дорога прямоезжая,
та, кото́ра бы лежит во сто́льной Киев-град?»

А не то ему сказать — его убить хотят,
стали молодца́ они тогды́ поде́рживать,
ко́ню доброму копьём бока потыкивать.

Как сидит молоде́ц да посмехаецця,
тогда берёт он в руки палицу буёвую,
он поехал вдоль по силушки великоей.

Во праву́ руку́ махнёт, дак ле́жат улицей,
во леву́ руку́ махнёт, дак — переулками,
он повырубил всю рать-силу́ великую.

То́гда выезжал он на го́ры на высокие,
тут завидел он уда́ла до́бра мо́лодца.

Уж как Солове́юшко его Рахма́тьевич
засвистел Соловей по-соловьиному,
зашипел Соловей да по-змеиному.

То́гда е́го добрый конь да подпинаецця,
о сыру́ землю́ он носом подпираецця.

Он бил, Илья, своёго ко́ня доброго,
он бил его, ломал да по тучны́м ребра́м:

«Ах, ты волчья сыть, ты ли травяной мешок,
не слыхал ли ты свисту соловьиного,
не слыхал ли нашего крику богатырского?»

Он берёт в руку правую туго́й лучо́к,
он вкладывал стрелочку калёную.

Ко стрелы́-то молоде́ц да приговаривал:
«Уж ты, стрелочка, стрела моя калёная,
уж ты, калена́ стрела да муравлёная,

Ты не падай-ко не на́ горы, не на́ воды,
не спускайсе во темны́ леса дремучие,
разлетись Соловеюшку во пра́вой глаз».

Полетела та стрела, взвыла́-заплакала,
она не па́ла ведь не на́ горы, не на́ воды,
и не спустилась на темны́ леса дремучие,
а розлетелась Соловеюшку во пра́вой глаз.

Тут свалилса Соловей дак со семи дубов,
со семи-то дубов, семи поддубы́шов.

Подъезжат молоде́ц да не дремаючись,
Соловья садил на своёго́ добра́ коня,
на добра́ коня садил впереде́ себя.

Приезжали ко палатам соловьиным,
из окошечка увидела больша́я дочь:
«Видно, та́тушка е́дёт, мужика везёт».

Тогда бросилáсь в окошко сáма мéньша дочь:
«Ах врите́, вы мóи сестры всё любимые,
то мужик-от ведь éдёт, вéзёт тáтушку».

Тогда становитца удáлой дóброй мóлодец
как у тех же он палат да соловьиных.

Как большóй-от сын бежит — в руках топор ташши́т,
éшшё меньшóй бежит со тупи́цею.

Как большая дочь бежит — в руках-то ковш ташши́т,
а как мéньша бежит с помешáвкою.

Говорил Соловеюшко Рахмáтьевич:
«Да несите мóи нóне золоты ключи,
отпирайте мóи пóгребы глубокие,
откупайте меня да золотой казной».

Как поехал тóгда дóброй мóлодец,
а увёз Соловья во стóльной Киев-град.

Приезжал он ко стóльному ко Киеву,
кабы едет детинка вдоль по городу,
он едет ко ограды ко церковноей,
где поют-служáт обедню воскресенскую.

А спускалса детина со добрá коня,
уж он вяжет своёго кóня доброго.

Насыпáл ему пшеницы белоя́ровой,
наливал он воды сладкóй-медóвоей.

Он идёт тогды́ во храм, церкóвь соборную,
он кресты́-то кладёт по-писáнному,
а поклон он ведёт да по-учёному.

Он бы кланяетця на все четыре стороны,
а Владымеру с княгиной на осóбину.

Вот ставал молодéц да на правý рукý,
где стоят те ли русские богáтыри,
позадé всё паленúцы преудáлые.

Тут подходит Олёшенька Попович блад:
«Уж ты здравствуешь, удáлой дóброй мóлодец!

Ты какой же земли, какого города,
ты какого же отца, которой матери?

Тéбя как, молодцá, да именём зовут,
величают тебя да из отечества?»

Ответ держи́т удáлой дóброй мóлодец:
«А не то ведь нонь поют, не то и слушают,
нонь поют-служáт обедню воскресенскую».

Отходила та обедня воскресенская,
как выходят тогда все вон на улицу.

И выходит удáлой дóброй мóлодец,
он стоит у своёго у добрá коня
как за той за оградой за церковноей.

Приходил к éму Солнышко Владымер-князь:
«Уж ты здраствуешь, удáлой дóброй мóлодец!
Тéбя милости к нам просим на почéсен пир».

Садилсá Илья на своёго кóня доброго,
а и едет детина вдоль по городу,
он воротит ко ограды княженéцкоей.

Он заводит во ограду княженéцкую,
тогды вяжет он своёго кóня доброго

Ко тому же ко столбу да ко дубовому,
ко тому же ко колечку ко серебрену.

А заходит он во гри́дню да во светлую,
как во те ли во палаты княженецкие.

Он Богу тут не молитца и челом не бьёт,
только кланяетца он на все четыре стороны,
а Владымеру с княгиной на особину.

Уж как посадили тогда дóбра мóлодца
во большó его местó да за перéднён стол.

Подносили éму чару зеленá вина,
хоть не малу, не велику — полтора ведра.

Он берётца, детинка, единóй рукой,
выпивал эту чару едины́м духóм,
едины́м-то духóм да óдним пóмахом,
не оставил он во чарочки и глаз пустить.

Говорил тогда наш Солнышко Владымер-князь:
«Уж ты ой еси, удáлой дóброй мóлодец,

Ты какой же земли, какого города,
ты какого же отца, которой матери?

Тéбя как, молодцá, да именéм зовут,
величают удалóго из отечества?» —

«А зовут, говорит, меня Илеюшкой,
величают меня да сын Иванович,

Я из славного из города из У́рома,
из того ле из села да Карачаева.

Уж как ехал я дорогой прямоезжеей,
прямоезжеей дорогой, малоезжеей,
а котора ли пустела целых тридцеть лет.

Ах туды ясно́й соко́л да не пролетывал,
а и серый волк туда да не прорыскивал,
до́брой молоде́ц уда́лой не проезживал.

Настелил я се́бе мостики колёные,
переехал все болота я дыбучие.

Уж я вырубил всю рать, силу́ великую,
уж как братьев, мужиков да малоке́рьчанов,
их не много и не мало — сорок тысячей,
не оставил я живой души на се́мена,
а привёз я Соловья вам в сто́льной Киев-град».

Говорил тут Олёшенька Попович блад:
«Ох, пусты́м ты, молоде́ц, да похваляисся,
ты за ви́нною за чарой завира́ешься».

Говорил тогда Илеюшка Иванович:
«Уж ты ой еси, Олёшенька Попович блад,
ах, спустись-ко, Олёшка, на сыру́ землю́,

Ты веди-ко от моёго ко́ня доброго,
ты веди-ко Соловеюшка Рахма́товця

Как во эту ли во гри́дню да во светлую,
как во те ли во палаты княженецкие».

Выходил нонь Олёшка вон на улицу,
как стоит ле Олёшка на красно́м крыльце,
он не смет же спуститьця со красна́ крыльца.

Говорил тогда Олёшка таковы слова́:
«Уж ты ой еси, Соловéюшко Рахма́тьевич,
тебя милости-де просим на почесен пир».

Отвечает Соловéюшко Рахма́тьевич:
«Уж как не твоё я пью дак но́нче кушанье,
не тебя же я, Олёшенька, послушаю».

Как заходит Олёшка назад во гри́дню светлую,
как во те ли во палаты княженецкие.
«Не слушат, говорит, меня Соловеюшко Рахма́тович».

Ах, скакал тогда Илейка через ду́бов стол,
и спускалса Илейка со красна́ крыльца.

Он ведёт Соловья да на красно́ крыльцо,
он берёт е́го нонь да за право́ крыло́,

Заводил он его во гри́дню светлую,
ах, во те ли во палаты княжене́цкие.

Говорил тогда уда́лой до́брой мо́лодец,
уж и тот же Илеюшко Иванович,
говорил-то-де он да таковы слова́:
«Засвисти-ко, Соловеюшко, в четве́рть свиста́».

Засвистел Соловеюшко во полный свист —
княжене́цкие палаты все пошаталисе,
а питья́-то на столах все проливалисе.

Ох, упал тогды́ Владымер-князь со ре́звых ног,
уж как пал он, Владымер-князь, наопрометь,
а бояра по застолью все наползались.

То́гда осердилса Илеюшка Иванович,
он берёт Соловья да за право́ крыло,
выводил Соловья он вон на улицу.

Как спускал он его да со красна́ крыльца,
опускал он его да о сыру́ землю́,
о сыру́ его землю́, да о горю́ч каме́нь,
уж как кончил его он тут ве́чну жизнь.

И́шше розорвал он его наче́тверо,
разметал он его по полю чи́стому,
по тому ле по роздолью по широкому,
уж как худым-то птицам да на съеде́ньицо.

36. Илья и Светого́р

Жил на свети Светогор-богаты́рь,
ездил он по Святым горам,
его несла одна Света́ гора.

Попалса с им И́лья Муромец,
нашёл его Светогор на Светых горах,
трои сутки в кормани возил,
с конём и со всеми с доспехами.

Тогды́ у Светогора конь прогово́рил:
«Как я тебя едва ношу по Светым горам,
а ты ешше в кормани возишь бога́тыря».

Спустил Светогор И́лью Муромца,
тогда они и поехали.

Едут они по Светой горы́,
лежит, нашли, гроб огрома́дной.

Говорит Светогор И́льи Муромцю:
«Спустись-ко, Илья, со добра́ коня.
Ну-ко легь-ко ты в этот гроб,
дельно ли тебе будёт?»

Спустилса Илья со добра́ коня,
лёг в гроб, только в одном уголку лежит.

«Ну-ко, — говорит Илья, — теперь ты ложись,
тебе не дельно ли будёт?»

Лёг тогды́ Светогор в этот гроб,
Светогору как ему и делано.

Он лёг, а доска верхна на него закрылась,
загремел тогда в гробу Светогор-от:

«Ну-ко, говорит, Илья Муромец,
бей своей палицей буёвою,
разбивай, говорит, гробову́ доску́».

Где ударит Илья палицой буёвою,
тут на гробу́ желе́зной обруч делается.

Где голова Светогорова,
там была дырка в гробово́й доски́.

Говорит Светогор И́льи Муромцю:
«Припади, Илья, ро́том к дыры́,
я дам тебе силы богатырскоей».

Припал Илья к этой дыроцки,
сдохну́л Светогор И́льи Муромцю —
Илья как надут весь от силы сделалса.

Говорит Светогор И́льи Муромцю:
«Припади, Илья, во вто́рой раз».

Не припал Илья к гробово́й доски́,
тогда бы Илью силой разо́рвало.
И тут Светогору смерть случиласе.

37. Василий Касими́рович

Уж как говорил наш Солнышко Владымер-князь:
«Уж ты ой еси, Василий Касимирович,
уж ты прибирай нонче́ себе товарищов».

Говорит тогда Василий Касимирович:
«Уж ты ой еси, наш Солнышко Владымер-князь,

Я возьму себе Олёшеньку Поповича,
нам двоим-то, робятам, весели́ будё.

Я возьму себе Добрынюшку Микитича,
а троим нам, робятам, весели́ будё».

Говорил тогда старо́й да И́лья Муромец:
«Возьмите́ меня, говорит, во товаришши,

Усмотрел я ведь то́го свету белого,
истоптал я ведь матушки сырой земли́». —
«Уж как нам не надь старо́й да И́лья Муромец».

Говорил тогда наш Солнышко Владымер-князь:
«Вы свезите у меня нынь дани-пошлины
вы тому царю Батую всё Каймановичу,
завалились эти дани-пошлины за двенадцать лет.

Уж как надь свезти Батую-царю Каймановичу:
е́шше сорок сороков да чёрных со́болей,
е́шше сорок неучёных бо́льших же́ребцей,
сорок тысячей по шшёту золотой казны».

Уж как стали суряжа́ть да нов черлён корабль,
е́шше стали тут грузить да на черлён корабль

Уж как сорок сороков да чёрных со́болей,
е́шше сорок неучёных бо́льших же́ребцей,
сорок тысячей по шшёту золотой казны.

И пошли тогда они да во Божью́ церко́вь
е́шше помолитьца Спасу Вседержа́телю,
Пресвятой Матери Божьей Богородицы.

Распрошша́ются с Солнышком Владымером,
а и с той же княгиной да Апра́ксией,
а и с тем же стары́м да И́льей Муромцем.

А тогды́ заходят они да на черлён корабль,
убирали о́ни сходенки дубовые,
и вытягивали о́ни я́кори булатные,
роспускали паруса да канифа́сные,
и отправились тогды́ да за синё морё.

Уж как де́ничёк бежа́т они до вечера
бе́жат тёмную ночь да до бела́ света́.

И второй-от день бежа́т они до вечера
бе́жат тёмную ночь да до бела́ света́.

А и тре́тёй день бежа́т они до вечера,
бе́жат тёмную ночь да до бела́ света́.

Уж как прибегают о́ни близко к берегу,
опускали паруса да канифа́сные,
пометали о́ни я́кори булатные,
а и клали о́ни схо́дни ко́нчём на́ берег.

А тогды́ выходит Василий Касимирович,
уж как выходит он да на крутой бере́г.

Затыка́л он копе́йцо бурзоме́цкое
он тупым концом в землю, вострым — по́д верхом.

Е́шше стал он ребятам всё наказывать,
а тому ли он Олёшеньки Поповичу,
да тому ли он Добрынюшки Микитичу:

«И́шше при после́днёй поры́, при времени
уж и станет копе́йцо ко́гды ржа́вети,
а тогды́ ведь я-то буду во неволюшки».

Вот приходит он ко царю Батуишшу
и заходит в е́го гри́дну во светлую.

Говорил тут Василий Касимирович:
«Уж ты ой есь, Батуй да царь Кайманович,
я привёз те́бе нынче дани-пошлины:

Сорок сороков привёз я чёрных со́болей,
е́шше сорок неучёных бо́льших же́ребцей,
сорок тысячей по шшёту золотой казны.

Ты прими-косе мои-ти дани-пошлины
а без бою, без драки, без кроволития».

И сказал тогды́ Батуй да сын Каймановичь:
«Не приму ведь я у те́бя дани-пошлины
а без бою, без драки, без кроволития.

А накину я на те́бя службу царскую:
уж как можешь ли играть со мной во пешечки,
ты в вало́вые те пешечки точёные?»

И приносит тут Батуй доску́ жалезную,
вот и стали о́ни играть пешками вало́выма,
а вало́выма-то пешками точёныма.

Как ступил-де Батуй да сын Каймановичь
а своей-то он нынече пешкой точёною,
как ступил тогды́ Василий Касимировичь.

Как ступил-де Батуй да он во вто́рой раз,
как ступил опеть Василий Касимировичь.

Как ступил-де Батуй да он во третий раз,
как ступил опеть Василий Касимировичь.

А в четвёртой раз Батую ступить-то некуды,
уж и как Батую тогды́ не погленулосе.

А берёт тогды́ Василий Касимировичь
уж он пе́шецьну ли до́ску-ту жалезную
а и бро́сил он её во дверь жалезную,
уж как вышиб он тут дверь да с ободве́риной.

Тут призвал Бату́ишшо двенацеть тотаринов,
повели Василья тут в темни́цу те́мную,
привязали тут его да ко́ня доброго.

А выходит Добрыня на круто́й бере́г,
и выходит Олёшенька Попович блад.

Посмотрели они копе́йцо бурзомецкое,
как зату́скло нынь копе́йцо бурзомецкое.

Тут выводят о́ни сво́их ко́ней добрыих,
а берут свои доспехи богатырские,
надевают о́ни пла́тьицо военное.

И садятца о́ни на своих добры́х коней,
а поехали они́ тут скоро-на́скоро
уж искать бы да своего товарышша,
а того же Василья Касими́ровича.

Приезжают о́ни во царство Батуево,
а увидели Василья ко́ня доброго,
а стоит он у столба да у дубо́вого,
а пробил он землю, стоит по коле́н в земли.

А тогды́ услышал их Василий Касимирович,
что приехали нонче его товаришши.

Говорил он Добрынюшки Микитичу:
«Ты сопни́-ко эти двери со тугих замков,
уж как выведи меня ты вон на улицу».

Как сопну́л тут Добрынюшка Микитьевич,
как слетели эти двери со тугих замков,
выходил тогды́ Василий вон на улицу.

Вот пошли они тогды́ к царю Батуишшу,
и опеть сказал Василий Касимирович:

«Уж ты ой есь, Батуй да сын Каймановић,
ты прими-косе у нас дак дани-пошлины
а без бою, без драки, без кроволития». —

«Не приму ведь я у вас дани-пошлины
а без бою, без драки, без кроволития.

А накину я на вас службу царскую:
у мня есть жеребец да неучёной же,
уж как можете ли вы да на́ нем ездити?» —

«Ты веди-ко жеребца да неучёного», —
так сказал наш Добрынюшка Микитьевич.

Вот ведут его двенадцеть их тотаринов
жеребца неучёного на цепи жале́зноей.

Вот накладывал Добрынюшка Микитьевич
на того ли жеребца узду тосьмянную,
он накладывал седёлко всё черкальчето.

А тогды́ скочил Добрыня на добра́ коня,
и понёсса на кони́ он по чисту́ полю́.

Не сказано, сколько он ездил:
Уж и долго ли он ездил, коротко ли,
а идёт жеребец ступцо́й бродо́вою.

«Убирайте своего вы ко́ня доброго,
ведь довёл я коня прямо́ до пропасти.

А у нас-то на е́ких ко́нях в городи
уж как ездят только́ старухи по́ миру».

Вот идут они опе́ть к царю Батуишшу,
говорит опе́ть Василий Касимирович:

«Уж ты ой е́си, Батуй да царь Каймановић,
ты прими-косе у нас дак дани-пошлины
ты без бою, без драки, без кроволития».

Отвечает им Батуй да царь Каймановић:
«Не приму ведь я у вас дани-пошлины
а без бою, без драки, без кроволития.

Наложу ведь я на вас службу царскую:
есть у ме́ня ту́гой лук и калена́ стрела,
можете ли вы наши́м тугим луко́м стреле́ть?»

Вот несут это́т лук да два тотарина,
уж и калену́ стрелу у их третей несёт.

Выходил тогды́ Олёшка вон на улицу,
натянул он тогды́ ведь тот тугой лучок
а и вкладывал он стрелочку калёную,
розлетелса у́ них лук да на́ три же́ребья.

Вот заходит Олёшка в гри́дню светлую:
«А и что, говорит, над нами нынь смеёсся ты,
а приносишь нам на́ смех ты такой лучок.

Уж как только стреляцца робятам малыим,
а не нам-то, бога́тырям, таким лучком».

Снова говорит Василий Касимирович:
«Уж ты ой еси́, Батуй да царь Каймановић,

Ты прими-косе у нас дани-пошлины
ты без бою, без драки, без кроволития». —

«А не приму, говорит, я ведь дани-пошлины
а без бою, без драки, без кроволития:

Как сорок сороков чёрных со́боле́й,
е́шше сорок неучёных бо́льших же́ребцей
сорок тысячей по сцёту золотой казны».

Выходили тут они да вон на улицу:
а во-первых, Василий Касимирович,
во-вторых же, Добрынюшка Микитич блад.

И приходят они ко сво́им ко́ням добрыим,
а скакали о́ни то́гды на добры́х коней,
а стали́ секчи́ они рать-си́лу великую.

Тогда выходит Олёшенька Попович блад,
он не может добрацця до добра́ коня.

Взял он тогды́ тотарина да за́ ногу:
«Жиловат, говорит, собака, не по́рвисся,
а косьливая собака, не изло́мисся».

Вот добралса Олёша до добра́ коня,
а скоро́ он скочи́л да на добра́ коня.

Он берёт в руки палочку буёвую
и поехал вдоль по силы по великоей.

Во праву́ руку́ он бьёт, дак ле́жат улицей,
во леву́ руку́ он бьёт, дак переулками.

Вот повырубили они всю рать-си́лу великую,
не оставили ни одного на се́мена,
злато-серебро у их они повы́грабили.

Тогды́ заходит Василий к Батую в гри́дню светлую:
«Ты прими, говорит, у нас дани-пошлины
а без бою, без драки, без кроволития».
На смех говорит.

Вот берёт Василий в руку саблю во́струю,
уж как новую-ту саблю, необно́вленну.

Обновил у его да на бело́й шеи́,
кабы ссек у его он по́ плеч голову.

Как выходи́т Василий вон на улицу
из Бату́евой из гри́дни да из све́тлоей.

Садятсэ́ тогды́ на сво́их ко́ней добрыих,
поеха́ли о́ни ко своёму но́ву ка́раблю.

Вот доехали до своёго но́ва ка́рабля,
а спускались о́ни да со своих добры́х коней,
а заводят ко́ней до́брых на черлён корабль.

Убирали о́ни схо́денки дубовые,
вытягали о́ни я́кори булатные,
роспускали паруса-те канифа́сные.

Забегали то́гды в гавань корабе́льную,
опускали паруса да канифа́сные,
а поклали о́ни схо́дни ко́нчём на́ берег,
выносили о́ни я́кори булатные,
укрепили о́ни тут нов-черлён корабль.

Уж как выходили о́ни на крутой бере́г,
а пошли они в горо́д-царство́ Батуево,
стали носить товары разные на черлён корабль.

А носили о́ни товары разноличные,
а носили они да злато-се́ребро,
всё грузили они да на черлён корабль,
заводили коней да самолучшиих.

И заходят молодцы да на черлён корабль,
клали якоря булатные на черлён корабль,
убирали тогды́ и схо́денки дубовые,
роспускали паруса да канифасные.

И отправились робята за синё морё,
за синё морё, робята, в сто́льной Киев-град.
уж и все они, робята, нынь радёшеньки.

Вот и де́ничёк бежа́т они до вечера,
бе́жат тёмную ночь да до бела́ света́.

И второй-от день бежа́т они до вечера,
бе́жат тёмную ночь да до бела́ света́,

А и тре́тёй день бежа́т они до вечера,
бе́жат тёмную ночь да до бела́ света́.

Прибегают о́ни к сто́льному ко Киеву,
забегают о́ни в гавань корабельную.

Опускали паруса да канифа́сные,
выносили я́кори они булатные,
и крепили тот корабль да крепко-на́крепко,
а поклали о́ни схо́дни ко́нчём на́ берег.

Вот выходят робята на крутой бере́г,
а стречат их Солнышко Владымер-князь,
и стречат их княгина мать Апра́ксия,

и стречат их старóй да Илья Муромец,
а стречат их вся дружинушка хорóбрая.

Тóгда говорил Солнышко Владымер-князь:
«Уж ты ой еси, Василий Касимирович,
тéбя милости к нам просим на почéсен пир.

Уж ты ой éси, Добрынюшка Микитич блад,
тéбя милости к нам просим на почéсен пир.

Уж ты ой éси, Олёшенька Попович блад,
тéбя милости к нам просим на почéсен пир».

Завелось тут пирóваньё-столóваньё, почéсен пир,
тóгды стал Владымер Красно Солнышко выспрашивать:

«Уж ты ой éси, Василий Касимирович,
каковó себе поездил, сéбе путь держал?» —

«А поездил я по морю да по синему,
уж как путь мóя шла благополучная.

А надеелса я на Спаса Вседержителя,
да надеелса на Пресвету Мать Богородицу.

А не взял у нас Батуй дани-пошлины,
сослужили мы его службы́ задáнные:

А играл я во пешечки валóвые,
обыграл я Батуя скоро-наскоро;

А и ездил Добрыня сын Микитьевич
а на и́хном жеребцы да неучёноем,
да заездил жеребца прямó до пропасти;

А ешше стрелял Олёша нынь тугúм лукóм,
розлетелса у́ них лук да на́ три жéребья.

Я привёз нынь назад все дани-пошлины:
уж как сорок сороков да чёрных сóболей,
а и сорок неучёных бóльших жéребцей,
сорок тысячей по счёту золотой казны.

И повырубили мы всю рать-си́лу великую,
и ссекли у самогó мы сó плеч голову.

Злато-сéребро мы у его повы́грабили,
разноличные товары все повы́носили,
самолучшиих коней взяли́ в стóльной Киев-град».

38. Добрыня и Ка́лин-царь

Как у той ли у тури́цы златорогоей
уж как были у ей да дети малые.

Как выходят дети вон на улицу,
а выходят они да из черна́ шатра́.

А скоро́ они заходят во черно́й шатёр,
говорят своей матери родимоей:

«Уж ты ой е́си, мать наша родимая,
уж и та же тури́ца златорогая,

Как над сто́льным заря да зачинаетца,
а восхо́дно кра́сно солнце подымаетца». —

«Ах, врите́, вы мо́и дети всё любимые,
то не утренния заря да зачинаетца,
не восхо́дно кра́сно солнце подымаетца —

То выходит Пресвята Мать Богородица,
она слышит над городом невзгодушку,
видит, будет над стольным безврéменьицо».

И немного по́ры-время миновалосе,
уж и подступал нонче́ собака Ка́лин-царь.

Он одиннадцать прошёл да зе́мель сильныих,
под двена́дцатой подходит сто́льной Киев-град.

Уж не видно восхо́дна кра́сна солнышка
уж и как от и́хна пару от поганого.

Ясну со́колу в вёшной день не о́блететь,
а рыскучу зверю в осе́нню ночь не о́брыскать,
ни часту́ дожжу эту силушку не при́мочить.

Был у его богаты́рь Игнатий сын Иванович,
е́шше он призвал его да во черно́й шатёр.

Написал он ему ерлы́к, ско́ру грамотку,
он не красками печатал, не печатями,
он печатал, собака, красным золотом.

Поеха́л тот Игнатий в стольный Киев-град,
едет тот Игнатий дорогой прямоезжеей,
прямоезжей дорогой, малоезжей.

Уж как едет тот Игнатий и роздумыват:
«Уж как мне дорогой ехать — мне не честь-хвала,
мне не выслуга-та будет богатырская».

Он ехал стороной, да не дорогою,
он в ограду заезжал да не воро́тами.

Он скакал через стену городо́вую,
а через высоку-ту башню науго́льную.

А скакал тогды́ ведь он да со добра́ коня,
он оставил коня да не прика́зана,
не приказана коня, да не привязана:
«Никому до моёго коня и дела нет».

Вот идёт тот Игнатий на красно́ крыльцо,
под ним лесенки дубовые сгибаютца,
а вере́юшки точёные шатаютца.

А заходит тот Игнатий в гридню светлую,
а во те ле во палаты княженецкие.

Он и Богу тут не мо́литца, и челом не бьёт,
кланяетца он на все четыре стороны,
а Владымиру с княги́нёй — на особину.

Уж он мечет ерлы́к да на дубо́вой стол,
а поклон тогда он вывел и скоро вон пошёл.

Говорил тут Солнышко Владымир-князь:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич блад,

Ты ломай-ко печати все поганые,
ты читай-ко ерлы́к, да ско́ру грамотку,

Ты читай-ко, Добрыня, не упа́дывай,
ни единого словечка не утаивай».

Он сломал все печати-те поганые,
стал он читать ерлы́к, да ско́ру грамотку:

«Уж как подошёл к нам собака Ка́лин-царь,
он одиннадцать прошёл зе́мель сильных,
под двена́дцатой подходит сто́льной Киев-град.

У нас ладит все мона́стыри под дым пустить,
Пресвяту Мать Богородицу в ногах стоптать,
Вседержителя он Спаса — на попла́в реки́.

Ла́дит худшую всю силушку повырубить,
ла́дит лучшую всю силушку повы́гонить.

Е́шше просит он от нас, собака, сто возов:
«Помрёт, говорит, мо́ёй силы много с голоду».

Ла́дит он князя́ Владымира в котле сварить,
а княгину мать Апра́ксию взять в супружество».

А тогда упал Владымир на кирписчат пол,
и лежит тут Владымир три часа мерто́в.

А проснулса наш Солнышко Владымир-князь,
а и стал писать Владымир ско́ру грамотку:

«Пусть он даст нам строку хоть на три годика,
на три годика не даст, дак хоть на три месяца,
на три месяца не даст, дак хоть на три суточки,
нам покаятьца нынь в городи да подла́дитьца».

А Старо́го то́гды до́ма не случилосе,
«Кабы был у меня Старо́й дак дума крепкая,
кабы был у меня Старо́й дак шуба теплая,
кабы был у меня Старо́й дак ру́ка правая».

Приготовил он ерлы́к, да ско́ру грамотку,
и отправил он Добрынюшку Микитича
ко тому ли ко собаке ца́рю Ка́лину.

Как седлал тогда Добрынюшка Микитич блад,
а седлал он своёго ко́ня доброго.

И берёт с собой он палицу буёвую,
да берёт с собой он саблю сво́ю вострую,
уж как новую он саблю, необно́влену,
и берёт своё копе́йцо бурзоме́цкое.

Садилса Добрыня ноньче на добра́ коня,
и повёз он ерлы́к, да скору грамотку.

Выезжал он на горы на высокие,
а на те ли он на ще́лы на ука́тисты.

А и смотрит он в трубочку подзорную,
а он смотрит рать-силу́ великую.

Как сидит Добрыня нонь да природумыват,
на своём-то Добрыня на добро́м коне:

«А не думой было это нашей принаду́мано,
а не белыма руками приобде́лано».

Приезжат близко к силушки великоей
а и говорит Добрыня таковы слова́:

«Уж вы ой еси, тотара немило́стливы,
уж и дайте мне дорожку до черна́ шатра.

У меня, говорит, конёчек ведь моло́денькой,
первопу́тная лошадка, неучёная,
погуби́т он много вас, душ безвинныих».

Не дают ему дорожку до черна́ шатра,
то́гда он берёт палицу буёвую,
и поехал он по силушки великоей.

Во праву́ руку́ махнёт, дак ле́жат улицей,
во леву́-ту повернёт, дак переулками.

А добилса Добрыня до черна́ шатра,
а скакал со своёго ко́ня доброго.

Уж и он берёт с собой саблю вострую,
роспахнул у шатра он по́лу правую.

И заходит Добрыня во черно́й шатёр:
«Уж ты здраствуешь, ты батюшка наш Кали́н-царь!

Я привёз нынь те́бе хлеба сто возов
а закуски тебе друга́ я сто возов».

Он махнул нонче своей саблей востроей,
уж как саблей новоей, да необно́вленной,
а и ссек он у его да со́ плеч голову.

И поехал он назад во сто́льной Киев-град
а по той ли по силы по великоей.

Во праву́ руку́ махнёт — ле́жат у́лицой,
во леву́-ту пове́рнёт — переулками.

133. Он увидел своих русски́х бога́тырей,
134. а секут о́ни рать-силу́ великую.

135. Уж и как секли они да трои суточки,
136. не пиваючи, они да не едаючи,
137. сво́им до́брым ко́ням отдо́ху не даваючи.

138. Они вырубили всю рать-силу́ великую,
139. не оставили живой души на се́мена.

140. И поехали тогда во сто́льной Киев-град,
141. уж как столовали они да трои суточки
142. а и трои же сутки просыпалисе.

39. Иван Гости́нович

Как во стольном во городи во Киеве,
как у ласкова князя у Владымера

Заводилосе пиро́ваньё-столо́ваньё,
как пиро́ваньё-столо́ваньё, почёсен пир

Как про многих бояр да кособрюхиих,
как про тех бы купцей, людей торговыих,
да про руськиих мешшан, да лю́дей добрыих,

Как про тех ишше́ попов, отцов духовныих,
да про тех же причётников церковныих,
да про сильных могучиих бога́тырей.

Уж и пир у них идёт да о полу́пире,
кабы стол у них идёт да о полу́столе,

И́шше де́ничек у них идёт ко вечеру,
кра́сно солнышко ка́тицця ко западу.

А Владымер-князь по гри́денке погуливат,
он то ножечкя о ножёчкю похла́пыват,
он каблук о каблук да поколачиват.

Он весёлыми глазами прирозглядыват,
он с гостями речь умильну разговариват,
он умыльную речь, тихосмирную:

«Уж вы ой еси, мои вы гости званые,
уж как я накину на вас да службу царскую.

Ко́му съездить нонь из города до города,
как из сто́льного града до Чернигова,
е́му три девяноста равномерных вёрст,
меж заутреней и обедней воскресенскою?»

Тут бы бо́льший хоро́нитца за среднииx,
тут сере́дний хоро́нитца за ме́ньшиих,
а от ме́ньших Владымиру ответу нет.

Тут из-за того застолья сере́днего,
кабы со той со скамейки, с дубово́й доски

Тут ставал бы детинка на резвы́ ноги́,
как по имени Иван сын Гости́нович.

Из речей тот детинка выговаривал:
«Уж ты, Солнышко, наш батюшко Владымер-князь,

Ты позволь-ко мне, детинки, слово вымолвить,
не моги меня казнить, моги помиловать.

Уж я съезжу нонь от города до города,
я из стольного града до Чернигова,
уж я три девяноста равномерных вёрст,
меж заутреней и обедней воскресенскою.

То́гды дай мне, Владымер, деньги выгодны,
уж как выгодны мне деньги, деньги вы́ездны,
уж как вы́ездны те деньги — сто со тысящей,
во-вторых, ты мне-ка дай-ка поруча́теля».

А некто́ же тут детины не ручаетца,
поручалса старо́й ка́зак И́лья Муромец.

Он надеетца на лошадь, ко́ня доброго,
на того же на Бу́рушка на малого,
и на того же уда́ла до́бра мо́лодца.

Расходилса у Владымера поче́сен пир,
расходились у его́ дак гости зва́ные.

Выходил нынь Иван да вон на улицу,
он идёт ко своёму́-то ко́ню доброму,

Говорит Иван ему дак таковы слова:
«Уж ты ой еси, мой Бу́рушко ты ма́ленькой,

Уж ты сбегай-ко из города до города,
ты из стольного града до Чернигова,
уж как три девяносто равномерных вёрст,
меж заутреней и обедней воскресенскою».

Как сдымал он на ко́ня руку правую,
как садилса Иван да на добра́ коня.

Как бы едёт детинка вдоль по городу,
ворота́л он к ограды ко церковные.

Как ставал тот детинка со добра́ коня,
как идёт он во храм, церко́вь соборную.

Уж он кланялса на все четыре стороны,
а Владымеру с княгиной на осо́бину.

Говорил он им тут да таковы слова:
«Уж вы ой еси, попы́, отцы духовные,
вы пишите мне ерлы́к, да ско́ру грамотку,
мне-ка надобно еха́ть да во Чернигов-град».

Тогды́ попы́ ему да не ослы́шаны,
ах, готовят ерлы́к, да ско́ру грамотку,
отдавают уда́лу до́бру мо́лодцу,
а тому же Ивану бы Гости́новичу.

Выходил тут Иван вон на улицу
из того же он из храма, церкви Божией.

Он идёт ко своёму ко́ню доброму,
он сдыма́л на коня да руку правую,
он скоро заскочил да на добра́ коня.

Тут не видели посадки молодецкоей,
его ско́роей побе́жки лошадиноей.

Только увидели, во поле курева́ стоит,
курева́-де стоит, да дым столбом вали́т.

Стал то́гды е́го Бу́рушко поскакивать:
пе́рвой раз скочил Бурушко он за́ петь вёрст,
вто́рой раз скочил Бурко целых за́ десеть,
третий раз скочил Бурко за петнадцать вёрст.

Вот и стал он скакать да с го́ры на́ гору,
он бы мелкие реки про́меж ног берёт,
он широкие озёра хво́стом покрыват.

Да он посе́рживат своёго ко́ня доброго,
его добрый конь да осержа́етця,
от сырой-то земли да отдира́етця.

Заезжал он, залетал да во Чернигов-град,
как бы едет он ко храму, церкви Божией.

А скоро́-де он спустилса со добра́ коня,
е́шше ходит он во храм, церко́вь соборную.

Отдават он ерлы́к, да ско́ру грамотку
уж как тем же попа́м, отцам духовныим,
а и говорит детинка таковы слова:

«Уж вы ой еси, попы́, отцы духовные,
приготовьте мне ерлы́к, да ско́ру грамотку,
мне-ка надобно еха́ть во сто́льной Киев-град,
заставать мне обе́дню воскресенскую».

Приготовили ему тут ско́ру грамотку,
он поклон то́гда вывел и скоро вон пошёл.

Он приходит ко своёму ко́ню доброму,
а сдыма́л на коня он руку правую.

Стал то́гды е́го Бу́рушко поскакивать:
пе́рвой раз скочил Бурушко он за́ петь вёрст,
вто́рой раз скочил Бурко целых за́ десеть,
третий раз скочил Бурко за петнадцеть вёрст.

Вот и стал он скакать да с го́ры на́ гору,
он бы мелкие реки промеж ног берёт,
он широкие озёра хво́стом покрыват.

Е́го добрый конь да осержаетца,
от сырой-то земли да отдираетца.

Заезжал он, забегал во сто́льной Киев-град,
как бы е́дёт он ко храму, церкви Божией.

Ай, стано́витца уда́лой до́брой мо́лодец,
ах, стано́вит он своёго ко́ня доброго.

Ах, ударили тогды́ во бо́льшой колокол,
зазвонили нынь обе́дню воскресенскую.

Тогда идут попы́, отцы духовные,
уж как те же нынь причётники церковные.

Ах, идёт тогда наш Солнышко Владымер-князь,
и идёт с ним княгина мать Апра́ксия.

Уж как вяжет Иван да своего коня
а ко той же ко ограде ко церковноей.

Насыпа́л коню пшеницы белояровой,
наливал ему воды сладко́й-медовоей.

А и сам пошёл во храм, церко́вь соборную
кабы слушать обе́дню воскресенскую.

Отходила нынь обе́дня воскресенская,
тут выходит Владымер вон на улицу,
тут выходит княгиня мать Апра́ксия.

Говорил тогда Владымер таковы слова:
«Уж ты ой еси, Иван да сын Гости́нович,
те́бя милости к нам просим на поче́сен пир».

Он идёт ко своёму да ко́ню доброму,
он отвязывал свое́го ко́ня доброго.

Как садилса Иван да на добра́ коня,
и поехал Иван да вдоль по городу,
он воро́тит ко ограды да ко кня́жецкой.

А ставал тогда Иван да со добра́ коня,
он-де вяжет своёго ле ко́ня доброго

Ко тому ли ко столбу да ко дубо́вому,
ко тому же ко колечку ко серебряну.

Тут заходит он во гри́дню да во светлую,
как во те же во палаты да во кня́жецки.

Посадили Ивана за передний стол,
ах, на ту же на скамейку белодубову,

Подносили е́му чару зелена́ вина,
ох, не малу, не вели́ку — в полтора ведра.

Выпивал он е́ту чару едины́м духо́м,
едины́м ле духо́м, да о́дним по́махом,
не оставил он во чарочки и глаз пустить.

Из речей это́т детинка выговаривал:
«Уж ты дай мне, Владымер, деньги выгодны,
уж как выгодны мне деньги, деньги вы́ездны,
уж как вы́ездны те деньги — сто со тысячей».

Говорил тогда Владымер таковы слова:
«У мня есть сорок жеребцов да неучёных,
уж как я спущу их но́нче по чисту́ поля́,
а спусти же ты своёго ко́ня доброго».

Вот спустил он сорок жеребцей неучёных,
выходил тогда Иван да сын Гости́нович
выходил ко своёму ко́ню доброму,

Он снимал е́го сбру́ню лошадиную,
он спустил е́го в поле то́гды на́гого.

Побежал е́го Бу́рушка да ма́ленькой
побежал на чисто́ поле́, как лю́той змей.

Тут немного по́ры-время миновалосе,
закусал он, залягал все сорок же́ребцей,
а довёл он жеребцей всех до пропасти.

Тут выходит Иван да на чисто́ полё,
он приманиват своёго ко́ня доброго,
он заводит во ограду да во кня́жецку.

Насыпа́л ему пшеницы белоя́ровой,
наливал ему воды сладко́й-медо́воей.

Тогда заходит Иван во гри́дню да во светлую,
как во те же во палаты да во кня́жецки.

Как садилса Иван да во своё место́,
во своё место́, Иван, да за дубо́вой стол.

Тогда и говорит Иван да сын Гости́нович:
«Уж ты ой еси, наш Солнышко Владымер-князь,

Ах, позволь ты мне-ка нонче деньги выгодны,
уж как выгодны мне деньги, деньги вы́ездны,
деньги вы́ездны, мне сто рублей со тысячей,
сослужил я тебе две службы царские».

Вот принёс ему Владымер деньги выгодны,
уж как выгодны те деньги е́му, вы́ездны,
деньги вы́ездны, все сто рублей со тысячей.

Вот берёт деньги́ Иван да сын Гости́нович
со того ле со стола да со дубового.

Призывал он сирот, да лю́дей нищиих,
уж как тех же он го́лей всё кабацкиих.

И роздал он эти деньги выгодны,
уж как выгодны те деньги, деньги вы́ездны,
уж как тем же он го́лям всё кабацкиим,
все роздал он деньги до копеечки.

40. Илья и Соко́льник

У того же у моря у холодного,
у того же у ка́меня у Ла́тыря,

Тут живёт един сын со ро́дной матушкой,
молода́ юно́сть живёт десяти годов.

Он замог нынь, детинушка, конём влада́ть,
он немецьким копе́йцом за́мог штурмова́ть.

Он сдыма́ть замог сво́ю палицу буёвую,
хоть не тежёлую палку — девеносто пуд.

Говорил тогда детинка таковы слова:
«Уж ты ой е́си, мать моя родимая,
мне-ка дай благословеньицо великое
а ходить мне-ка́, езди́ть по чисту́ полю́».

Выводила она ему тут ко́ня доброго,
выносила е́му сбру́ню лошадиную,

Выносила копе́йцо бурзоме́цкое,
выносила ему да саблю вострую,
указала е́му палицу буёвую.

Вот и стала тогды́ ему наказывать:
«Уж ты ой е́си, мо́е чадо милое,

Уж ты когды́ поедешь по чисту́ полю́,
ты увидишь ко́гда ста́рого-седа́того,

Не доехав Старо́го, ты с коня ставай,
уж и кланяйся Старо́му понизёшенько,

Понизёшенько Старо́му, ниже пояса,
ниже пояса Старо́му, до сырой земли,
до сырой земли Старо́му, в ногу правую».

Отправляетца уда́лой до́брой мо́лодец,
он седлат-уздат своёго ко́ня доброго,
перекре́стницу кладёт чере́з хребётну степь,

Не для-ради басы́, да ради крепости:
«Не оставил бы меня добрый конь во чисто́м поле́».

Он кладёт свóи доспехи богатырские,
а берёт он свóю саблю вострую,
а берёт он копéйцо бурзомéцкое,
а берёт свóю палицу буёвую.

И садитца он тогды́ да на добрá коня,
распрощаетца со свóей рóдной матушкой.

И поехал он ступцóй-то потихошенько,
а поехал он, детина, по чисту́ полю́,
со утехами он своима потешаетца.

Впереди его бежит бóльшой лéвый зверь,
позади его бежит большóй чернóй медведь.

По правý рукý бежит чёрной вы́жлочек,
как по левую бежит éго серый волк.

На правóм плече сидит блад ясён сокóл,
на левóм плече сидит блад сизóй голýбь.

Он левою рукою нонь коня правúт,
он правою рукою ярлыки пишéт.

Он розмéтыват по полю да по чистому,
по тому ли по раздóлью по широкому.

Мимоéдёт крéпку зáставу великую,
где стоят двенадцать руськúх богáтырей,
а пасут-берегут стóльной Киев-град.

Ах, туда яснóй сокóл да не пролётывал,
ах, туда и серые волк да не прорыскивал,
дóброй молодéц удáлой не проезживал.

Эту крепкую он зáставу великую,
он двенадцать богáтырей ничéм зовёт.

А стучит-гремит матушка сырá земля,
тогда услышал старóй да Úлья Муромец,
выходил Старóй тóгды он вон на улицу

В óдной беленькой рубашечки без поеса,
в óдных беленьких чулочках без чёбота.

Он скорó заходит, Стáрой, во белóй шатёр,
говорит своей дружинушки хорóброей,
он своим двенадцати руськúм богáтырям:

«Уж вы ой е́си, могучие бога́тыри,
проеха́л нынь бога́тырь по чисту́ полю́,

Нас, двенадцать бога́тырей, видно́, ничем зовёт,
он ничем, видно́, зовёт нас, не во что кладёт».

Говорил тогды́ Старо́й да таковы слова:
«Уж ты ой е́си, Олёшенька Попович блад,
попроведай ты уда́ла до́бра мо́лодца,

Он кое́й же земли, какого города,
он какого же отца, которой матери,

Е́го как же, молодца́, да именём зовут,
величают молодца́ да из отечества».

Приготовили Олёшки ко́ня доброго,
выходил тогда Олёшка вон на улицу,
надевал на себя он платьице военное.

Тогда скоро заскочил на добра́ коня
и поехал Олёшка по чисту́ полю́
состигать на чисто́м поли́ бога́тыря.

Приезжал Олёшка к не́му близко, за́ пять вёрст,
закричал Олёшка нонче громким голосом:

«Уж ты гадина, ворона пустопёрая,
ты последняя птица волоча́жная,

По сметы́шшам ты ле, птица, волочиласе
и поганой ты ле косью задавиласе».

Приезжал Олёшка к е́му близко к самому,
уж как едет детинка, не огле́нетця,
всё с утехами своими потешаетця.

Тогда воро́титца уда́лой до́брой мо́лодец,
он воро́тит нынь своёго ко́ня доброго.

Приезжал он к Олёшке близко к самому,
и снимал он Олёшку со добра́ коня.

Во праву́-ту хо́лку дал е́му два отя́пыша,
во леву́-ту хо́лку дал два оля́пыша.

Посадил он Олёшку на добра́ коня,
стал Олёшеньки тогда он всё наказывать:

«Я Старóго бы возьму к себе в приказчики,
я Добрынюшку возьму к себе во писари,
я Иванушка Гордéнова — во конюхи,
я тебя, Олёшеньку — всё чашки-ложки мыть».

Поехáл он со своимá утехами велúкима,
поехал он вдоль да по чистý полю́.

А Олёшка поехал ко белý шатру,
уж как едет Олёшка не по-старому,
не по-старому, было, не по-прежному.

Вот приехал Олёшка ко белý шатру,
он едва спустилса да со добрá коня,
он едва зашёл нонче во белóй шатёр.

Вот и стал тогды́ Олёшенька россказывать,
со слезами стал Олёшка разговаривать:

«Говорит нынь богáтырь таковы слова:
он Старóго-де берёт у нас в приказчики,
он Добрынюшку Микитича — во писари,
он Иванушка Гордéнова — во конюхи,
а меня, Олёшеньку — дак чашки-ложки мыть».

У Старóго очи я́сны помутилисе,
его могучие плечи расходилисе,
богатырское сердцé возъярилосе.

Приготовили Старóму кóня доброго,
выходил тут Старóй да вон на улицу.

Надевал на себя он платьице военное,
опоясал он кольчуги золочёные.

Он берёт с собой палицу буёвую,
он берёт с собой саблю свóю вострую,
éшше новую-ту саблю, необнóвлену,
и берёт с собой копéйцо бурзомéцкое.

А не видели посадки молодецкоей,
éго скороей побёжки лошадиноей,

А увидели, во поле только куревá стоит,
éшше куревá стоит да дым столбом валúт.

Он поехал, Старóй, да по чистý полю́,
сустигáть на чистóм полé богáтыря.

Недалёко приезжал он, близко, за́ пять вёрст,
закричал тогды́ Старо́й да громким голосом:
«Уж ты здраствуешь, уда́лой до́брой мо́лодец!

Ты какой же земли, какого города,
ты какого же отца, да коей матери,

Те́бя как, молодца́, да именём зовут,
величают удало́го из отечества?»

Приезжат тогды́ Старо́й да близко к самому,
соезжаютца уда́лы до́бры мо́лодцы.

Говорит тогды́ уда́лой до́брой мо́лодец:
«Уж вы ой е́си, мои утехи любимые,
мне-ка нонче́, утехи, не до вас стало́,
не до вас мне стало́, да не до вас пришло».

Соезжалисе уда́лы до́бры мо́лодцы,
они билисе нынь палками буёвыма,
от рук и́хны палочки ломалися,

Ни один ни одного да не обра́нили,
не обра́нили они, не окровавили.

О́ни се́клися нынь сабельками во́стрыма,
е́шше все тут и́хны сабли исшерби́лисе,

Ни один ни одного да не обра́нили,
не обра́нили они, не окровавили.

О́ни тыкалисе копьями бурзоме́цкима,
по насадочкам все и́хны копья изломалися,

Ни один ни одного да не обра́нили,
не обра́нили они, не окровавили.

Вот скакали со своих ко́ней добрыих,
а схватилисе они дак рукопашкою,
е́шше бродят молодцы́ да по колен в земли.

У Старо́го нынь рука пра́ва промахнуласе,
да его лева́я нога да подвернуласе,
и упал тогды́ Старо́й на сыру́ землю́.

Во озёрках вода вся сколыбалася,
и сухо́ пеньё тут всё да обломалосе,
а сыро́ дубьё вершинами соплеталосе.

Тóгды сел ему собака на белы́ груди́,
розрывал он éго латы-пáнзыри,
а и те же кольчуги золочёные.

Ах, тогды́ взмолилса дак И́лья Муромец:
«Уж Ты ой éси, Спас многоми́лостливой,
Пресвета Мать Божья Богородица,

Я стоял ведь за веру православную,
я за руськие за церкви за соборные,
и за все монáстыри за богомольные,
уж ты выдала меня собаке на поругание».

У Старóго тóгда силы вдвóё прибыло,
он сшиб-сломил собаку со белы́х грудéй.

Завернулса ему он на черны́ груди́,
разрывал он éго латы-п´анзыри,
а и те же он кольчуги золочёные.

Вынимал он из кинжалишша булáтной нож,
éще хочет он пороть грýди черные,
а мешать он собаки кровь со печенью
и вымáть он его да ретивó сердцó.

В заведи у Старóго рýка прáва остояласе,
уж как спрашиват старóй да И́лья Муромец:
«Уж ты ой еси, удáлой дóброй мóлодец,

Ты какой же земли, какого города,
ты какого же отца, которой матери,

Тебя как, молодцá, да именéм зовут,
величают удалóго по отечеству?»

Ответ держи́т удáлой дóброй мóлодец:
«Когда я сидел у тебя да на белы́х грудя́х,

И хотел я пороть да грýди белые,
и хотел я мешать да кровь со печенью,
и хотел я вымáть да ретивó сердцó,

Я не спрашивал ни роду ведь, ни племени.
ни твоёгó я отца, ни твóей матери».

Вынимал Старóй из кинжалишша булáтен нож,
éще хочет он пороть грýди черные,
а мешать он собаки кровь со печенью
и вымáть он его да ретивó сердцó.

Во локтю́ у Старо́го рука пра́ва остояласе,
уж как спрашиват старо́й да И́лья Муромец:
«Уж ты ой еси́, уда́лой до́брой мо́лодец,

Ты какой же земли, какого города,
ты какого же отца, которой матери,

Те́бя как, молодца́, да имене́м зовут,
величают удало́го по отечеству?»

Ответ держи́т уда́лой до́брой мо́лодец:
«Когда я сидел у тебя да на белы́х груда́х,

И хотел я пороть гру́ди белые,
и хотел я мешать кровь со печенью,
и хотел я выма́ть да ретиво́ сердцо́,

Я не спрашивал ни роду ведь, ни племени,
ни твоёго я отца, ни тво́ей матери».

Вынимал старо́й Илья Муромец була́тен нож,
е́ще хочет он пороть гру́ди черные,
а мешать он собаки кровь со печенью
и выма́ть он его да ретиво́ сердцо́.

Во плечи́ у Старо́го ру́ка пра́ва остояласе,
уж как спрашиват старо́й да И́лья Муромец:
«Уж ты ой еси, уда́лой до́брой мо́лодец,

Ты какой же земли, какого города,
ты какого же отца, которой матери,

Те́бя как, молодца́, да имене́м зовут,
величают удало́го по отечеству?»

И сказал тогда уда́лой до́брой мо́лодец:
«От того же я от моря от холодного,
от того же я от камешка от Ла́тыря,

Я родилса от матушки Златы́горки,
я от той ли палени́цы преуда́лые».

То́гда стал бы Илья да со черны́х грудей
и берёт он его да за белы́ руки́,
уж как челова́л его в уста саха́рные.

«Уж ты ой е́си, моё ты чадо милое,
уж как мы с твоей-то матушкой Златы́горкой
уж как спали-ночевали мы в одно́м шатре,
е́шше тут мы тебя, видно́, и при́жили».

Распрощалися уда́лы до́бры мо́лодцы,
и поехал он ко морю ко холодному,
ко своей-то ко матери Златы́горки.

А Старо́й тут осталса на чисто́м поле́
е́шше со своим-то он ко́нем добрыим.

То́гды разоставил он тут свой бело́й шатёр,
а и лег он тут спать во свой бело́й шатёр.

Приеха́л тут Сокольник ко своему двору,
ко своей ли ко матери родимоей.

А стречат е́го матушка родимая:
«Уж ты ой е́си, моё ты чадо любимое,
не видал ли ты ста́рого-седа́того?»

Ответ держи́т уда́лой до́брой мо́лодец:
«Уж я видел нынче ста́рого-седа́того,

А Старо́й называт тебя гуля́шшею,
а меня-то обзыват он нагу́лышом».

А берёт он во сво́ю ру́ку правую,
как берёт он сво́ю саблю вострую,
уж как новую-ту саблю, необно́влену,
а и ссек у ей со плеч он бу́йну голову.

Вот идёт ко своёму ко́ню доброму,
повеся идёт свою он буйну голову,
а идёт, потупя́ он очи ясные.

Тут садился молоде́ц да на добра́ коня,
и поехал он нонче́ да по чисту́ полю́
а искать бы старо́го И́лью Муромца.

Вот приехал он к Старо́му ко белу́ шатру
и скоро́ скочил он да со добра́ коня.

А берёт в руки копе́йцо бурзоме́цкое,
распахнул у шатра он по́лу правую,
а и ткнул он Старо́му во белы́ груди́.

277. Пробудилса старóй да И́лья Муромец,
278. е́шше выскочил Старóй да вон на улицу.

279. В óдной беленькой рубашки и без пояса,
280. в óдных беленьких чулочках и без чёбота.

281. Он берёт тогда собаку за черны́ кудри́,
282. он сдымал нынь его да выше головы,
283. опускал он его да о сыру́ землю́,
284. о сыру́ землю́ его, да о горю́ч каме́нь,
285. уж и кончил он тóгды е́го вечну жизнь.

41. Иван Гордéнович

Как во стольнём во городе во Киеве,
как у ласкова князя у Владымера

Заводилосе пирóваньё-столóваньё,
как пирóваньё-столóваньё, почéсен пир.

Тут бы все да на пиру да пья́ны-вéселы,
éшше все-то на честнóм да приросхвастались.

Как иной-от хвастат красным золотом,
как иной-от хвастат скатным жемчугом,
как иной-от бы хвастат чистым серебром.

Как иной-от хвастат кóнем добрыим,
а новóй хвастат бы сбру́ней лошадиною.

А новóй хвастат бы силой богатырскою,
а новóй хвастат бы палоцкой буёвою,
а новóй хвастат свóей саблей вострою,
а новóй хвастат копéйцом бурзомéцкиим.

Кабы у́мной бы хвастат старой матерью,
безу́мной похваляцца молодой женой.

Как един молодéц он не пьёт, не ест
и ничем, молодéц, не похваля́етця.

Говорил тогда наш Солнышко Владимер-князь:
«Уж ты ой éси, Иван сын Гордéнович,

Что же ты не пьёшь, не ешь, да и не хвастаешь,
и ничем, молодéц, не похваляесся?

Али местом мы тебя, видно, приоби́дели,
на пиру тебя мы чарочкой прио́бнесли?

Али стольнички мои тебе не по разуму,
не по разуму они тéбе, не очéстливы?

Али нету у тебя да крáсна золота,
видно, нету у тебя да чи́ста серебра,
али нету у тебя да скáтна жемчуга?

Али нет у тéбя, видно, кóня доброго,
на коне у тéбя сбру́ни лошадиноей?

Али нет у те́бя палицы буёвоей,
али нету у тебя да сабли востроей,
по рукам нету копейца бурзомецкого,
али нет у те́бя силы богатырскоей?»

Уж тогда ответ держи́т до́брой мо́лодец
а по имени Иван да сын Горде́нович:

«Много у меня нонче́ да кра́сна золота,
погребами у меня да чи́сто серебро,
е́шше есть у мня много ска́тна жемчуга.

Еще есть при себе у мня и до́брой конь,
на коне у мня есть сбру́ня лошадиная.

Есть, говорит, у мня палочка буёвая,
е́шше есть у меня и сабля вострая,
е́шше есть у ме́ня копе́йцо бурзоме́цкое,
е́шше есть у мня и сила богатырская.

Только нету у меня нонь старой матери,
во-вторых, у ме́ня нету молодой жены.

Е́шше хто бы мне нашёл нонь богосуженну,
богосуженну невесту, богоря́женну,

Ну, по-руськи мне назвать — жену венчальную,
по-немецки назвать — мне супружницу.

Чтобы она была перево́дна и собой статна́,
а статна́ была она и ростом вы́сока.

Как походочка чтобы у ей была пави́ная,
тиха речь-погово́ря — лебединая.

А руса́ коса́ была чтобы́ до пояса,
о́на в золоте, во серебре что́бы не по́гнулась.

Чтобы очи у ней были я́сного со́кола,
как ресницы чтобы у ей были́ бо́бра сизого.

Е́шше кто бы мне нашёл богосуженну,
богосуженну невесту, богоря́женну».

Вот из-за того из застолья нонь сере́днего,
со того ли со просте́ночка переднего,
как со той ли скамейки, дубово́й доски

Как ставал тогды́ Добрыня на резвы́ ноги́,
из речей тут Добрыня выговаривал:

«Уж ты ой е́си, Иван сын Горде́нович,
уж я знаю ведь тебе-ка богосуженну,
богосуженну невесту, богоря́женну,

Хоть по-руськи назвать — тебе невесту обручальную,
по-немецки назвать — тебе и супру́жницу.

Чтобы она была перево́дна и собой статна́,
она собой статна́ была и ростом высока́.

Как походочка чтобы ей была пави́ная,
тиха речь-погово́ря — лебединая.

А руса́ коса чтобы́ была до пояса,
чтобы в золоте, во серебре не по́гнулася.

Чтобы очи у ей были я́сна сокола,
чтоб ресницы у ней были бо́бра сизого».

Говорил тогда Иван да сын Горде́нович,
говорил он нонче́ да таковы слова:

«Уж ты ой е́си, Добрынюшка Микитич блад,
уж ты как же но́нче знаешь ей доро́днеством?»

Ответ держи́т Добрынюшка Микитич блад:
«Уж ты ой еси, Иван да сын Горде́нович,

Я во том же во городи Чернигове,
уж я жил во том во городи двенадцеть лет».

Тут говорил Иван да сын Горде́нович:
«Е́шше кто из нас будет но́ньце тысецьким,
е́шше кто из нас будет сва́том бо́льшиим,
а и кто из нас будет дружкой вежливым?»

Говорил тут Иван сын Горде́нович:
«А Старо́го я возьму да ноньце ты́сяцким,
я Добрынюшку Микитича — сва́том бо́льшиим,
а Олёшку хоть возьмём дру́жкой вежливым».

Собираютца уда́лы до́бры мо́лодцы,
уж как сильные могучие бога́тыри,
а седлают-уздают ко́ней добрыих,

Зелена́ они вина берут сороковками,
они пшеницы белояровой берут обозами.

Уж как вышли они тут вон на улицу,
направляют о́ни сво́их ко́ней добрыих.

А и вышел тут старо́й да И́лья Муромець,
а и вышел тут Добрынюшка Микитич блад,
а и вышел Олёшенька Попович блад,
то́гда вышел нынь Иван да сын Горде́нович.

И садилисе тогды́ о́ни на добры́х коней,
уж как едут они да по чисту́ полю́.

Де́нечёк они ехали и до вечера,
едут тёмную ночь да до бела́ света́.

Не пиваючи о́ни едут, не едаючи
и добры́м коням отдо́ху не даваючи.

О́ни вто́рой день едут и до вечера,
о́ни тёмную ночку до бела́ света́.

Вот и третий день едут и до вечера,
едут тёмную ночь да до бела́ света́.

Что-то тихо едут-то,
не иначе — пьянствуют.

Остановилисе они да за петнадцеть вёрст
от того ли от города Чернигова.

Розоставили шатры белополотняны,
розоставили своих ко́ней добрыих.

Насыпа́ли им пшеницы белояровой,
наливали им воды сладко́й медовоей.

И заходят они, ребята, во бело́й шатёр,
розоставили столы-ти белоду́бовы.

Пировали-столовали трои суточки,
о́ни трои же суточки просыпалисе.

Ну, что я говорил!
Вот уж и девять дён прошло, как из Киева
выехали, —
ясно, что не без го́стьбы.

Тогда проснулса Добрынюшка Микитич блад,
и проснулса Иван сын Горде́нович.

Говорил тогды́ Иван таковы слова:
«Уж ты ой е́си, Добрынюшка Микитич блад,
не пора ли те́бе нонче ехать свататьця?»

Выходил тогды́ Добрыня вон на улицу,
тогда садилса Добрыня на добра́ коня.

Он бы едет стороной нонь, не дорогою,
он в ограду заезжает не воротами:

«Мне дорогой еха́ть, дак ведь не чесь-хвала,
мне-ка не выслуга ведь будет богатырская».

То́гды скоро он скочи́л со добра́ коня,
он оставил тут коня да не приказана,
не приказана коня, да не привязана:
«Никому, — говорит, — до моёго ко́ня дела нет».

Он заходит тогда во гри́дню светлую
ко тому же ко Фёдору Черниговску.

Он Богу тут не молитца и челом не бьёт —
а моли́ццы ведь у их тут, право, некому.

Говорил тогда Добрыня таковы слова:
«Уж ты ой еси́, ты Фёдор царь Черни́говской,
я приехал бы к тебе-ка нонь сва́тацца
на твоей бы на дочери на ме́ньшоей.

Как не дашь ты чесью, дак мы во́зьмём не́честью,
а отдашь ты чесью, дак мы во́зьмём с радосью».

Говорил тогда им Фёдор царь Черниговской:
«Не Иванушко поставил то́нку плёночку,
не Иванушку попала в плёнку уточка.

А Васильюшко поставил то́нку плёночку,
Оку́лову попала в плёнку уточка».

Говорил тогды́ Добрынюшка Микитич блад:
«Уж ты ой е́си, гадина, ворона пустопёрая,
ты последняя птица волочажная,

Я пройду нонче́ по гри́дни вдоль по светлые,
а возьму же я тебя да за черны́ кудри́,
а и кончу же я но́нче тво́ю вечну жизнь».

То́гды побежал Фёдор в гри́дню светлую
ко своей ли ко дочери любимоей.

Приготовили они ей ко́ня доброго,
а кладут все доспехи богатырские.

Выходила же она тогды́ вон на улицу,
и выходил же Добрынюшка Микитич блад.

Садила́сь тогды́ она да на добра́ коня,
и садилса Добрынюшка Микитич блад.

Уж как е́дёт нынь Добрынюшка Микитич блад,
уж как и едет полени́ця преудалая.

Наезжала она на Добрынюшку Микитича,
и ударила его да по буйно́й головы́.

Обворотѝлса Добрынюшка Микитич блад,
уж и снял он её да с ко́ня доброго,
отпустил он коня да во чисто́ полё,
посадил он полени́цю на своего коня,
на своего добра́ коня да впереди себя.

Приезжают тут они да ко белы́м шатрам,
как выходит тут Иван да сын Горде́нович,
а выходит он да из бела́ шатра,
а стречат он невесту заручённую,
е́шше ту ли он княгину первобра́шную.

Заходя́т они тогды́ да во бело́й шатёр,
заварѝлосе у них пиро́ваньё-столо́ваньё,
а пошёл у их пир нонче́ наве́село.

Опять пировали-столовали трои суточки,
а и трои же о́ни суточки просыпалисе.

Вот проснулса старо́й ка́зак И́лья Муромец,
и проснулса Добрынюшка Микитич блад,
и проснулса Олёшенька Попович блад,
спит Иван Горде́нович с княгиной во своём шатре.

А сломали они шатры белополо́тняны,
а кладут все доспехи богатырские

198. на своих ли на ко́ней да на добрыих,
199. и поехали они тогды́ в сто́льной Киев-град.

200. Уж как едут они да по чисту́ полю́,
201. перепала им дороженька кровавая,
202. а кровава же дорога поперечна же.

203. Говорил тут Иван да сын Гордéнович:
204. «Я изведаю эту дорожечку кроваву же,
205. а кроваву же дорогу поперечну же».

206. Говорит ему старо́й да Илья Муромец,
207. говорит ему Добрынюшка Микитич блад:

208. «Уж ты ой éси, Иван да сын Гордéнович,
209. ты не езди по дороги по кровавоей,
210. потеряешь тут свою ты бу́йну голову».

211. Поезжал нынь Иван да сын Гордéнович
212. а по этой по дороги по кровавоей,
213. по кровавоей дороги поперечноей,
214. а бога́тыри поехали в сто́льной Киев-град.

215. Говорил тогды́ Ивану Илья Муромец:
216. «Когда при последней будешь по́ры-времени,

217. Помяни-ко ты старо́го И́лью Муромца,
218. помяни-ко ты Добрынюшку Микитича,
219. помяни-ко ты Олёшеньку Поповича».

220. Тогда поехал Иван да сын Гордéнович,
221. он изведать эту дорогу всё кровавую,
222. а кровавую дорогу поперечную.

223. А завидели о́ни на поли черно́й шатёр,
224. приезжали о́ни близко ко черну́ шатру.

225. И скакал он тогды́ да со добра́ коня,
226. распахнул у шатра он по́лу правую.

227. И стали́ они тут нонче боро́тися-дра́тися
228. а со тем они Васильем свет Оку́ловичем.

229. Оборол тогда Иван Гордéнович Васи́лья Оку́ловича,
230. а сронил он его, броси́л да на землю́,
231. а и сел он ему да на черны́ груди́.

Говорит тут Василий сын Оку́лович:
«Уж ты ой еси́, княгина первобра́шная,

А сойди-ко ты нонче́ да со добра́ коня,
а стени́-ко ты Ивана со черны́х груде́й».

Вот спустиласе она да со добра́ коня,
а стену́ла нынь Ивана со черны́х груде́й,
то́гды сел Василий Ивану на белы́ груди́.

А немного по́ры-время миновалосе,
повели они его да ко сыру́ дубу́,
привезали они Ивана ко сыру́ дубу́,
а свезали его опу́тиной шелко́вою.

И пошли они тогды́ ле во черно́й шатёр,
не закрыли у шатра о́ни по́лу правую,
а легли они в шатёр да потешаютца.

Говорит тогды́ Иван да сын Горде́нович:
«Е́шше где-то у меня старо́й да И́лья Муромец,
е́шше где-то у меня Добрынюшка Микитич блад,
е́шше где-то у меня Олёшенька Попович блад?»

А немного по́ры-время миновалосе,
прилетели ко сыру́ дубу́ три ворона.

А садятця о́ни нонче на черно́й шатёр,
а садятця и ревут они, поку́ркивают.

Тогда вышел тот Василий сын Оку́лович,
и берёт у Ивана е́го ту́гой лук,
е́шше вкладыват стрелочку калёную
и стрелят он тут чёрных воронов.

Облетела стрела вокруг тот сы́рой дуб
и розлетелась Василью во черны́ груди́,
а и кончила тогды́ ведь е́го вечну жизнь.

А стоит палени́ця у черна́ шатра,
и пошла она нонче́ да ко сыру́ дубу́:

«Уж ты ой е́си, Иван суда́рь Горде́нович,
извини-ко ты меня да во перво́й вины́».

Говорит ей Иванушко Горде́нович:
«Ты отпутай-ко меня да от сыра́ дуба́».

Она отпутала его да от сырá дубá,
и пришёл он ко своёму кóню доброму,
и садилса Иван да на добрá коня
со своей-то ле он да молодой женой.

Тогда они и поехали во стóльной Киев-град,
а приехали они к реке ко быстроей,
всё ко быстроей реке да каменистоей.

Остановил тут Иван да своего коня,
говорил тогдú Иван да таковы слова:

«Уж ты ой есú, моя княгина первобрáшная,
а спустись, говорит, со добрá коня,
а подай-ко ты мне воды ключёвоей,
я испить хочу нончé воды ключёвоей».

Говорит она Ивану да Гордéновичу:
«Не испить ты хошь нончé воды ключёвоей,
а испить ты хошь моей кровú горячеей».

И спустилась тут она да со добрá коня,
а берёт он тут в руки саблю вострую,
уж как новую-ту саблю, необнóвлену,
уж он ссек же у ей да сó плеч голову.

Вот приехал тóгды он да в стóльной Киев-град,
а приехал во ограду княженецкую,
ко тому ли Солнышку князю́ Владымеру.

Он заходит ле тогда во грúдню светлую,
а во те же он палаты княженецкие.

Поздравлят его старóй да Илья Муромец:
«Уж ты ой éси, Иван да сын Гордéнович,
уж ты здóрово женился — тéбе не с кем спать».

Выходил Иван тóгда вон на улицу,
и спустилса тогда он со красна́ крыльца,
и берёт он копéйцо бурзомéцкое.

А поставил он тупым концом во сыру́ землю́,
а на вóстрой пал своею грудью белою,
так и кончил тут он свóю вечну жизнь.

42. Соло́мон

Уж как у Василья, у царя турецкого,
у Турецкого Василья, Цареградского,

Заводилось тут пиро́ваньё-столо́ваньё,
как пиро́ваньё-столо́ваньё, почёсен пир

Как про многих тотар, людей поганыих,
да про тех же купцей, людей торговыих,
да про тех же мещан да толстопузыих.

Уж как все бы на пиру тут пья́ны-ве́селы,
а выходит Василий, царь турецкия.

Уж он ходит по гри́дни да по светлоей,
и он по той же по се́реды кирписчатой.

Он бы ножку о ножечку похла́пывать,
он каблук о каблук да поколачивать.

Он весёлыма глазами везде розглядывать,
он умильную речь да разговаривать,
он умильную речь, да тихосмирную:

«Е́ще хто мне-ка найдёт невесту заручённую,
как по-руському назвать — жену венцяльную,
а по-нашему назвать — мне супружницю,

То́му дал бы я города да с пригородками,
то́му дал бы я и сёла со деревнями».

Тогды́ ставал Торокашка на резвы́ ноги́:
«Я найду тебе невесту заручённую,
суряди-ко мне-ка нонче нов черле́н корабль.

У того ле у царя да у Соло́мона
уж как есть у него жена прекрасная.

А Соло́мона ведь дома не случилосе,
как уехал он, Соло́мон, на́ три годика
а на те ле он на ти́хи-вёшны заводи

Там стрелять он серых малых уточек
и на заводях белыих лебёдушек,
распрошшался со своей да молодой женой».

Сурядѝли е́му то́гда нов черлён корабль,
уж как етот Торокашка гость Замо́реник
он берёт свою дружинушку хоро́брую,
он берёт с собой каза́ков преуда́лыих,
он берёт с собой двенадцеть добрых мо́лодцев.

Е́шше вся́кой он берёт с собой провизии,
е́шше он берёт с собой зелена́ вина,
для коне́й берёт пшена он белоярова,
он берёт воды сладко́й медо́вой сороковками.

Заводил Торокашка на черлён корабль
он тут всех своих уда́лых до́брых мо́лодцев.

О́ни стали отправлятца во синё морё,
а поклали о́ни сходенки дубо́вые,
о́ни вытегали якорьки булатные,
роспускали паруса всё канифа́сные,
побежал Торокашка то́гды за́ морё.

Де́ничёк бежит он да до вечера,
бе́жит тёмную ночь до бела́ света́.

Вто́рой день бежит он да до вечера,
бе́жит тёмну-ту ночь до бела́ света́.

Третий день бежит он да до вечера,
бе́жит тёмную ночь до бела́ света́.

Выходил Торокашка на черлён корабль,
и смотрит он в трубочку подзорную,
и завидел он горо́д царя Соло́мона.

Подбежали они к гавани корабельноей,
опускали паруса да канифа́сные,
пометали то́гды якори булатные,
и кладут они схо́дни ко́нцом на́ берег.

Кладут тра́пы, а поётся — схо́дни.

Снарядилса Торока́шка гость Замо́реник,
надевал на себя он платьицо хорошое,
и отправилса он в город царя Соло́мона.

И заходит во ограду он во царскую,
и заходит то́гда он во гри́дню светлую,
где сидит ета́ царица царя Соло́мона.

«Уж ты здравствуешь, царица царя Соло́мона!» —
«Уж ты здравствуешь, уда́лой до́брой мо́лодец!»

Уж и стал он с ней тут розговаривать:
«Уж ты ой еси́, царица царя Соло́мона,

Те́бя милости к нам просим на черлён корабль
посмотреть наши́ товары всё заморские,
а заморские товары разноличные».

И посу́лилась она притти да на черлён корабль,
е́шше отдала ему дак таково слово́.

Суряжаетца она да на черлён корабль,
одеваетца во сво́е платье цветное.

И берёт она с собой своих слуг верных,
отправляетца она да на черлён корабль.

Вот идёт она нонче́ да на черлён корабль,
е́шше заходи́т она да на черлён корабль,
е́шше заводи́т она своих слуг верных.

Уж как заводил он ей да в гри́дню светлую,
угошшать стал напитками разноличныма,
угошшать стал, поил ей чаем-ко́феём.

Тут немного поры-время миновалосе,
как заспала тут царица в гри́дни светлоей.

Они согнали то́гда слуг с черлёна ка́рабля,
он торопит нынь свою команду подручную.

Обирают о́ни сходенки дубовые,
и вытягивают я́кори булатные,
роспускали паруса да канифа́сные,
побежал Торокашка то́гды за́ море.

Вот бежат о́ни де́нечёк до вечера,
бе́жат темную ночь да до бела́ света́.

Вто́рой день бежа́т они да и до вечера,
бе́жат темную ночь да до бела́ света́.

Третий день бежа́т о́ни и до вечера,
бе́жат темную ночь до бела́ света́ —
уж как видно стало им нонь турецкий град.

Тут проснуласе царица царя Соло́мона,
а выходит о́на на черлён корабль.

«Уж ты ой есь, Торокашка, гость Замо́реной,
е́шше что у вас во городу́ за пыль стоит?»

Говорит Торокашка, гость Замо́реной:
«Это нам, говорит, уже на пир варя́т,

А варя́т это нам кобыле́тину,
а жаря́т это нам жеребе́тину».

Прибегали они нынь в гавань корабельную,
опускали паруса да канифа́сные,
пометали я́кори они булатные
и поклали схо́дни о́ни ко́нчём на́ берег.

Выводил Торокашко за праву́ руку́
роспрекрасную царицу царя Соло́мона,
а встречат их Василий, царь турецкие.

Он берёт эту́ княгину за белы́ руки́,
человал он ей в уста саха́рныя:
«Здраствуешь, моя княгина первобра́шная!»

Как повёл он её во свой во ца́рской дом,
вот идёт Торокашка, гость Замо́реной,
и идёт сзади дружинушка хоро́брая
со того ли черлёна но́ва ка́рабля.

Тут завёлса у Василья нонь поче́сен пир:
уж как пьют все, едят да потешаютца,
промежду́ себя они да но́нче хвалятца.

Пировали-столовали че́лы суточки,
е́шше че́лы же сутки просыпалисе.

Тут немного по́ры-время миновалосе,
уж как тут приехал же тогды́ Соло́мон-царь
во своё ли он во царство Соломо́ново.

А приехал ко своим палатам царскиим —
не встречат его нонче́ дак молода жена,
а стречают со слезами слуги верные:

«Уж ты ой е́си, наш ты Соло́мон-царь,
приезжал Торокашка, гость Замо́реной,
и увёз он твою да же́ну верную».

Заходил тогды́ Соло́мон в гри́дню светлую,
заходи́т он, пове́ся бу́йну голову,
заходи́т он, поту́пя очи ясные.

Тут немного по́ры-время миновалосе,
а не много и не мало — трои суточки.

Снарядил нынь Соло́мон нов черлён корабль,
и набрал своих каза́ков преуда́лыих,
он набрал своих двенадцеть добрых молодцев.

Е́шше брал он двенадцеть ко́ней добрыих,
нагрузил он всякой тут провизии,
сурядил свою команду на черлён корабль.

Обирали они схо́денки дубовые,
и вытягивали я́кори булатные,
роспускали паруса да канифа́сные,
и отправилса Соло́мон за синё морё.

А попало ему пого́дье благополучное,
благополучное пого́дье, пособно-быстрое,
да он скоро перебралса за синё морё.

Недалёко бежит он от царства Турецкого,
и спустил он паруса да канифа́сные.

Хитёр же вор!

А глядят там бы люди много с пристани:
«Вот несёт, говорят, судёнышко розбойное,
розбойное-то судно, ошельмо́вано,
все-ти паруса, видно́, на нём оборваны».

Пробежали мимо города турецкого,
и подняли паруса да канифа́сные.

Вот нашёл он себе тут ме́стицё удобное,
е́шше подвалилса он тогды́ ко берегу.

Опустил свои паруса он канифа́сные,
пометали о́ни я́кори булатные,
уж и клали о́ни схо́дни ко́нцом на́ берег.

Тогды́ сказал он своей дружинушки хоро́броей:
«Уж ты ой еси́, моя дружинушка хоро́брая,
уж вы ой еси́, мои каза́ки преуда́лые,

Уж как при последней поры́, при времени
уж как я сыграю вам тогды́ во ту́рий рог.

Я во ту́рий рог сыграю вам во пе́рвой раз —
вы седлайте-уздайте ко́ней добрыих.

Я во вто́рой раз сыграю вам во ту́рий рог —
вы седи́тесь-ко на сво́их ко́ней добрыих.

Я во третий раз сыграю вам во ту́рий рог —
вы гоните-ко тогда да по чисту́ полю́.

А гоните вы тогда бы скоро-на́скоро,
тут приходит мне последня по́ра-времечко».

А тогда ето́т Соло́мон отправляцца стал,
он берёт с собой ли сумку подорожную,
е́шше взял он се́бе в руки тросточку,
и пошёл он кали́кой перехожею.

И дошёл он до города турецкого,
а идёт ето́т Соло́мон мимо ца́рской дом.

И увидела его да же́на прежная,
посылала она тогды́ слуг верныих:

«Вы идите-ко, мои да слуги верные,
а ведите вы кали́ку перехожую».

Вот пошли тогда её да слуги верные,
и остановили кали́ку перехожую,
повели его тогды́ ко жёны прежнеей.

Заходил он тут в ейну гри́дню светлую,
а во те же во палаты да во царские,
как Василья вдруг дома не случилосе.

Повалила она его на кровать тесо́вую,
и закрыла его периною пуховою.

А немного по́ры-время миновалосе,
вот приехал Василий, царь турецкие.

Уж и стал он тут чай-кофей кушати,
с молодой он женою розговаривать.

«Уж ты ой е́си, Василий, царь турецкие,
уж как был бы здесь у нас нонче́ Соло́мон-царь,
а чего бы ты, Василий, с им стал делати?» —

«Уж как есть у меня да сабля вострая,
уж как новая-та сабля, необно́влена,
обновил бы я ей да по бело́й шей».

Тут скакал же Соло́мон со кроваточки тесо́воей,
из-под той же перины из-под пухо́воей:

«Уж ты ой еси́, Василий, царь турецкие,
не казнят нонче́ царей — больше вешают.

Уж ты ой еси́, Василий, царь турецкие,
ты сработай-ко тележку двоеколую,
уж ты сделай-ко рель да превысокую,
е́шше ты повесь мне-ка́ ноньче́ три пе́телки:

Е́шше первую-ту пе́телку шелко́вую,
а втору-то пе́телку да ты пенько́вую,
уж как третью-то ле петлю — ту уж ли́пову.

Во шелко́вую я поло́жу бу́йну голову,
а во пенько́вую поло́жу руки белые,
я во ли́пову поло́жу ноги резвые».

Приготовили е́му тележку двоеколую
а и сделали тут рель да превысокую,
и повесили ему тогды́ три пе́телки:

Е́шше первую-ту пе́телку шелко́вую,
а вто́рую пе́телку да всё пенько́вую,
уж как третью-то ли пе́телку да ли́пову.

Выходил тут Соло́мон вон на улицу,
е́шше выходил Василей, царь турецкие,
выходила и его да молода́ жена,
уж как и́дет Торокашка, гость Замо́реной.

Как садилса Соло́мон на тележку двоеколую,
а Соло́мон е́дет но́ньче, ста́рину поёт:

«А колёско бежит, друго́-то катитца,
а и третьё колесо не остава́етця».

Привезли его ко рели превысокоей,
а ко той же ко ка́зни да ко смертноей.

На перву́ ступень ступил, он слово вымолвил:
«Уж ты ой е́си, Василий, ты туре́цкой царь,
а позволь мне-ка́ сыграть нонь во ту́рий рог.

А во ту́рий рог мне-ка́ сыграть во первой раз —
то проститьця мне со птицами пернатыма,
со тема́ ли же зверя́ми со рыску́чима».

На втору́ ступень ступил, слово вымолвил:
«Уж ты ой е́си, Василий, ты туре́цкой царь,
а позволь мне-ка взыграть нонь во ту́рий рог.

Как во ту́рий рог мне-ка взыграть во вто́рой раз —
то проститьця мне со матушкой сырой землёй».

На третью́ ступень ступил, слово вымолвил:
«Уж ты ой еси, Василий, да турецкий царь,
ты позволь мне-ка́ сыграть нонь во ту́рий рог.

Как во ту́рий рог мне-ка сыграть во третий раз —
это мне-ка с белым светом распроститися».

Говорит Соло́мана жена-та прежная:
«Уж ты ой е́си, Василий, царь турецкие,

Ты казни-косе его да скоро-наскоро,
обойдёт он хитростью-мудростью великою».

Тут увидели, во поле курева́ стоит,
курева́-де стоит да дым столбом вали́т.

Налетели тут его да ясны соколы,
уж как все его уда́лы до́бры мо́лодцы,
и скакали со своих ко́ней добрыих.

Захватили они Василья, царя турецкого,
повеси́ли его во петлю во шелко́вую,
молоду́ его жену — да во пенько́вую,
а и Торокашку-гостя — того во ли́пову.

Задавиласе его да же́на прежная,
он отсек у ей нонче́ да по коле́н ноги́:
«Ты с поганым же идо́лищем оплеталасе».

И отсек он у ей да по локо́т руки́:
«Ты с поганыим идо́лищем обниималасе».

И обрезал он у ей да губы по́ роту:
«Ты с поганым тотарином целовалась».

43. Касья́н Иванович

Уж как было сорок кали́к да со кали́кою,
а един-от кали́ка был на бо́льшины,
как по имени Касья́н да сын Иванович.

О́ни клали с со́бой заповедь великую:
«Е́шшо хто из нас, братцы́, да заворуетца,
е́шшо хто из нас, братцы́, да загуляетца,

Не судить не князьям того, не бо́ярам
и не судить того царям, да людям вольным,

А вкопать того будёт да во сыру́ земли́ю,
не мелко́, не глубоко́, а по белы́м груда́м,

Вынимать очи ясные коси́цями,
а речист его язык да вы́нять те́менём,
ретиво́ его сердце́ — да меж двума́ плечми́».

Вот идут эти́ кали́ки в Еруса́лим-град,
о́ни Господу Богу́ да помолитисе,
ко Христовоей гробницы приложитисе.

А идут ети́ кали́ки по чисту́ поли́ю,
кабы стретился им Солнышко Владымер-князь,
он е́дёт на своём да на добро́м коне.

«Уж ты здраствуешь, наш Солнышко Владымер-князь! —
Говорит кали́ка, которой был на бо́льшины,
как по имени Касья́н да сын Иванович. —

Сотвори-ко нам мило́стыню спасе́нную,
хоть на кажну кали́ку по пети́ рублей».

Говорит тогды́ наш Солнышко Владымер-князь:
«Уж вы гой еси, кали́ки до́бры мо́лодцы,
ни одно́го у́ мня с собой гроша не случилосе.

А идите вы ноньче́ во сто́льной Киев-град,
заходите вы в ограду княженецкую,
подходите вы к окошечку кося́шшету,
где-ка спит моя княгина мать Апра́ксия».

Заходили они, кали́ки, в сто́льной Киев-град
и идут ко палатам княженецкиим.

Как подходит Касья́н да сын Иванович
ко тому же ко окошечку кося́шшету,
где-ка спит эта́ княгина мать Апра́ксия.

Говорит тогда Касья́н да таковы слова:
«Уж ты ой еси, княгина мать Апра́ксия,

Сотвори-ко ты мило́стыню спасе́нную,
хоть на каждого кали́ку по пети́ рублей».

Говорит тогды́ княгина мать Апра́ксия:
«Ты иди-ко во мою во гри́дну светлую,
ты иди-ко во мою во ло́жню спальную,

Сотворю я те́бе мило́стыню спасе́нную,
хоть на кажну кали́ку по пети́ рублей».

Как зашёл Касья́н ко ей во гри́дну светлую.
«Уж ты ой еси, Касья́н да сын Иванович,
уж мы ле́гем во мою во ло́жню спальнюю».

Не согласилса Касья́н да сын Иванович,
говорит тогды́ княгина мать Апра́ксия:

«Дай-ко мне свою ты сумку подорожную,
начитаю я на кажного кали́ку по пети́ рублей».

Отдала она е́му сумку подорожную,
а тогда они, калики, и отправились.

А идут ети́ кали́ки по чисту́ полю́,
вдруг едет там Олёшенька Попович блад,
настигат он их да во чисто́м поле́:

«Уж вы воры, говорит, кали́ки до́бры мо́лодцы,
обокрали вы у нас да чару зо́лоту
как у Солнышка у князя у Владымера,
без которой он чарочки не пьёт, не ест».

Обыскал он всех кали́к перехожиих,
у одно́го он нашёл, кой был на бо́льшины,
как по имени Касья́н да сын Иванович.

А тогды́ его копали во сыру́ землю́,
не мелко́, не глубоко́, а по белы́м груда́м,

Вынимали очи ясные коси́цями,
а речист его́ язык выня́ли те́менём,
ретиво́ его сердце́ — да меж двума́ плечми́.

Тогды́ они его там и оставили,
и пошли соро́к кали́к во Еруса́лим-град

О́ни Господу Богу́ да помолитисе,
ко Христовоей гробницы приложитисе.

Они заходят тогда во Еруса́лим-град,
а идут они во храм, церко́вь соборную.

Как открыли они́ тогды́ воро́та церковные,
а идёт там служба воскресенская.

И стоит там Касья́н да сын Иванович,
а стоит он на пра́воем на кры́лосе,
он поёт-служи́т обе́дню воскресенскую.

10. Григорий Андреевич Карма́нов

Григорий Андреевич Карма́нов. Снимок предоставила внучка сказителя Татьяна Васильевна Карма́нова (деревня Ку́я)

Григорий Андреевич Карма́нов — житель посёлка Кра́сное[37], 53 лет[38] [*Лео́нтьев 1979*, с. 334]. Указание на его учителей смотри в заметке про Ивана Кирилловича Осташо́ва. У нижнепечорской писательницы Маремья́ны Романовны Голубко́вой (№ д3) читаем: «В каждой деревне у нас свои былинщики. <…> В Ку́е знал былины Григорий Карманов» [*Голубко́ва 1946*, с. 128].

Лео́нтьев записывал Григория Андреевича в 1938 году. Более точная датировка дана лишь к былине про Луку Степановича — конец июня [*Лео́нтьев 1979*, с. 334].[39] Можно предположить, что и другие две былины были записаны тогда же. Из трёх былин Карма́нова собиратель опубликовал лишь одну, про Луку́, в 1979 году. Две другие увидели свет только в 2001 году в составе Свода. Всего собиратель записал от Карма́нова три былины общим объёмом 574 строки:

1) Пермя́ и Чури́лко;
2) Лука́ Степанович;
3) Иван Гости́нович.

---

[37] В Своде обозначен как выселок Красное Куйского колхоза «Красное знамя» [*Свод 2001-1*, с. 756; *Свод 2001-2,* с. 467, 515].

[38] В книге Лео́нтьева 1939 года написано, что сказителю было тогда 60 лет [*Лео́нтьев 1939*, с. 7]. А в книге 1979 года указан уже другой возраст — 57 лет [*Лео́нтьев 1979*, с. 334]. Участникам Первой русской сказительской экспедиции на Нижнюю Печору 1 июля 2025 удалось посетить могилу сказителя в деревне Ку́я, где были указаны такие даты его жизни: 03.12.1884 – 07.03.1948. Исходя из этого, в июне 1938 года Г.А. Карманов был 53 лет.

[39] В Своде указана другая датировка — конец 1938 года [*Свод 2001-2,* с. 515].

44. Иван Гости́нович

Как у ласкова князя у Владимира
как ведётся ноньче почéсен пир.

На пиру сидят много сильных могучиих бога́тырей,
и́шшэ злых полени́ц преуда́лыих.

Уж и все на пиру да пья́ны-ве́селы,
кабы Солнышко-батюшко весёл-хоро́ш.

Уж он ходит по по́лу по дубо́вому,
да по той же по се́реды по кирписчатой,

Скобка о скобку он пошша́лкиват,
бе́лыма руками приразмахиват,
злачны́ма перстнями принабрякиват,

Ру́сыма кудрями принатряхиват,
из речей же сам выговариват:

«Уж вы гой еси, дружинушка хорошая,
хорошая дружинушка, хоро́брая,

Хто бы из вас съездил из города из Киева
до того бы до города Чернигова

Три девяносто равномерных вёрст
меж той бы обеднёй, между утреней,

Выдал бы тому я деньги выгодны,
уж как выгодны деньги, деньги вы́ездны,
вы́ездны деньги, сто со тысячей».

Тут бы бо́льшие-то кро́ются за среднии́х,
а средние кроются за ме́ньшиих,
а от ме́ньшиих-то князю и ответу нет.

Из того же стола да из переднего,
из того же из места богатырского

Вставал тут уда́лой до́брой мо́лодец
именём-то Иван суда́рь Гости́нович.

«Уж ты гой еси, мой да ро́дной дядюшка,
уж я съезжу-схожу да во Чернигов-град,

Из того бы из города из Киева
до того бы до города Чернигова

Три девяносто равномерных вёрст
между той обедней, между утреней,
ты отдай мне-ка деньги сто со тысячей».

Говорил тут Владимир Кра́сно Солнышко:
«Как не съездишь ты во Чернигов-град,
я тебе тогда ссеку да буйну голову».

Как пошёл Иван тут во чисто́ полё,
он подходит к свое́му да ко́ню доброму,
уж и па́дат коню да во резвы́ ноги́:

«Уж ты гой е́си, Ма́лушко-Косма́тушко,
послужи-ко ты мне да верой-правдою.

Уж ты съезди-сходи да во Чернигов-град
три девяносто равномерных вёрст.

Я ударился со князем о вели́к залог,
не о ста бы рублях, да не о тысяче,
о своей-то буйно́й нонче́ головушке.

Если съезжу-схожу я во Чернигов-град,
отдас мне-ка князь деньги-те вы́ездны,
уж как вы́ездны те деньги, сто со тысячей,
а не съезжу — ссекёт он бу́йну голову».

Заверял е́го конь во перво́й нако́н:
«Не отдаст те́бе князь деньги вы́ездны,
уж как вы́ездны ти деньги, сто со тысячей».

Заверял е́го конь во второй нако́н:
«Не отдаст те́бе князь деньги вы́ездны,
уж как вы́ездны деньги, сто со тысячей».

Заверял е́го конь на третье́й нако́н:
«Не отдаст те́бе князь деньги вы́ездны,
уж как вы́ездны деньги, сто со тысячей».

Как седлал тут Иван да ко́ня доброго
и садился Иван на добра́ коня.

Уж как первой он уско́к скочи́л — пять-то вёрст,
а второй скок скочи́л, дак он двадцать пять,
а трети́й скок скочи́л — не могли догнать.

Бился он съездить всё ой один нако́н,
а съездил на сла́ву ровно три раза́

Меж той ли обедней, между утреней
уж как три девяноста равномерных вёрст.

Зазвонили обедню воскресенскую,
тут идёт же Владимир во Божью́ церко́вь,
позаде́-то идёт Иван суда́рь Гости́нович.

Отходила обедня воскресенская,
выходил же Владимир из Божье́й церкви́.

Просит он русских бога́тырей на поче́сен пир,
а Ивану Гости́новичу и челом не бьёт.

Во своём-то уме Иван раздумыват:
«Зва́нной-то гось че́сен, а не́зван и честне́ того».

Заходили они во гри́дни светлые,
садились они да за дубо́вой стол.

Уж и все на пиру да напивалися,
уж и все на честно́м да наедалися.

Говорит тут Иван суда́рь таковы слова:
«Уж ты гой еси, ты мой да ро́дной дядюшка,
уж ты Солнышко-батюшко Владимир-князь,

Уж мы бились с тобой о вели́к залог,
не о ста мы рублях, не о тысячи,
о своей-то мы всё буйно́й головушке.

Ты отдай-косе мне да деньги вы́ездны,
уж как вы́ездны мне-ка деньги — сто со тысячей».

Говорил е́му Солнышко Владимир-князь:
«Не отдам я тебе те деньги выгодны,
уж как выгодны те деньги — сто со тысячей,
ты продай мне-ка Ма́лушка-Косма́тушка».

Говорил тут Иван суда́рь Гости́нович:
«Не продам я те Ма́лушка-Косма́тушка,
а отдай мне-ка деньги сто со тысячей».

Говорил е́му князь во второй нако́н:
«Ты продай мне-ка Ма́лушка-Косма́тушка».

Отвечал е́му Иван во второй нако́н:
«Не продам тебе Ма́лушка-Косма́тушка,
ты отдай мне-ка деньги сто со тысячей».

Уж как это бы князю за беду стало́,
за вели́ку досаду показалосе.

Е́шше призывал он своих добрых конюхов:
«Уж вы гой е́си, мо́и до́бры конюхи,

Вы берите-ко нонь да золоты ключи,
отмыкайте конюшни белокаменны,

Выпускайте-ко триста сивых же́ребцов,
пусть убьют-заедят во поле Ма́лушка».

Уж как сив же был Ма́лушко приразбегался,
и́шше сив-то, косма́т распотешился,

Как ударил но́гой правой во сыру́ землю́,
приудрогнула матушка сыра́ земля.

А на поле-то ведь кони как бубны́ лежат,
а ведь конюхи в конюшни у их пьяны́ стоят.

Доходила эта ве́стка до князя до Владимира,
доходила ве́стка до Ивана до Гости́нова.

Говорил тут Иван суда́рь Гости́нович:
«Уж ты гой е́си, Солнышко Владимир-князь,

Отдай-ко ты мне нынь деньги вы́ездны,
деньги вы́ездны отдай-ко, сто со тысячей».

Говорил е́му Солнышко Владимир-князь:
«Ты продай-ко мне Ма́лушка-Косма́тушка».

Говорил тут Иван да во трете́й нако́н:
«Не продам я те Ма́лушка-Косма́тушка,
ты отдай-ко мне деньги сто со тысячей».

Уж как это бы князю за беду стало́,
за великую досаду показалосе.

Опять призыват он добрых конюхов:
«Уж вы гой е́си, мо́и да до́бры конюхи,
а берите-ко вы но́нче да золоты ключи,

Отмыкайте конюшни белокаменны,
выпускайте-ко тридцать сивых же́ребцов,
пусть убьют-заедят во поле Ма́лушка».

Тут берут они да золоты ключи,
отмыкают конюшни белокаменны,
выпускают тридцать сивых же́ребцов.

Вот бежат эти тридцать сивых же́ребцов,
хо́тят съисть-залегать во поле Ма́лушка.

Уж как сив же бы Ма́лушко приразбегался,
уж как сив бы, косма́т распотешился.

Как ударил он ногой правой во сыру́ землю́ —
приудрогнула матушка сыра́ земля,

А на поле-то кони как бубны́ лежат,
а в конюшнях-то конюхи пьяны́ стоят.

Доходила до Владимира вестка нехорошая,
доходила до Ивана Гости́нова.

Тут ставал же Иван да на резвы́ ноги́:
«Уж ты гой е́си, мой ро́дной дядюшка,
уж ты Солнышко батюшко Владимир-князь,

Ты отдай-ка мне деньги нонче выгодны,
деньги выгодны отдай-ко, сто со тысячей».

Говорил е́му Солнышко Владимир-князь:
«Уж ты гой е́си, Иван суда́рь Гости́нович,
ты продай-ко мне-ка Ма́лушка-Косма́тушка».

Отвечает Иван суда́рь Гости́нович:
«Не продам я те Ма́лушка-Косма́тушка,
отдай-ко ты мне деньги, сто со тысячей».

Говорил ему Владимир таковы слова:
«Ты продай мне-ка Ма́лушка-Косма́тушка». —

«Не продам я те Ма́лушка-Косма́тушка,
отдай ты мне деньги, сто со тысячей».

Это слово князю за беду́ стало́,
за великую досаду показалосе.

Призывал он к себе своих конюхов:
«Уж вы гой е́си, до́бры вы конюхи,
вы берите-ко ноньчи́ да золоты ключи,

Отмыкайте конюшни белокаменны,
выпускайте три да ко́ня добрыих:
е́шше два-то ле коня богатырскиих,
а третьёго воронка́ да косоглазого,
пусть убьют-заедят во поле Ма́лушка».

Отмыкали они конюшни белокаменны,
выпускали они три ко́ня да три добрыих:

И́шше два-то ведь ко́ня богатырскиих,
а третьёго воронка́ всё косоглазого.

Побежали тут кони по чисту́ полю́,
хо́тят съисть-залегать во поле Ма́лушка.

И́шше сив же был Ма́лушко приразбегался,
уж как сив-то, косма́т да распотешился.

Как ударил он копытом о сыру́ землю́,
а и два коня на по́ли как бубны́ лежат,
и́шшэ конюхи в конюшнях всё пьяны́ стоят.

А бежит тут воронко́ да косогла́зой же,
хочет съисть-залегать во поле Ма́лушка.

Вот ударились они во перво́й нако́н,
убежал воронко́ во свою землю́, —
он завоёванной был, нездёшнёй, —
остался сив Ма́лушко-Косма́тушко на сыро́й земле.

Доходила до Владимира ве́стка нехорошая,
па́ла Ивану в ретиво́ сердцо́:
«А и где-ка у меня да лошадь добрая?»

Тут ставал же Иван да на резвы́ ноги́,
выходил же Иван вон на улицу.

И́шше шёл же Иван да ко добру́ коню́,
уж он видит, лежит во по́ли Ма́лушко.

Во своём-то уме Иван роздумыват:
«Как убита у мня нонь лошадь добрая».

Подходил-то Иван да ко добру́ коню́,
уж и падал коню да во резвы́ ноги́:

«Уж ты гой е́си, конь, да лошадь добрая,
ты прости-ко меня да во перво́й вины́».

Уж как это коню да за беду́ стало,
а и брал он его да за белы́ кудри́, —
зубами, видно, прихватил, —
и броси́л он его да о сыру́ землю́.

Уж как долго лежал Иван да на сырой земле,
а и конь же стоял, в уме роздумывал:
«Ведь убил, видно, я ласкова хозяина».

А немного по́ры тут да миновалось тут,
а вставал же Иван да на резвы́ ноги́,
уж и падал коню да во резвы́ ноги́:
«Ты прости-ко меня, да лошадь добрая».

Говорил е́му конь, да лошадь добрая:
«Говорил я тебе да таковы слова,
что не отдаст те́бе князь деньги выгодны,
заверял ты меня дак ровно в три-ти раза.

Ты поди теперь ко князю да ко Владимиру,
ты проси-ко у его да деньги выгодны,
уж как выгодны деньги, сто со тысячей.

Не единого словечка да не утаивай,
уж ты духом, детина, не упадывай.

Уж как если не даст он нам деньги выгодны,
разобьём-разгромим весь сто́льной Киев-град».

Приходил тогда Иван суда́рь Гости́нович,
а садился Иван да за дубо́вой стол,
говорил-то Иван да таковы слова:

«Уж ты гой еси, наш Солнышко Владимир-князь,
ты отдай-косе мне да деньги выгодны,
уж как выгодны те деньги, да сто со тысячей.

Не отдашь если деньги сто со тысячей,
разобью да разгромлю весь я сто́льной Киев-град».

А на это ведь князь да испужается,
а берёт тут князь золоты ключи,

236. отмыкает сундуки он окованные,
237. отдават он казны да сто со тысячей.

238. Получат то́гда Иван деньги выгодны,
239. уж как выгодны деньги, сто со тысячей.

45. Лука́ Степанович

Посере́дь было моря, моря синего,
посере́дь было моря, всё на острове,
жил же Степан, да он не старился.

Было у него да чадо милое,
чадо милое было да одина́кий сын,
невели́кой детинка да лет двенадцати.

А во ту же пору, во то времечко
зазвонили заутреню воскресенскую,
пошёл же Степан да во Божью́ церко́вь.

Оставлял он своё да чадо милое,
замыкал он на три замка тяжёлые,
не убили его чтобы, не ограбили.

И пошёл же Степан во Божью́ церко́вь,
разбужался Лука от крепко́го сна.

Он пошшупал двери рукою правою,
двери-ти были крепко заперты.

Садился Лука на ремянчат стул,
во своём-то уме Лука раздумыват:

«За что запират меня родной отец?
Вором считат меня, разбойником
али ночным считат подорожником?»

Надевал на себя Лука платье цве́тное,
как бы пнул он дверь ногой правою,
отлетели двери с ободве́рины.

И пошёл этот Лука да по крутым горам,
а напали на него жа́ры-ма́рева,

Захотелосе ему искупатися,
свежой водой да умыватися.

И поплыл тут Лука за первý струю,
захотелось е́му плыть за втору струю,
захотелосе выплыть за третью́ струю.

Как третья́-то струя бы́ла зла-урывиста,
о́на вынесла Луку на синё море́.

Схоботáла его змея там скоропéйная,
скоропéйная да девятиглавая,
óна вынесла Луку на крутý горý.

И пригрело змею да красным солнышком,
распустила змея да все девéть хобóт,
опростáла Луку сына Степанова.

Éще вышел Лука он вон из хоботов,
и пошёл тот Лука по крутым горам.

Нашёл он полешко всё листвя́жное,
в долину́ было полешко десяти сажён,
в толщину было полешко во мужско́й охват.

Уж и брал он полешко во белы́ руки́,
поднимал полешко выше го́ловы,

А пошёл тот Лука по крутым горам,
поблизёшенько к змеи да подвигается.

А пригрело змею да красным солнышком,
а и спит же змея, не разбудится.

Роспустила змея все девять тих голов,
а и девять-то голов да девять хоботов.

Опускал он полешко вдоль по хоботам,
отлетело у змеи да все девять тих голов,
а и девять-то голов да девять хоботов.

А и тут же Лука да природумался,
а и слёзно Лука да приосплакался:

«А к худому, видно, горе не привяжется,
привязалося горюшко ко доброму,
ко доро́дну удáлу до́бру мо́лодцу,

А кото́рой умеет горе мыкати,
а кото́рой умеет слезно плакати».

А пошёл же Лука по крутым горам,
ай идёт же Лука да по крутым горам.

А выходит на гору да на высокую,
а на ту же на шёло́му на ока́тисту.

А берёт он трубочку подзорную,
а и зрил он, смотрел да во все стороны.

А во перво́й да сторонки да море синее,
во второй-то сторонки ледяна гора,
во третьёй-то сторонки ле́сы темные.

Как во той-то сторонки во подзападной
ай не лесы стоят, да лесы темные,
а стоит же тут сила, караул вели́к.

Сосчитать бы ему, дак сосмекать её,
он читал, он смекал трои суточки,
насчитал он той силы сорок тысячей.

Потихохонько ко силы он подвигается,
понизёшенько он силы поклоняется:

«Уж вы здраствуйте, вы сила, да караул вели́к!
Вас не много, не мало — сорок тысячей». —

«Уж ты здраствуй, отгадчик, доброй молодец!
Сосчитал-отгадал всех до единого». —

«А и чья же вы сила, караул вели́к?» —
«А стоим мы за царя Султана Турецкого». —

«А каков у вас царь Султан Турецкии
для заходящих людей, для заблуда́щиих?» —

«А хорош у нас царь Султан Турецкии
для заходящих людей, для заблуда́щиих.

Только скинь ты с себя дак шапку-му́рманку
да отпояшь ты от себя-ка да поя́с шёлковой».

А и скинул он с себя шапку-му́рманку
да отпоясал от себя он поя́с шёлковой.

А тогда раздвигалась сила на́двоё,
а давала молодцу путь-доро́жёньку.

А пошёл тут Лука да по крутым горам,
а и идёт же Лука да по крутым горам.

Он опять выходит на гору на высокую,
ай на ту же на шёло́му да на ока́тисту.

И берёт он трубочку подзорную,
ай смотрел Лука, глядел да во все стороны.

Во перво́й сторонки, видит, море синее,
во второй сторонки, видит, ледяна гора,
а во третьей сторонки да ле́сы темные.

А в четвёртой сторонки да во подзападной,
ай не лесы там стоят, да лесы темные,
а стоит ли там сила, караул большой.

«Сосчитать бы мне эту силу, сосмекати бы».
А считал он, смекал двои суточки,
насчитал он силы тридцать тысячей.

Потихохоньку ко силы подвигается,
понизёхонько он силы поклоняется:

«Уж ты здраствуй-ко, сила, да караул большой!
Вас не много, не мало, тридцать тысячей». —

«Уж ты здраствуй, отгадчик, добрый молодец!
Отгадал-сосчитал всех до единого». —

«Далеко ли ваши го́роды турецкие,
а каков у вас царь Султан Турецкий же
для заходящих людей, для заблудя́щих?» —

«А хорош у нас царь Султан Турецкии».
Раздвигалась тогда сила на́двое,
а давала молодцу́ дак путь-доро́жёчку.

А пошёл тогда Лука да по крутым горам,
а выходит он на горы на высокие,
а на те же он шёломы на окатисты.

А берёт он трубочку подзорную,
а и зрил-смотрел во все четыре стороны.

Во перво́й-то сторонки море синее,
во второй-то сторонки ледяна гора,
во третьёй-то сторонки лесы темные.

А во четвёртой сторонки во подзападной,
а не лесы там стоят, да лесы темные,
а стоит там сила, да караул вели́к.

«Сосчитать бы мне-ка силу, сосмекать её».
А считал он силу целы суточки,
насчитал он силы двадцать тысячей.

Поблизёшенько ко силы да подвигается,
понизёшенько он силы поклоняется:

«Уж ты здравствуй, да ты сила, караул вели́к!
Вас не много, не мало, двадцать тысячей». —

«Уж ты здраствуй, отгадчик, до́брой мо́лодец!
Отгадал-сосмека́л всех до единого». —

«Далеко ли ваши го́роды турецкие?» —
«Недалёко наши го́роды турецкие». —

«А каков у вас царь Султан Турецкий же
для заходящих людей, для заблуда́щиих?» —

«А хорош у нас царь Султан Турецкий же
для заходящих людей, для заблуда́щих».

Раздвигалась то́гда эта сила на́двое,
и давала молодцу́ да путь-дорожечку.

А пошёл тут Лука да по чисту́ полю́,
а и стало видно городы турецкие.

Заходил тут Лука да во зелены́ сады
а ко той бы Настасьи ко Султановны.

А и ходит Лука да во зелены́х садах,
ай увидела Настасья дочь Султановна,
а спросила она Луку Степанова:

«Уж и гой ты еси, уда́лой до́брой мо́лодец,
а и как же тебя да именем зовут,
как величать-то тебя да по отечеству?» —

«А зовут меня Лука сын Степанович». —
«А пожалуйте ко мне да чаю-кофею пить».

А живёт Лука у Настасьи Султановны,
а узнали татара кособрюхие,
намутилися Султану Турецкому,
ай что живёт у дочери Лука Степанович.

А он хочет узнать хитрость е́льменску,
а и пишет Султан скоро́й ярлы́к,

Посылат он Луку сына Степанова
ко царю Ельме́ну узнать хитрость е́льменску.

А берёт-де Лука он скоро́й ярлы́к,
отправляется Лука к царю Ельмену.

А приходит Лука ко ца́рю ко Е́льмену,
а приносит ярлы́к, он ско́ру грамоту.

А берёт этот царь Ельме́н ско́ру грамоту,
а скоре же того да он прочитывает.

А берёт же Луку да за прав́у руќу,
а повёл же Луку да во чисто́ поле́.

Он приводит ко по́гребам глубокиим,
а ко тем же ко ямам подземельныим.

А повёл он его по ямам подземельныим,
а стоят же во ямах бочки с порохом,
на бочке горят свечи-ти сальные.

Ай оставил Луку сына Степанова
а во тех же во ямах подземельныих.

А ходил тот Лука да всё по погребам,
а гасил Лу́ка свечи эти сальные,
а и вышел Лука он вон из погреба.

46. Пермя́ и Чури́лко

Не во́ пору пороха снежка выпала,
выпадала пороха середи́ весны,
середи́ весны, да о Петро́ви дни́.

По той по порохе, снежку белому
не бе́лой бы заюшко проскакивал,
не сер горностаюшко прорыскивал.

Проезжал туда уда́лой до́брой мо́лодец
именём-то Чури́лко бла́до Плёнкович.

Едет Чури́лко к Пе́рминой жене,
едет во город не дорогою,
во город воро́тит не воротами.

Подъезжат ко крылечку ко прекрасному,
оставлят он ко́ня непривязанным,
непривязанным ко́ня, неприказанным.

Забегал он на крылечико кося́шшето,
побренчал он во колечико сере́бряно.

Выходила тут Анна Николаевна,
а брала она Чури́лку за белы́ руки́,

Проводила к себе в гри́дню светлую,
в гри́дню светлую, в спальну тёплую.

Раздевался Чури́лко по-домашнему:
в одних он чулочиках без чёботов,
в одной он рубашечки без пояса,
ложился Чури́лко опочи́н держать.

Да немного поры́ миновалось тут,
и приехал Пермя́ из чиста́ поля́,

А привёз он гусей, белых ле́бедей,
крыластых-пернастых перелётных птиц.

Из речей же он сам выговариват:
«Уж ты гой еси, девушка-чернавушка,
Пе́рминая верная служаночка,

А и где же у меня дак молода́ жена,
молода́ ле жена, да любима́ семья?

Почему же она меня не стретила,
больным она больна или трудны́м-трудна́?»

Отвечала тут девушка-чернавушка:
«А больным-больна лежит она, трудны́м-трудна́,
а нельзя до ней доложи́тися».

Ай во ту же пору́, да во то времечко
зазвонили заутреню воскресенскую.

Надел на себя он платье цве́тное
и пошёл тот Перми́ да во Божью́ церько́вь.

А немного тут время миновалося,
подходила та девушка-чернавушка

А ко и́хнёй ко гри́дни да ко светлой,
а ко той же ко спаленки ко те́плой.

Говорила она дак таковы слова:
«Уж ты гой е́си, Чури́лко бла́дой Пленкович,

А не время тебе спать да со чужой женой,
а пора уже тебе да убиратися,
а приехал Перми́ из чиста́ поля́.

А скажу ведь я Перми́ сыну Михайлову,
оторвёт у тебя по́ плеч голову».

Говорил тут Чури́лко бла́дой Пле́нкович:
«Уж ты гой еси́, ты девушка-чернавушка,

Ты не сказывай Перми́ сыну́ Михайлову,
уж я дам те́бе подарок во пятьсот рублей».

Отвечала тут девушка-чернавушка,
Пе́рминая верная служаночка:

«Мне не надо твой подарок во пятьсот рублей,
а скажу ведь я Перми́ сыну́ Михайлову.

А не время тебе с чужой женой забавлятися,
а придёт же Перми́ да из Божье́й церкви́,
оторвёт у тебя да по́ плеч голову».

Говорит тут Чури́лко во второй нако́н:
«Уж ты гой е́си, девушка-чернавушка,
Пе́рминая ты верная служаночка,

Ты не сказывай Перми́ сыну́ Михайлову,
уж я дам те́бе подарок во семьсот рублей».

Говорила тут девушка-чернавушка,
Пе́рмина-то верная служаночка:

«Мне не надо твой подарок во семьсот рублей,
я скажу ноньче́ Перми́ сыну́ Михайлову».

Говорила тут девушка-чернавушка:
«А не время тебе, Чурилко, забавлятися,
а пора тебе, Пленкович, убиратися.

Я скажу ноньче́ Перми́ сыну́ Михайлову,
оторвёт он у тя по́ плеч голову».

Говорил тут Чури́лко таковы слова:
«Уж ты гой е́си, девушка-чернавушка,
а и Пе́рминая верная служаночка,

Ты не сказывай Перми́ сыну́ Михайлову,
уж я дам те́бе подарок в целу тысячу».

Отвечала ему девушка-чернавушка,
уж и Пе́рминая верная служаночка:

«Мне не надо твой подарок в целу тысячу,
я скажу ноньче́ Перми́ сыну́ Михайлову,
оторвёт он у тебя да по́ плеч голову».
А на это Чури́лко всё не бо́рдуёт.

Надевала о́на шубу на одно́ плечо,
побегала она во Божью́ церко́вь.

Подходила к Перми́ сыну́ Михайлову,
наступала ему да на праву́ ногу́,
а моргнула ему глазом правым:

«А забрался-де конь да в зелены́ сады,
а стоптал он твою траву шелко́вую».

На это Пермя́ был сдога́дливой,
выходил Пермя́ из Божье́й церкви́,
заходил Пермя́ дак на красно́ крыльцо.

Подходил он ко гри́денки ко теплоей,
ко той ли ко спа́ленки ко ложноей.

А и двери-ти крепко там были заперты,
а и брал он двери с ободве́ринами.

Заходил он во гри́денку во светлую,
подходил ко кроваточки тесо́воей.

Размахнул он за́весы всё шелко́вые,
а лежит там Чури́лко, потешается,
со его молодой женой забавляется.

А берёт он Чури́лка за русы́ кудри́,
а бро́сил Чури́лка о кирпичат пол,
оторвал у Чури́лка по́ плеч голову.

Открыл он окошечко косяшшето,
выбросил Чури́лка вон на улицу.

Подходил он ко кроваточки тесовоей,
говорил же Пермя́ да таковы слова:

«Уж ты гой еси, Анна Николаевна,
ты пади-ко мне да во резвы́ ноги́,
я прошшу те́бя, бабу, во перво́й вины́».

Отвечала е́му Анна Николаевна:
«А куда улетел блад ясён соко́л,
а туда полетит и бела́ лебе́дь».

Говорил тут Пермя́ да во второй нако́н:
«Ты пади-ко мне да во резвы́ ноги́,
я прошшу тебя да во перво́й вины́».

Отвечала е́му Анна Николаевна:
«А куда же улетел блад ясён соко́л,
а туда же лети и бела́ лебе́дь».

Говорил Пермя́ во трете́й нако́н:
«А пади-ко ты мне да во резвы́ ноги́,
я прошшу тебя, бабу, во перво́й вины́».

Отвечала е́му Анна Николаевна:
«А куда полетел блад ясе́н соко́л,
а туда полетит и бела́ лебе́дь».

А и брал ей Пермя́ за русы́ кудри́,
а и бросил он её о кирпичат пол,
оторвал ей он по́ плеч голову.

И бросил он её за окошечко:
«А куда улетел блад ясе́н соко́л,
а туда же нонь лети и бела́ лебе́дь».

А и брал он девушку-чернавушку,
одевалась она во платье в цве́тное,
и повёл он её да во Божью́ церко́вь.

Ай примали они да золоты́ венцы,
человали они да Божий чу́ден крест.

Выходили они да из Божье́й церкви́,
а справляли они то́гды свадебку,
поженили Пермя́ и во второй нако́н.

11. Игнатий Тере́нтьевич Ма́рков

Игнатий Терентьевич Ма́рков — 80-летний житель деревни Голубко́во. От него в начале 1938 года Лео́нтьев записал две былины. Неточное указание на учителей этого сказителя смотри в заметке про Ивана Кирилловича Осташо́ва.

У писательницы Маремья́ны Романовны Голубко́вой (№д3) в её книге 1946 года читаем: «Игнатий Терентьевич любил, да и сейчас любит, петь былины. Соберёмся в гости, выпьет Игнатий рюмку-другую, да и запоёт сначала песню про горы Воробьёвские, а потом и до былин дойдёт. Былины у нас на Печоре называют ста́ринами. Вот Игнатий Терентьевич и поёт.[40] Отец Игнатия, Терентий Григорьевич, тоже был большой старинщик, и Игнатий перенял у него былины ещё в детстве. А от Игнатия и сын Василий научился петь былины про богатырей святорусских. В каждой деревне у нас свои былинщики. У нас в Голубко́во — Ма́рковы» [*Голубко́ва 1946*, с. 126–127].

Игнатий Терентьевич Ма́рков спел Лео́нтьеву две былины общим объёмом 420 строк:

1) Илья и Соко́льник;

2) Иван Годе́нович.

---

[40] В этом месте у Голубко́вой вставлен отрывок из ма́рковской былины «Иван Годе́нович» в записи Лео́нтьева (48:1–48).

47. Илья и Соко́льник

Недалёко от города от Киева
тут стояли на за́ставы бога́тыри.

Во-первы́х, стоял казак да И́лья Муромець,
во-вторых, стоял Дунай да сын Ивановиць,

Во-третьи́х, стоял Добрынюшка Никитиць блад,
во-четвёртых-то, Олёшенька Поповицёв.

Уж как по утру было́ раным-ранёшенько,
по восходу-то было кра́сна солнышка

Выходил Илья Муромець вон на улицю,
смотрел он во все стороны в трубочку подзорную.

У нас всё же-де во́ поле по-старому,
а в зелёны́х у нас лугах не по-прежному.

Как заехал к нам уда́лый добрый мо́лодець,
уж он топчет нашу травоньку шелко́вую
и лома́т он наши яблони кудрявые.

Конь-от под ним вот, как лю́той змей,
сам он на коне-то, как лю́той зверь.

У его же три уте́хи, три великие:
впереди-то его бежит черно́й медведь,
позади-то его бежит борзо́й вы́жлочек,

На правоем плече воробей сидит;
со своими он утехами потешается.

Заходил тут Илья да во бело́й шатёр,
говорил он тут Олёшеньки Поповицю:

«Поезжай-ко ты, Олёшенька Попо́вицёв,
поезжай-ко ты к уда́лу до́бру мо́лодцу.

Спрашива́й-ко ты уда́ла до́бра мо́лодца,
которого он города, кое́й земли,
он которого отца, ко́ей матушки».

Поехал Олёшенька Попо́вицёв,
он поехал нынь к уда́лу до́бру мо́лодцу.

Доезжает тут Олёша в зелены́ сады,
заревел тут Олёша громким голосом:

«Ах ты гадина, ворона пустопёрая,
зачем ты залетела, *не спрося*, в зелены́ сады

И мнёшь нашу травоньку шелко́вую,
и лома́шь наши яблони кудрявые?»

Заревел тут Сокольник громким голосом,
и падат у Олёши конь нао́корочь.

Подъезжает тут уда́лый до́брый мо́лодець
ко тому ли ко Олёши ко Поповичу.

Схватил он тут Олёшу за русы́ кудри́,
сбросил он Олёшу на сыру́ землю́.

Наклеска́л он его по заду по-робе́цьему,
приговариват уда́лый добрый мо́лодець:

«Возьму я Илью к себе в прикашчики,
возьму я Дуная к се́бе в писари,

А Добрыню я возьму к себе во конюхи,
а тебя-то, Олёшу — чашки-ложки мыть».

Поехал Олёша ко белы́м шатрам,
говорит тут Олёша Илье Муромцю:

«Не сказыват уда́лый добрый мо́лодець,
не сказыват ни ро́дины, ни о́тчины.

Тебя, Илью, он хочет взять в прикашчики,
Дуная-то взять к себе во писари,

Добрыню-то взять к себе во конюхи,
а меня-то, Олёшу — чашки-ложки мыть».

Это слово Ильи за беду стало́,
за беду, за досаду показалося.

Выходил тут Старо́й вон на улицу,
прикрика́л он к себе ко́ня доброго,
и седлал он, уздал ко́ня доброго.

Седлает Илья седло черкасское,
подстегиват двенадцять по́дпруг шёлковых,
тринадцату кладёт чересхребе́тную.

Не ради басы, да ради крепости,
ради прытости да лошадиноей,
не оставил бы меня добрый конь во чисто́м поле́.

Берёт он с собой палицю буёвую,
берёт он с собой копе́йцё бурзоме́цькое,
берёт он с собой саблю во́струю.

Отправлялся Илья к до́бру мо́лодцю,
подъезжает к до́бру мо́лодцю недалече уж.

Отпускает уда́лый до́брый мо́лодець
от себя три уте́хи три великие:

«Едет, — говорит, — собака яры́жлива,
надо будет с ним поотведаться».

Заревел Илья громким голосом:
«Эй ты, удалый добрый мо́лодець,

Ты какого городу, какой земли,
какого отця, какой матушки?»

Заревел тут Сокольник громким голосом,
па́дат у Ильи конь нао́корочь.

Бьёт Илья коня по тучны́м ребра́м:
«Ах ты волчья сыть, травяной мешок,

Не слыхал ли ты крыку богатырского,
не слыхал ли ты шипу соловьиного?»

Разъехались уда́лы до́бры мо́лодцы *друг на дружку*,
палицами буёвыми билися.

Долго ли бились, коро́тко ли,
палки в руках загорелися.

Нико́ей нико́его не ранили,
не ранили, они не окровавили.

Кололися они копьями во́стрыма,
по наса́дкам копья извернулися.

Нико́ей нико́его не ранили,
не ранили, они не окровавили.

Секлись они саблями во́стрыма,
все сабли у них исчербилися *друг о дружку*.

Нико́ей нико́его не ранили,
не ранили, они не окровавили.

Уж как сбились они со добры́х коней,
и схватились крепким боем врукопашную.

Долго ли бились, коро́тко ли —
нико́ей нико́его не ранили,
не ранили, они не окровавили.

У Ильи нога права подвернулася *как-то*,
и броси́л тут Сокольник Илью на сыру́ землю́,
садился Сокольник на белы́ груди́.

Вынимает из кинжалища була́тен нож,
расстегивает пуговки вальня́чные,
разворачивает латы он булатные.

Взмолился Илья Божьей Матери:
«Стоял я за веру православную
и за дом-то ведь я Божьей Матери.

А теперь доставаюсь на поруганье
я тому ли идо́лищу поганому».

У Ильи тут вдвое силы прибыло,
и сбросил он Сокольника со могучих плець,
и сел он ему да на белы́ груди́.

Вынимает из кинжалища булатен нож,
расстегивает пуговки вальня́чные,
разворачивает латы он булатные.

Заносит нож во первой нако́н,
хочет пороть гру́ди белые,
смотреть на его ретиво́ сердце́.

В за́веди рука остоялася,
и спрашиват уда́ла до́бра мо́лодця:

«Ах ты, уда́лый добрый мо́лодець,
какого же ты города, и како́ей ты земли,
какого отца, какой матушки?»

Говорил тут Сокольник таковы слова:
«Я сидел бы у тебя на белы́х груда́х,
смотрел бы у тебя ретиво́ сердцё,
не спрашивал бы ни ро́дины, ни о́тчины».

Занёс Илья нож во второй нако́н,
в локтю́-де рука остоялася, —
опять не может убить, —
спрашиват Илья до́бра мо́лодца:

«Ах ты, уда́лый добрый мо́лодец,
какого ты города, како́ей земли,
какого отца, какой матушки?»

Говорит тут Сокольник таковы слова:
«Я сидел бы у тебя на белы́х груда́х,
смотрел бы у тебя ретиво́ сердце́,
не спрашивал бы ни ро́дины, ни о́тчины».

Занёс Илья нож во третьёй нако́н,
в плече́ его рука остоялася.

Спрашиват Илья до́бра мо́лодця:
«Что ты, уда́лый до́брый мо́лодець,

А какого ты ле города, како́ей земли,
которого отца, ко́ей матушки?»

Говорит тут уда́лый до́брый мо́лодець:
«От того же я от моря, моря синего,
от того же я от ка́меня от Ла́тыря,

От тое́й палени́ци преуда́лыя,
я от той же от матушки от Латы́горки».

Е́шше говорил тут Илья Муромець:
«Был я у ка́меня у Ла́тыря,
был я у матушки Латы́горки.

Жил я там ровно три месяця,
видно, ты будёшь мне-ко сын, а я — твой отец».

Уж и встал тут Илья со белы́х груде́й,
уж и взял он его да за белы́ руки́,

Встали они на резвы́ ноги́, *поцеловались*,
разъезжалися да распрощалися.

Поехал Илья во белы́ шатры,
а Сокольник поехал к ро́дной матушке.

Приехал Сокольник к ро́дной матушке,
спрашивает мать его родимая:
«Не видал ли, говорит, Старо́го на́ поли?»

Говорит тут Сокольник таковы́ слова:
«Видел, говорит, собаку-ту ярыжливу,
тебя зовёт гуля́шшей, меня-то нагу́лышом».

Бросил мать о се́реду кирпичату,
на одну ногу стал, за дру́гу ро́зорвал.

Самому только 12 лет,
а вон какой непобедимый Егорий был!

Поехал он назад к И́лье Муромцю,
натягиват он свой ту́гой лук,

Кладёт он туда калену́ стрелу,
и сам ко стрелы приговариват:

«Не падай ты ни на́ воду, ни на́ гору,
а падай Ильи́ во белы́ груди́,

Разбей-ко ему гру́ди белые,
сомешай-ко ему кровь со печенью».

Разлетелася стрела да во белы́ шатры
и па́ла Ильи́ да во белы́ груди́.

А па́ла ему во крест серебряной,
крест серебряной в полтора пуда́.

Стрела-та Илью ко́гда хлопнула,
выскакивал Илья вон на улицу

В одних-то чулочках, без чёботов,
в одной-то рубашке, без пояса.

192. Наехал Сокольник ко белы́м шатрам
193. Илью посмотреть е́ще мёртвого.

194. Тут схватились они с Ильёй-то Муромцем,
195. и тут Сокольнику и смерть пришла.

Сокольник в ко́е время ездил к матери,
а Илья-то отдохнул.

Ста́рина эта иско́нна.
Уж, видно, люди были таки́ могу́тны,
вот про них и пели.

48. Иван Годéнович

«Уж ты гой еси, дядюшка Микитушка,
я задумал теперь, дядюшка, женитися.

Уж ты пива направляй, пива пьяного,
бадейки направляй да мёду сладкого,
сорок сороковок зелена́ вина.

Заплачу я те, суда́рь, деньги полные,
деньги полные, да сорок тысячей».

Приедут-то на свадебку бога́тыри,
три́десять уда́лых до́брых мо́лодцев,
да святорусских могучих же бога́тырей.

Во перво́м ли было́ да во десяточке
на́большим казак был да И́лья Муромец.

Во втором ли было во десяточке
на́большим был Дунай да сын Иванович.

Во третье́м ли было во десяточке
на́большим Добрынюшка Микитинич.

Сподоблялись-снаряжались до́бры мо́лодцы,
и седлали-уздали ко́ней добрыих.

Не видели посадки молодецкоей,
не видели поездки богатырскоей.

Только в чистом поле курева́ стоит,
курева́-де стоит, да дым столбом вали́т.

Скопоти́ли все жёлты́ пески сыпучие,
не видно ходя́ча кра́сна солнышка,
дрогнула матушка сыра́ земля.

Сухое-то ду́бьё поломалося,
сырое-то ду́бьё расшаталося,
вершина с вершиною соплеталися.

Уж и долго ли ехали, коро́тко ли,
разоставили шатры белополо́тняны,
стали молодцы пировать-столовать.

Уж и долго ли пили тут, коро́тко ли,
прошло то́му времю трои суточки.

На четвёрты-ле суточки разбужаются,
разбужается Иван суда́рь Годе́нович,

Умывается све́жой водой ключёвоей,
утирается он белым полотёнышком.

Как садился Иван да на реме́ньчат стул,
и писал он ярлы́к, да ско́ру грамотку
ко тому ли царю Фёдору Черниговску
на прекрасной Маремьянушке посвататься,
он со всякими угрозами с великима:

«Нас три́десять уда́лых до́брых мо́лодцёв,
святорусских могучиих бога́тырей.

Отдашь нам честью — во́зьмём с радостью,
не отдашь нам честью — во́зьмём не́честью.

А мы царство твоё под меч выклоним,
а тебя-то мы, царя, да во поло́н возьмём».

Разбужает он Добрынюшку Микитича:
«Ты вставай-ко, Добрынюшка Микитич блад.

Никому ета служебка не я́влена,
а тебе, Добрыне, служебка надме́чена —

Съездить Добрыне во Чернигов-град
на прекрасной Маремьянушке посвататься».

Этому Добрыня не отслышан был:
«Не могу я ехать во Чернигов-град.

Болит-то у меня бу́йна го́лова
и шипит у меня ретиво́ сердце́,
мне бы, Добрыне, приоправиться».

Этому Иван неотслышан был,
наливат е́му чару зелена́ вина,
не ма́лу чару — в полтора ведра.

Принимал Добрыня чару едино́й рукой,
выпивал Добрыня чару едины́м духо́м.

И за чару Добрыня поклоняется:
«Да ещё, говорит, я не оправился,
мне ещё бы, Добрыне, приоправиться».

Этому Иван не отслышан был,
наливат е́му чару зелена́ вина,
не малую чару — в полтора ведра.

Принимал Добрыня чару едино́й рукой,
выпивал Добрыня чару едины́м духо́м.

И за чару Добрыня поклоняется:
«Да ещё я, Добрыня, не оправился,
мне ещё бы, Добрыне, приоправиться».

Этому Иван не отслышан был:
наливат е́му чару зелена́ вина,
не малу он чару — во полтора ведра.

Принимал Добрыня чару едино́й рукой,
выпивал Добрыня чару едины́м духо́м.

И за чару Добрыня поклоняется:
«Я топереча, Добрынька, приоправился».

Выходил Добрынюшка на улицу,
и прикликал к себе да ко́ня доброго,

Седлал он, уздал ко́ня доброго,
отправлялся Добрыня во Чернигов-град.

Полем он поехал, не дорогою,
в Чернигов он въезжал да не воротами,
скачет он через стену городо́вую.

Бросает он ко́ня не привязанным,
не привязанным, ни к кому да не приказанным,
никому до коня, право, дела нет.

Тут пошёл он во горенки во светлые,
ай, по лесенкам идёт по дубо́вым,
лесенки под ним подгибаются.

Ни дверей он не спрашиват, ни две́рников,
ни ворот он не спрашиват, ни приворотников.

Пановья́м-то по-за́ столом челом не бьёт,
пробирается он к Фёдору, царю Черниговску.

Заходил тут Добрыня в гри́дни светлые,
и бросал он ярлык на дубо́вой стол:

«Ай Фёдор ты, царь Черни́говской,
я приехал за добрым делом, за сватовством,
на прекрасной Маремья́нушки посвататься.

Отдашь ты нам честью — во́зьмём с радостью,
не отдашь ты нам честью — во́зьмём не́честью.

Тридцать нас уда́лых до́брых мо́лодцев,
царство твоё ведь мы под меч вы́клоним,
а тебя-то мы, царя, во поло́н возьмём».

Говорил тут царь Фёдор Черниговский:
«Не Иван плёночки поставливал,
не Годе́нович он плёнку настораживал,

Не Ивану и попала се́ра утица,
не Годе́новичу попала кра́сна де́вица.

Василий плёночку поставливал,
сын Бату́евич плёнку настораживал,

Василью попала сера утица,
Бату́евичу попала кра́сна де́вица».

Хвати́л он столе́шенку дубо́вую
и броси́л о сере́дь полу́ кирпи́чата.

Пришла Маремьяна ко своему отцу:
«Государь ты ле мой, свет батюшка,
пойду я за Ивана Годе́новича.

Седлайте мне, уздайте ко́ня доброго,
кладите приданое великое,
не сяду я с Добрыней во одно седло».

Поехали с Добрыней во белы́ шатры,
приезжали тут они да ко белы́м шатрам.

Выходил тут Иван он на улицу
и брал Маремья́ну за белы́ руки,

Целовал он её в сахарны́ уста,
заводил Маремья́ну во бело́й шатёр.

Тут мужики стали свадьбу справлять,
они долго ли пили, коротко ли,
прошло тому времю трои суточки.

На четвёрты ле сутки разбужалися,
поехали мужики во стóльной Киев-град.

Долго ли ехали, корóтко ли,
подпадает тут дороженька кровавая,
кровавая дорожка поперечная.

Говорит тут Иван судáрь Годéнович:
«Что ты гой есú, Дунай сын Иванович,
надо нам этý дороженьку изведати.

Поезжай ты, Дунай, со своим со десяточком
и назад ты, Дунай, не воробчайся,
проезжай-ко ты прямо в стóльной Киев-град».

Долго ли ехали, корóтко ли,
подпадает дороженька кровавая,
кровавая дорожка поперечная.

Посылает Иван Илью Муромца:
«Уж ты гой есú, Илья Муромец,
надо нам этý дороженьку изведати.

Поезжай ты, Илья, со своим со десяточком
и назад ты, Илья, не воробчайся,
проезжай ты ле прямо в стóльной Киев-град».

Долго ли ехали, корóтко ли,
подпадает дороженька кровавая,
кровавая дорожка поперечная.

Посылает тут Иван и Добрынюшку:
«Уж ты гой есú, Добрынюшка Микитин сын,
надо нам этý дороженьку изведати.

Поезжай ты, Добрыня, со своим со десяточком
и назад ты, Добрыня, не воробчайся,
проезжай-ко ты прямо в стóльной Киев-град».

Вот остался Иван один с молодой женой,
поехал Иван по дорожке вдоль.

Долго ли ехал, коро́тко ли,
поставил Иван шатёр белополо́тняной,
легли отдыхать с молодой женой.

Тут насы́пала погодушка великая,
наехал Василий сын Бату́евич,
пошла Маремья́на ко Бату́евичу.
Она знала, что он нагóнит.

Спросил Василий Маремья́нушку:
«Ты скажи, Маремья́нушка Прекрасная,
убьём ли его или привяжем ко сыру́ дубу́?»

Говорит Маремья́нушка Прекрасная:
«Давай привяжи ко сыру́ дубу́,
пусть он на нас полюбуется».

Привязали Ивана ко сыру́ дубу́,
легли отдыхать, спотешаются.

Прилетели ко ду́бу да три голубя,
сели три голубя к Ивану на дуб,
и стали голуби ворковати же.

Натягивают тут о́ни ту́гой лук
и спускают они́ да калену́ стрелу
в того ли Василья во Бату́евича.

Попала стрела во белы́ груди́,
сомешала стрела кровь со печенью.

Говорит тут Иван Маремья́нушки:
«Уж ты свет Маремья́на да ты Фёдоровна,
отвяжи ты меня да от сыра́ дуба́». —

«Отвяжу я тебя, мне живой не быть». —
«Я дам тебе три ученьица,
как до́бры мужья своих жён уча́т».

Отвязала Маремья́на от сыра́ дуба́
своего ли Ивана Годе́новича.

Сели они на добра́ коня,
поехал Иван со моло́дкою.

Долго ли ехали, коро́тко ли,
подъезжает Иван ко Подча́й-реке.

Слезает Иван со добра́ коня,
говорит Маремьяне свет Фёдоровне:

«Ты слезай, Маремьяна, со добра́ коня,
ты неси мне воды из Подча́й-реки».

А ему Маремьянушка ответила:
«Не воды пить ты хошь — мо́ей крови хошь».

Отре́зал он у ей губы на́перво,
он бро́сил их во Подча́й-реку́:
«С поганым идо́лищем целовалася».

Отсек он ей белы руки по́ локо́ть,
он бро́сил их во Подча́й-реку́:

«Со поганым идо́лищем обнималася —
не нужны мне твои и белы́ руки́».

Отсек он ей ноги по коленочки,
он бро́сил их во Подча́й-реку́:

«Со поганым идо́лищем оплеталася —
не нужны мне твои да ноги резвые».

Сел тут Иван на добра́ коня:
«Ну, Маремья́нушка Прекрасная,
хочешь, ты лежи; хошь, со мной иди».

Сам поехал в сто́льной Киев-град,
приехал он в сто́льной Киев-град,
встречает там своих товарищей.

А и те ведь над ним да спотешаются:
«Женился, Иван, а тебе не с кем спать».

12. Афана́сья Фёдоровна То́ропова

Афанасья Фёдоровна[41] То́ропова — 69-летняя[42] жительница села Великая Ви́ска. Некоторое указание на учителей этой сказительницы смотри в заметке про Ивана Кирилловича Осташо́ва. От Афанасьи Фёдоровны Лео́нтьев в 1938 году записал одну былину общим объёмом 187 строк. Часть былины была спета, а часть передана «ро́ссказью» [*Свод 2001-2*, с. 512]. Публиковать эту ста́рину Лео́нтьев не стал:

1) Соло́мон.

---

[41] В ряде источников [*Тюренко́ва 2014*, с. 87; *Шалько́ва 2019*, с. 192] даётся отчество Петровна. Но у Леонтьева и в Своде — Фёдоровна [*Лео́нтьев 1939*, с. 7; *Свод 2001-2*, с. 512]. Сообщается также, что сказительница была из рода по прозвищу Пектины [*Шалько́ва 2019*, с. 192].

[42] В книге Лео́нтьева 1939 года написано, что сказительнице было тогда 68 лет [*Лео́нтьев 1939*, с. 7].

49. Соло́мон

Народился нов-де месяц — царь турецкия,
Турецкия Василий Цареградские,
Цареградские Василий, царь прекрасные.

Завёлса у Василия тут почесен пир
про многиих па́новьей-ула́новьей

И про сильных морзо́в, лю́дей мудрыих,
и про тех палени́ц сильных уда́лыих.

И по полу Василий-царь похаживат,
печатныма скобками пошша́лкиват,
сапог о сапог поколачиват.

Русыма-ти ку́дрями принатряхиват,
белыма руками прирозмахиват,
из речей тут Василий выговариват:

«Уж вы ой еси, па́новья-ула́новья,
вы сильные морзы́, люди мудрыя,

Уж вы все в городу́ у меня поженены,
красные девки взамуж выданы,

Па́новские девушки, ула́новски,
ула́новские девушки, морзо́вские.

Только я один, Василий-царь, холо́ст хожу,
холо́ст хожу, да неженат живу.

Как бы кто бы мне сказал но́не супружницу,
по-русскому сказать — жену венчальную,
по-немецки сказать — обручальную.

Лицом бы она была бы снегу белого,
лицом бы она бела́, косой руса́,
косой бы она руса́ и ростом высока́.

Походочка бы у ней была пави́ная,
и тиха речь бы с погово́рой лебединая.

Очи-то были ясна сокола,
у ей брови-то были чёрна соболя,
и ресницы у ей были́ бы сиза́ бобра,
и собой бы она статна́ и перево́дная».

Еще все тут царю приумолкнули,
приумолкнули, приослушалися.

Больши́-то хоро́нятца за ме́ньшиих,
ме́ньши-то хоро́нятца за средниих,
а от средних царю, ему ответу нет.

Из-за того было́ застолья из заднего,
со хорошей скамейки белодубовой

Ставает детинушка пова́ренной,
пова́ренной детина, пивова́ренной.

Близёшенько к царю приближаетца,
он низёшенько Василью низко кланяетца,
из речей детина выговаривает:

«Уж ты ой еси, наш батюшко Василий-царь,
Василий, царь-батюшко, Турецкия,
Турецкие, Цареградские,
прикажи мне, суда́рь, слово вымолвить.

Уж я знаю жену тебе, супружницу,
по-русски сказать — жену венчальную,
по-немецки сказать — обручальную.

Я во далече-далече за сини́м морём
у того нынче́ царя у Соло́мона,
у него есть царица Соломáния,
Соломáнида Волотáмовна.

Лицом она бела́ — снегу белого,
лицом она бела́, косой руса́,
косой она руса́ и ростом высока́.

Походочка у ней пави́ная,
и тиха речь с погово́рой — лебединая.

Очи-то у ней да я́сна сокола,
брови-то у ей чёрна соболя,
ресницы-то у ей сиза́ бобра,
и собой она статна́ и перево́дная».

Приогля́нетца Василий, приосме́хнетца:
«Уж ты глупые детинушка пова́ренной,
уж ты как хошь от царя да жену отнять,
от премудрого царя от Соло́мона?» —

«Уж ты ой е́си, Василий-князь Турецкия,
Турецкия, да Цареградския,

Дай мне ты строку на три месеца
и нагрузи мне три черлёных ка́рабля
со всякима товарами заморскима,

Привезу тогды тебе молоду́ жену,
привезу тебе с честью, с радостью».

Тут царю приглянулись речи умыльные,
умыльные речи, тихосмирные.

Вот и дал он строку на́ три месяца,
нагрузил три черлёных новых ка́рабля
со всякима товарами заморскима,
дали имя — Тороканишка Голь Замо́ренной.

Прибежали в тую землю, где Соло́мон-царь жил,
в тую пору, в тоё время
царя Соло́мона дома не случилосе.

Пришёл Торокашка Голь Заморенной
ко той Соломани́де Волота́мовне,
подгостили, стал на корабль звать торговать.

Он ушёл на корабль, и она каких-то слуг взяла.
Пришли на корабли, а бурлаки-матросы скричали:
«Няньки-мамки, с корабля долой».

Те соскочили, а её увели на кра́йной корабль,
подгостили, засыпа́тельного ей дали,
и, вроде как крадучись, увезли в землю Турецкую.

Долго-нет сва́дебничали, мы уж не знам, не были дак.
Каку́ Василей моло́дку желал, таку́ и привезли.

А Соло́мона в то время дома не было,
приехал он, а жёнка уве́зена.

Сурядил корабль тут Соло́мон-царь,
взял с собой двенадцать бога́тырей с ко́нями,
побежали они в Турецку́ землю́.

Прибежали, в гавань стали,
в ту пору Василья, царя турецкого, дома не случилосе,
на охоты уехал.

Соло́мон пришёл к царице,
царица Соломáния приняла Соло́мона, подгостили.

А он перед уходом и сказал богатырям:
«Первой раз сыграют в турей рог — готовьте коней,
а второй раз сыграют — садитесь на коней,
а третий раз сыграют — гоните скоре́».

Он и говорит ей:
«Я здеся, а Василей-царь придёт, дак я куды
деваюсь?» —
«Я, говорит, тебя в перину зашью».
Она его зашила.

Вот Василей-царь приехал и говорит:
«Фи-фу-фу, руським духом пахнет. Кто пришёл?»

А она говорит: «Нет никого.
Может, ты где-то там ездил,
сам напитался руським-то духом».

Чайку попили, спать легли,
вот она и говорит:
«Что бы ты сделал, Василей, царь туре́цкой,
если бы Соло́мон-царь приехал?»

А тот и говорит:
«Обнажил бы свою саблю востру
и отрубил у него по́ плеч голову».

А Соло́мону это слово за беду стало́,
он перину розорвал,
схватил Василья, царя турецкого, за́ волосы.

Она и говорит:
«Василей, царь туре́цкой,
возьми саблю вострую
да отруби у него по́ плеч голову».

А он говорит:
«Что ты, царица Соломáния,
куды он теперь от нас уйдёт,
когды он у нас в руках?»

Соло́мон ему и говорит:
«Василей, царь туре́цкой,
нынче царей не казнят, а вешают.

Сделают рель,
на рель превысокую направят три петли:
одну шелко́ву,
другу́ пенько́ву,
третью ли́пенну.

В одну петлю поло́жат руку,
во втору — ногу,
в третью — голову».

Вот и сделали рель,
направили три петли:
одну шелко́ву,
другу́ пенько́ву,
третью ли́пенну.

Соло́мон и говорит:
«Уж ты ой еси, Василей, царь турецкие,
дозволь мне с белым светом роспроститисе,
дай мне сыграть да во ту́рий рог».

А она и говорит: «Вешайте.
Отошёл от сабли вострой,
отойдёт и от казни смертной».

А Василей отвечат:
«Куды он отойдёт, коли он у нас в руках».

Сыграл Соло́мон да во турий рог
и снова говорит таково́ слово́:

«Дай мне сыграть во вто́рой раз,
с добрым конём роспрощатися».

Выпросил и второй и третий раз
сыграть во ту́рий рог.

Вдруг царь Василей и ослушалса:
«Что экой за шум?»

А Соломон говорит:
«Налетели гуси-лебеди
с моей царской смертью распроститися».

Налетели двенадцать бога́тырей,
схватили Василья, царя турецкого,
и Торокашку Голь Замо́ренного,
и Соломáнию.

Васи́лья — в шелко́вую,
Торокашку — в пенько́вую,
а Соломáнию — в ли́пову петлю
положи́ли и повесили.

Соло́мон и говорит:
«Поглядитесь-насмотритесь на бе́лой свет.

Колесо́ одно ка́тится, дру́го го́нится,
третье сзади не оста́нется.

Где-ка друг — и подруга тут,
а где-ка подруга — и сводник тут».

ЧАСТЬ IV

Записи 1956 года

В 1956 году поисками былин в низовьях Печоры занимались Наталья Павловна Колпако́ва (1902–1994) и Фла́вий Васильевич Соколо́в (1920–2003).[43] Помимо тщательных поисков остатков былинного эпоса по следам прежних собирателей, был обследован ряд селений, где собиратели раньше не были совсем [*Колпакова 1961*, с. 6].

Наталья Павловна Колпако́ва (1902–1994).
Снимок из Свода русского фольклора [Свод 2001]

В первые недели экспедиции успехи по разыскиванию былин были чрезвычайно ничтожными. Несмотря на то, что о былинах собиратели спрашивали в первую очередь, они всюду получали один ответ: старики-былинщики прежде имелись, некоторых помнили по именам, кое-кто их слышал. Но деды вымерли, а дети их, не говоря уже, конечно, о внуках, ничего «не по́няли», то есть не восприняли от отцов. Если в районах Средней Печоры о Еремее Чупро́ве, Никите Ермо́лине или Лазаре Но́сове знали широко по деревням, то на Нижней Печоре таких общеизвестных имён в первый период экспедиции не было. Когда собиратели называли имена, ориентировочно подсказанные им случайными спутниками на пароходе или в какой-либо деревне, обычно в ответ местные жители качали с сомнением головами: «Цё-ли бат? Не слыхали мы, чтоб он пел», «Цо́рта он знат», «Не, он не пева́ка». В большинстве случаев это, к сожалению, так и бывало. Собиратели спускались вниз по реке, возвращались обратно, совершали отдельные выезды в деревни, расположенные на островах в стороне от основного маршрута. Великая Ви́ска, Голубко́во не дали ни одной былины, ни одного имени сказителя. Только постепенно, с большим трудом стала налаживаться запись былин. В О́ксине был записан вполне законченный текст песни о Кострюке́[44], в Оско́лкове —

[43] Сотрудники песенной экспедиции Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом).

[44] Исторические песни в настоящее издание не включены.

былина «Илья и Соко́льник»[45], в А́ндеге — два незначительных отрывка «Про Добрыню»[46], настолько кратких, что сразу невозможно было определить их сюжет. В пригороде Нарьян-Мара, деревне Ка́чгорт, удалось записать три богатырские сказки на былинные сюжеты[47], а в деревне У́гольное под Нарьян-Маром — одну былину.[48] Самые тщательные розыски в других близлежащих селениях — Ку́е и Ники́тцах — не дали никаких результатов. В деревне Нары́ге, куда оказалось очень трудно пробраться из-за условий транспорта и погоды, не было, по уверениям местных жителей, ни одного исполнителя былин [*Колпакова 1961*, с. 28–29]. Несколько позже были обследованы Пустозе́рск и деревня У́стье, где была записана баллада о гибели оклеветанной жены («Князь, княгиня, старицы») [*Колпакова 1961*, с. 31].[49]

Фиксация строго нижнепечорского материала в 1956 году началась 27 июля в деревне А́ндег с записи двух текстов в 21 и 6 стихов от Ариста́рха Ивановича Су́слова (№№ н10 и д5) и Анастасии Петровны Хабаро́вой (№№ н11 и д6).

Удачным для собирателей стало 31 июля. Сначала на пароходе из Нарьян-Мара в Ла́божское они встретили Тимофея Семёновича И́жемцева из Бедово́го, от которого был записан небольшой отрывок былины в 23 стиха (№№ н9 и д4). Затем уже из самого Ла́божского были записаны текст в 50 стихов от Ника́ндра Васильевича Тайбаре́йского (№№ н6 и д1) и две былины (одна цельная и одна неполная) от Ника́ндра Ивановича Су́слова (№№ н5, 57, 58).

Запись от Су́слова продолжалась три дня. Собирателей поразило полное отсутствие интереса у соседей к исполнению былин их односельчанином. Насколько трепетно и сочувственно внимали былинщикам на Ци́льме и Пи́жме, настолько равнодушно отнеслись соседи к пению И́жемцева и Су́слова. Об их искусстве говорили с улыбкой, как о безвредной блажи стариков [*Колпакова 1961*, с. 29].

Былины Су́слова испытали на себе влияние книги, но, к счастью, книга эта была «Печорские былины» Ончуко́ва, так что сказания Никандра Ивановича остались в лоне печорской традиции и вошли в настоящее издание. По-другому обстоит дело с былинами Тимофея Степановича Кузьмина́ из Те́львиски. С 4 по 7 августа от этого сказителя было записано 14 былин общим объёмом 1644 стиха. То, что Тимофей Степанович владел столь обширным репертуаром и сказывал его по памяти в аутентичной

---

[45] Сообщивший эту былину Павел Николаевич Позде́ев, 64-х лет, переселился в Оско́лково Нарьян-Марского района из Буга́ева Усть-Цилемского района около 10 лет до времени записи, а былины усвоил ещё в молодости. Поэтому его былина относится к эпической традиции Средней Печоры и в настоящее издание не включена.

[46] №№ д5 и д6.

[47] Сообщившая эти сказки Софья Степановна Ма́ркова, 78-ми лет, когда-то читала их в книге, которую назвала «Старое время на Руси». Связь этих текстов с эпической традицией Нижней Печоры под большим вопросом, поэтому в настоящее издание они не включены, кроме небольшого отрывка (№ д8).

[48] Сообщивший эту былину Фома Алексеевич Чупро́в, 56-ти лет, выучил её от своего дяди Еремея Про́вовича Чупро́ва из деревни Авра́мовской на реке Пи́жме. Поэтому его былина относится к эпической традиции Пи́жмы и в настоящее издание не включена.

[49] Баллады в настоящее издание не включены.

манере, конечно же, достойно восхищения. Однако следует признать, и это отмечалось уже при издании, что почти все былины Кузьминá испытали сильное книжное влияние и имеют мало общего с устной традицией Нижней Печоры, постоянно отсылая нас к эпическому наследию других местностей [*Колпакова 1961*, с. 33–34]. Поскольку задача нашего издания отразить по возможности именно нижнепечорский — не только по месту записи, но и по своему происхождению — былинный материал, в наш сборник вошла лишь одна былина Кузьминá, наименее зависимая от книжных источников (№ 56), а также два его былинных напева (№№ н3 и н4).

Уже под конец экспедиции 1956 года, 9 и 10 августа, от Андрея Фёдоровича Пономарёва в Нарьян-Мáре (деревня Кáлюш) было записано шесть былин (№№ 50–55) на два напева (№№ н1 и н2). Наследие Пономарёва, целиком основанное на местной устной традиции, было настоящим кладом, благодаря которому наши знания о корневом нижнепечорском эпосе значительно расширились.[50]

Итак, в 1956 году 3 сказителя сообщили собирателям 9 нижнепечорских былин и 5 напевов:

1) Андрей Фёдорович Пономарёв в Кáлюше (родом из Лáбожского) (6 былин, 1320 стихов, 2 напева);

2) Никáндр Иванович Сýслов в Лáбожском (местный) (2 былины, 187 стихов, 1 напев);

3) Тимофей Степанович Кузьмúн в Тéльвиске (местный) (1 былина, 130 стихов, 2 напева).

Также 4 человека сообщили по одному былинному напеву. На эти напевы они распели небольшие тексты объёмом в 50, 23, 21 и 6 стихов.

Подводя итоги, Наталья Павловна Колпакóва отмечает, что люди на Нижней Печоре с былинами уже мало знакомы, знают о них в основном по преданиям; редко кто помнит живых сказителей и слышал их сказывание; былинная традиция забывается. Наряду с этим имеются отдельные мастера с большим и ценным репертуаром, и вполне вероятно, что таких единичных мастеров-сказителей ещё много. Ведь практика показала, что они могут жить десятки лет, неизвестные даже ближайшим соседям, а селения в тундре и по притокам Нижней Печоры фольклористами ещё далеко не обследованы. Однако сказители эти стоят одиноко и не имеют вокруг себя молодой поросли: никто из них на сегодня не передал молодёжи своих знаний. Возрастной уровень их — 60–80 лет [*Колпакова 1961*, с. 29].

К 49-ти нижнепечорским былинам, известным ранее, в ходе поездки 1956-го года добавилось ещё 9. Таким образом, собрание нижнепечорского эпоса с некоторыми оговорками включает в себя 58 былин.[51] Так завершился

---

[50] Например, была сделана единственная на Нижней Печоре запись былинного сюжета про Добрыню и змея.

[51] Если определять былину как законченное стихотворное произведение, то незаконченные и нестихотворные тексты былинами не являются, и их следует рассматривать отдельно, что и сделано с 8-ю совсем уж отрывочными текстами, вынесенными в Приложение 2. Отрывок былины или пересказ былины — это не сама былина, также как часть дома или описание

полувековой путь собирания былин Нижней Печоры — от Ончукóва в 1902 году до Колпакóвой и Соколóва в году 1956-м. Благодаря деятельности собирателей живая эпическая традиция Нижнепечорья не умерла, но уснула, упокоилась в книгах, чтобы иметь возможность возобновиться в наше время.

дома — это не сам дом. Исходя из этого, включение в число былин следующих номеров несколько натянуто:

1) №1 можно рассматривать лишь как начало былины, а не полную былину;
2) № 3 представляет собой лишь начало былины;
3) № 17 можно рассматривать лишь как начало былины, а не полную былину;
4) № 26 можно считать лишь некоторой частью былины, а не цельной былиной;
5) № 36 является пересказом былины, а не самой былиной;
6) № 49 в значительной своей части является пересказом былины, а не самой былиной;
7) № 57 представляет собой лишь начало былины.

За вычетом этих спорных случаев число нижнепечорских стáрин будет 51.

13. Андрей Фёдорович Пономарёв

«Вы в Нарьян-Ма́ре деда Андрея Пономарёва отыщите. У него отец пева́ка был, я его в молодости слышал. Он дома должен быть», — такими словами напутствовал собирателей на прощанье сказитель из села Те́львиска Тимофей Степанович Кузьми́н.

Жилище Андрея Фёдоровича в Нарьян-Ма́ре собиратели нашли с большим трудом, несмотря на то что оно находилось в центре города. После долгих расспросов и справок удалось наконец разыскать двухэтажный деревянный барак, где в маленькой уютной квартирке из двух комнат жил на втором этаже безвестный сказитель. Это был здоровый, бодрый старик 72-х лет. Андрей Фёдорович сидел у стола и тешил двухлетнего внука. Всем своим обликом: сединой, живым острым взглядом из-под мохнатых бровей, весёлой усмешкой — он очень напоминал такого же бойкого неугомонного балагура — деда Лазаря Но́сова на Ци́льме.

Андрей Фёдорович оказался старым солдатом. Родом из Ла́божского, он вскоре после Великой Отечественной войны переселился в Нарьян-Мар, в деревню Ка́люш, где и живёт последние десять лет на покое с дочерью, зятем, мотористом Рыбкоопа, и внуками. По-видимому, в семье любим и почитаем. У него спокойная, счастливая старость, которую старик украшает своим искусством. Неграмотен.

«Я ста́рины смолоду пел с отцом, Фёдором Михайловичем, да с его товарищем Тайбаре́йским Василием Петровичем, — рассказывал сказитель. — В Ла́божском-то были, Ника́ндру Тайбаре́йского видали? Сам-то он ничего не знает. А отец у него был пева́ка. Вот как они вдвоём с моим-то стариком заведут на пути́не или в деревне про Илью, про Ваську Бусла́ева, про Ивана Горде́новича — только поспевай слушать. Вот я от них и по́нял».

Уговаривать Андрея Фёдоровича спеть известные ему былины не пришлось. Как сказитель, он оказался очень одарён. По высоким художественным качествам своих текстов и по исполнительскому мастерству Пономарёв не уступает многим прославленным мастерам конца XIX-го и начала XX века. Пел былины охотно, с увлечением, вдохновенно. Это был такой же, как Кузьми́н, если ещё не лучший, крупный мастер былинного эпоса, с такой же, как у Кузьмина́, громадной памятью, вкусом, но, может быть, ещё более интересный по творческой манере, по своеобразию художественных образов, которые

Андрей Фёдорович Пономарёв.
Снимок из книги Н. П. Колпако́вой [Колпакова 1961, с. 181]

он импровизационно вводил в текст. Все его былины были цельными, стройными по композиции и некоторые очень длинными. Так, например, Ивана Горде́новича Андрей Фёдорович пел целый час. Пономарёв был очень доволен, что от него записывали былины, радовался, что его былины попадут в книжку и станут достоянием читателей [*Колпакова 1961*, с. 31, 180, 182].

В течение двух дней, 9 и 10 августа, Андрей Фёдорович исполнил весь свой репертуар — 7 ста́рин. Кроме 6-ти былин Пономарёв спел собирателям превосходный вариант песни о Кострюке́ [*Исторические песни 1960*, с. 144–148], близкий к записи 1938 года от Василия Петровича Тайбаре́йского [*Леонтьев 1939*, с. 63–65], но с некоторыми своеобразными и очень выразительными деталями.

По воспоминаниям дочери сказителя Елены Андреевны Корепа́новой, сын Пономарёва Пётр Андреевич, заведовавший избой-читальней в селе Ла́божском, приглашал отца исполнять ста́рины со сцены и сам перенял от отца былины, но в 1942 году молодым погиб на путине [*Тюренко́ва 2014*, с. 83].

Андрей Фёдорович Пономарёв спел 6 былин на 2 напева (всего 1320 стихов):

1) Святого́р;

2) Добрыня и змея;
3) Василей Касими́рович;
4) Илья Муромец и Соко́льник;
5) Иван Горде́нович;
6) Лука Степанович.

50. Илья и Святого́р

Святогор-от ездил по Святым горам,
тут бы сре́тилсэ Илья к ему,
тут Илья сын Иванович.

О́ни ехали долго ле,
тут бы долго ле, коро́тко ле.

Вот я тут не знаю,
он из-за чего взял его в карман-то запеха́л.

Светогор-от Илюшенькю
он поло́жил во право́й карман,
он везёт ко́нём добрыим.

Конь стал е́го подтыкатисе,
он стал ведь попрекатисе:

«Ты ле ой есь, Светогор ты мой,
ты хозяин ныне мой,

Ты сидишь и сам на́ коне
да везёшь ты бога́тыря,

Ты коня и с бога́тырём,
тежало́ мне-ка кажешьсе».

Ну, он схватил Светогор теперь,
он вынул Илюшенькю,
он вынул со всем с конём.

Ну, поехали к Святым горам,
они ехали не долго ле,
а не долго ле, коро́тко ле.

Там завидели нынь трёх человек,
они строят нынь но́вой гроб.

Становились тут ребятушка,
да ребята нынь добрыя,
тут выспрашивают нынь ведь их:

«Ко́му строите вы но́вой гроб,
нынь кому это́т доста́нетсэ,
и́шшэ хто это ложитьсэ будет тут?»

«Да мы ле строим дле то́го нынь
дле своёго бога́тыря,
Святогора теперече.

Е́му судит е́му Бог теперь,
е́му ле́гти нынь в этот гроб».

Говорит Святогор Илье,
говорит таковы́ слова:

«Вот попробуй ты, Ильюшечка,
не тебе ли будет годен нынь?»

Вот ставал тут Илья теперь,
он ставал со добра́ коня
и ложилсе во но́вой гроб.

Илья тут как робёночек,
е́го худо бы видно им.

Говорит как Илья теперь:
«Мне вели́коват этот гроб будёт,
мне ведь только в углу одном.

Верно, он-то Святогору строилсэ,
те́бе будет, верно, в са́мой раз».

Тут вставал Святогор-от нынь
со добра́ бы он с ко́нечка,

Он ложилсе в этот но́вой гроб,
как ему тут в аккура́т пришёл.

Тут покрышка нахлопнулась,
Святогор тут и лёг теперь.

«Посеки-ко ты, Ильюшечка,
не могу покрышку снять теперь.

Ты секи покрышку новую,
не смогу ле я выбратьсе».

Он сек нынь Ильюшечка
тут саблей новой вострою.

Он тюкал по гробу нынь,
тут наскакивали железны обручи.

Он тюкал Илья да во второй нако́н,
наскакивали железны обручи.

Верно, Святогору смерть пришла,
верно, судил е́му Бог теперь,
ему лежать на Святых горах.

Говорит-то Святогор теперь:
«Во гробу-то ведь есь дырочкя,

У тя силы маловато же,
я те дам силу бо́льшую.

Из гроба́ нынь по́йдет пенушка,
первая-то выйдет пенушка,
не зама́й эту пенушку.

И втора́ выйдет пенушка,
не зама́й эту пенушку,

Ты ведь лопнешь от силушки,
разорвёт Илью в кусочки же.

Ты возьми пенку последнюю,
еще в самый раз тебе-ка будёт».

Тут с Ильёй роспростилсэ он,
тут и смерть ему случиласе.

51. Добрыня и змея

Бывало, Казань слободой была,
нынь Казань — славным городом.

Во Казани был Микитушка,
он, Микита, девяноста лет.

Всё до смерти он наказывал,
своей жены́ молодой наговаривал:

«Ты оста́несьсе беременна,
у тя роди́тся чадо ми́лоё,
чадо мило, одина́коё,

Нарече́м мы и́менем Добрынюшкой,
да Добрынюшкой Мики́тицём.

Ко́гда будет он на во́зросте,
да он будет на во́злете,

Он заможет конём владать,
он конём владать, копьём шурмова́ть.

Да й захочет за охотою,
за охотой погулятисе,
да бы съездить во чисто́ полё.

Да не давай благословленьица
е́му ездить во чисто́ полё,
да бы ездить за охотою.

Ну, хо́шь и дашь ему благословленьица
и не дашь благословленьица,

Он захочет бы ездить же,
он ведь съездить во чисто́ полё.

Он найдёт дороженькю,
всё дороженькю широкую,
по которой я бы ездил нынь.

В ширину была́ как коса́ сажень,
в глубину как до поеса.

Нападут жа́ры-ма́рева
как бы те бо́льши-ле́тныя,

Как захочет он купатисе,
он захочет нырятисе.

Пусть не ездит нынь ко Оки́-реки́,
да река Ока зла-отно́слива,

Отнесёт его, Добрынюшку,
отнесёт за первý струю,
отнесёт за другý струю,

Как ко тем горам высокиим,
и горам Сорочынскиим.

Тут приле́тит змея к ему,
о́на хочет е́го целко́м бы съись,
и целко́м его́ съись, да в хобота́ складёт.

Он пушшай сорвёт полынь-траву,
да полынь, тра́ву го́рькею,

Он сплетёт ныне пле́точкю,
он бы пле́тку троепря́дную,
троепря́дну, троёхво́сткую,
он тогда нырнёт во быстру́ реку́.

А то приле́тит змея, вишь, людоедная,
хочет его сглону́ть:

«Целко́м, говорит, я тебя хочу сглону́ть
а́ле в хобота́ складу́».

Он нырнул во Оку-реку́,
он нырнул во другой струи́.

Он опе́ть нырнул во быстру́ реку́,
он очуди́лсе на крутых горах,
ко своёму ко́ню доброму».

И так наказыват,
что он будет уж к ко́ню-то доброму,
это наказывает-то дак плеть-то сплести.

А эта приле́тит змея-то опе́ть сзади,
дак эту плетку-то смажет пушшай ей,

дак он побьёт ей.
А так — не убить будет.

Тут невдóлге Микиты смерть случиласе,
тут осталась молодá жёнá,
тут жена его беременна.

Тут и стала нынь беременна,
как и стала на вóзносте,

Как родúла сына милого,
сына мúла, одинáкого,
да Добрыньку Микитиця.

Тут бы стал нынь детина на вóзросте,
да на вóзросте, на вóзлете.

Захотелось éму ныне видь
как бы съездить во чистó полё,

Погулять по чисту́ полю́,
где-ка ездил рóдный батюшко.

Говорила рóдна матушка:
«Молодой ты Добрынюшка,
ты не езди во чистó полё,

Потеря́шь буйну голову,
тéбя съест нынь змéя лютая». —

«Ну-ко, ты дашь мне благословленьицо,
я поеду во чистó полё,

И не дашь благословеньица
ты с буйной главы́ до сырой земли

Мне бы ездить во чистóм полé,
во чистóм полé за охотою».

И дала ему мать благословленьица,
éму матушка родимая,
да с буйной главы до сырóей земли,

Чтобы ездить во чистó полё,
по котору ездил батюшко.

Тут уздал он и седла́л коня́,
се́длал ко́ня ныне доброго,
роспрошшалсэ с ро́дной матушкой.

Вот наказывала нынь его́ бы мать,
е́го ро́дная матушка:

«Ты поедешь нынь, Добрынюшка,
ты найдёшь ли ты дорожечкю,
по которой ездил батюшка.

В ширину-ту нынь коса́ сажэ́нь,
в глубину доброму мо́лодцу до поеса.

Там нападут как на тя́ жа́ры-ма́рева,
как бы те бо́льши-ле́тные.

Ты захочешь купатисе,
ты захочешь нырятисе.

Там найдёшь нынь Оку́-реку́,
да Ока-река зла-отно́слива.

Не купайсе в Оки́-реки́,
отнесёт тебя за первý струю,
отнесёт за другу́ струю.

И ешше́ наказывал твой батюшко,
он наказывал, наговаривал:

Там видь есь нынь полынь-трава,
там полынь, тра́ва горькея.

Ты сорви-ко полынь-траву,
да сплети-ко ты бы пле́точкю,

Троепря́дну, троехво́сткую,
ты положь во право́й карман».

Так простилсэ с ро́дной матушкой,
он поехал во чисто́ полё.

Тут напали жары-ма́рева,
как бы те бо́льши-ле́тныя.

Захотелось ему купатисе,
захотелось нырятисе.

Он подъехал ко Оки́-реки́,
скидова́л цве́тно пла́тьице,
оставлял тут добра́ коня.

А он спустился во Оку́-реку́,
да нырнул во быстру́ реку́.

Отнесла его да перва́ струя,
отнесла и друга́ струя

Да ко тем горам высокиим,
тем горам Сорочынскиим.

Тут вылетает зме́я лютая,
всё змея людоедная,
тут бы хочет съесть Добрынюшку:

«Я хочу тебя целко́м сглотать,
хочу тебя да в хобота склонять».

Тут нырнул бы наш Добрынюшка,
он нырнул ко кру́ту бе́режку.

Выходил ведь ко добру́ коню,
тут надел он цве́тно платьице.

Находил Добрынюшка да ведь полынь-траву,
он сплетал бы пле́тку троепрядную,
троепрядну пле́тку, троехвосткую.

Он смолил смолой ту пле́тку троепрядную
и садилсе на добра́ коня.

Как летит тут зме́я лютая,
тут змея людоедная,

Она хочет съесть Добрынюшку,
да Добрынюшку Микитича.

Он вытащил нынь ту пле́точкю,
да котора из полынь-травы,
стал стегать её ведь крепко тут.

Как змея бы извивается,
всё Добрыне кона́ется:

«Ты прости меня, Добрынюшка,
я и дам те́бе го́рода,

Города всё с пригородками
и сёла со дере́внями».

«Мне не надь от те́бя ничего,
застегаю те́бя до́ смерти».

Тут убил он змею-ту людоедную,
застегал её нынь до́ смерти.

52. Василей Касими́рович

Заводилосе пиро́ваньё-столо́ваньё
да у ласкова князя у Владымира,
заводилсэ почестен пир.

Все сидят гости званыя,
промежу́ собой похваляютсэ.

Тут бы ходит наш Владымир-князь,
он-то ходит нынь по гри́денки.

Он каблук о каблук поколачиват,
он я́сныма очáмы прирозваживат,
тихосмирну речь выговариват:

«Все сидите, гости званые, —
все сидят, потешаютсэ,
промежу́ собой похваляютсэ. —

Есть на вас у́ мня служебка,
на того же бы Васильюшка,
да Василья Касими́рова.

Ныне съездить в землю дальную
све́зти дани, ныне пошлины,
да кото́ры завалились за двенадцэть лет,

Да невы́возки-невы́платы,
…
да Бату́ю нынь Кайма́нову.

Ныне ско́льки ездило бога́тырей,
отту́ль нехто́ не воро́чалсэ.

Ныне надо съездить нынь туда
да свезти дани-пошлины,

Да которы завалилисе,
завалились за двенадцэть лет:

Ныне сорок сороков че́рных со́болей,
да бы сорок тысеч бо́льших же́ребцов,

Сорок тысеч золотой казны,
рассчитатьсэ нам нацисто».

Тут ставал наш Василей нынь,
да Василей Касими́рович.

Сам вставал на резвы́ ноги́,
говорил таковы слова:

«Ты ле ой еси́, наш Солнышко,
ты ле, Солнышко Владимир-князь,

И́шшэ дай мне товаришша,
мне товаришша Добрынюшку,
нам двоим-то ребятам весело́ будёт».

Тут вставал так Добрынюшка,
он вставал на резвы́ ноги́,
говорил таковы слова:

«И́шшэ дайте Олёшенькю,
нам троим бы, ребятушкам,
нам троим весело́ буде́т».

Согласились тут ребятушка,
им бы дал нынь Владымир-князь.

«Нынь Владымир-князь, наш Солнышко,
ныне дай ты нам волюшку,
суряжай нам черле́н кораб.

Вы грузите добры́х коней,
вы отсчитывай нам золото,
всю бы дань нам бы пошлины.

Нам бы съездить в землю в дальную,
нам свезти бы дани-пошлины
ко Баты́ю Кайма́нову».

И снарежались до́бры мо́лодцы,
отправлялись наши мо́лодцы,
им грузили же дани-пошлины.

Тут принимал у нас Василей Касиме́ровиць
всю бы дань ныне пошлину,

Как кото́ра завалилась нынь,
завалилась за двенадцэть лет,
рассчитатьсе е́му бы начисто.

Снарежалисе ребятушка,
сподоблялисе в дальню до́рожку.

И они пошли бы нынь, ребятушка,
ко Создателю Небёсному,
к Пресвятой Богородицы:

«Не посо́бит ле нам нынь она,
нам свезти бы дани-пошлины,

Как кото́ры завалилисе,
завалились за двенадцэть лет,
рассчитатьсэ с им бы начисто».

Да тут пошли бы трое ребятушка,
помолилисе Создателю,

Как Создателю Небёсному,
как Пресвятой Богородици.

О́ни брали ко́ней добрыих,
заводили о́ни на ка́рабли.

Они брали всю дружинушку,
всё дружинушку хорошую,
всё хорошую, послушную.

Распростилисе ребятушка
ныне с Владымиром Солнышком,
да бы с матерью с Опра́ксеей,
тут с Ильёй старым Му́ромцём.

И распростилисе бога́тыри
и со ма́лыма, и могучима.

Отправлялисе на ка́рабли,
распростилисе, поехали.

Да поклали о́ни схо́денки,
о́не о́брали тут якоря́,
роспусти́ли бе́лы па́русы.

Они бежали день до вечера,
те́мну ночку до бела́ света́,
пробежали трои суточки.

И тут завидели нынь ту землю́,
да землю́ бы Батýеву,
там стоят чёрны ка́рабли.

Они подо́брали себе место́,
тут бы ме́стечко пооткры́тоё,
они приста́ли на своё место́:

«Не схвата́ли хошь бы тота́ра нас,
нынь тота́ра нечестивыя».

Выводили ко́ней до́брыих,
становы́ли белы́ шатры.

И распростилисе с дружинушкой,
да с дружинушкой хоро́шёей:

«Есле будём мы когды́ живы́,
мы покли́цем вам громким голосом,
вы спешите то́гды к нам скоро-на́скоро.

Не сдавайтесе тотарам нынь,
по́дьте ныне в морё синё,
там бы плавайте во море вы.

Мы повезём дани-пошлины,
мы росплатимсе с Батýем бы
за вси былые дани-пошлины».

Ай тут отправились ребятушка,
нынь ребята во синё морё.

Те осталисе на круто́м бережку́:
да Василей Касимирович,
да Олёшенькя Попович брат,
да Добрынюшка Микитич-от.

Они пировали тут бы суточки,
ой столовали о́ни двои тут,
да на третьи просыпалисе.

Отправлялисе к Батýю оны́,
как везти бы дани-пошлины,

Да которы завалилисе,
завалились за двенадцэть лет,

Нынь невы́платы-невы́возки,
...

Поезжат Василий Касимирович,
распрощаетсэ нынь с бра́тьеми.

О́ни друг с другóм побра́товалисе,
назвали́сь ро́дныма братьеми,
чтобы друг друга́ не выдать бы.

Он поставил стальной бы нож,
он заткнул нынь в столешницу:

«Есле буду я ныне живой —
не будет нож бы ржа́вети.

Есле буду я в неволюшки —
тут прокаплет кровь бы красная».

Он бы сел, до́брый мо́лодець,
распростилсэ с товарышшам.

Он поехал в столицу нынь,
ко Батую нынь дань везти.

Розъезжал ко́нём добрыим,
и он скакал он теперь

Через башню уго́льную,
через стену городо́вую.

Конь копытами да не́ задел,
он поставил ко́ня доброго.

Не привязывал коня теперь:
«До моего коня и дела нет».

Он пошёл к Батую в гри́дню светлую,
под им лесенки сгибаются,
да от рук вере́юшки шатаются.

Он не спрашивал у дверей придверничков,
у ворот приворотничков,
он идёт в гри́дню светлую.

Он заходит в гри́дню светлую
и здоровается с товарышшем,
да с тем же Батуем же.

«Ты гой еси, добрый мо́лодец,
ты куда же ныне правишьсе,
ты куда тепере путь дёржи́шь?

Ты приехал битьсэ-ра́титьсэ,
али нонь ты за добры́м дело́м,
за добры́м дело́м, за сватаньем?» —

«Я приехал к те́бе с данью-пошлиной,
я не битьсэ, не ра́титьсэ
и с тобой не кровавитьсэ.

Я привёз тебе дань-пошлину,
завалилась за двенадцэть лет,
россчитатьсэ с то́бой начисто.

Что как бы сорок сороков бо́льших же́ребцов,
сорок тысяч черных со́болей,
сорок тысяч золотой казны.

Примай от меня да дани-пошлины
да без бою, без кроволития». —

«Я не приму от тя дани-пошлины
без бою и без кроволития».

Говорит нынь Василей наш:
«Принимай нынь дани-пошлины
без бою, без кроволития.

Давай теперь играть со мной,
мы играть станем нынь во шахматы».

Да во первый раз Василей ступил,
во второй раз Батуй-от сходил,
а во третий раз ступить не мог.

Тут схватил Батуй Васильюшка,
он брал за праву́ руку́,
он повёл вон на улицу.

Посадил в башню заго́льную,
он навесил замок тяжёлый тут.

У Добрыни нож стал ржа́витьсэ,
стал он ржа́витьсэ, кровавитьсэ.

Говорит Добрыня Олёшеньке:
«Знать он, добрый мóлодец,
в неволе сидит-то посáженой».

И он скочи́л на добрá коня,
покатилсе во чистó поле́.

Он оставил Олёше нож,
и поехал наш Добрынюшка
ко Батýю Каймáнову.

Он скакал через стеночку,
через стену городóвую.

Он поставил кóня доброго,
он оставил не приказана,
не приказана, не привязана:
«До моего коня и дела нет».

Прямо едет он в гри́дню светлую,
он не спрашиват у дверей придве́рничков,
у ворот приворóтничков.

Как осердилсэ наш Васильюшко,
росходилась кровь горячая,
роспалилось ретивó сердцó.

Он вставает на резвы́ ноги́,
отворяет дверь с ободве́риной,
перед им ведь Добрынюшка Микитич же.

Впереди идёт Добрыня нынь,
а позади его Васильюшка.

Они бежали в гри́дню светлую
ко Батýю Каймáнову:

«Принимай дани-пошлины,
завалились за двенадцэть лет,
без бою, без драки, без кроволития». —

«Не принимаю я так дани-пошлины
без бою, без кроволития».

Говорит нынь Добрынюшка Микитич же:
«Ну и теперича нам бы да Олёшенькю».

Тут Олёше не стерпелосе,
он поехал в то́е времечко
ко Бату́ю Кайма́нову.

И они также пришли да нынь
да во гри́дню во светлую,
да во лёжню во теплую.

Собирались тут бога́тыри,
нынь бога́тыри могучие:

«При́май дани, при́май пошлины
без бою, без кроволития». —

«Я не прима́ю нынь так от вас
без бою, без кроволития».

Тут говорят сколько ребята же,
побегает наш Добрынюшка,
наш Добрынюшка Микитич же,
он ко сво́ему ко́ню ко доброму.

Навалилась тут сила тотарская,
как бы ныне в поле чернь чернеется.

Все наскакивают на Добрынюшку,
не давают ему волюшки.

Он и сел на добра́ коня,
он рубил-косил силу великую.

Как и сколько он бьёт,
друга́ столько конь топчёт,
тут рубил-топтал у нас Добрынюшка.

Да Олёшенькя Попович млад
да ничего не разговариват,
побегает он ко своему ко́ню доброму,
ко добру́ коню́ стоялому.

Тут тотара на его наскакивают,
он бы взял тотарина да за резвы́ ноги́,
он и тут приговариват:

«Как кость на ко́сть ныне не сло́митсэ,
и́шшэ жила на́ жилу не по́гнетсэ».

Он тотарином помахиват,
ко коню приближаетсэ.

Заскакиват Олёша на добра́ коня,
он секёт-рубит силушку татарскую,
забивает нынь силу великую.

Тут поехали ребятушки:
один идёт, по ту руку́ он руби́т,
другой — дру́гу сторону,
они идут ко Батю́ю в гри́дню светлую.

Тут Василей уговариват,
всё Батю́ю дань наваливат.

Россердилсэ наш Васильюшко,
побегает вон на улицу.

Он садилсэ на добра́ коня,
он рубить стал эту силушку.

Они бились нонь, ра́тилисе,
они с утра день до вечера,
еще те́мну ночку до бела́ света́.

Нет уста́тку до́брым мо́лодцам,
и добрым ко́ням отдо́ху нет.

Они трое суточек тут билися,
всех они выбили до единого.

Ворота́лисе ребятушка
ко царю ко Кайма́нову.

И заскакивают ребятушка
как во гри́дню во светлую,
как во лёжню во теплую.

Говорят таковы слова:
«Принимай от нас дани-пошлины
без бою, без кроволития». —

«Нет, не приму́ я нынь дани от вас
без бою, без кроволития».

Тут схватился Васильюшка,
он бросался к Добрынюшке,
да Добрыня к Олёшеньке,
да Олёша живота лишил.

Тогда поехали к белы́м шатрам,
ко дружинушке хоро́шёей.

Её кличут они громким голосом,
глядят во трубочку подзорную.

Закричали громким голосом:
«Подбегайте, наши друзья-товарищи,
нынь-теперь ко шатрам бе́лыим,
вы не бойтеся теперь силы тотарские».

Подбегают тут ребятушка
ко крутой горы́, ко бе́режку,
как бы к тем ко белы́м шатрам.

Тут ребятушка возрадовались,
что у нас воротилисе.

Говорит тогда Васильюшко Касими́рович,
говорит таковы слова:

«Вы, дружинушка хорошая,
нынь заводи́те на ка́рабли добры́х коней,
побежим в сто́льний Киев-град».

Нагрузили чистым золотом,
нагрузили це́лы ко́рабли.

Наклали двенадцеть ко́раблей,
побежали в стольний Киев-град.

А там давно Старо́й ходит, посматриват,
в золотую трубочку поглядыват:

«Наш Василей Касимирович бежит,
целы ко́рабли золота тащи́т».

Тогда встречали все радёшеньки,
и подбегает сам Владимир-князь.

Тут встречают добрых мо́лодцов
полени́цы преуда́лые,
да они люди торговые.

Тут встречают добрых мо́лодцов,
тут пошёл у них поче́стен пир,
тут пошло пиро́ванье-столо́ванье.

53. Илья и Сокольник

У того же было у моря, моря синяго,
у того же было у камешка холодного
тут жила же нынь вдова благочестивая.

И у ей-то было чадо ныне ми́лоё,
а по имени Сокольник сын Иванович.

Он стал бы, детинушка, на во́зрости,
да на во́зрости, детинушка, на во́злети.

Он стал просить от матушки благословленьицо
как с буйно́й головы да бы до сырой земли.

Не дават е́му нынь ехать во чисто́ полё:
«Ты ишшо бы, ми́лой чадо, да ма́ло-глу́поё». —

«Уж и дашь благословленьицо вели́коё,
хошь не дашь благословленьицо вели́коё —
я поеду нынь, детина, да во чисто́ полё

И посмотрю я нынь, детина, да свету белого,
посмотрю я все долинушки широкия». —

«Уж пое́дёшь нынь, детина, да во чисто́ полё,
мо́ё чадо ты еси да бы люби́моё,
уж ты на́ имё Сокольник сын Иванович,

Ты увидишь нынче старого-седатого,
ты сойди-косе, моё да чадо ми́лоё,
ты сойди-ко со добра́ коня бы на́ землю,
поклонисе е́му нынче, как ро́дну батюшку».

Отправлялса-сурежа́лса наш добрый мо́лодець,
он уздал тут, седлал он ко́ня доброго,
он прошшалсэ тут с родно́й да сво́ей ма́монькёй.

Ведь отправилсэ детина-ка во чи́сто полё,
он взял себе утехи всё великия:

Впереде́-то е́го рыщет да ныне се́рой волк,
позаде́-то е́го бе́жит да черно́й медведь,
он сам-от тут пи́шёт, ерлыки́ мецёт.

Он не долго ли тут ехал, не коро́тко ле,
подъезжает тут ко крепости великоей,
ко могучим тут бога́тырям ко ру́сскиём.

Он ничем их зовёт да бы не во что кладёт,
всё свои́ма бы утехами утешаетсэ,
ерлыки пи́шёт ныне, да всё размётыват.

Тут вставал-то тут И́лья стар ныне Муромець,
он взглянул бы во трубочкю подзорную.

Он смотрел все чатыре да нынче стороны,
там завидел уда́ла до́бра мо́лодца:

«Он ведь е́дё, верно, мимо, нас ничем зовёт,
да двенадцэть нынь бога́тырей не во шчё кладёт».

Он ведь едет, всё утехами своими утешаетсе,
впереди е́го рыщет да ныне се́рой волк,
позади-то е́го бе́жит черно́й медведь.

Как отправлялсэ старо́й да И́лья Муромец,
ныне спрашиват нынче да до́бра мо́лодца:

«Ой куды же нынь всё едешь, да ку́ды путь держи́шь,
проезжаешьсе, верно, нынче всё во сто́льной град?»

Он настигал бы уда́ла до́бра мо́лодца,
е́го спрашиват старо́й да И́лья Муромец:
«Ты куды же нынче едешь, ку́ды путь держи́шь?»

И тут детинушке теперь не до утех стало́,
тут он складывал те утехи все хорошие,
ярлыки-то стал писать да скоры грамотки.

Тут бы схватывал Илья да свой булатен меч,
как свалил-то он уда́ла до́бра мо́лодца,
да упал бы Сокольник на сыру́ земли́ю.

Тут схватилисе ребята да в рукопашную,
тут свалилсе бы Сокольник да на сыру́ земли́ю.

Вынимал тогды́ Илья кинжалище була́тноё,
хочет нынче пороть е́го груди белые,
да хоче́т мешать его кровь со печенью —
остоялась рука нынче́ во перво́й во раз.

Е́ще хочет бы колоть е́го груди белые —
а рука нынь остоялась во второй тут раз.

И тогда бы нынь Старо́й да выговаривал:
«Ты бы чей, молоде́ц, как именем зовут,
именем-то зовут да величают по отечеству?

Ты скажи-косе, уда́лой до́брой мо́лодец,
ты какого бы отца, которой матери?»

Говорит тут Сокольник таковы слова:
«От того же я от моречка от си́нёго,
от того бы от камешка холодного,
я от той же матери Златой Горки́».

Говорил бы Старо́й да таковы слова:
«Абы ты мне-ка будешь сынок родно́й.

Воевали да мы с тво́ей ро́дной матушкой,
со Златы́горкой, твоей да ро́дной матерью».

Ну и стал тут Илья да со белы́х грудей,
целовал тут детинушку в уста саха́рные,
распрощалисе тогда тут, разъежалисе.

Как поехал бы Сокольник да во свою сторону,
а Илья бы поехал назад в крепость-ту.

Ведь он поехал тут Сокольник, добрый мо́лодец,
осержаетсе уда́лый добрый мо́лодец:

«Как бы этот-то зовёт да мать гуля́шшею,
да меня-то называет, верно, нагу́лышом».

Он поехал нынь к родимой сво́ей мамоньке,
он приехал нынь, детинка, к ро́дной матери.

Говорит тогда бы мать ему да таковы слова:
«Ты бы видел же, дитя, да старого-седатого?»

Отвечает ей уда́лый добрый мо́лодец:
«Да и видел я, верно, ста́ра и седатого.

Он зовёт, верно, тебя нынь гуля́шшею,
величат он меня да всё нагу́лышом».

Говорит детине мать да таковы слова:
«Да не пустым ведь он, детинка, да похваляетсе,
верно было дело так, верно́ случилося».

Тут детинушка схватил свою да ро́дну матушку,
он схватил-то её и живота лишил.

И он поехал опять где-ка в ту сторону,
да где-ка в крепости живёт Илья бы Муромец.

Он и хочет-то опеть с ним да повидатисе,
он и хочет его бы живота лишить.

Он и долго ли ныне ехал ли, коро́тко ли,
вот и е́дёт мимо их, да их ничем зовёт,
он ничем-то зовёт, да их в ничто кладёт.

Вот и смотрит Старо́й да во все стороны,
говорит бы Старо́й да таковы слова:

«Он заехал к нам, собака, во чисто́ полё,
верно, тот был уда́лой да до́брой мо́лодец».

Он садится, Илья, нынь на добра́ коня,
уж берёт себе приправу да богатырскую.

И как съезжаются уда́лы да до́бры мо́лодцы,
вот и спрашиват старо́й да И́лья Муромец:

«Ты куды же нынче е́дёшь, да ку́ды путь держи́шь?
Или е́дёшь ты, детинушка, битьсе-ра́титьсе?»

Говорит ему Сокольник таковы слова:
«Да, хочу я бы нынче да битьсе-ратитьсе,
и хочу бы у тебя да голову́ сложить».

Ну бы съехались ребята друг со дружкою,
они билися тут тепереча, сохватилися.

Они бы тут штыки да нынь поло́мали,
о́ни во́стрые сабельки повы́щербили,
о́ни па́лицы буёвые поло́мали же.

Тут скакали бы ребята да на сыру́ землю́,
они стали бы тут биться в рукопашный бой.

Дак у Старого рука тут промахнулася,
как бы левая нога да бы подвернулася.

Тут упал бы Старóй да на сырý землю́,
тут зашёл бы Сокольник ему да на белы́ грудú.

Он вот хочет бы пороть его груди белые,
éще хочет бы мешать да кровь со печенью.

Вынимает нынче бы детинушка булатен нож,
он и тыкнул ему-то во бéлу грудь,
подхватил бы нынь тут éго да как бы чуден крест.

Тут взмолилсе старóй да И́лья Муромец:
«Ты ли ой еси, Создатель ты Небесный же,
Пресвятая Божия Матерь Богородица,
ты не выдай меня собаке на порýганье».

Тут бы вдруг éму силушка случилася,
он бы справился да нынче, И́лья Муромец,
он схвостнýл тут детинушку да со белóй грудú.

Заходил-то ему сам на грýди белые,
вынимал бы теперь да он булáтен нож,

Попорол бы теперь да грýди белые,
помешал éго нынь кровь со печенью.

54. Лука Степанович

Ушли, было, у детины да во Божью церкви,
он оделсэ ныньче́ да в цве́тно платьицо
и пошёл он, Лука, да во Божью церкву.

И подходит к олтарю́ и подслушиват,
да какие нынь поют пенья́ церькёвныя.

Да поют бы нынь пе́ниё после́днёё,
е́му совестно бы стало, до́бру мо́лодцу,
он бы проспал обедню да воскресенскую.

Он пошёл бы, Лука, да вдоль бы о́ морё,
он ходил бы, Лука, да вдоль о́ морё.

Тут летит-то змея да лютоедная,
лютоедная змея да сорокопе́гая:

«Я хощю тебя, Лука, да бы целко́м сглон´у,
и хощю тебя, Лука, да в хобота складу́».

И схватила бы Луку да Степановича,
забрала бы нынь во хоботы широкие.

Унесла нынь Луку да за синё морё,
как на те же на горы на высокие,
да на ту же земельку на Турецкую.

Тут розоспала́ся бы змея да серопёрая,
тут раскинула она свои бо́льшия хо́бота.

Выходил-то Лука нынь сын Степановиць,
он смотрел бы тепе́ре да во́ вьси стороны:

Да в одной бы стороны́ — да бы мо́рё си́нёё,
во другой бы стороны́ — да по́ля чистыя,

Да во третьей стороны́ — горы́ высокия,
во четвёртой стороны́ — ой, да ле́сы те́мныя.

Он подыскивал себе ныне́ поле́нечко,
хошь полено бы онно́, да бы чело́ бревно.

Он бы взял это́ бревёшко да во белы́ руки́,
воздымал бы ведь то бревёшко да выше головы.

Опускал этó бревёшко да на лютý змею,
он розбил бы, розломил ей дéветь гóлов же,
тут пропала так змея нынь лютоедная.

Он отправилсэ, детинка, да дóброй мóлодец,
не дóлго ле он шёл нынь, не корóтко ли.

Он сам всё, детинка, да приросплакалсэ,
он бы сел тогда, детинка, да на сырý землю́:

«Привязалось, верно, горюшко ко доброму,
да ко доброму всё горё да дóбру мóлодцу,

Да котóрой он бы может да гóрё мы́кати,
горё мы́кати, детина, да слезно плакати».

Он выходит бы, детина, дак на круты́ горы́,
он смотрит, детина, да во все стороны:

Да в онно́й ле стороны́ — горы́ высокия,
да в другой стороны́ — там пóля чистыя,
во третьёй стороны́ — нынь море си́неё.

Там он видит, впереди стоит силушка великая,
сосчитал он, сосмёка́л всех бы до е́дного,
их немножко тут стоит да тридцэть тысецей.

Тут пошёл бы Лука да сын Степанович
да на эту бы нынь силушку великую:

«И́щэ здраствуите́, уда́лы да добрыя мóлодцы!
Вы какой же земли, какого царсва вы?» —

«Мы того же турецкого нынь того царя,
ныне той жё земли всё бы Турецкоей». —

«Каковой же ваш царь ле нынь прии́мчивой,
он прии́мчивой ле царь, ай ле хороший всё?» —

«Да прии́мчивой царь наш бы хороший всё,
он прима́т таких людей да заходя́шшиих,
заходя́шшиих людей, да заблудя́шшиих».

Роспростилсэ Лука ли с силой великёей,
он держи́т ишшэ́ бы путь, и всё вперёд идёт.

Он дóлго ле тут шёл, нынь корóтко ле,
завидел нынче силушку великую.

Сосметал он, сосчитал всех до единого,
он подходит нынь ко той силы ко великоей,
он здороваетсе со силоей великоей:

«Уж вы здравствуйте тут, удáлы дóбры мóлодцы!
Вас немного стоит — двадцать тысячей,
сосметал я тепереча до единого.

А каков же бы ваш теперя ваш-от царь?
Принимает ли таких людей заходяшшиих,
заходяшшиих бы людей, заблудя́шшиих?» —

«Наш хорóшой бы царь, нам бы нравится,
принимат бы таких людей, ему надобны».
И роспростилсе Лука, он пошёл вперёд.

Он и долго тут шёл теперь, корóтко ли,
он ведь вышел на горы да на высокие.

Тут завидел теперь бы и́хний стольный град,
и кругом е́го силы-то много-множество.

И подходит нонь ко силушке великоей,
и здороваетсе со силой со великоей:

«Вы примаете ли таких людей заходяшшиих,
заходяшшиих людей бы, заблу́дяшшиих?» —

«Принимают у нас всех людей всех хорошиих,
заблудя́шшиих людей да заходя́шшиих». —

«Запустите-ко, ребята, мня во ваш-от град,
да спустите вы меня да к самому царю».

И тут бы взяли тут ребята да дóбра мóлодца,
и вели его теперь да к самому царю.

Как бы царь бы он нынь взрадовалсе же:
«Да такого бы сынка да принимать можнó».

И говорил бы Лука да сын Степанович:
«Да прими хошь ты меня нонче во стольнички».
Принимал-то тогда е́го царь во стольнички.

Он и долго ли тут жил, да не корóтко ли,
на честны́х бы пирах он всё бы стольничал.

Тут с царевною они всё соглашались бы,
как царевна тут его нынь возлюбила она.

Как бы ложечку хошь сро́нит — она тут кланяетсе,
вот они тут, бат, да согласилисе.

Вот и стали тут бояра о́ни жа́литьсе,
тут и стали на его все да возноси́тисе:

«Как бы все у нас служат да службу царскую —
е́ще нету только службы е́му царскоей».

Да удумали они да нынь царю соврать,
чтобы послать его бы в земли во дальние
сослужить бы ему службу царскую.

Да во том бы во царстве да во дальноем
как бы есть там бы хитрости, есть мудрости,
разузнати бы ему те хитрости-мудрости.

Не убьют ли его тут бы, не уходят ли,
не воро́титсе ли он да бы назад потом.

Призывал бы царь его да нынь турецкий же,
он и сказыват ему бы службу царскую —

Поезжать бы ему да во зе́мли дальние,
там узнать бы все хитрости, все мудрости:

«Сходить бы тебе во землю дальнюю,
разузнать бы тебе хитрости да мудрости».

Отправлялсе детина, да суряжалсе он,
отправлялсе детина да в землю в дальнюю

Распознати те хитрости бы, мудрости,
как к тому бы царю да зе́мли дальноей.

Он приехал во зе́мли да во дальные,
показали е́му все хитрости, все мудрости.

Там накопаны бы ко́пы да зе́мли медноей,
там отправлены мины нынче с порохом.

Не спускают к этим минам бы со порохом
и направляют эти мины да со порохом.

Тут списал он все эти хитрости и мудрости,
все бы эти нынче он бы мины с порохом.

И узнал бы, как ныне снаряжают их,
еще как бы эти мины как спущают их.

Обратитьсе нынь-тепереча назад ему,
и приехал нынь к царю да ко турецкому:

«Сослужил я те нынче службу верную,
тéбе верную службу да неизменную.

Я смотрел эти все хитрости, все мудрости,
там заряжены бочки нынь бы с порохом,
разрывают нынче землю да óни всё поверхнюю».

Óпять дал ему царь волю вольнюю,
тóгды взял он царевну сéбе взамуж ле.

Долго ли он жил, да не корóтко ли,
éго стала жена нынчé беременна,
принесла ему, детинушке, бы двух сынов.

Долгó ли он жил тут, не корóтко ли,
éго стали нынче дети да дúвны умницы.

И накинули опять на éго служебку,
как несутся ведь бояра кособрюхие:

«Он живёт у царя да во чужом цáрстве же,
он хозяином живёт нынь, не работает.

Он пущай-ко съездит во земли да во дальние,
он изведает пущай да хитрости-мудрости,
привезёт пущай он птичку-ту заморскую».

И вернулсе нынь Лука да сын Степанович
он к тому ли ко царю да ко турецкому.

Говорит ему тогда да таковы слова:
«Сослужил-то бы теперь я службу верную,
сослужил я теперь да неизменную,
я привёз тебе, чего ныне надобно».

Тóгда жил он теперь долго ли, корóтко ли,
тут бы стал он с женой соглашатисе,

164. о́ни за́чали промеж собой разговаривати,
165. да ко своей ли стороны́ хотят домой идти:

166. «И над нами бы бояра всё выгаля́ютсе,
167. выгаля́ютсе они, да нынче зуб грызут,
168. все они бы нонь царю да нынче кля́узят
169. и хотят-то упекчи́-то нас до смерти же.

170. Мы направим-ко тепереча черле́н кораб,
171. и отправимсе теперь мы во свою земл'о́,
172. ко тому бы нынь ко князю ко Степанову».

173. И суряжался-снаряжался добрый мо́лодец,
174. он забрал бы жену да чадов милыих.

175. Распрощалсе бы теперь нынь с родом-племенем,
176. распрощалсе со царём да всё турецким же,
177. и отправилсе детина да во синё морё.

178. Тут бежал он долго ли, коро́тко ли,
179. он бежит о горы́ да всё высокие.

180. Тут играют бога́тыри все могучие,
181. они играют, бога́тыри, как бы мячиком.

182. Как бы старшему сыну захотелосе
183. со бога́тырями тут поиграть бы нынь,
184. а это́го бы мячика похватать бы нынь.

185. Соскочил он с кораблика же на́земь нынь,
186. он скочил бы на гору да на высокую,
187. тут бы за́чали играть о́ни ныне мячиком.

188. Как бы кинул бы Илья да во перво́й нако́н,
189. тут схватил е́го мальчик во белы́ руки́,
190. во другой раз теперь — да перекинулсе.

191. Осердилсе тут бы Илья да Муромец:
192. «Да какой же мальчишка нынь играт со мной,
193. да кака же у мальчишки нынче сила же,
194. да не подхватыват нынь мальчишка он ведь мячика».

195. Со сноровки он кинул нож во бе́лу грудь,
196. тут и пал его сынок ай на сыру́ земл'о́.

197. Тут пристал ко горы́ Лука да сын Степанович:
198. «Ой ты ой еси, Илья, да И́лья Муромец,
199. помешал у меня дитяти на сырой земле.

На что ж былó тебе в грудь ножом садить,
ножом-то сáдить со сноровкою?»

И тогда бы нонь Илья да извиняетсе:
«Есть же у тебя тут нынче чадо милое,
чадо милое твоё да одинакое,
тéбе можно на него бы насмотретисе».

И отправилсе Лука да сын Степанович,
да оставил тут дитя, да чада милого.

Он отправилсе тепере же к себе домой,
да приехал бы Лука да к своему-то отцу.

Он стал бы жить тут веки вечные
и княжить теперь да нонь с княгинею.

55. Иван Гордéнович

Ох, заводилосе пирóваньё-столóваньё
да у ласкова князя да у Владимера,
заводилосе пирóваньё, почесен пир.

И вот ныньче сидят все гости званыя,
все сидят бы ныньче там люди добрыя,
ой промежý собой бы нынче да похваляютсе.

И сидят бы богáтыри могучия,
то бы нынче полянúцы да преудáлыя.

Как новóй бы нынче хвастат да кóнём добрыим,
да другой бы похвалятся да золотой казной.

Да новóй бы понахвастат силой богатырскоей,
а ведь новóй похвалятся удачей молодецкоей.

Да все сидят ребята нынь да потешаютсе,
все там, гóлубы, собою да выхваляютсе.

Тут один бы детинушка не пьёт, не ест,
он ничем бы, детина, да не похвáлитсе.

Он повесил бы, детина, да бýйну голову,
потýпил бы свои нынь очи ясныя.

Тут выходит наш Владимер Красно Солнышко,
он каблук бы о каблук сам поколачиват,

Он бы я́сныма глазами да всё розваживат,
как бы бéлыма руками да прирозмахиват,
тихосмирную речь да выговариват:

«Кабы все бы нынь сидят да гости званыя,
все сидят бы нынь гости да потешаютсе,
промеждý бы нынь собой всё похваляютсе.

Как один у нас бы гость да он не пьёт, не ест,
он не пьёт бы, не ест, да он не тешитсе,
да ничем бы детина не похваляетсе,
он по имени Иван судáрь Гордéнович.

Éще что же нынь тебе у нас не пó уму,
а в чём же ныне мóлодца да óбнесли,
а и чем же молодцá да приобхýлили?

Да у́ тя нету разве ныне да ко́ня доброго,
у́ тя нету разве седёлка да бурзоме́цкого?

У́ тя нету разве штыка да ныне острого,
у́ тя нету разве сабли да ныне остроей,
у́ тя нету разве палицы буёвоей?

Разве у́ тя нету ныне калено́й стрелы,
калено́й бы стрелы, да нет туга́ лука́?

У́ тя нету разве ныне да кра́сна золота,
у́ тя нету разве ныне да ска́тна жемчуга?

У́ тя нету разве нынче бы ро́дной матушки,
у́ тя нету разве нынче да молодой жены».

Вот тогды бы наш детинка выговаривал,
тут ставал тогды́ детинка да на резвы́ ноги́,
говорил тогды́ детинка да таковы́ слова:

«Есть у меня бы нынь, у мо́лодца, и добрый конь,
у́ мня есть бы приправа всё бога́тырская.

Есть бы много у меня да чистого се́ребра,
у́ мня есть бы нонь, у мо́лодца, красного золота,
е́щё есть у меня да ска́тна жемчуга.

У́ мня есть бы удача да молодецкая,
е́ще есть бы у́ мня нынь да сила бога́тырская.

У́ мня есть бы нынь да ро́дна матушка,
только нету у меня нынь молодой жены.

И захотелось бы мне, детинушке, женитися,
захотелось мне, детинушке, повенчатися.

Я бы знаю ведь себе да богосужену,
богосужену себе, да богоря́жену.

Она собой-то статна́ да ли́цом белая,
а снаря́жена она во чисто́ серебро.

У ней нынче глаза как я́сна со́кола,
да ресницы бы у ей да как чёрна́ во́рона.

Да насквозь бы нынче ви́дны у ей мо́зги-ти,
как словно́ из косточки в косточку переливаются.

У того же бы у Фёдора Черни́гского,
у его же есть две дочери любимые.

Кабы старшая та си́льна поляни́ца преуда́лая,
кабы ме́ньшая мне-ка бу́дёт в самый раз.

Я со ме́ньшей хочу бы нынь повенчатисе,
е́щё с ей-то нынче бы, с девѝцей, погулятисе».

Отвечат тогды́ у нас Кра́сно Солнышко,
что по имени Владимир наш уж батюшка:

«Если хочешь ты женитися тепе́реча,
ты когда же будешь на ей свататься,
ты когда же будешь со́ ней нынь венчатисе?» —

«Я хочу теперь, Владимир-князь, посвататься,
мне-ка дай-ко сватóм да нынь Добрынюшку,
как бы тысяцким дай мне ста́ра Илья Муромца,

Да еще дай ты в поезжа́на Дуная сына́ Ивановича,
е́ще дай-ка Олёшеньку Поповича».

Ну и стали тут ребята да снарежатисе,
да бы стали тут ребята да сподоблятисе.

Они брали бы вина́ да сороковками,
как бы сладкого мёду да они бочками.

Отправлялись ребята да во чисто́ полё
да по ту же невесту да богосужену,
богосужену невесту, да богоря́жену

Как к тому бы ли царю да ко Черни́гскому,
как по ту же бы девѝцу да душу красную,

Да по имени зовут Маремьянушкой,
по изво́тчине называют да как бы Фёдоровной.

О́ни ехали тут день да ночь до вечера,
о́ни ехали всю ночку до бела́ света́,
и наутро они, ребята, да становилисе.

Как поставили шатры белополо́тняны,
о́ни стали пировать, да теперь сто́ловать.

Óни много пировали — да трое суточки,
на четвёртые бы сутки да пробужалисе.

И тут ставал бы Иван да сын Гордéнович:
«Уж вы гой еси, богáтыри могучие,

Не пора ли нам бы ехать ныне свататьсе
да на той ли Маремьяне да нынче Фёдоровны?»

Говорил тут Иван да таковы слова:
«Нынь поедет у нас Добрынюшка тут свататьсе.

Коли пойдёт óна честью — вóзьмём с радостью,
не пойдёт она тут честью — да вóзьмём нéчестью».

И суряжался-снаряжался тут добрый молодец,
он уздал бы, седлал тут кóня доброго,
он бы взял с собой приправу всю богáтырскую.

Он поехал, наш Добрыня, да во чистó полё
ко тому бы нынь царю да ко Черни́гскому
да по ту же Маремьяну да нынче Фёдоровну.

Только не видели поездки да молодецкоей
и не слышали поступки же богаты́рскоей.

Только видели, во поле да куревá стоит,
куревá-то-де стоит, да дым столбом вали́т.

Он не спрашиват в воротах приворотников,
он разъезживал своёго да кóня доброго,
он скакал бы через стену да городóвую.

Поезжал бы он к крылечику прекрасному,
ко прекрасному крылечику, ко царскому.

Становил-то нынь да он кóня доброго,
не приказывал коня да не привязывал.

Он по лесенкам тепéреча поступывал,
лесенки под им да подгибаютсе,
да от рук бы верéюшки шатаютсе.

Он не спрашиват у двери всё придвéрников,
и не спрашиват у ворот приворóтников.

Он идёт бы теперь да в гри́дню светлую
ко тому бы нынь царю да ко Черни́гскому.

Тут заходит он во гри́дню да низко кланятсе
да о все бы он четыре да нынче стороны,
самому бы царю да на особицу.

И тут спрашиват бы царь да нынь Черниговский:
«Ты отку́ль же нынь, уда́лый добрый мо́лодец,
ты зае́здна-залётна да точно птиченька?

Ты за добрым ли за делом — за сватаньем,
или биться приехал нынче, ра́титься?»

Отвечает Добрыня да таковы слова:
«Я не биться нонь приехал к те́бе, не ратитьсе,
я за добрым дело́м бы нонь — за сватаньем,

Я на той бы на Маремьяне нынче Фёдоровны
за Ивана бы нынче за Горде́новича.

Есть даите́ ей ныне честью — бе́рём с радостью,
а не даите́ нынь честью — во́зьмём не́честью».

Тут пошёл бы царь да тут Черниговский
ко своей-то он дочери любимоей:

«Вот приехал бы теперь да добрый мо́лодец
да по имени Добрынюшка Никитич млад,

Он бы сватается на те́бе нынь за Иванушка,
за Иванушка кабы теперь да за Горде́новича.

Коли по́йдешь ты честью — берут с радостью,
а не пойдёшь ведь честью — берут не́честью».

Отвечает ему ведь нынче дочь любимая:
«Да не Иван тот поставил ныне плёночку,
не Ивану бы попала в плёнку уточка.

Да запуталася утка не ему теперь —
да попала ко Бату́ю да ко Кайма́нову».
Не хочет за его идти, за Бату́я жела́т.

И приходит ей ро́дной батюшка к Добрыне же,
говорит тогда бы всё он да таковы слова:

«Не Иван-то поставил ныне плёночку —
ко Батую бы запуталась утка в плёночку».

Тут стоптал наш Добрыня да о кирпищат пол:
«Отдавайте-ко теперь честью, с радостью,
не отдашь ты теперь — а сорву я голову».

И пошёл бы тут отец да сам проплакал же,
говорит тогда он дочери любимоей:

«Если дашь мне-ка́ ты нынче веку долгого —
походи-кося теперь да нынче с радостью».

И снаряжали-суряжали да кра́сну де́вицу,
что во золоте, во се́ребре не по́гнетсе,
и подводили тут Добрынюшке Микитичу.

Говорила тут нынь Маремьяна да нынче Фёдоровна:
«Не поеду я теперь с ним да на одном коне,
мне давайте-ко теперь да ко́ня доброго».

Снарядили-обуздали тут ко́ничка доброго,
а садилась бы Маремьяна да на добра́ коня,
и поехал наш Добрыня да ко белу́ шатру.

Он ведь ехал тут бы долго ли, коро́тко ли,
у Маремьяны всё в умы́ да нехорошее.

Прижимала нынче сво́его ко́ничка доброго,
о́на хочет у Добрыни разбити голову.

Да наехала на Добрынюшку да во перво́й нако́н,
о́на съездила Добрыне да по его плечам.

Тут ответ держал Добрынюшка Микитич млад:
«Думал, я во поле нынче да комаров-то нет,
а комар меня кусает али муха ли».

А наехала она да во второй нако́н,
о́на стукнула Добрынюшку Микитича
по его ли да по бу́йной нынь по го́ловы.

Говорит тогда Добрынюшка ей таковы слова:
«Ты ещё ли будешь шутить да ныне шуточки?»

Осердился тут Добрыня те́перь сильно же
и схватил бы ныне ей да со добра́ коня.

Отпустил бы у ей коня да во чи́сто поле́,
потащил её Добрыня ко белы́м шатрам.

Подъезжает он теперь да ко белу́ шатру:
«Ты ставай-кося, Иван суда́рь Горде́нович,

Я тебе бы нынь привёз да богосужену,
богосужену ныне, да богоря́жену».

Тут выскакивал Иван суда́рь Горде́нович
в одной беленькой рубашке, в одних чёботах.

И брал-то он Маремьяну да за белы́ руки́,
целовал тут Маремьяну в уста саха́рные,
и заводил бы Иван в шатёр белополо́тняный.

И тут пошёл у них бы пир да нынь на весь мир,
пировали-столовали да трое суточки,
на четвёртые-ти сутки да пробужалисе.

Тут ставал бы Иван суда́рь Горде́нович:
«Не пора ли нам еха́ть да в путь-дорожечку?»

Ну, суряжались-снаряжались до́бры мо́лодцы,
убирали бел-полотняный они шатёр,
поезжали ребята да нынь во стольный град.

И отправились ребята да нынь в стольный град,
тут поехала Маремьяна да со Иванушкой,
со Добрынюшкой Микитичем уда́лыим,
со стары́м нынь казаком И́льей Муромцем
и со всей теперь дружиною хоро́брою.

О́ни ехали тут долго ли, коро́тко ли,
перепала им дорожечка кровавая,
да кровавая дорожка, да поперечная.

Пропустил бы эту дорожечку кровавую
да Батуй же тепереча Ка́йманович.
Волшебник был, так знал, что её увезли-то.

И тут сдумалось Иванушку изведати,
да дорожку бы эту попроведывать:

«Еще по этой съезжу я нонь дорожечке
éще с той же Маремьяной нынче Фёдоровной».

Становили тут ребята да кóней добрыих,
говорили бы ребята да таковы слова,
говорил бы старóй нынь И́лья Муромец:

«Ты напрасно поезжаешь во чистó полё
еще с той же с Маремьяной нынче Фёдоровной.

Ты поедем-кося с нами да во стольный град,
ты поедем-ко, Иван, нынь ты с нами же.

Ты поедешь нынь, Иван, да ты в дорожечку,
потеряешь ты, Иван, нынь бу́йну голову.

Ты свези-кося нынчé да молоду́ жену,
воротися нынь, Иван, в свою ты рóдну сторону».

Как не слушает Иванушка да Гордéнович:
«Я надеюсь нынь на силу богатырскую,
а еще на копьё бы бурзомéцкое,
я изведаю дороженьку кровавую».

Говорит еще старóй да И́лья Муромец:
«Ты послушай éще нас да во второй накóн,
потеряешь ты, Иван, нынь бу́йну голову».

Там поехал ведь удалый добрый мóлодец,
распрощались, разъезжались да добры молодцы.

Говорил ещé Старóй да всё наказывал:
«Когда будешь ты топéреча да на времени,
расставаться будут очи да со белы́м светóм,
еще спомяни хошь нас топéреча с Добрынюшкой,
да с Добрынюшкой тепéреча с Микитичем».

Распростились, разъезжались дóбры мóлодцы,
те поехали ребята да нынь во стольный град,
а Иванушка поехал да во чистó полé
со своею он теперь да с молодой женой.

Они долго ли тут ехали, корóтко ли,
там-от видит он, во полюшке шатёр стоит,
тут шатёр-то стоит да чернобархатный.

Тут лежит бы собака, змея лютая,
что Батуй лежит теперь да он Каймáнович.

Подъезжал тогда Иван судáрь Гордéнович:
«Ты ставай-ко, ворона да пустопёрая,
мы тепереча с тобой да поотведаемся».

Тут скакал бы нынь детина, да добрый мóлодец,
тут скакал же теперь да на добрá коня,
разъезжались-разлетались дóбры мóлодцы.

Соезжалися удáлы да дóбры мóлодцы,
кабы палицы буёвы да изломáлисе,
а копéйца бурзомéцкие изогнýлисе,
úхни сабли нынче вóстры да исщербáлисе.

Тут скакали ребята на сырý землю́,
óни бились теперь да в рукопашный бой.

Как Батуя бы теперь рука промахнуласе,
да бы левая нога éго подвернуласе.

Тут бы пал он нынь, собака, да на сырý землю́,
и заходил тогда Иван да на черны́ грудú.

Он хочет нынь пороть éго грýди черные,
он хочет мешать да кровь с печенью.

Говорит тогда Батýй да сын Каймáнович:
«Ты нынь ой еси, Маремьяна да нынче Фёдоровна,
почему же ты пошла да за чужéнина?

У его-то будешь жить ныне работницей,
у меня-то будешь жить да нынь царицею,
пособи-ка мне стряхнуть его да со моей груди».

Вот послушалась Маремьяна да нынче Фёдоровна,
пособила стянуть туда Иванушка,
да Иванушка тепéреча Гордéновича,
да запутала Ивана во шелкóвы повода.

Говорит Батуй-собака да таковы слова:
«Не ссекём ли у его да бýйну голову?»

Говорит Маремьяна да таковы слова:
«Мы привяжем его да ко сырý дубý,
мы бы ля́гем-ка с тобою во черлён шатёр,
да откроем мы теперь двери нáполу.

Тогда мы будем с тобой да обниматисе,
да над ним-то мы будем изгиля́тисе,
е́му тошно тут будет, да и смерть придёт».

Тут послушался Бату́й да сын Кайма́нович,
привязали Ивана во путы шелко́вые,
как во те же пенько́й да во ядрёные,

Привязали его бы, до́бра мо́лодца,
тут улеглися о́ни спать двои́ми-на́двое.

Тут Иванушка глазами-то посматривать,
уж как они любуются-целуются.

Тут Иванушка тогда да осержаетсе,
у его тут дуб да потрясаетсе,
не может он сорвать да пенько́й ядрёные.

Как бы стал он прощаться да со белы́м свето́м,
он ведь хочет расставаться нынь со своим века́м.

Ему па́ло бы на ум, да пришло в разуме,
поминает он Добрынюшку Микитича,
поминает он Илеюшку ведь Муромца:
«Говорили они мне-ка бы, наказывали».

Вот немного тут поры́ да миновалосе,
прилетают к нему два чёрных ворона.

Как садились бы они да на тот же дуб,
где Иванушка теперь да был привязаный.

Они стали, во́роны, да всё воску́ркивать,
они за́чали, во́роны, и погра́ёвать,
не давают бы Бату́ю спать с молодой женой.

Тут Батуй же нынь да осержается,
со младой бы женой он да пробуждаетсе.

Он берёт бы в руки́ да нынче ту́гой лук,
тут накладыват Батуй да калену́ стрелу,
он и хочет бы стрелить да чёрных воронов.

Натянул-то он тепе́реча свой ту́гой лук,
он и стре́лил бы своей да калено́й стрелой.

От их бы, от воронов, стрелка обратиласе
да собаке бы Батую в грудь тут вразиласе,
тут Батую тепе́реча и смерть пришла.

О́на ходит ноне, Маремья́на, молода жена,
она плачет сколь ноне — да у ей умер муж,
еще того боле плачет — да у жива́ мужа́.

Говорит тут Иван суда́рь Горде́нович:
«Отпусти ты, Маремьяна нынче Фёдоровна.

Я толькй тебе дам нынь поученьице,
поученьице тепе́реча великое,
поученьице великое да как бы му́жево».

Сколько плакала, не плакала Маремья́нушка,
да заставил отвязать себя Иванушка.

Тогда бы наш Иван говорил таковы слова:
«Те́перь дам тебе ведь я да поученьице,
поученьице великое да как бы му́жево».

И раздумался Иван суда́рь Горде́нович,
он раздумался теперь да во своём уме:
«Не позволю я теперь еха́ть ей в стольный град».

Тут поехали они долго ли, коро́тко ли,
захотел тогда Иванушка воды испить.

«Ты сойди-ка, Маремья́на да нынче Фёдоровна,
почерпни-кось ты воды мне-ка ключёвоей,
я хочу напиться ныне да холодной воды».

Да не сходит Маремьяна да со добра́ коня:
«Ты не хочешь, видно, испить воды ключёвоей,
только хочешь испить моей крови горячеей».

Сколько времечка она тут да отпираласе,
всё слезала Маремья́на нынче Фёдоровна.

Подала она ему воды ключёвоей,
он выпил теперь воды холодноей.

Он взял бы тогда себе булатен нож,
он взял её теперь да за белы́ руки́.

Он обрезал у ей теперь уста саха́рные,
он обрезал у ей нынче руки белые,
он обрезал у ей нынь да по коле́н ноги́.

«Ты с поганыим татарином целоваласе,
ты с поганыим татарином обнималасе,
ты с поганыим татарином оплеталасе».

Он выкопал могилу ей глубокую,
позарыл ей теперь да по беló́й груди́.

Долго ли он жил теперь, коро́тко ли,
посадила нынче утка ей гнездо на голову.

Тут повадился тепе́реча да серый волк,
уж и съел бы он да ныне молоду́ жену,
он тогда только́ поехал нынь во Киев-град.

Он и ехал еще долго ли, коро́тко ли,
и приехал нынь Иванушко во стольный град.

Тут сидят бы бояра на честно́м пиру,
проздравляют тут Иванушка с молодой женой:
«Ты здоров, Иван, женился, нынче не с кем спать».

14. Тимофей Степанович Кузьми́н

При первых же словах о былинах жители Те́львиски, старого рыболовецкого селения в пяти километрах от Нарьян-Ма́ра, в один голос заговорили о Тимофее Степановиче Кузьмине́: «Этот знает! Его и в Нарьян-Ма́р возили выступать. Этот вам напоёт! Ну, этот дед — пева́ка!»

Тимофей Степанович Кузьми́н.
Снимок из книги Н. П. Колпако́вой [Колпакова 1961, с. 217]

В 1956 году Тимофею Степановичу было 68 лет, рыбак, жил небогато, с женою, дочерью и внучкой-школьницей. Почти всю жизнь прожил дома в Те́львиске. Небольшого роста, очень скромный по всему своему облику и манерам, Кузьми́н принял участников экспедиции радушно и просто. После получасовой беседы собиратели были глубоко тронуты его добротой, природным достоинством и очевидным желанием помочь им в работе.

К былинам Кузьмин относится с большой любовью и пониманием их ценности. Петь стал охотно, без особых просьб и уговоров и, видимо, был

очень доволен вниманием, оказанным ему как сказителю, хотя и говорил, что поёт он плохо и что «слушать его не стоит».

Тимофей Степанович Кузьми́н.
Снимок предоставила внучка сказителя Нина Фёдоровна Чу́ркина[52] *(село Те́львиска)*

Узнав, что Академия наук прислала из Ленинграда специальную экспедицию для записи ста́рин, Тимофей Степанович очень взволновался. «Значит, понимают люди, какое большое дело — ста́рины. Значит, ценят, — повторял он. — А у нас-то! На смотр меня вызывали, в Нарьян-Мар. К олимпиаде готовились. Говорят: «Выходи, дедушка, на эстраду, расскажи публике что-нибудь, ста́рину про что знаешь. Да только петь не надо, — так, без пения, расскажи словами, чтобы скорее было. Не то публике скучно будет». Да разве э́так можно? Ну, вышел я, рассказал про Илью, премировали меня потом, пятьдесят рублей дали. Да разве это мне нужно? Разве так старины-то передают — рассказом, без голоса? Нет, этак не годится!» Старик, видимо, был глубоко и справедливо обижен таким отношением — не к нему самому, а к его былинам. Сетовал он и на невнимание к былинам молодёжи.

---

[52] 28 февраля 2018 года внучка сказителя Нина Фёдоровна Чу́ркина, в девичестве Кривобо́кова, 1947 года рождения, поделилась своими воспоминаниями о деде. Тимофей Степанович говорил, что родился он на Мезе́ни, и род его оттуда. Они все были как-то связаны с церковью («дья́ки, священнослужители»). Тимофей Степанович был рыбак, работал как частник, в колхозе не был. Жил зажиточно, у него с женой были свои лошади, коровы, овцы. Жена сказителя («бабушка Татьяна») рассказывала, что его посадили в 1930-е годы, поскольку он был связан с церковью. Он был выслан из Те́львиски, долго сидел и вернулся лишь в 1940-х. Спустя много лет после смерти обвинения с Тимофея Степановича были сняты. (В статье Ольги Вячеславовны Тюренко́вой находим более точные сведения об этом: был сослан в лагерь в 1938, освободился в 1944, реабилитирован в 1991 [*Тюренко́ва 2014*, с. 85]). Когда Тимофей Степанович умер в июне 1964 года, Нина Фёдоровна закончила 10 классов школы. Однако она не помнит, чтобы дед сказывал былины. До́ма для жены, дочери и внучки Тимофей Степанович былин не пел. Возможно, пел где-то ещё. Нина Фёдоровна вспоминала также, как они с дедом вместе рыбачили. У него у первого в Те́львиске появился лодочный мотор.

Тимофей Степанович Кузьми́н, слева.
Снимок предоставила внучка сказителя Нина Фёдоровна Чу́ркина (село Те́львиска)

С первой же былины, спетой Тимофеем Степановичем, стало ясно, что Кузьми́н — один из редчайших мастеров былинного искусства, которых можно услышать в наши дни. Уже сам репертуар Кузьмина́ был для современного былинщика на Печоре необычным. Запись Кузьмина́ на магнитофон происходила в течение четырёх дней подряд в его избе в присутствии только его полуглухой старухи-жены. Тексты былин оказались длинными и цельными, а сказитель предлагал всё новые и новые сюжеты, варьируя напевы. В итоге от него было записано 12 хороших, иногда превосходных, полных текстов.[53] В этом большом и своеобразном былинном репертуаре усвоенное из местной устной традиции сказитель объединил с материалом других областных традиций, воспринятым из печатных изданий былин.

Оказалось, что сказитель грамотен с девяти лет. Былины узнал прежде всего от отца, сказителя Степана Васильевича Кузьмина́, который по профессии был штукатуром-печником («всё печи клал») и славился своим умением петь ста́рины. Кроме отца слыхал не раз и других сказителей и запомнил петое ими. «Что раз услышал — то моё», — говорил он сам. Вместе с тем Тимофей Степанович, по его словам, ещё в детстве

[53] 11 былин и одна старшая историческая песня.

видел «московские книги с былинами», бывшие у местного священника отца Евгения. Возможно, и позже читал былины в книгах и, обладая острой памятью, невольно запоминал прочитанное. Книжные влияния в его сказительстве отличают его от другого лучшего исполнителя былин современной Печоры, Андрея Пономарёва, истоки знания которого — исключительно в местной традиции.

Кузьми́н пел спокойно, твёрдо, и́стово, уверенно. Исполняя былины подряд, он держал один напев, но, прерывая исполнение, напев менял или вносил в один и тот же некоторые изменения. Хотя сам сказитель считал, что напевы его былин все одинаковы.[54]

От сказителя записана также историческая песня (ста́рина) о Кострюке́ [*Исторические песни 1960*, с. 219]. Кроме былин Кузьми́н знал несколько сказок («Про Еруслана Лазаревича и другие какие пустяковины») и песен, преимущественно рекрутских и солдатских «под ногу» [*Колпакова 1961*, с. 30, 31, 216].

Тимофей Степанович Кузьми́н спел собирателям 14 текстов (всего 1644 стиха), из них 3 — это повторы, то есть на момент записи он знал 11 былин. Причём почти четверть этого наследия (423 стиха) опубликована в звуке [*Звук 2013–2014*]. Это 54 с половиной минуты записи голоса сказителя. Опираясь на этот исключительный материал, составитель настоящего сборника распел целиком былины Кузьмина́. Получилось 3 часа и почти 44 минуты пения. Однако этот бесспорно интересный материал, за исключением одной былины, не вошёл в наше издание, поскольку он по своему содержанию в значительной мере восходит к наследию сказителей из других областей России, а в книге ставится задача отразить своеобразие именно нижнепечорской эпической традиции. Выявление же нижнепечорской составляющей в былинном творчестве Кузьмина́ требует отдельного исследования. По предварительным данным преимущественно нижнепечорской можно признать лишь одну ста́рину Кузьмина́ в 130 стихов, которая и вошла в настоящее издание:

1) Анна Путя́тична.

---

[54] Тимофей Степанович былины сказывал двумя напевами (№№ н3 и н4).

56. Анна Путя́тична

Как во той ли-то земли́ да во Турецкоей,
у Василия-то было у Турецкаго,
пирова́ньё-то шло да шёл почэсьтен пир.

Говорит тут Василий сын Турецкий же:
«Уж ты гой еси, Идо́йло сын Идо́йлович,

Уж ты съезьди-ко, Идо́йло, в стольный Киев-град,
уж ты сватай-ко, Идо́йло, Анну дочь Путя́тичну
за меня-то в законное супружество».

Говорит тут Идо́йло сын Идо́йлович:
«Уж вы гой еси, колдуны да колдуни́ци жё,
вы сколдуйте-ко Идо́йлу мне во первый раз,

И какая мне ведь путь будёт шшастли́вая
а шшастли́ва ле путь да нешшастли́вая».

Сколдовали и сказали скоро-на́скоро:
«Как вперёд-то Идо́йлу путь шшастли́вая,
а назад-то Идо́йлу нешшастли́вая».

Говорит тот Идо́йло сын Идо́йлович:
«Уж вы гой еси, колдуны да колдуни́ци жё,
вы сколдуйте-ко Идо́йлу мне во вто́рый раз».

Сколдовали и сказали скоро-на́скоро:
«Как вперёд-то Идо́йлу путь шшастли́вая,
а назад-то Идо́йлу нешшастли́вая».

Как садилсэ тот Идо́йла на чёрле́н кора́б
и поехал тут Идо́йло в стольный Киев-град.

Приезжают-то они да, верно, в стольный Киев-град,
ишшэ́ кладут-то ведь сходни да, верно, на́ бере́г.

Как соходит тот Идо́йло сам на́ бере́г
и идёт-то он ко князю ко Владимиру.

Как заходит тут Идо́йло в гри́дьни светлыя,
Богу русскому Идо́йло вот не кланятся,
и челом-то не бьёт да он Владимиру.

Говорит тот Идо́йло таковы́ слова:
«Уж ты гой еси, Владимир Стольнокиевский,

Я не гось-то пришёл да не госьтить зашёл,
я пришёл-то к тебе да вот за сватосьвом
как на Анны-то, верно, на Путя́тичны.

Как отдашь-то ле чэсью — во́зьмем с радосью,
не отдашь-то ле чэсью — во́зьмем нечэсью».

Как запечалился Владимир Стольнокиевский,
на одно-то плечо надел он шубочку,
на одно-то ухо́ надел он шапочку,

И пошёл он ко своей к любимоей племяньницы,
как ко Анны-то, верно, ко Путя́тичны.

Увидала-то его да вот племяньница,
говорит-то ему да таковы́ слова:

«И́шшэ три года солнце не приката́лося,
на чэтьвёртой-от год да прикатилося». —

«Уж ты гой еси, любимая племяньница,
ишшэ́ Анна ты, верно, дочь Путя́тична,

Как пришёл-то слуга да непрошёный к нам
от Василия-то сына от Турецкаго,
и́шшэ сва́таёт тебя Василий он Турецкий же».

Говорила-то ему да дочь Путя́тична:
«Уж ты гой еси, любимый мой да дядюшка,
ты срежай-косе ты да три кораблика:

И́шшэ пе́рвой-от кораблик сви́нцу-пороху,
и́шшэ вто́рой-от корабь вина заморскаго,
как вина-то заморска, зелья лютого,
и́шшэ третьей-от кораблик силы ра́тноей.

И́шшэ дай-то Добрынюшку Никитича,
и́шшэ дай-то мне Олёшеньку Поповича».

Как садилася она да на кораблики,
выходила-то она да в мо́рё си́неё.

Побросали-то они якоря булатные,
говорит тут ведь Анна дочь Путя́тична:
«Уж ты гой еси, Олёшенька Попович млад,

Ты сними-косе, верно, шлюпку белую,
поезжай-ко ты к Идо́йлу на чёрле́н кораб,
ты скажи-ко Идо́йлу таковы́ слова:

Как у нас-то рули, верно́, не правятся,
паруса-ти у нас не надуваются,

Как у Анны-то сегодня имени́нной день,
и́шшэ милости-де просим хлеба кушати».

Поезжает тут Олёша на черле́н кора́б,
говорит тут Олёша таковы́ слова:
«Уж ты гой еси, Идо́йло сын Идо́йлович,

Как у нас-то рули да нонь не правятся,
паруса-ти у нас не надуваются,

Как у Анны-то сегодня имени́нной день,
и́шшэ милости-де просим хлеба кушати».

Как на ето Идо́йло не соглашается,
как приехал тут Олёша на чёрле́н кораб.

Говорила тут ведь Анна дочь Путятична:
«Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитич млад,

Уж ты съезди-ко к Идо́йлу на чёрле́н кораб,
ты зови-ко Идо́йлу на честно́й-от пир».

Как поехал тут Добрыня на чёрле́н кораб,
говорит тут Добрынюшка Никитич млад:

«Уж ты гой еси, Идо́йло сын Идо́йлович,
и́шшэ милости-де просим к нам хлеба кушати,
хлеба кушати, вина заморскаго пробовати».

Как на ето Идо́йла соглашается,
и спускает тут Идо́йло шлюпку чёрную,
и отправилсэ Идо́йло на чёрле́н кораб.

Как заходит тут Идо́йло в гри́дьни светлыя
и садится он-то, верно, за́ стол дубовый жё.

Как подносят тут Идо́йлу чару зелена́ вина,
как не ма́лу, не вели́ку — в полтора ведра.

Берёт тут Идо́йло едино́й рукой,
как выпивает тут Идо́йло едины́м духо́м.

Как подносят тут Идо́йлу вто́ру чарочку,
как не ма́лу, не вели́ку — в полтора ведра,
полтора-то ведра да зелья лютого.

Говорит тут Идо́йло сын Идо́йлович:
«По серёдочки чарочки огонь горит,
по краям-то ведь чарки струйки стру́ятся».
Но от чары-то он да не отказывается.

Как берёт тут Идо́йло едино́й рукой,
выпивает тут Идо́йло едины́м духо́м.

Как выходит тут Идо́йло на чёрле́н кораб,
и́шшэ стало тут Идо́йлушку помётывать,
и́шшэ стало тут Идо́йлушку посвистывать.

И́шшэ стал тут Идо́йло за снасточки
похватыватьсе,
за какую снастку хватитсе, снастка по́рветсе.

Говорит тут Олёшенька Попович млад:
«Уж ты гой еси, пога́ноё Издо́йлишшо,

Не тобой-то были́ ведь снасти сна́шшены,
не тобой-то были́ дере́вца ставлены,
не тебе-то, прокляту, обрывати же».

И́шшэ стало тут Идо́йлушку помётывать,
и́шшэ стало его ведь пу́шше вот посвистывать,
за каку́ ведь снастку хва́титсе, снастка по́рветсе.

Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
«Уж ты гой еси, пога́ноё Издо́йлишшо,

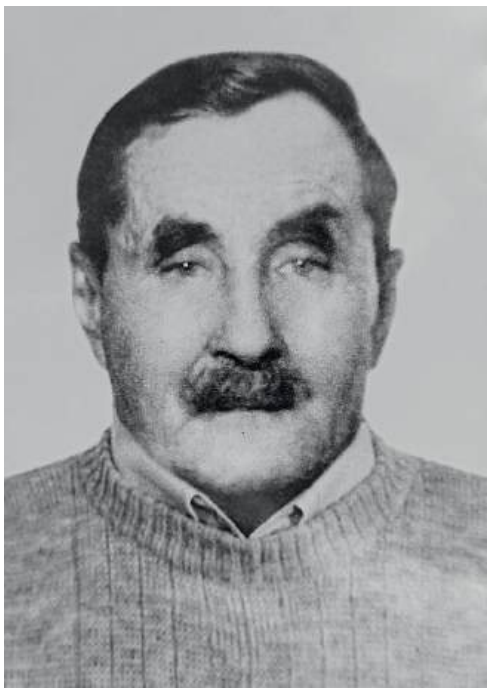
Не тобою-то были́ ведь снасти сна́шшены,
не тобою-то были́ дере́вца ставлены».

Вынимает тут Добрыня саблю вострую,
отрубает тут Идо́йлу бу́йну голову.

Как оттуда-то ведь Анна поворот держи́т,
поворот-то держи́т да в стольный Киев град.

15. Ника́ндр Иванович Су́слов

Постоянный житель деревни Ла́божское, 65-ти лет. Один из лучших рыбаков в деревне. Зажиточный колхозник. Живёт очень обеспеченно в доме из трёх комнат, убранных по-городскому, с женой, дочерью, зятем и внуком. Живой, общительный человек, маленький, сухонький, в косоворотке и толстых тёплых носках, без обуви, он мягко ступал, прохаживаясь во время разговора по чистой просторной комнате.



Ника́ндр Иванович Су́слов.
Снимок с надгробия сказителя (деревня Ла́божское)

К Су́слову собирателей направил Тимофей Семёнович И́жемцев (№ д4) со словами, что тот «много чего знает». Никандр Иванович оказался хорошим исполнителем былин и охотно поделился с собирателями своим репертуаром.

О былинах Никандр Иванович говорил серьёзно и с чувством: «Ста́рины петь — надо склад знать. Вот я прежде-то помнил больше, пел их сам своим переде́м (т.е. умел запевать и самостоятельно вести напев). А теперь из памяти многое выходит, — стары мы стали. А врать не хочу».

Но одну ста́рину и начало второй Никандр Иванович исполнил прекрасно. Перед тем как запеть в магнитофон, он долго проверял себя: «Пароход-то сперва пар пущает, а уж потом разгудится во всю силу, — говорил он, — так и ста́рину всю знать надо. С двух-то первых слов далеко не уедешь. Попробовать сперва надо, всё ли в памяти».

Никандр Иванович — малограмотный самоучка, но большой любитель музыки и чтения. «Без газет жить не могу», — говорил он. В доме есть «Печорские былины» Ончуко́ва с оторванными первыми и последними страницами. В молодости Су́слов слышал многих мастеров-былинщиков: Василия Петровича Тайбаре́йского, Фёдора Михайловича Пономарёва и других, с их голосов он и «по́нял» (перенял) свои ста́рины. Однако несомненно и влияние текстов сборника Ончуко́ва. Бесспорно одарённый сказитель, Су́слов творчески объединяет взятое им из устной традиции с усвоенным из книги.[55]

К записи от него былин сказитель отнёсся с большим чувством ответственности. Характерен следующий факт: когда записывали от него балладу «Молодец и горе»[56] на магнитофон, он, «чтобы не соврать», держал перед глазами книгу Ончуко́ва с раскрытым текстом этой баллады, хотя перед тем спел её совершенно свободно. Кроме былин и баллады Никандр Иванович знал также старые лирические протяжные песни и хорошо исполнял их [*Колпакова 1961*, с. 29 и 173].

Никандр Иванович Су́слов спел 1 былину целиком и одну неполно[57] (всего 187 стихов):

1) Дуна́й Иванович: на пиру у князя;

2) Добрыня и Олёша.

---

[55] Подробнее о влиянии книги на тексты Су́слова здесь: [*Колпакова 1961*, с. 34–35 и 544–546].

[56] Баллада опубликована [*Колпакова 1961*, с. 177–178].

[57] Также, по книге Ончуко́ва, сказитель пропел несколько начальных строчек пи́жемского варианта былины «Илья и Соко́льник» [*Свод 2001-1*, с. 699–700].

57. Дунай Иванович: на пиру у князя

Как во славном во городе во Киеве,
а у ласкова князя у Владымира
заводилосе столо́ваньё-пиро́ваньё

Как на всех же попов, купцей богатыех,
как на руских могучих всё бога́тырей,
на крестьян всех, бояр да толстобрюхиих.

Как бы все-то ле на пиру да пьяны-ве́селы,
о́ни все ли на пиру да розвесёлыя,
как бы все-то на пиру да приросхвастались.

Как иной-от ведь хвастат чистым се́ребром,
как иной-от бы хвастат скатным жемчугом,
а иной-от ведь хвастат красным золотом.

Как иной-от бы хвастат добры́м конём,
как иной-от ведь хвастат са́блёй вострою,
ах, иной-от ведь хвастат па́лицёй буёвою,
а иной-от ведь хвастат копе́йцём бурзамецькиим.

А ведь у́мной-от хвастат старой матерью,
а безу́мной-от хвастат молодой женой.

Как бы все-то сидят да розвесёлыя,
абы Солнышко князь да по полу́ ходил,

Он ножка о ножку поколачивал,
он сапог о сапог да нынь пошша́лкивал.

Он бе́лыма руками принамахивал,
он ру́сыма кудрями принатряхивал,
он я́сныма глазами прирозглядывал.

«Уж вы ой еси, уда́лы до́брые мо́лодцы,
уж вы русские могучие бога́тыри,

Уж вы все-то сейчас да розвесёлыя,
уж вы все-то у нас да припоже́нены,
уж кра́сны девушки да взамуж выданы.

А один-то я у вас да нынь холо́с хожу,
а холо́с-то хожу, да без жены живу.

Вы не знаете ле кто ме́не поединщицу,
вы не знаете ли хто да мне невесту-ту?

Мне статны́м-то надь статна́ да как лицом бела́,
а лицом-то бела́ да волосо́м руса́.

А походочкя бы у ей да тихосмирная,
е́йна речь-то чтобы́ да лебединая».

Говорит один уда́лый до́брой мо́лодец
как по имени Дунай да сын Иванович:

«Уж ты ой еси, ты Солнышко Владымир-князь,
не моги меня казнить, моги помиловать,
я бы знаю-то тебе да нынь невесту-ту.

Как статны́м-то она статна́ да по́лна во́зростом,
ах, лицом-то она бела́ да волосо́м руса́.

Ей походочкя была да тихосмирная,
ейна речь-то была да лебединая.

Есь за́ морём Семён да Лихови́нскиих,
есь ли дочь у него да всё прекрасная,
как по имени Ефросинья дочь Семёновна».

Как послали Дуная за невестой-то,
он взял с собой могучиих бога́тырей,
он корабль нагрузил да златом-се́ребром,
он приехал ко Семёну да Лихови́нскиих.

«Как мы русские могучие бога́тыри
что из сто́льнёго из города из Ки́ёва,
я приехал к вам за дочерью Ефросиньею,
ей за князя за Владымира взаму́ж везти.

А добром отдадут — во́зьмём с радостью,
а добром не отдадут — во́зьмём не́честью».

Согласилсе тут Семён да Лиховинскиих:
«Е́ще дочь моя, Ефросинья Семёновна,
приезжает богаты́рь за те́бя свататьсе
что за русского за князя за Владымера.

Говорит, добром даём — во́зьмут с радостью,
а добром не отдаём, дак во́зьмут не́честью».

Е́ще стала Ефросинья нынь сряжатисе,
во цветно́е сво́ё платье наряжатисе,

Собираетсе она во сто́льнёй Ки́ёв-град
как за русского за князя за Владымера.

Привозили Ефросинью в сто́льнёй Ки́ёв-град,
тут пошло у их пиро́ванье великое.

58. Добрыня и Олёша

Как случилось Добрыни в по́лё ехати
не на много, не на мало — е́му на целый год.

Оставляет он жену да сво́ю милую:
«Если год-то пройдёт, да я не ве́рнуся,
то́гды можь ты идти да то́лькё взамуж-то.

За кого́ хоть ты поди, дак мне-ка всё ровно́,
то́лькё не ходи ты за Олёшенькю Поповича,
ведь он-то мне-ка нынь да как двою́род брат».

Тут уехал-то уда́лый до́брой мо́лодец,
как задумал-то Олёшенькя женитися.

Он прошёл-то к Ильи да нынче к Муромцю:
«Я желаю женитьсэ на Добры́ниной жены́».

Ах, ведь тут-то старо́й да И́лья Муромец
говорит-то сейчас да таково́ сло́во:
«Может быть-то, Добрыня-то жи́в-то бы».

А Олёша-та и тут да выговариват:
«Я уж ездил по чистому по по́лю-ту,
я ли видел-то труп да нынь Микитича.

Сквозь его-то сейчас да ведь трава ростёт,
как трава-та ростёт, да ведь цветы цветут».

Тут и стар-то казак дак Илья Муромець
согласилсэ жениться нынь Поповицю.

О́ни стали собиратьсе за невестою
как ведь в то́ жё вре́мё да нынь среди́ ночи́.

«Как добром-то пойдёт, дак во́зьмём с радостью,
а добром-то не пойдёт, дак во́зьмём не́честью».

Вот тут-то пошли да нынь к Добрыниной жены́,
ах, ста́рой Илья да нынче Муромець:

«Уж ты ой еси, ты матушка Добрынина,
мы пришли-то ведь к вам да нынь посватать-то
на Добрыниной жёны́ да за Поповича».

А она ведь говорит дак таковó словó:
«Мóжёт, жив-то Добрынюшка Микитич блад».

А Илья-то теперь да нынче Муромець
говорит: «Уж неживой да нынь Добрыня-та.

Сквозь его уже сейчас дак ведь трава ростёт,
ведь трава ле ростёт, да как цветы цветут.

Ах, добром-то пойдёт, дак вóзьмём с радостью,
а добром-то ле не пойдёт, дак вóзьмём нéчестью».

Тут пошла нынчéматушка Добрынина
ко своей-то снохи́ да в спальню тéплую.

«Уж ты ой еси, вставай, да снóха милая,
тут пришли за тобой да нынь посватать же,
тут Олёшенькя пришёл со стары́м Ильёй.

Ах, добром-то пойдёшь, дак вóзьмут с радостью,
а добром-то не пойдёшь, дак вóзьмут нéчестью».

Тут ведь стала собиратьсе молода вдова,
повели её нынчéда на почестен пир,
тут пили-столовали на честнóм пиру.

Как во ту пору́ былó да как в то времечко,
как Добрыня ехал нынче по чисту́ полю́.

Остановилсе тут он да во белóм шатре,
как бы спал да храпел, как река шумит.

Уж как в этó время́ да прилетел ворóн,
как бы первой раз он воску́ркал же —
молодой спит нынчéкак крепким сном.

А второй-то раз он воску́ркал же —
а сухое пеньё да поломалосе.

А во третьей раз он воскуркал же —
а в озёрах вода да сколыхаласе.

Тут проснулся удáлой дóброй мóлодец:
«Видно, есть-то над городом несгодушка».

Как ведь едет сейчас да ко свою́ двору,
ко свою́-то двору, к высóку тéрему.

Не встречат е́го нынь дорога́ семья,
дорога́ его семья, да молода жена.

Он заходит-то сейчас да в гри́дню светлую,
он здороватсе да нынь да с ро́дной матушкой.

«Уж и где же нынь моя да дорога́ семья,
дорога́ ли семья, да молода жена?» —

«Уж ты ой еси, уда́лой до́брой мо́лодец,
уж ты милое моё чадо́ любимое,

Увели-то её да на почестен пир,
да взяли́ же за Олёшенькю за Поповича».

Он просит да у матушки благословеньица
как сходить-то на свадьбу посмотрети-то.

А ведь мать ему говорит таково́ слово́:
«Понапрасну потеряшь сво́ю бу́йну голову».

Отвечает он-то матушке родимоей:
«Я не буду ничего нынь разговаривать,
я надену нынь платьице кали́ческо».
Тут пошёл же Добрынюшка на свадьбу-то.

Как пришёл-то Добрыня нынь на свадьбу-то,
как ему-то наливали зелена́ вина,
как чару-то дают да невеликую,
не велику-то чару́, да полтора ведра,
подаёт ему старо́й ка́зак И́лья Муромец.

Как берёт-то Добрыня во праву́ руку́,
он и пьёт-то её да едины́м духо́м.

Сам за чарой-то слово выговариват:
«Дай Бог больше́ тебе да хо́дить ты́сяцким».

То́гды наливает чару-то Олёшенькя,
подаёт-то он её ныне́ Добрынюшке.

Он берёт-то ведь чару во праву́ руку́,
он не малую-ту чару, не великую —
полтора-то ведра да зелена́ вина:
«Тебе дай-то Бог больше́ да во совете жить».

Подаёт-то ему да и невеста же
а и чару ему да зелена́ вина,
как не малу, не вели́ку — полтора ведра.

Тогда берёт-то ведь Добрынюшка Микитич млад,
выпивает-то чару едины́м духо́м,
сам за чарой-то слово выговариват:
«Те́бе дай же ведь Бог во согласьи жить».

Сам снимает он платье-то кали́ческое
и снимает он перстень обруча́льной же,
подаёт-то своёй да дорогой жены́.

Как стаёт-то она да на резвы́ ноги́,
раздвигает столы да всё дубо́вые
и выходит к Добрынюшке Микитичу.

Тогда Добрынюшка Микитич проздравляти стал:
«Уж тебе, старо́й казак Илья Муромец,
те́бе стыдно у жива́ мужа́ жену-то брать.

А тебе и здравствуй, Олёшенькя ты Попович млад!
Здорово́ ты женившись, толькё не с кем спать».

Приложения

Приложение 1

Напевы нижнепечорских былин

Пой по стари́не:
Держи яса́к[58] *постано́вной.*

Устное слово в книге молчит. Напоминают ли нам о цветущих лугах засушенные меж бумажных листов цветы?

Борис Викторович Ше́ргин

Напевы былин — это наш ключ к восстановлению звучания нижнепечорского эпоса. Имея несколько распетых строчек, можно распеть былину целиком. Также, переняв напев от одного сказителя, можно распеть былину другого. Поскольку и слова, и напевы в нашем случае происходят из одного сказительского очага, такой подход вполне уместен.

Всего до нас дошло 11 напевов. Девять из них (№№ 1–6 и 9–11) были записаны на магнитофон в 1956 году Натальей Павловной Колпако́вой и Фла́вием Васильевичем Соколо́вым [*Ма́рченко 2019*]. Напев № 7 был записан на фонограф в 1914 году Д. Г. Фёдоровым, а № 8 — на гибкий диск в 1951 году А. Г. Кудышкиной.

Все звукозаписи нижнепечорского эпоса хранятся в Фонограммархиве Пушкинского дома. Некоторые из них были выложены на страничке *«Свод русского фольклора. Былины». Звуковой аналог (по материалам Фонограммархива Отдела фольклора ИРЛИ РАН)* [*Звук 2013–2014*].

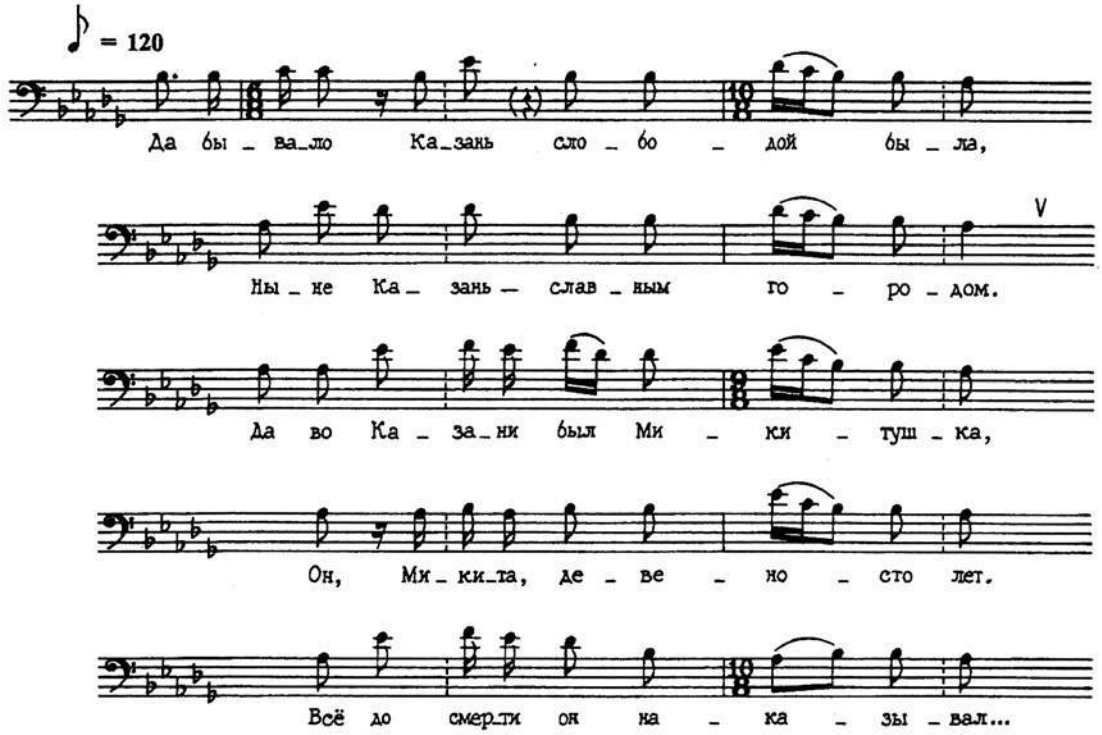
В нашем издании первыми идут 6 напевов, звучание которых можно послушать на упомянутой странице в сети, а затем 5 напевов, звукозаписи которых пока не опубликованы.

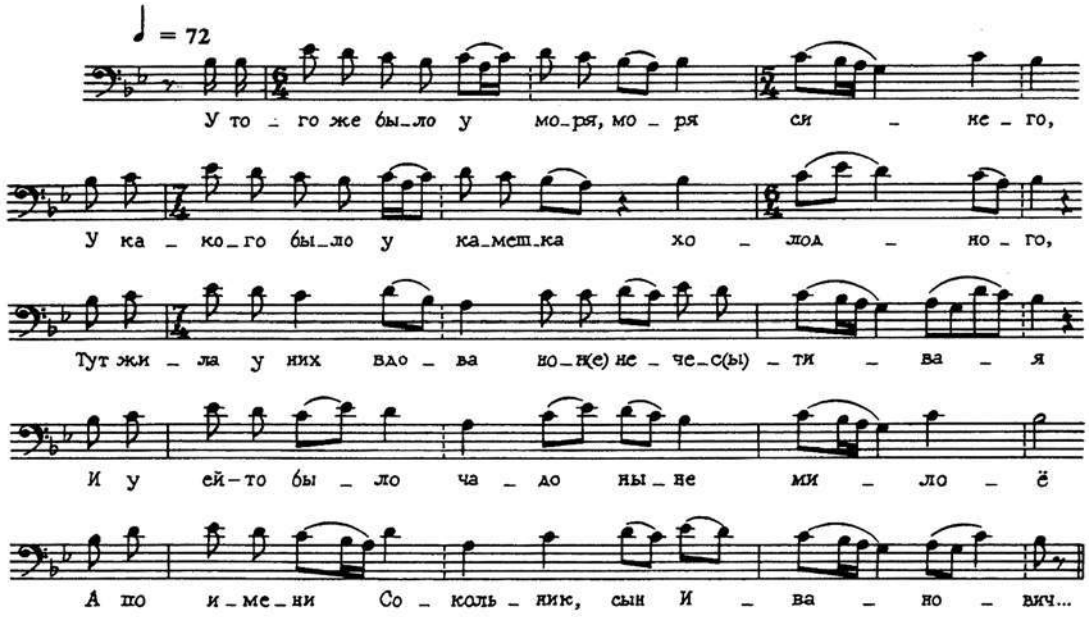
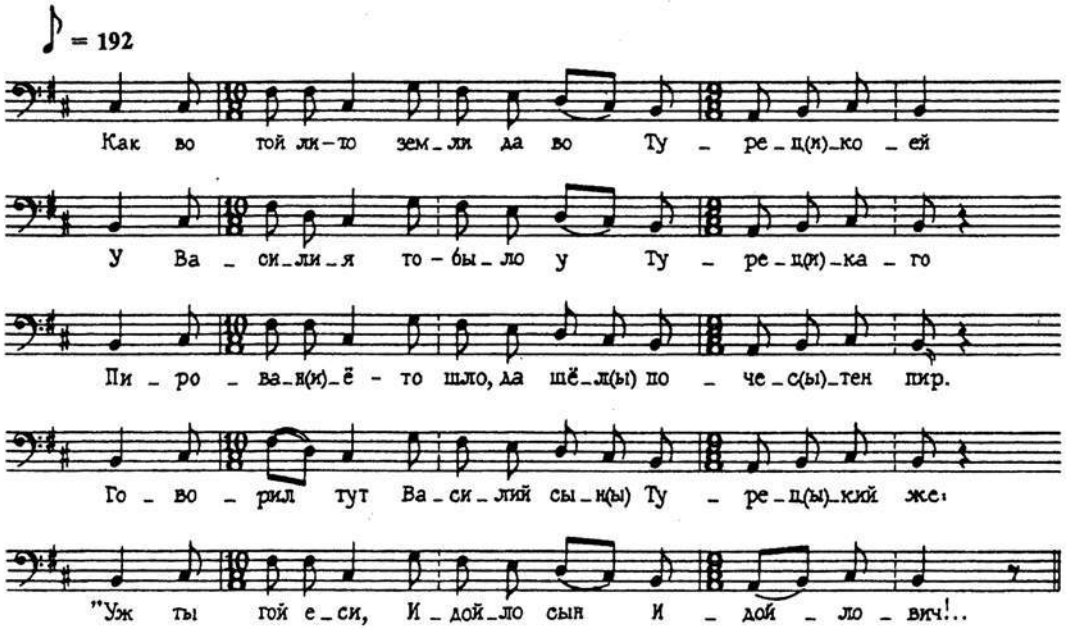
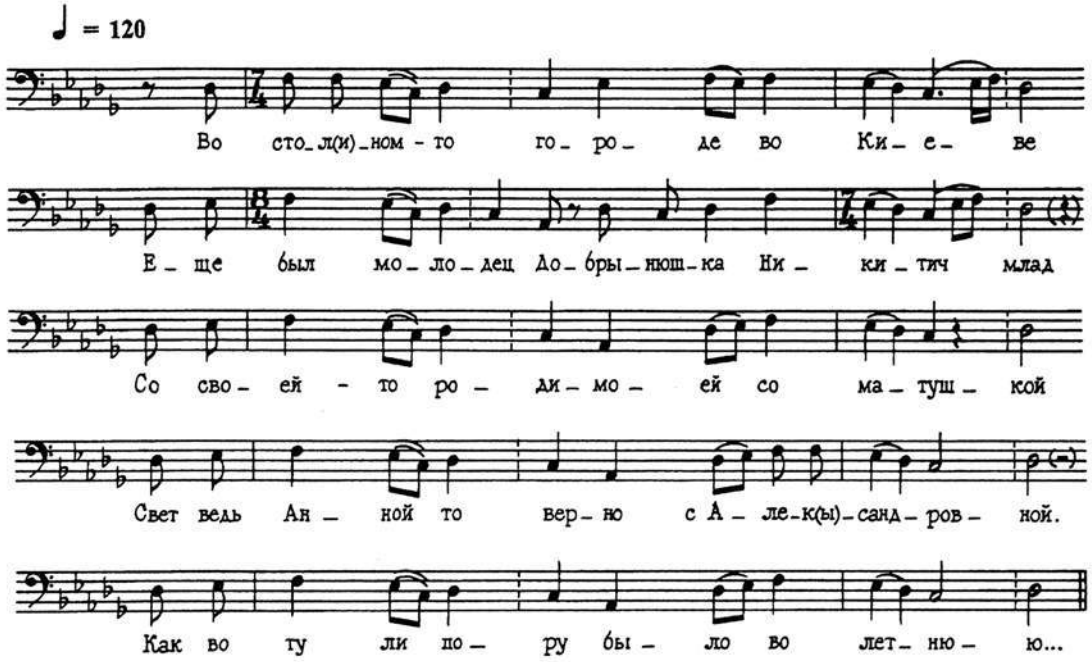
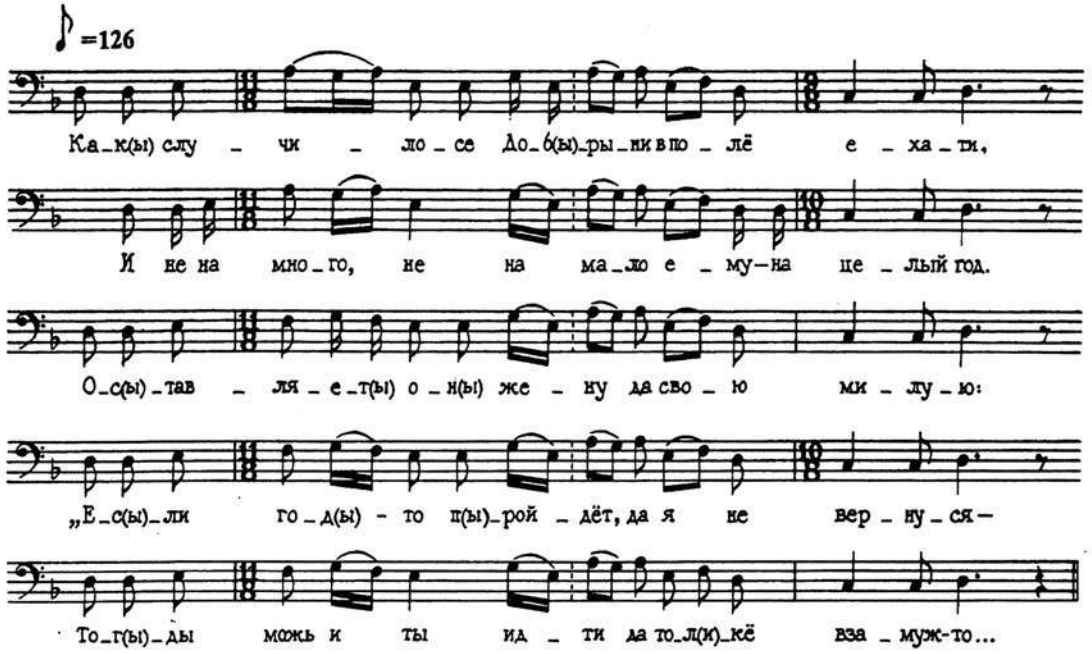
Всего былинные напевы были записаны от девяти нижнепечорцев. От трёх из них — Андрея Фёдоровича Пономарёва, Тимофея Степановича Кузьмина́ и Ника́ндра Ивановича Су́слова — были записаны и сами былины, которые вошли в основную часть нашего издания, где помещены и сообщения об этих сказителях. От шести же остальных были записаны лишь отрывки, которые в число былин в данном издании не включены. Эти отрывочные записи, как и сведения о людях, от которых они были сделаны, вынесены в приложение № 2.

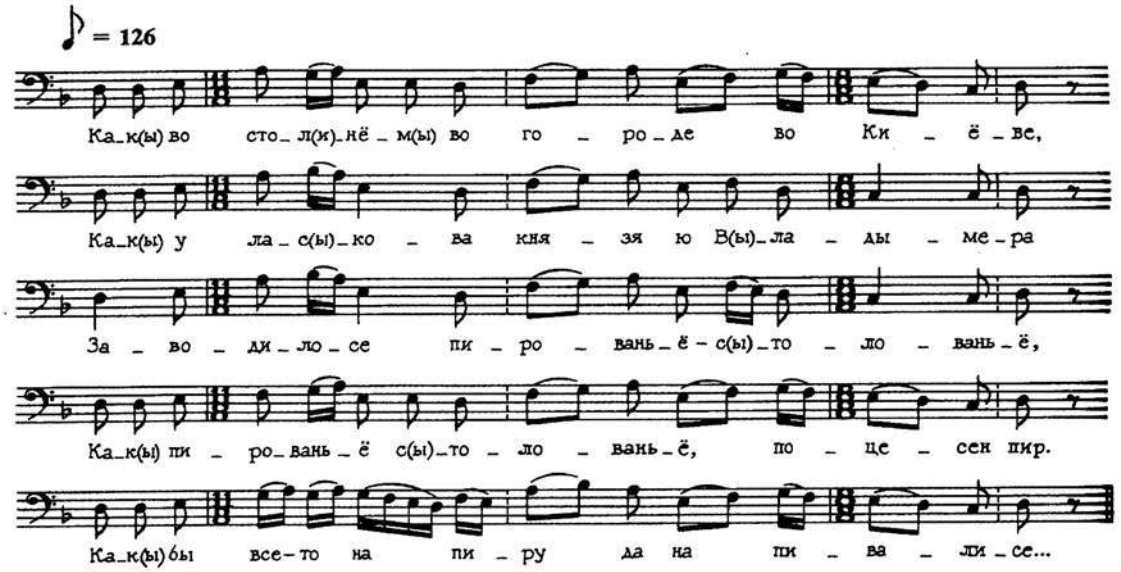
Все нотные примеры взяты из Свода русского фольклора [*Свод 2001*-1; *Свод 2001-2*]. Напевы №№ 1–6 и 10 расшифровали Всеволод Владимирович Коргуза́лов и Фла́вий Васильевич Соколо́в и, возможно, расшифровал повторно Юрий Иванович Ма́рченко. Напевы №№ 7 и 9 расшифровал Всеволод Владимирович Коргуза́лов. Расшифровщики напевов №№ 8 и 11 в Своде не указаны [*Свод 2001-1*, с. 19].

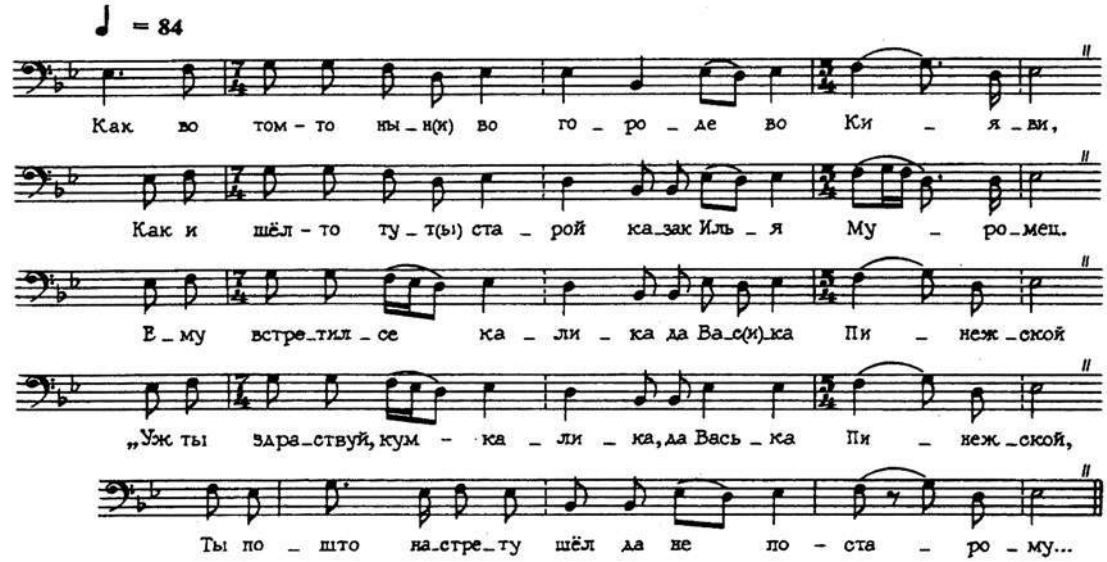
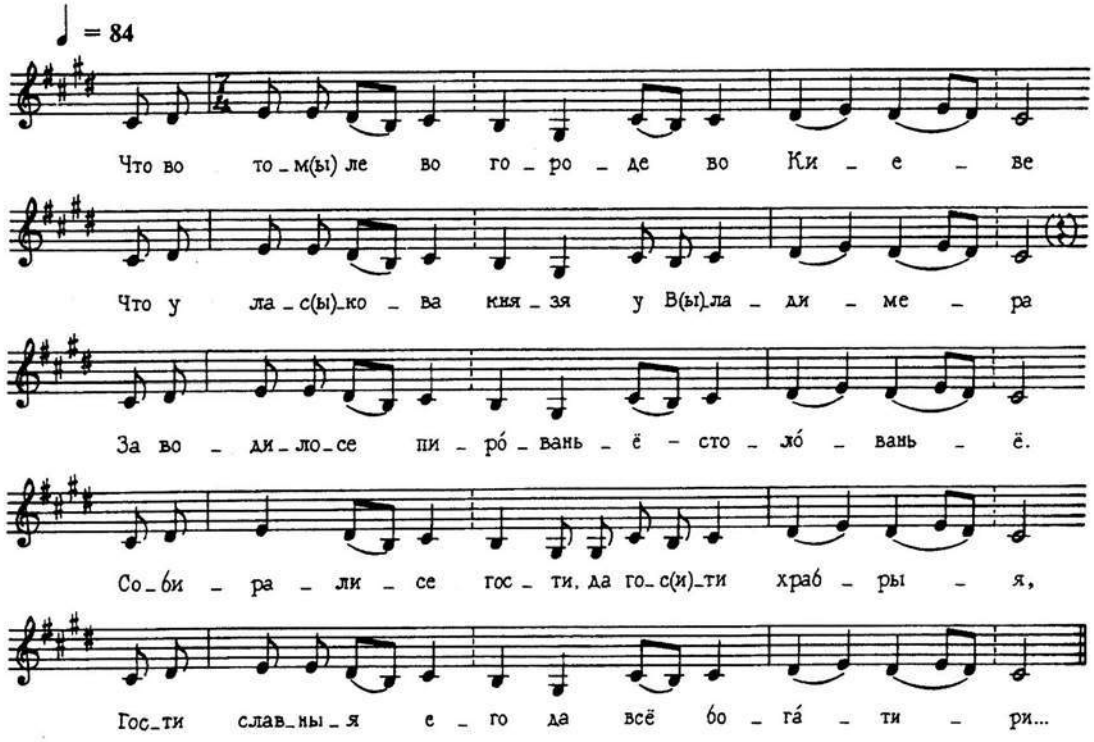
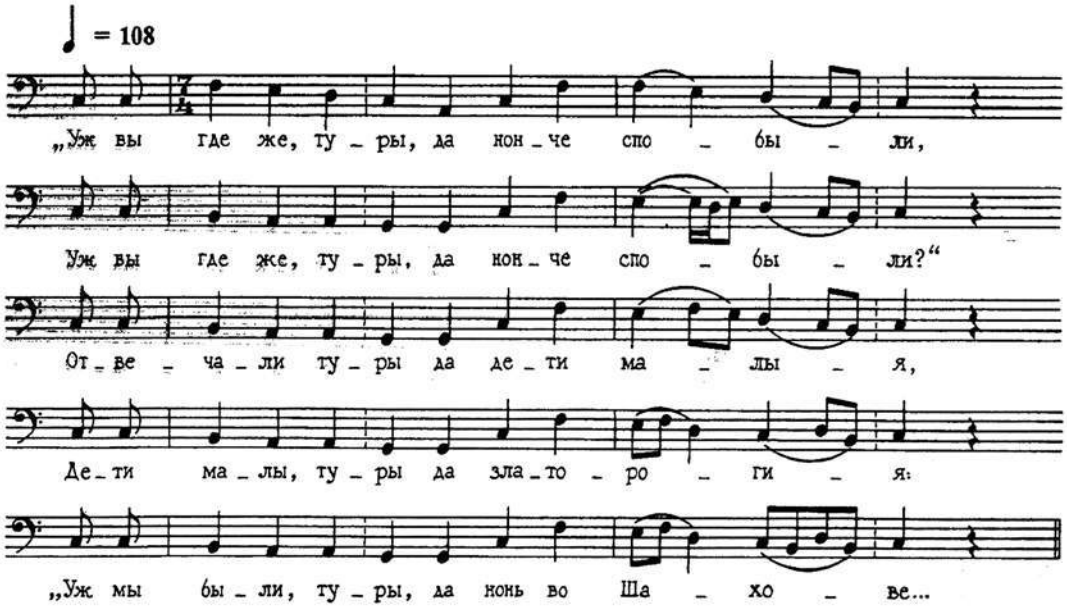
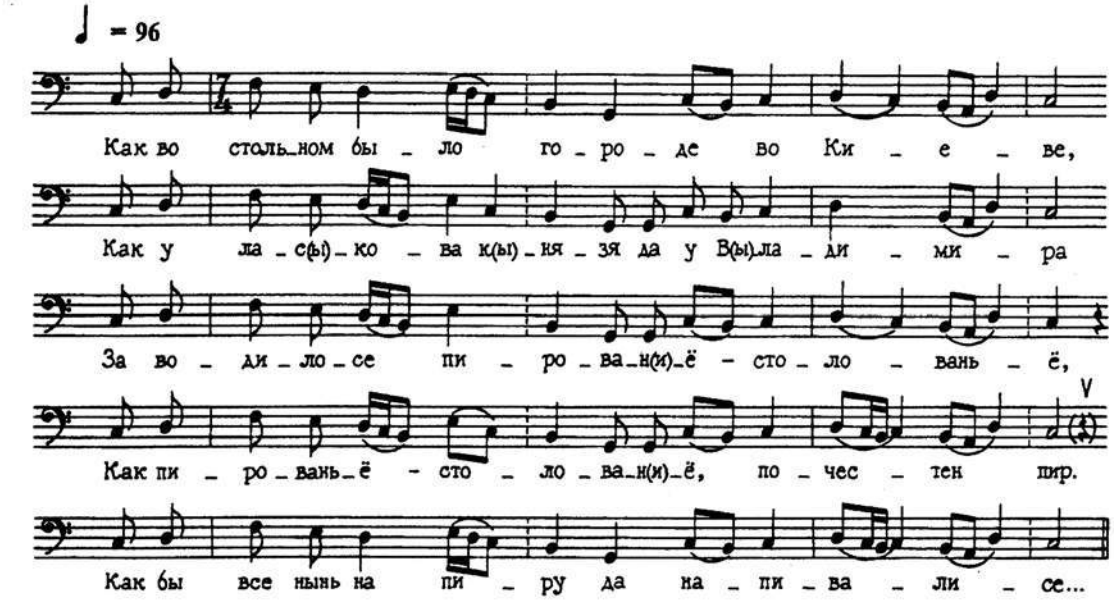
---

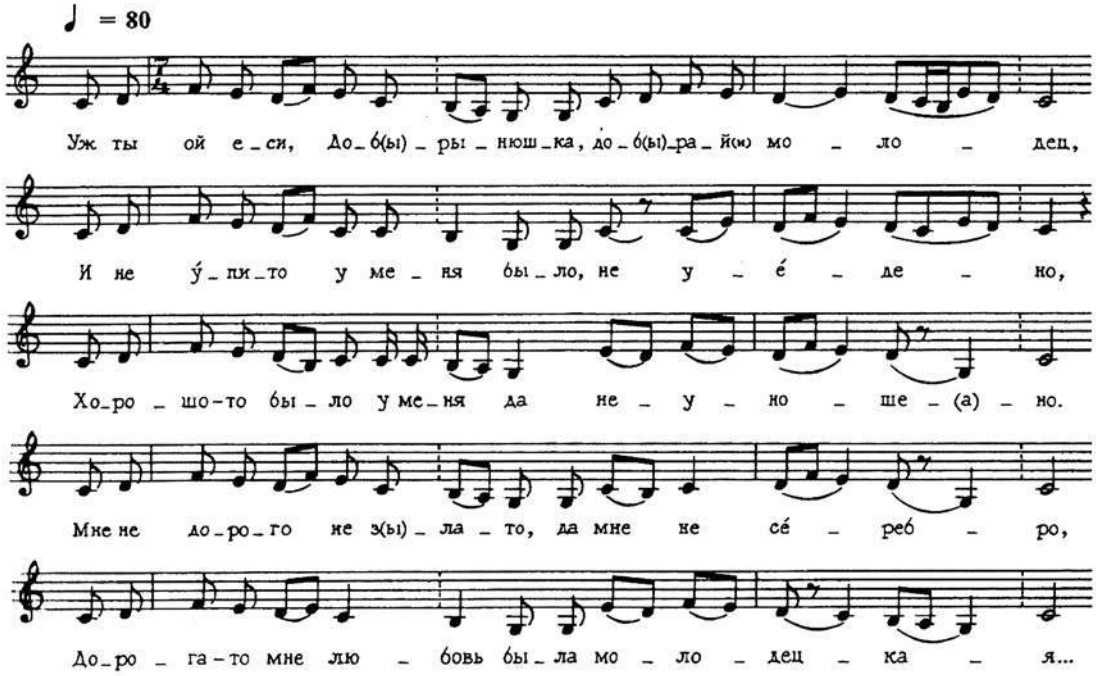
[58] Яса́к — напев былинный.

Напев №н1. Записан от Андрея Фёдоровича Пономарёва, родом из деревни Ла́божское, 9 августа 1956 года в деревне Ка́люш [*Свод 2001-1*, с. 184]. Это один из двух напевов сказителя, которым он спел три свои былины (№№ 50, 51 и 52). Это не былинный напев, а напев исторической песни про Кострюка́. Смотрите также примечания к № 50. В нашем издании, помимо этих трёх былин, напевом №н1 распета одна былина[59] Василия Петровича Тайбарейского из той же деревни Ла́божское (№ 36).

[59] Здесь и далее под словами «былина распета таким-то напевом» имеется в виду не следование нотам, а то, что напев был взят за основу при распевании той или иной былины. Устный певец, не знающий нот, каковым является Александр Ма́точкин, перенимает напевы не с нот, а с голоса и затем при пении более или менее их видоизменяет, подстраивая под себя. Шесть напевов были им переняты непосредственно с голосов сказителей, записи которых находятся в свободном доступе в сети [*Звук 2013–2014*], пять же остальных для Александра напели с нот профессиональные музыканты Вера Воронежская и Кирилл Крылов, за что им огромная благодарность.

Напев №н2. Записан от Андрея Фёдоровича Пономарёва, родом из деревни Ла́божское, 10 августа 1956 года в деревне Ка́люш [*Свод 2001-1*, с. 424]. Это один из двух напевов сказителя, которым он спел три свои былины (№№ 53, 54 и 55). В нашем издании, помимо этих трёх былин, напевом №н2 распеты былины Степана Фёдоровича Хабаро́ва из деревни Пы́лемец (№№ 13–14).

Напев №н3. Записан от Тимофея Степановича Кузьмина́ из села Те́львиска 4 августа 1956 года [*Свод 2001-1*, с. 217]. Это один из двух напевов сказителя, которым он спел две свои былины, в том числе №56. В нашем издании этим напевом также распеты былины Алексея Ивановича и Параско́вьи Ивановны Дитя́тевых из села Великая Ви́ска (№№ 15, 19–23).

Напев № н4. Записан от Тимофея Степановича Кузьмина́ из села Те́львиска 7 августа 1956 года. [*Свод 2001-1*, с. 239-240]. Это один из двух напевов сказителя, которым он спел большинство своих былин. В нашем издании этим напевом распеты былины Ивана Кирилловича Осташо́ва из деревни Смека́ловка и Григория Андреевича Карма́нова из вы́селка Кра́сное (№№ 24–34, 44–46).

Напев № н5. Записан от Никандра Ивановича Су́слова из деревни Ла́божское 31 июля 1956 года. [*Свод 2001-1*, с. 250–251]. Этим напевом сказитель спел обе свои былины (№№ 57 и 58). В нашем издании, помимо этих двух былин, напевом № н5 распеты былины Николая Петровича Шалько́ва из села Великая Ви́ска (№№ 8–12).

Напев № н6. Записан от Никандра Васильевича Тайбарéйского из деревни Лáбожское 31 июля 1956 года [*Свод 2001-1*, с. 432]. Этим напевом Никандр Васильевич спел 51 былинную строчку (№ д1). В нашем издании этим напевом распеты 8 из 9 былин отца Никандра Васильевича — Василия Петровича Тайбарéйского из той же деревни Лáбожское (№№ 35, 37–43).



Напев № н7. Записан от Ивана Петровича Усачёва в 1914 году в деревне У́стье [*Свод 2001-1*, с. 352]. Этим напевом Иван Петрович спел 36 былинных строчек (№ д2). В нашем издании этим напевом распеты былины Василия Артамóновича Ни́конова из деревни Нары́га (№№ 16–17).

Напев №н8. Записан от Маремья́ны Романовны Голубко́вой, родом из деревни Голубко́во, 17 октября 1951 года в Ленинграде, в Фонограммархиве ИРЛИ [*Свод 2001-2*, с. 354]. Этим напевом Маремья́на Романовна спела 10 былинных строчек (№д3). В нашем издании этим напевом распета былина Афанасьи Фёдоровны То́роповой из села Великая Ви́ска (№ 49).

Напев №н9. Записан от Тимофея Семёновича И́жемцева из деревни Бедово́е 31 июля 1956 года в деревне Ла́божское. Исполнителя встретили на пароходе [*Свод 2001-2*, с. 162–163]. Этим напевом Тимофей Семёнович спел 23 былинные стиха (№д4). В нашем издании этим напевом распеты былины Павла Григорьевича Ма́ркова из той же деревни Бедово́е (№№ 1–7).

Напев №н10. Записан от Аристарха Ивановича Су́слова из деревни А́ндег 27 июля 1956 года [*Свод 2001-1*, с. 212]. Этим напевом Аристарх Иванович спел 21 былинный стих (№д5). В нашем издании этим напевом распеты былины Игнатия Тере́нтьевича Ма́ркова из деревни Голубко́во (№№ 47–48).

Напев №н11. Записан от Анастасии Петровны Хабаро́вой из деревни А́ндег 27 июля 1956 года [*Свод 2001-2*, с. 355]. Этим напевом Анастасия Петровна спела 6 былинных строчек (№д6). В нашем издании этим напевом распета былина Параско́вьи Ивановны Шевелёвой из деревни По́йлово (№ 18).



Приложение 2

Дополнительные тексты

В этом разделе помещены записи, которые, не являясь былинами, тем не менее имеют прямое отношение к былинной традиции Нижней Печоры. №№ 1 и 3–6 представляют собой отрывочные записи от людей, которые сами былин не сказывали, но слышали их от других и могли напеть несколько строчек, чтобы показать былинный напев. Записи 1956-го года отражают состояние нижнепечорского сказительства того времени и усилия собирателей его записать, так что заметки Натальи Павловны Колпако́вой об исполнителях также помещены здесь перед соответствующими текстами.

Текст № д1. Старо́й и поединщик

Текст в 50 стихов от Ника́ндра Васильевича Тайбаре́йского из деревни Ла́божское записала Наталья Павловна Колпако́ва 31 июля 1956 года [*Колпакова 1961*, с. 179–180].

Никандр Васильевич Тайбаре́йский[60], 63-х лет, постоянный житель деревни Ла́божское Нарьян-Марского района, — сын известного в своё время сказителя-певца Василия Петровича Тайбаре́йского, от которого в 1938 году произвёл записи былин Николай Павлович Лео́нтьев (№№ 35–43). Не́нец по отцу, русский по матери, Никандр Тайбаре́йский сохранил в своей наружности характерные национальные черты не́нцев: очень чёрные волосы, широкие скулы, жёлто-смуглый цвет лица. Неграмотен [*Колпакова 1961*, с. 179].

В 1938 году редактор сборника «Печорский фольклор» Виктор Михайлович Сиде́льников (очевидно, со слов собирателя) сообщал, что сыновья Тайбаре́йского — Гаврии́л, 46 лет, Ника́ндр, 40 лет, и Константин, 26 лет, — являются его учениками и успешно перенимают от отца тексты былин и манеру их «пропевать» [*Леонтьев 1939*, с. 7].

Однако в 1956 году оказалось, что Никандр Васильевич почти ничего от отца «не по́нял» (не перенял), хотя и слышал от него многое. Как он смущённо объяснял, былины знал только старший брат Гаври́ла, который в былые годы пел с отцом. Но Гаври́ла умер, а младший брат Константин находится «в России», то есть далеко за пределами Печоры [*Колпакова 1961*, с. 30].

Также и Леонтьев свидетельствует, что сыновья Василия Петровича Тайбаре́йского, Гавриил, Никандр и Константин, когда-то подпевавшие отцу былины, запомнили лишь отрывки из его репертуара, а потом и вовсе забыли их [*Лео́нтьев 1979*, с. 7].

Сам Ника́ндр Васильевич был очень смущён настойчивыми расспросами членов экспедиции и своим незнанием былин. По-видимому, с трудом вспомнил отрывки разных былин и соединил их вместе в довольно бессвязный текст, который спел на былинный напев. Кроме этого, спел ещё одну старую рекрутскую

---

[60] У Колпако́вой — Та*р*баре́йский, что соотносится с Та*ра*баре́евым у Ончуко́ва [*Ончуко́в 1902-2*, с. 368]. Но у Лео́нтьева — Та*й*баре́йский.

песню. Больше ничего не знал. Сын его, 26-летний Фёдор, поёт хорошо новые массовые советские песни и ничего старого не знает [*Колпакова 1961*, с. 179].

Некоторые стихи этого текста (1–4 и 9–10) сходны со стихами из былины «Иван Гости́нович» отца Ника́ндра, Василия Петровича Тайбаре́йского (39:1–4 и 39:16–17). Основу же текста составляет наиболее драматичное место былины «Илья Муромец и Соко́льник»: сын нападает на спящего отца, а отец наказывает его за это. В одном месте исполнитель начинает повторять уже спетое (строки 14, 16 и 19; 15 и 20; 17 и 21). В ряде строк используются не характерные для былин слова и выражения (строки 28, 38, 39). При этом Ника́ндр Васильевич показал знание устройства былины, ведь перед главными событиями во многих былинах, — правда, не в «Илье и Сокольнике», — действительно сначала описываются пир, разговор с князем и отъезд богатыря в чисто поле. Строки 1–25 выверены по звукозаписи.

1. Как во сто́льнём во городе во Ки́ёве,
2. ’ж как у ласкова князя у Владымера

3. Заводилосе пиро́ваньё-столо́ваньё,
4. как пиро́ваньё-столо́ваньё, почэсен пир.

5. Как бы все-то на пиру да напивалисе,
6. как бы все на честно́м да наедалисе.

7. Толькё есь один не пьян да он неве́селой,
8. он-то ходит теперь да вдоль по гри́денки,

9. Он-то но́жёчкя о но́жёчкю похла́пывать,
10. он каблук о каблук да поколачивать.

11. «Уж ты ой еси, наш Солнышко Владымир-князь,
12. ты позвольте мне-ка ноне слово вымолвить.

13. Уж ты ой есь, наше Солнышко Владымир-князь,
14. ты-тко дайте-сека мне-ка поединшика,

15. Мне ’ж как съездить на чисто мне на полюшко,
16. мне-ка на́добно бы мне-ка поединшика,
17. мне побитьсэ с ним-то надо, поздороватьсе.

18. Уж ты ой есь, наше Солнышко Владымир-князь,
19. мне-ка дайте-се топере поединшика.

20. Я поеду я по чистому по полюшку,
21. я поеду бы я с ним да поздороваюсь».

22. А Старо́й ’ же час выходит вон на улицу
23. и берёт он своёго ко́ня доброго.

24. Поезжат бы Старо́й да не прощаетсэ,
25. уезжаёт Старо́й да в чы́сто полюшко.

26. Он уехал, Старо́й, да далекёшенько,
27. он раскинул шатёр белополо́тненой.

28. Забираетсе на отдых во чисто́ полё,
29. он забралсе в шатёр белополо́тненой.

30. Тут немного по́ры-время миновалосе,
31. как ко Старому приехал поединщичек.

32. Он приехал ко Старо́му он подратисе,
33. а Старо́й же топеря спит он крепким сном.

34. Он к Старо́му он забралсе на белу́ю грудь,
35. вынимает он кинжалище, була́тной нож
36. и спустил бы Старо́му он во всюю грудь.

37. И Старо́й бы проснулсе от крепко́го сна,
38. и Старо́й обтёр свои-де очи ясные.

39. И Старо́й-от бы сел да он на ту землю́,
40. и Старо́й-от встава́ет да на резвы́ ноги́:

41. «Ой ты ой еси, мо́ё чадо, чадо милое,
42. ты почто же ты приехал к твоему отцу,
43. а не тут же тебе напа́сти было-то».

44. И берёт его Старо́й да за русы́ кудри́,
45. он бы поднял его, Старо́й, повысокохонько,
46. опустил бы, Старо́й, да на сыру́ землю́:

47. «Ой ты ой еси, моё чадо, чадо милое,
48. тогды знай бы вперёд да приезжай ко мне.

49. Ты моё ведь, моё да чадо милое,
50. ты моё же да племя будешь нашее».

Текст №д2. Илья Муромец и кали́ка

Текст в 36 стихов от Ивана Петровича Усачёва записал Д.Г. Фёдоров в деревне У́стье в 1914 году [*Свод 2001-1*, с. 352–353].

Запись неясного происхождения. Каких-либо дополнительных сведений о собирателе, исполнителе и о записанном тексте при публикации сообщено не было.[61] Исследовательница истории нижнепечорского сказительства Ольга Вячеславовна Тюренко́ва в своей статье 2014 года сообщает, что в деревне Устья́нская в 1914 году проживал рыбак Иван Петрович Усачёв, ходивший на низы́ добывать морскую сёмгу. На промысел от семьи выходил один, видимо, семья была небольшая [*Тюренко́ва 2014*, с. 83].

В тексте много необычного и непонятного, что объясняется, скорее всего, низким качеством записи: некоторые стихи (27–29) у публикаторов вообще не получилось расшифровать, а правильность расшифровки многих других вызывает большие сомнения.

[61] Не было сообщено также отчество и не проставлена буква *ё* в фамилии.

По некоторым чертам, — Илья встречает кали́ку, узнаёт от него о нападении Изд́олища, меняется с каликой платьем, заходит в Киев-град, — в тексте угадывается начало ста́рины про Илью и Изд́олишша (№ 26).

Как во том-то нынь во городе во Кияви
как и шёл-то тут стар́ой казак Илья Муромец,
е́му встретилсе кали́ка да Васька Пи́нежской.

«Уж ты здраствуй, кум-кали́ка да Васька Пинежской!
Ты почто настрету шёл да не по-старому,
уж как что же ты молчишь-то не по-прежнему?»

Говорит Илье кали́ка да Васька Пи́нежской:
«Приземлилсе в город на крыльях, верно, чудо чу́дноё,
приземлилсе тут а́спид, верно, диво ди́вноё,
повязал-то всех солдатов да нынь Изд́олишшо.

Тут сидит-де Мутонюшка, слушай, до вечера,
на его рычит да оскорбит, будто «я мать прав лишу»,
всё как бросил в ту невежу долго́ньку па́лицу,
угонилсе-схлестнулса-то будто бы в че́рёвы».

Говорил тут стар́ой казак Илья Муромец:
«Уж ты гой еси, кали́ка, да Васька Пинежской,
будем мы с тобой обряжаться в верхнее». —
«Ты возьми-ко, стар, мои сумы́, дак в церковь так пройдёшь».

Как тут-де кали́ка да не дослышалсе.
«Уж и на тебе, кали́ка, да платья цве́тныя,
через день раздень те платья, дак в церковь так пройдёшь».

Как пошёл-де кали́ка да возле города,
как пошёл тот Стар́ой да в сто́льной Киёв-град.

Как заходит тут Стар́ой да всё ко горе крутой,
как и встретят тут Стар́ого ихни девушки,
как и встретили тут Муромца их придвернички...

…
…
…

«Уж вы здраствуйте, уда́лыи!..»

Да говорит тут стар́ой казак Илья Муромец:
«Открывайте двери пошире, да целовальнички,
вы налейте-ко мне ча́ру да зелена́ вина».

Как дали ему ту чару да в полтора ведра,
как в ножки ставили ковш да в опохмелушку,
уж что ковшик тот в опохмелушку...

Текст № д3. Пир у князя

Текст в 10 строк от Маремья́ны Романовны Голубко́вой, родом из деревни Голубко́во, записала Анна Георгиевна Кудышкина в Ленинграде, в Фонограммархиве ИРЛИ, 17 октября 1951 года [*Свод 2001-2*, с. 354].

От Маремья́ны Романовны Голубко́вой (1893–1959) Николай Павлович Лео́нтьев записал много различного материала, но былин исполнительница не пела, предпочитая им песни. Сама Голубко́ва в своей книге 1946 года пишет об этом так: «Слушать былины я и слушала, а перенимать их не перенимала. Не к былинам у меня душа лежала, а к песням. Былины казались мне стариковским делом, а для себя я песни выбирала» [*Голубко́ва 1946*, с. 128].

Несколько былинных строк, напетых Голубко́вой, представляют собой описание пира у князя Владимира.

Что во том ле во городе во Киеве,
что у ласкова князя у Владимера
заводилосе пиро́ваньё-столо́ваньё.

Собиралисе гости, да гости храбрыя,
гости славныя его, да всё бога́тири.

Тут садилисе гости да за дубо́вой стол,
за дубо́вой стол, да за поцестен пир.

И́ще все-то тут гости да напивалисе,
и́ще все-то тут гости да наедалисе,
что води́н-от из них да гось не пьёт и не ест.

Текст № д4. Туры́ златорогие и Туга́рин

Текст в 23 стиха от Тимофея Семёновича И́жемцева из деревни Бедово́е записала Наталья Павловна Колпако́ва 31 июля 1956 года на пароходе по пути в деревню Ла́божское [*Колпакова 1961*, с. 178–179].

Тимофей Семёнович И́жемцев — в 1956 году ему было 67 лет — постоянный житель деревни Бедово́е. Оставшись сиротой в раннем детстве, долго жил среди староверов. В школе не бывал, сам научился читать, но овладел грамотой слабо.

Собиратели познакомились с Тимофеем Семёновичем на пароходе по дороге из Нарьян-Ма́ра в Ла́божское, куда тот ехал в гости к дочери. И́жемцев охотно разговорился с собирателями о ста́ринах. Сначала он долго смущался и не решался петь, но затем тут же на пароходе вспомнил начало былины о Василии Игнатьеве, а уже на берегу Ла́божского спел полный, крепкий текст Кострюка́. Он же направил собирателей к сказителю Ника́ндру Ивановичу Су́слову, который, по его словам, «много чего знает».

На роду у И́жемцева никто былин не пел. Откуда знает то, что спел, не мог сказать, не помнил. Смолоду слышал пение стариков на пути́не и сказки о богатырях от них же, но сам активно петь не учился. Других эпических произведений, кроме спетых, припомнить не мог. Былины называл «ста́ринами». Кострюка́ спел на былинный напев.

Две его дочери, жена и сын былин не знают совершенно. Одна из дочерей — Евдокия Тимофеевна Сумаро́кова в Ла́божском — знает много старых песен,

которые заучила от отца. Сам И́жемцев кроме песен хранит в памяти много библейских рассказов (о потопе, Моисе́е и фараоне, гибели Содо́ма и Гомо́рры), называя их сказками, а также знает много быличек, в достоверности содержания которых убеждён [*Колпакова 1961*, с. 29, 178].

Отрывок представляет собой зачин про туров златорогих и описание вражеского войска. Так обычно начинается былина про Василия Игнатьевича. На Нижней Печоре это место записано также от Павла Григорьевича Маркова (3:1–51) и от Василия Петровича Тайбарейского (38:1–25), только во главе войска у Ма́ркова оказывается Ску́рлат, у Тайбаре́йского — Ка́лин, а у И́жемцева — Туга́рин.

1. «Уж вы где же, туры́, да нонче спо́были?
2. Уж вы где же, туры́, да нонче спо́были?»

3. Отвечали туры, да дети малыя,
4. дети малы, туры да златорогия:

5. «Уж мы были, туры́, да нонь во Ша́хове,
6. уж мы были, туры́, да нонь во Ля́хове.

7. Уж мы видели, туры́, да дети малые,
8. дети малые, туры́ да златорогие,

9. Уж мы видели, туры́, да чудо чудное,
10. уж мы видели, туры́, да диво дивное.

11. На пята́х-то двери́ да открывалисе,
12. да на крюка́х-то тут двери́ да остоялисе.

13. А тут вышла деви́ца да ду́ша красная
14. в о́дной беленькой рубашки без пояса,
15. в о́дних беленьких чулочиках без чёботов.

16. Она видела над городом невзгодушку,
17. она видела над Киевом великую».

18. Собираетсе собака злой Туга́рин нонь,
19. а собиралосе силы да много-множество.

20. Собиралосе силы да сила си́льская,
21. а и множество силы, да силы триста тыщ.

22. А как в осённу ночь серу́ волку́ не о́брыскать,
23. а как в ве́шной день че́рну во́рону не о́блететь.

Текст №д5. Пир у князя

Текст в 21 стих от Ариста́рха Ивановича Су́слова из деревни А́ндег записала Наталья Павловна Колпако́ва 27 июля 1956 года. [*Колпакова 1961*, с. 252].

Ариста́рх Иванович Су́слов — житель деревни А́ндег. В 1956 году служил сторожем на складе Рыбкоопа. Малограмотный: учился один год в школе.

Молодым слушал на пути́не хороших сказителей — Василия Петровича Тайбаре́йского и Фёдора Михайловича Пономарёва. Певал сам, но теперь давно всё забыл. Помнил, как старики пели («Кострюк какой-то там был да Илья Муромец»), но спеть сам смог только этот отрывок. Очень стеснялся своего незнания и неумения петь, но, по-видимому, действительно ничего, кроме спетого, не знал [*Колпакова 1961*, с. 252].

Былинный отрывок представляет собой описание пира у князя Владимира. Стихи 19–21 взяты из ста́рины про Кострюка́ [*Леонтьев 1939*, с. 63; *Исторические песни 1960*, с. 145].

Как во стольном было городе во Киеве,
как у ласкова князя да у Владимира

Заводилосе пиро́ваньё-столо́ваньё,
как пиро́ваньё-столо́ваньё, почестен пир.

Как бы все нынь на пиру да напивалисе,
как бы все нынь на честно́м да наедалисе,
как бы все нынь на пиру да пья́ны-ве́селы.

Как один тут добрый мо́лодец
он не пьёт, не ест, нечто́ не кушает,
он ничи́м, молоде́ц, не восхваляетсе.

Как бы ходит нынь Владымер-князь по комнаты,
он ножка о ноженьки похлопывать,
каблук бы о каблук да поколачивать,
из речей тут бы Владимер да выговариват:

«Уж и гой еси, гости все вы званныя,
как бы все на пиру вы да напиваетесь,
как бы все вы на честно́м да похваляетесь.

Как один-то Добрыня, да доброй молодец,
он не пьёт тут-то чару теперь заздравную

Да за царя православного,
за царицу благоверную».

Текст №д6

Текст в 6 стихов от Анастасии Петровны Хабаро́вой из деревни А́ндег записала Наталья Павловна Колпако́ва 27 июля 1956 года [*Колпакова 1961*, с. 253].

Анастасия Петровна Хабаро́ва, жительница деревни А́ндег, в 1956 году это была очень живая, здоровая, весёлая старуха-шутница, 69-ти лет, с большим чувством юмора, с живыми, умными, ясными глазами. Неграмотная. Работала, где придётся: носила в школу дрова из тундры, помогала соседям по хозяйству и тому подобное. Один сын её был убит на войне, другой живёт в Мончегорске с семьёй и помогает матери.

Былин не певала. Спетый отрывок вспомнила в связи с разговором о песне «Нам не дорого злато, чи́сто се́ребро». «Это не из песни, а из ста́рины», — сказала

она про первые слова песни и спела отрывок былины, которую ни с начала, ни дальше спетого не знала. Других былин вспомнить не могла. От неё записано много песен, особенно свадебных и лирических [*Колпакова 1961*, с. 252].

Спетый текст представляет собой набор искусственно соединённых стихов из разных произведений. Стих 1 восходит, очевидно, к былинам о Добрыне; стихи 2–3 — к былине о Василии Буслаеве (5:36–37; 10:55–56; 17:28–29); стих 6 встречается в разных былинах, например, про Дуная Ивановича (4:145); стихи 4–5 взяты из исторической песни о жалобе солдат на князя Долгорукого. Представление Анастасии Петровны о том, что строки 4–5 взяты из ста́рины, вероятно, возникло из-за слова «молодецкий», которое в эпосе, как и в этом тексте, часто сочетается со словом «богатырский».

1. Уж ты ой еси, Добрынюшка, до́брой мо́лодец,
2. и не у́пито у меня было, не уе́дено,
3. хорошо-то ба́ско было у меня да не уно́шено.

4. Мне не дорого не злато, да мне не се́ребро,
5. дорога-то мне любовь была молодецкая
6. и не выслуга мне да богатырская.

Текст № д7. Соло́мон (начало)

Отрывок былины «ро́ссказью» от сказителя Ивана Кирилловича Осташо́ва из деревни Смека́ловка записал Николай Павлович Лео́нтьев 8 июня 1938 года [*Свод 2001-2*, с. 511].

Заметка о сказителе помещена в основном корпусе текстов перед его былинами (№№ 24–34).

Текст представляет собой начало сказания про Соло́мона, переданное «ро́ссказью», то есть не в стихотворной форме. Для удобства сравнения с другими вариантами Соло́мона (№№ 42 и 49) текст разбит на «стихи». Собиратель сообщает, что Иван Кириллович знал всю историю похищения жены Соло́мона, но досказать до конца у него не хватило времени. Примечательно, что Афанасья Фёдоровна То́ропова своего Соло́мона (№ 49) также передаёт в значительной части ро́ссказью.

1. Долго ли, коротко ли жил,
2. женился Соло́мон-цярь.

3. Стал знать весь мир,
4. что у него новый цярь — Соло́мон.

5. А жил у них приказчик
6. Торока́н Замо́ренець.

7. Уехал Торока́н Замо́ренець за границю,
8. поступил к королю неверному в услуже́ниё,
9. и живёт он у короля.

10. Говорит король Торока́ну Замо́реницю:
11. «Кто бы достал жену Соло́мона-царя мне,
12. я наградил бы тому, что ему надо».

Текст № д8. Добрыня и Мари́нка (краткий пересказ)

Краткий пересказ былины от сказочницы Софьи Степановны Ма́рковой из деревни Ка́чгорт (ныне — район города Нарьян-Ма́ра) записала Вера Викторовна Митрофанова 24 июля 1956 года [*Колпакова 1961*, с. 213].

Софья Степановна Ма́ркова, которой в 1956 году было 78 лет, — постоянная жительница деревни Ка́чгорт под Нарьян-Ма́ром. Жила с дочерью и внуком. Записанные от неё богатырские сказки Ма́ркова когда-то читала в книге, которую назвала «Старое время на Руси», но уже лет пятнадцать как книга была утеряна. Слышала также былины и сказки о богатырях и в устном исполнении. Рассказывала она охотно, не заставляя себя упрашивать, хотя была больна и в тот день с постели не вставала. Кроме богатырских знала и другие сказки, тоже частью из устной традиции, частью из книг. Особенно любит и часто рассказывает сказку «Золотое ведёрко». Знает и старые крестьянские песни [*Колпакова 1961*, с. 210].

Наследие Софьи Степановны в целом не включено в настоящее издание, поскольку не представляет чисто нижнепечорскую традицию, а восходит через книгу к эпосу других местностей. Кроме того, богатырская сказка не равна былине, это разные жанры фольклора. Но сюжет данного отрывка, как отмечают исследователи, скорее всего, был услышан сказочницей на Нижней Печоре [*Свод 2001-1*, с. 675], и его интересно сравнить с былиной про Добрыню и Маринку от Ивана Кирилловича Осташо́ва (№ 31). Для удобства сравнения текст разбит на «стихи».

Добрыня-то ведь поля́ковать ездил,
дак богатырь был.

Добрынюшка Никитич у матери без отца рос,
мать Оме́лфой Тимофеевной звали.

Он три года жил стольником у князя,
три года жил ключником.

Он просился на трое суток по Киеву гулять,
ходил, гулял, постреливал.

В окно к Маринке-волшебнице стрели́л
и приятеля её убил.

Осердилась она,
говорит: «Взамуж возьми».

А он не взял,
она обернула его ослом.

У его тётки были дочери,
в лес за ягодам ходили.

Пришли, говорят:
«Осёл какой-то к нам пристал,
трётся и трётся, плачет всё».

Тётка-то сдогадалась, что то не осёл,
да и отговорила его.

Приложение 3

Незаписанные сказители Нижней Печоры

В этом разделе собраны некоторые имена нижнепечорских сказителей, от которых былин записано не было. Северный сказитель Борис Викторович Ше́ргин говаривал: «Сомнительно мнение, что народная поэтическая память донесла до нашего времени как раз всё самое ценное, самое отборное. Нет, многое быльём поросло и останется беспамятно». Продолжая эту мысль, отметим, что записанные собирателями на Нижней Печоре былины отнюдь не отражают нижнепечорское былинное творчество во всей его полноте, глубине и разнообразии. Так, в задачи Ончуко́ва не входило записывать творчество печорских сказителей полностью. По сути, Николай Евгеньевич ездил на разведку — узнать, какие былины ещё поются, и записать хотя бы по одному варианту каждого сюжета. Не стоит и сомневаться в том, что среди незаписанного было немало ярких жемчужин нижнепечорской былинной поэзии, к сожалению, безвозвратно утерянных.

Во времена Ончуко́ва сказителей на Нижней Печоре было гораздо больше, чем те шесть, от которых он записал свои 18 былин. Сам собиратель сообщает, что записал в Пустозе́рской волости 9 певцов. Помимо вошедших в наше издание Павла Ма́ркова, Николая Шалько́ва, Степана Хабаро́ва, Алексея Дитя́тева, Василия Ни́конова и Параско́вьи Шевелёвой это:

1) Степан Алексеевич Безу́мов, 1849 года рождения, из Великой Ви́ски[62]; Параско́вья Ивановна Дитя́тева, 1860 года рождения, оттуда же;[63]
2) Маремьяна Фили́пьева из У́стья [*Ончуко́в 1902-2*, с. 367].

От Безу́мова и Дитя́тевой собиратель не записал былин, взяв только балладу и небылицу, а от Фили́пьевой не опубликовал ни одной записи.

Кроме того, Ончуко́в составил целый список пустозёров, с которыми он не виделся, но на которых ему указывали как на ста́ринщиков и ста́ринщиц [*Ончуко́в 1902-2*, с. 368]:

3) Афанасий Сидорович Ма́рков в Бедово́й;
4) Андрей Савич Богда́нов там же;
5) Николай Васильевич Ма́рков в Со́пке;
6) Василий Михайлович Тарабаре́ев в Ла́базской[64];
7) Иван Иванович Дитя́тев в Великой Ви́ске;
8) Авдотья Андреевна в У́стье;

---

[62] О Безу́мове Ончуко́в оставил такую заметку: «Чёрный, низкорослый, плечистый. Истый тип пустозёра. Ему 53 года. Живёт бедно. Кроме промысла рыбы занимается ещё чеботарством. Был в солдатах. Мне согласился петь только Горе и то после долгих упрашиваний. Был сильно навеселе, почему ста́рина и спета не особенно гладко» [*Ончуко́в 1904*, с. 325]. Степан Алексеевич Безу́мов сообщил о своём знании четырёх былин: 1) Добрыня и Дунай; 2) Дунай Иванович; 3) Добрыня и Олёша; 4) Соло́мон. Сказитель из Ла́божского Василий Петрович Тайбаре́йский сообщил, что перенял от Степана Алексеевича Безу́мова три былины (№№ 35, 36, 42): 1) Илья и Соловей; 2) Илья и Светого́р; 3) Соло́мон.

[63] При перечислении не учитываем, поскольку былины от Парасковьи Ивановны всё-таки были записаны позднее.

[64] Возможно, имеется в виду Василий Петрович Тайбаре́йский из Ла́божского, которому в 1902 году было 38 лет и которого в 1938 году в возрасте уже 74 лет записал Леонтьев.

9) старуха Маремья́на там же;[65]
10) Тере́нтий Григорьевич Ма́рков в Голубко́вой;
11) Фёдор Алексеевич Сумаро́ков в О́ксине;
12) Фёдор Иванович Ба́нин в Те́львиске;
13) Евла́мпий Гаврилович Ло́гинов в Ку́е;
14) Егор Васильевич Тара́сов там же;
15) Акси́нья Степановна Шевелёва там же;[66]
16) Яков Степанович Шевелёв там же;[67]
17) Степан Васильевич Корепа́нов в Большой Нары́ге;[68]
18) Егор Иванович Корепа́нов там же;
19) Василий Фёдорович Корепа́нов там же;
20) Никифор Васильевич Мака́ров там же;
21) Артамо́н Семёнович Корепа́нов в Малой Нары́ге;
22) Прокопий Семёнович Корепа́нов там же.

Таким образом, Ончуко́в выявил на Нижней Печоре 29 человек[69], которые сказывали былины, но записал былевой эпос лишь от 6-х из них, да и эти шесть были «использованы», как выражался Ончуко́в, не вполне, то есть былины от них были записаны далеко не все. Например, от Степана Хабаро́ва было записано всего 2 былины (№№ 13 и 14) из тех 17-ти, о знании которых сообщил сказитель. Этой работе Ончукова суждено было стать основным и единственным источником, по которому мы судим о старейшем пласте нижнепечорской былинной традиции. Лишь через 27 лет Аста́хова запишет одного человека[70] из пространного ончуко́вского списка[71]. Былинное творчество остальных 22-х вышеупомянутых сказителей так и останется белым пятном в истории русской устной литературы.

Писательница Маремья́на Романовна Голубко́ва (№ д3) в своей книге 1946 года называет среди сказителей Терентия Григорьевича (№ 10 у Ончуко́ва) и Василия Игнатьевича Ма́рковых из Голубко́ва. Вспоминает она и сказителей, записанных Леонтьевым: Игнатия Ма́ркова, Василия Тайбаре́йского, Ивана Осташо́ва и Григория Карма́нова (№№ 8–11 настоящего издания). Кроме того, Голубкова пишет: «В каждой деревне у нас свои былинщики. <…> в деревне Бедово́е — Ма́рков Афанасий Сидорович (№ 3 у Ончуко́ва), в Нары́ге — старик Артамо́н (№ 21 у Ончуко́ва), в Пустозе́рске — Иван Иванович Кожевин да брат его Василий. Дочь этого Василья, моя невестка Лизавета, — жена моего брата Олексея, — тоже знает былины» [*Голубко́ва 1946*, с. 127]. Благодаря этому свидетельству мы можем продолжить ончуко́вский список незаписанных сказителей ещё несколькими именами:

---

[65] Возможно, это та самая Маремьяна Фили́пьева из У́стья, упомянутая выше.

[66] Знает ста́рины (из них 16 былин): Илья и Соловей, Старо́й и Святого́р, Добрыня и змея, Васька Игнатьев, Василий Казимиров, Илья и Владимир-князь, Добрыня и Дуна́й, Касьян Иванович, Добрыня и Маринка, Соло́мон, Ставёр, По́тык, Илья и голи, Дюк, Васька Буслаевич, Садко́, Кострюк, Скопи́н, Мучения Егория, Егорий и Александра, Голубиная книга. Ончуко́в добавляет: «Акси́нье всего 21 год, говорят, это замечательная певица. Список старин, которые она знает, получен мной от матери её, Пойловча́нки, скверно спевшей мне одну старину».

[67] Брат Акси́ньи, 13 лет, по словам матери, тоже знает ста́рины.

[68] По словам Ончуко́ва, лежащие в стороне деревни Большая и Малая Нары́ги особенно славились знанием ста́рин в Пустозерской волости.

[69] Или 28 человек, если Маремьяна Филипьева и старуха Маремьяна в Устье (№№ 2 и 9 из ончуковского списка) — одно лицо.

[70] Парасковью Ивановну Дитя́теву из Великой Ви́ски (№№ 19–23).

[71] Возможно также, что второго человека записал Лео́нтьев через 36 лет, если Василий Тарабаре́ев Ончуко́ва (№ 6 в его списке) и Василий Тайбаре́йский Лео́нтьева (№ 9 настоящего издания) — одно лицо.

23) Василий Игнатьевич Ма́рков[72] в Голубко́ве;
24) Иван Иванович Кожёвин в Пустозёрске;
25) Василий Иванович Кожёвин там же;
26) Лизавета Васильевна, в девичестве Кожёвина, родом из Пустозёрска.

Кроме того, в заметках о сказителях Параско́вье Ивановне Шевелёвой, Андрее Фёдоровиче Пономарёве, Тимофее Степановиче Кузьмине́ собиратели сообщали сведения об их родственниках, сказывавших былины. Это:

27) Шевелёв в По́йловой (деверь Параско́вьи);
28) Фёдор Михайлович Пономарёв в Ла́божском (отец Андрея);
29) Пётр Андреевич Пономарёв там же (сын Андрея);
30) Степан Васильевич Кузьми́н в Те́львиске (отец Тимофея).

Ещё одно имя:

31) Иван Петрович Усачёв в У́стье [*Тюренко́ва 2014*, с. 83].

В 1914 году от этого рыбака был записан небольшой отрывок былины (№ д2). Как о сказителе мы об этом человеке ничего больше не знаем, но, вполне вероятно, это было не всё, что он умел сказывать.

---

[72] Сын Игнатия Терентьевича Ма́ркова, былины которого есть в нашем сборнике (№№ 47–48).

Особенности передачи былинных текстов в настоящем издании

Настоящее издание это не просто перепечатка текстов из старых сборников. Ведь современные технологии позволяют находить отсканированные издания былин XIX и XX веков в два клика, и такая перепечатка сегодня вряд ли актуальна. Если нам понадобится, — например, в научных целях, — поработать с текстами былин в том самом виде, в каком они были напечатаны Ончукóвым или Астáховой, сегодня это можно легко сделать. Но должны появляться и новые издания былин, удовлетворяющие самым разным запросам современного общества. Составитель видит эти запросы с точки зрения современного русского сказительства. Например, вряд ли есть какой-то смысл оставлять в новых изданиях явные ошибки сказителей и собирателей, которые возникали в силу самых разных обстоятельств при записи былин или их публикации. Исключение — научные издания, где эти ошибки могут стать предметом исследования. Но наше издание всё-таки тяготеет к художественности, былины нам хотелось бы издать во всей присущей им красоте, исправляя выявленные недочёты и шероховатости. Однако все существенные случаи таких исправлений оговариваются и в этом разделе, и в примечаниях, и в ряде других мест книги. Исправления эти ни в коей мере не касаются содержания или формы былин и нацелены единственно на достижение более цельного художественного восприятия былинной поэзии современным читателем и слушателем:

1) Виды разграничения текста
2) Расстановка особых ударений
3) Расстановка знаков препинания
4) Прописные и строчные буквы
5) Восстановление словесных вставок
6) Передача особенностей говора
7) Исправление явных ошибок
8) Замена бранных слов
9) Упорядочение названий былин

1. Тексты былин рассматриваются в настоящем сборнике как тексты художественные, в которых важное значение имеет ритм на всех языковых уровнях. В этой связи передача былинного текста всплошную, без разграничения строк и частей текста, представляется неприемлемой. В нашем издании есть **три вида разграничения текста былины**: 1) *Пустыми строками* текст разбит на связки из двух, трёх и более стихов, объединённых по смыслу и по своему строению. 2) *Отступами* отмечены переходы от одного крупного смыслового отрезка текста к другому. 3) *Двумя пустыми строками* разделены ещё более крупные части былины. Иногда границы между большими и малыми частями былины весьма очевидны, иногда это разграничение допускает разные решения. В настоящем издании такое членение былинного текста на части сделано человеком сказывающим, для которого привычнее не читать былинный текст, но воссоздавать его по памяти.

2. Песенно-поэтический язык былин предполагает использование **особых ударений**. Такие ударения в нашем издании проставлены. При этом надо учесть, что ударение в песенном тексте плавающее, то есть может встретиться

и *молодца́*, и *мо́лодца,* и *моло́дца*. Это зависит от того места в напеве, которое займёт данное слово. А место это определяется сказителем, распевающим текст. Иногда распеть стих можно по-разному, и тогда поставленное ударение будет лишь одним из возможных. Кое-где я проставлял и привычные ударения, подчёркивая, например, что в данном случае поётся именно *богаты́рь*, а не более частое у сказителей *бога́тырь*, именно *ча́до*, а не стоящее рядом *чадо́*. Для человека, не знакомого с данной особенностью народно-песенной поэтики, это может показаться странным. Однако без такой необыденной расстановки ударений ни один сказитель не обходится. В настоящем издании также взято за правило ставить ударения в именах собственных, за исключением самых распространённых имён, причём не только в текстах былин, но и, например, в фамилиях сказителей и собирателей. Ударения проставлены также в редких, малоупотребительных словах и в словах, чтение которых затруднено их диалектной формой. В северном произношении нередко встречается безударное *ё*. В словах с безударным *ё* также проставлены ударения. Если ударения в слове не стоит, значит, *ё* ударное. Если в слове два звука *ё*, то над ударным *ё* ставится ударение.

3. Устный текст при переносе на бумагу допускает разные решения в расстановке **знаков препинания**. Где поставить точку, а где восклицание; где запятую, а где тире; где несколько простых предложений разделить точками, а где объединить их запятыми в одно сложное? Эти и другие вопросы постоянно ставил перед собой составитель настоящего сборника и нередко принимал решения, отличные от тех, что были приняты при издании предыдущих книг.

4. В данном издании принят особый принцип в написании строк с **прописной** или строчной **буквы**: прописной буквой выделяется не каждая поэтическая строка, а лишь та, с которой начинается строфа. Здесь же заметим, слово «Старо́й», заменяющее зачастую имя Ильи Муромца, понимается как прозвище, поэтому пишется с большой буквы. Это же относится, например, и к слову «Солнышко» в отношении к князю Владимиру.

5. Нет сомнения, что собиратели — кто чаще, кто реже — опускали **вставные слова**, такие как *бы, как, что, нынь, теперь, ещё, да* и прочие. Разбирая, например, опубликованные тексты Тимофея Степановича Кузьмина́, от которого сохранилось много былинного пения в звуке, я отметил: пока текст собирателя опирался на звукозапись, в нём было достаточное количество слогов для распевания. Как только звукозапись обрывалась, количество слогов сразу уменьшалось и петь становилось неудобно, то есть собиратель, стараясь фиксировать содержание былины, невольно, а может, и сознательно опускал вставки, не несущие смысла. Например, текст Василия Петровича Тайбаре́йского опубликован так:

Во стольном городе во Киеве,
у ласкова князя у Владимира…
[*Леонтьев 1939*, с. 40]

Почему здесь не хватает слогов для классического былинного распева? Ведь в начале стиха обычно стоит два безударных слога и третий ударный. А здесь такого нет. Может, какой-то особый напев у сказителя был? Но звукозаписи нет — и ответа нет. Однако звукозапись сохранилась от сына Василия Тайбаре́йского — Ника́ндра, который много пел с отцом и, скорее всего, взял напев от него. У него находим следующее:

Как во стольнём *во* городе во Киеве,
как у ласкова князя у Владымира…
[*Колпакова 1961*, с. 179]

То есть обычные вставки (выделены *курсивом*) стоят на своих местах, и поётся это на обычный былинный напев. Стало быть, собиратель, видимо, не предполагая, что былины кто-то будет петь по его записям, просто опускал, как ему казалось, ненужное. Учитывая это, я — где больше, где меньше — позволял себе делать вставки на месте явных пропусков.

Здесь же замечу, что иногда собиратели, напротив, излишне точно передают речь сказителя, со всеми ошибками, нескладностью, оговорками и так далее. Для научного издания, конечно, такая точность была бы необходима. Но в настоящем сборнике я порой поступался такой уж дотошной точностью и шёл путём удаления избыточных вставок, замены их на равнозначные или как-то иначе исправлял явную нескладность исходного текста. Наиболее существенные такие исправления (например, перестановка слов или вставка стихов) отражены в примечаниях в специальных таблицах.

6. Собиратели иногда отражали в публикации **особенности говора** того или иного сказителя, которые совпадают с литературной нормой, такие как аканье, иканье, оглушение согласных на конце слова и прочее. Современный читатель и так будет произносить *варона*, *горат, патишаитса*. Такая фонетическая запись, неоправданно затрудняющая чтение, устранялась. Также не передаётся распространённое в народном пении йотирование начальных гласных (*ён, юправитель*). Проще отметить здесь, что такое явление время от времени встречается в пении былин.

С другой стороны, не хотелось утратить северное, древнее звучание былины. Поэтому наиболее яркие особенности севернорусского говора сохранены. Например, это касается цоканья и чоканья. Да, это тоже затрудняет чтение, но только так можно передать особое звучание северной говóри. Если вы встречаете непонятное слово с буквами *ч* или *ц*, попробуйте заменить эти буквы одну на другую. Например, *чена*, *молодеч* означает *цена*, *молодец*. Напротив, *цара*, *цядо* — это *чара*, *чадо*. И так далее.[73]

Сохранены и другие диалектные особенности былинной речи, среди них оканье (*розгля́дывал*); особые окончания существительных и прилагательных (*в по́ли, чи́стыма*); произнесение *ш, шш, шч* вместо *щ (шшуп, издо́лишшо)*; *е* вместо *я (кнезя, собиралисе)*; *ё* вместо *е (по́лё чы́стоё)*, мягкое *ц* (*молодець*) и мягкое *к* (*Олёшенькя, то́лькё*). Разнообразная передача возвратной частицы *-ся* (*-са, -сэ, -се, -ца, -ця, -цэ, -це, -ча, -че*) сохранена, хотя разница между произнесением некоторых написаний и не совсем ясна.[74]

7. В настоящем издании также исправлялись **явные содержательные ошибки**, имеющиеся в исходных публикациях.

---

[73] Заметим также, что былинщики, внимательные к языку, слыша то цоканье, то чоканье, в своих ста́ринах поют то так, то эдак (например, чередование *цяду/чаду* в стихах 25, 28, 31, 34, 37 ста́рины № 1). По-видимому, это делалось для украшения речи. Ведь сказитель должен не просто рассказать историю, но рассказать её как можно более разнообразным, красочным языком, что находит отражение и в произношении.

[74] Заметим также, что на севере часто окончания прилагательных и местоимений в родительном падеже произносятся так, как пишутся, без замены *г* на *в*: *синего*, *которого*. А в словах *бога́тырь, бога́чество, Бога, Господа, убогий* буква *г* произносится по-южнорусски, мягко. Во всех остальных случаях *г* произносится твёрдо.

Например, в нашем издании:

Ушли, было, у детины *да во Божью́ церкву́*,
он оделсэ ныньче́ *да* в цве́тно платьицо.
(54:1–2)

В исходном же издании читаем:

Уж ли было у детины *да у возлюбленна*
Он наделся нынь *перёд* да в цве́тно платьице...
[*Колпакова 1961*, с. 203. 72:1–2]

Ещё пример. В нашем издании:

Он ничем их зовёт да не во что кладёт,
всё свои́ма бы утехами утешаетсэ,
ерлыки пи́шёт ныне да всё размётывал.
(53:35–37)

В исходном издании:

Он ничем их зовёт, да не во что кладёт,
Всё своими бы утехами утешается,
Белый-те песок ныне да всё размётыват.
[*Колпакова 1961*, с. 182–183. 67:35–37]

В этих двух примерах правильное написание было восстановлено по звукозаписям. Наличие подобных довольно грубых ошибок даёт нам право допустить их возможность и там, где звукозаписи нет. Сталкиваясь в тексте былины с чем-то весьма и весьма сомнительным, в ряде случаев были сделаны существенные исправления, которые всегда отражались в примечаниях.

8. Прежние издатели по-разному решали вопрос со словами, которые раньше были приемлемы, но теперь воспринимаются как **бранные** и не допустимы в изданиях, предназначенных для широкого круга читателей. Иногда их заменяли другими словами, иногда просто опускали, иногда заменяли точками слово целиком или его часть. В настоящей книге такие слова заменяются на слова, сходные по смыслу, но менее грубые. Такие замены всегда отмечаются в примечаниях. Например, в ста́рине Параско́вьи Ивановны Дитя́тевой про Касья́на (№ 22) такие замены сделаны в строках 45, 136 и 144.

9. В разных изданиях даются разные **названия былин**. Ниже поясняется, как поименованы былины в настоящей книге.

Для 16-ти сюжетов в название вынесено имя главного героя, из них в 11-ти случаях — с отчеством: Василий Касими́рович, Пота́п Артамо́нович, Михайло Петрович, Касья́н Иванович, Дуна́й Иванович, Иван Горде́нович, Лука́ Степанович, Ставёр Годи́нович, Иван Гости́нович, Дюк Степанович, Дани́лко Денисьевич, в 2-х случаях имя даётся с прозвищем: Ми́трий Бря́нской, Анна Кнеженёвская, а в 3-х — только имя: Соло́мон, Фате́нко, Садко́.

В названиях 11-ти сюжетов помимо имени главного героя даётся имя его противника: Илья и Соловей, Старо́й и Святого́р, Добрыня и змея, Добрыня и Ка́лин-царь, Олёша и Туга́рин, Илья и Издо́лишшо, Илья и Владимир-князь, Старо́й и Соко́льник, Пермя́та и Чури́ла, Добрыня и Маринка, Добрыня и Олёша.

Помимо этих двух основных видов называния былин есть 6 других названий, составленных по-другому: Рождение Вольги́, Исцеление Ильи, Ту́ры златорогие и Ску́рлат-царь (Василий Игнатьевич), Василей Буслаевич набирает дружину, Василей Буслаевич бьётся с новгородцами, Василей Буслаевич едет в Еруса́лим.

Также в названиях данного сборника взято за правило, чтобы формы имён героев в названии и в тексте совпадали. Если сказитель даёт свой вариант произнесения имени героя, то это отражается в названии его былины: Пота́п

Иванович, Исцеление Иле́йки, Иле́йка и Солове́й, Перемя́т и Чури́ло, Илья и Светого́р, Илья и Соко́льник, Пермя́ и Чури́лко, Иван Годе́нович, Анна Путя́тична.

Для двух неполных записей в название вынесено уточнение: Илья и Издо́лишшо: стычка на пиру, Дунай Иванович: на пиру у князя.

Для былин, раскрывающих два сюжета, в названии используются либо точка с запятой: Исцеление Иле́йки*;* Иле́йка и Солове́й, либо союз *и*: Василей Бусла́евич набирает дружину *и* едет в Еруса́лим.

Примечания к текстам былин

В примечаниях указаны:

1) название былины и количество строк в ней;
2) сказитель, от которого записана былина, его возраст и селение, откуда он;
3) время и место записи былины;
4) первая публикация былины, с указанием порядкового номера, номеров страниц, а также названия былины с сохранением орфографии этого источника[75];
5) сколько записей этого сюжета сделано на Нижней Печоре;
6) некоторые переклички данной былины с другими;
7) некоторые другие примечания, например, для былин Тайбаре́йского (№№ 35–43) указывается, от кого сказитель перенял ста́рину, а для записей 1956 года (№№ 50–58) отмечается, какие строки выверены по звукозаписи;
8) отличия от первоисточника: в таблице указывается номер строки, в левом столбце — как было, в правом — как стало; курсивом выделены внесённые изменения.

1. Рождение Вольги́, 49.

Павел Григорьевич Ма́рков, 76-ти лет, деревня Бедово́е.

Июнь 1902 года, село О́ксино.

Ончуко́в 1904, № 84, с. 331–332. Вольга Всеславьевичъ.

Единственная запись этой былины на всей Печо́ре. В былине Ма́ркова рассказывается лишь о рождении и учёбе Вольги́. Поэтому её можно рассматривать и как отдельную ста́рину, и как часть более полной ста́рины.

Текст включает уникальную материнскую молитву за чадо-богатыря (1:16–45). Перечень богатырей обнаруживает хорошее знание того, кто есть кто в мире русских былин (сам Павел Григорьевич знал былину про Олёшу, про остальных героев былины знали другие сказители): *ту́лово* — Святогор (№ 25), *сила* — Самсо́н Колыбановиць (№ 15), *конь* — Илья Муромец (№ 19), *кафтан* — Дюк Стёпа́новиць (№ 34), *сапожки* — Чури́ла Плёнкович (№ 23), *шапка* — Кузе́нко Сибирча́женин (про этого героя других упоминаний не найдено), *рукави́чи* — Каза́рин Петровиць (№ 13), *сме́тка* — Олёша Попович (№ 2), *ве́шво* — Добрынюшка Микитиць (№ 38).

Оборачиваться животными помимо Вольги́ (1:46–49) умел Митрий Бря́нской (29:78).

20 и далее	Да’ Бог моему-де цяду милому	*Дай* Бог моему-де цяду милому
22	да ту́лово ему бы Светогорого	да ту́лово ему бы Светогорово

2. Олёша и Туга́рин, 194.

Павел Григорьевич Ма́рков, 76-ти лет, деревня Бедово́е.

Июнь 1902 года, село О́ксино.

Ончуко́в 1904, № 85, с. 333–337. Олеша Поповичъ, Екимъ паробокъ и Тугаринъ.

---

[75] Здесь надо заметить, что к работе привлекались не только тексты былин, изданные собирателями, но и тексты этих же самых былин из Свода русского фольклора [*Свод 2001*]. Тексты из Свода порою весьма отличаются от изданных собирателями текстов, поскольку они были взяты не из книг, а напрямую из архивов собирателей. Номер былины в Своде можно посмотреть в Указателе 1.

На всей Печоре было сделано всего две записи этой былины, вторая — в Усть-Цилёмской волости. Обе записи сделал Ончуко́в в 1902 году.

Второй сюжет про Олёшу — Добрыня и Олёша — записан на Нижней Печоре в двух связанных друг с другом вариантах (№№ 18 и 58). Сметка Олёши упоминается в былине про Вольгу́ (1:42) этого же сказителя.

Противника-великана более пространно, нежели Павел Григорьевич (2:61–64), описывает также Алексей Иванович Дитя́тев (15:142–150). Знал это описание и Николай Петрович Шалько́в (9:35–37).

Уворачиваться от удара неприятеля под гриву лошадиную умеет не только Олёша (2:167–168), но также Иван Горде́нович в записи от того же Алексея Ивановича Дитя́тева (15:247–248).

63–64	Промежу́ ему глаза да калена́ стрела, промежу́ ему ушей да пядь бумажная	Промежу́ ему глаза да *пядь бумажная*, промежу́ ему ушей да *калена́ стрела*
127	да силы у тя дак есь ведь с два меня	да силы у тя дак есь ведь с два меня, *а смёточки и половины нет*

3. Ту́ры златорогие и Ску́рлат-царь (Василий Игнатьевич), 73.

Павел Григорьевич Ма́рков, 76-ти лет, деревня Бедово́е.

Июнь 1902 года, село О́ксино.

Ончуко́в 1904, № 87, с. 344–346. Василій Игнатьевъ (отрывокъ).

Ончуко́в указывает, что это отрывок ста́рины про Василия Игнатьевича. Но до появления самого Василия Игнатьевича повествование не доходит. Есть лишь вступление про туров (3:1–29 и 3:46–51), описание войска Ску́рлата (3:30–45), его угроз (3:52–57) и отсылки посла (3:58–73). Очень похоже про туров сказывает Тимофей Семёнович И́жемцев (д4:1–23), житель той же деревни, что и Ма́рков. Также зачин про туров был записан от Василия Петровича Тайбарейского (38:1–16). В его былине Ску́рлата заменяет Ка́лин, но описание войска (38:17–25) и отсылки посла (38:26–40) перекликается с соответствующими местами из Ма́ркова.

Имя Ску́рлата-царя (3:58) упоминается также в обоих записях ста́рины про Пота́па: Ску́рла царь сын Сморо́дович (8:48) и Шку́рлак-царь (16:1).

4. Дуна́й Иванович, 255.

Павел Григорьевич Ма́рков, 76-ти лет, деревня Бедово́е.

Июнь 1902 года, село О́ксино.

Ончуко́в 1904, № 86, с. 338–344. Дунай, 260.

Начало былины, а именно «описание пира Владимира со всеми речами его и его богатырей о холостой жизни» Ончуко́в не стал записывать по причине того, что, по его словам, то же самое он уже записывал в Усть-Цильме [*Ончуко́в 1904*, с. 338]. Если бы начало было записано, то эта ста́рина стала бы наиболее пространной среди былин Ма́ркова. Есть ещё два нижнепечорских текста, рассказывающих о Дунае. Текст Ника́ндра Ивановича Су́слова в 72 строки (№ 57) как раз дополняет текст Ма́ркова, поскольку подробно описывает всё, что происходит на пиру у князя (57:1–50), а саму поездку за княжеской невестой описывает очень кратко (57:51–72) и совсем не касается любовной истории Дуная Ивановича. Полный вариант Дуная — менее объёмный, чем у Маркова (238 строк) — записан от Ивана Кирилловича Осташо́ва (№ 30).

Павел Григорьевич опускает строки, где по оставленным Дунаем копью и копейке (4:18–29) Добрыня узнаёт, что Дунай в беде. А вот у Василия Петровича Тайбаре́йского в ста́рине про Василия Касими́ровича (№ 37) это место даётся целиком, с узнаванием, только там богатырь обходится без копейки и ставит копьё

наоборот — острым копьём кверху, и следить надо не за тем, шатается копьё или нет, а за состоянием наконечника копья (37:51–58 и 37:94–97). Возможно, перенос этого места из Дуная и подтолкнул Тайбарéйского заменить в своей стáрине (№ 37) имя Василия Касимировича на имя Дуная Ивановича. А вот у Ивана Кирилловича Осташóва Дунай избирает другой способ призывания товарищей — игру в турий рог (30:70–77), как в Соломóне (42:169–181; 49:107–110).

На двоекóлой или троекóлой тележке на казнь везут не только Дуная (4:68–70), но также Потáпа (8:224–226) и Соломóна (42:224–225), причём первые два затем используют её в качестве оружия (4:85–87, 8:236–241, 16:71–72).

79	Немножко поры-де миновалосе,	Немножко поры-де миновалосе, *у Добры́нюшки копéйчо зашаталосе,* *потéмнила бы копéечка серéбрена,*

5. Василей Буслáевич набирает дружину и бьётся с новгородцами, 200.

Павел Григорьевич Мáрков, 76-ти лет, деревня Бедовóе.

Июнь 1902 года, село Óксино.

Ончукóв 1904, № 88, с. 346–351. Василій Буслаевъ въ Новгородѣ.

Эпос про Василия Буслаевича от Мáркова записан полностью. Мáрковское описание набора дружины (5:9–89) можно сравнить ещё по двум нижнепечорским записям: от Николая Петровича Шалькóва (10:27–66) и от Василия Артамóновича Ни́конова (17:14–35). Описание Павла Григорьевича самое развёрнутое. А вот его описание боя с новгородцами (5:90–200) в три раза короче, чем похожее описание у Степана Фёдоровича Хабарóва (14:1–302).

6. Василей Буслáевич едет в Ерусáлим, 268.

Павел Григорьевич Мáрков, 76-ти лет, деревня Бедовóе.

Июнь 1902 года, село Óксино.

Ончукóв 1904, № 89, с. 351–358. Василій Буслаевъ в Іерусалимъ ѣздилъ.

Это самый пространный текст из записанных от сказителя. Более короткий нижнепечорский рассказ про поездку Васьки Буслаева в Еросáлим находим у Николая Петровича Шалькóва (10:67–139).

18	’Ерусáлим-град дорожинькя не ближное	*В* Ерусáлим-град дороженькя не ближная

7. Садкó, 190.

Павел Григорьевич Мáрков, 76-ти лет, деревня Бедовóе.

Июнь 1902 года, село Óксино.

Ончукóв 1904, № 90, с. 358–363. Садкó.

Один из двух нижнепечорских вариантов Садкá. Второй записан от Николая Петровича Шалькóва (№ 11). Оба варианта рассказывают и про спор Садка с новгородцами, и про его пребывание у водяного царя. Подводная часть у двух сказителей разная: в одном случае (7:127–177) царь хочет, чтобы Садкó сыграл у него свадьбу, в другом (11:87–119) желает, чтобы сыграл ему на гуслях. Здесь мы видим любопытное соответствие игры любовной и музыкальной. В варианте Мáркова гусли вообще не упоминаются, равно как у Шалькóва — женитьба.

8. Потáп Артамóнович, 246.

Николай Петрович Шалькóв, более 80-ти лет, село Великая Ви́ска.

Июнь 1902 года, село Великая Ви́ска.

Ончукóв 1904, № 72, с. 285–292. Потапъ Артамоновичъ.

Былина про Пота́па Артамо́новича известна всего в двух записях, обе — с Нижней Печоры. Второй вариант записан также Ончуко́вым от Василия Артамо́новича Ни́конова (№ 16).

Имя царя Ску́рлата также упоминает Павел Григорьевич Ма́рков (№3). Кроме того, у Ма́ркова (3:52–57) и у Шалько́ва (8:50–55) очень похоже описываются грозные намерения Ску́рлата. Совсем другие слова подобрал для этого места Ни́конов (16:2–4), который и царя именует уже несколько иначе — Шку́рлак.

В Ви́ске была записана ста́рина про Ивана Гости́новича (№ 20), в которой так же, как и в этой ста́рине про Пота́па, важная роль отведена коню.

Про телегу троеко́лую (8:219–220, 8:224–226, 8:236–241) смотрите в примечании к ста́рине про Дуная (№ 4).

11	становил-то детина бел полот*’н* шатёр	становил-то дети́на бел поло́*тен* шатёр
60	Как налаживал он латы *ри*булатныя	Как налаживал он латы *пре*булатныя
78	Ищэ клал-то ле войлоцьки-под*ж*..нички	Ищэ клал-то ле войлоцьки-под*ложнички*

9. Анна Княжене́вская, 216.

Николай Петрович Шалько́в, более 80-ти лет, село Великая Ви́ска.

Июнь 1902 года, село Великая Ви́ска.

Ончуко́в 1904, № 73, с. 292–297. Гремитъ Манойловичъ, Идолъ Жидойловичъ и Анна, племянница Владиміра-князя.

Былина про племянницу князя Владимира записывалась на всей Печоре всего два раза и оба — на Нижней. Второй вариант был записан в 1956 году от Тимофея Степановича Кузьмина́ (№ 56).

Начало былины перекликается со ста́ринами про Ивана Горде́новича (№ 41) и про Дуна́я (№ 57). Идо́л рассказывает Греми́ту Мано́йловичу про племянницу князя Владимира (2:38–60) похожим образом, что и Добрыня Ивану Горде́новичу про дочь Фёдора Черниговского (41:64–89), а Дунай князю Владимиру про дочь Семёна Лихови́нскиих (57:39–50). И далее Владимир Стольнокиевский ведёт себя подобно Фёдору Черниговскому: оба князя в ответ на угрозы без боя отдают свою родственницу свато́вщику (9:115–125 и 41:148–166).

Описание Идо́ла (9:35–37) соответствует описанию противника Олёши Поповича Туга́рина (2:61–64) и противника Ивана Горде́новича Василия Окуловича (15:142–150).

Шутливым словам, которые произносит Анна, советуя Владимиру не сопротивляться Идо́йлу (9:136–137), соответствуют слова из другой ста́рины, также из Великой Ви́ски, где их произносят сыновья Маремья́ны, отказываясь сопротивляться Фате́нку (21:201–202).

19	а по-руськи назвать — жёно́*й* венчальную	а по-руськи назвать — жёну́ венчальную
21	Как статны́м *была* статна́ да по́лна возрастом	Как статны́м *чтобы́* статна́ да по́лна возрастом
35	*В*ышину был Идо́л да две сажёни нынь	*В в*ышину был Идо́л да две сажёни нынь
36	*ш*ирину был Идо́л да как коса́ сажёнь	*в ш*ирину был Идо́л да как коса́ сажёнь
74	*ищ’ле* чесью не дают, дак бе́ри не́чесью	*есле* чесью не дают, дак бе́ри не́чесью

111	Подходил *’е́му* Солнышко Владымир-князь	Подходил *к е́му* Солнышко Владымир-князь
136	ты не стой-ко за *ж*… ты за ба́бию	ты не стой-ко за *гу́зно* ты за ба́бие

10. Василей Буслáевич набирает дружину и едет в Ерусáлим, 139.

Николай Петрович Шалько́в, более 80-ти лет, село Великая Ви́ска.

Июнь 1902 года, село Великая Ви́ска.

Ончуко́в 1904, № 74, с. 297–301. Василій Буслаевъ.

Набор дружины Василием Буслáевичем обычно рассматривается как часть былины про его бой с новгородцами. Нижнепечорская традиция даёт несколько иную картину. Один раз описание набора дружины действительно объединяется с рассказом про бой (№ 5), но в былине Шалько́ва (№ 10) набор дружины идёт в сочетании с поездкой в Ерусáлим. Кроме того, набор дружины был записан и отдельно от двух других сюжетов про Василия (№ 17). Про поездку Василия в Ерусáлим на Нижней Печоре записано дважды. Вторая запись — от Павла Григорьевича Ма́ркова (№ 6).

71	он-то *’б*рови-то ле вре́зал два-то соболя	он-то *в б*рови-то ле вре́зал два-то соболя
84	он пошёл-то *’ч*ерле́ной бо́льшой ка́рабель	он пошёл-то *на ч*ерле́ной бо́льшой ка́рабель
135	«Хто вперёд-то ле скоци́т, назад скоци́т?»	«Хто вперёд-то ле скоци́т, назад *от*скоци́т?»
139	как тогда-то Василью смерть случил*осе*	как тогда-то Василью смерть случил*асе*

11. Садко́, 135.

Николай Петрович Шалько́в, более 80-ти лет, село Великая Ви́ска.

Июнь 1902 года, село Великая Ви́ска.

Ончуко́в 1904, № 75, с. 301–304. Садко́.

Один из двух нижнепечорских вариантов Садка́ (смотрите примечание к № 7).

Два стиха про Казань (11:1–2) взяты из былины про Добрыню Никитича (51:1–2), а имя Лево́нтея-попа, отца Ростовского (11:4), взято из ста́рины про Олёшу Поповича (2:40).

80	видно, я жё нынь-топере винова́той *быть*	видно, я жё нынь-топере винова́той *есь*
84	Как вернулася шлюпка ту*т ’о*бра́тноё	Как вернулася шлюпка ту*т в о*бра́тноё
95	*Ишь* ле можь ле звеселить меня, морска́ царя	*Уж* ле можь ле звеселить меня, морска́ царя
102	как садилса-то царь да на *ж*… нынь	как садилса-то царь да на *гузно́* ныньце́
131	Да пошёл-то Садко́ *’с*воёму терему	Да пошёл-то Садко́ *к с*воёму терему

12. Дани́лко Денисьевич, 78.

Николай Петрович Шалько́в, более 80-ти лет, село Великая Ви́ска.

Июнь 1902 года, село Великая Ви́ска.

Ончуко́в 1904, № 76, с. 305–307. Данилко Денисьевичъ.

Про Данила Денисьевича мы знаем только благодаря двум записям, обе сделал Ончуко́в в 1902, вторую — в Усть-Ци́льме.

Сюжет, где главным героем выступает вор-разбойник, грабящий купеческие корабли, весьма необычен для былин. Хотя в ста́рине про Ми́трея Брянского описывается разбойное нападение на город двух братьев Долгополых (29:51–56). Кроме того, нападению разбойников подвергается Илья Муромец (19:133–145). Есть упоминания про разбойников-подорожников и в других былинах.

1	Кабы Волга-река да розливало*сь*	Кабы Волга-река да розливала*сь*
42	да тогда-то нынь Данилку смерть случило*сь*	да тогда-то нынь Данилку смерть случила*сь*

13. Михайло Петрович, 277.

Степан Фёдорович Хабаро́в, 69-ти лет, деревня Пы́лемец.

Июнь 1902 года, рыболовная тоня́ на Печоре в 6–7 верста́х от Пы́лемца.

Ончуко́в 1904, № 93, с. 374–381. Михайло Карамышевъ.

Единственная запись этой былины на Нижней Печо́ре.

Описание вынашивания, рождения и крещения Михайлы (13:3–17) имеет соответствия в среднепечорских былинах про Добрыню [*Ончуко́в 1904*, с. 97–98, ст. 7–22; с. 259, ст. 20–34]. Обучение грамоте Михайлы (13:42–47) также перекликается с тем, как учился Добрыня [*Ончуко́в 1904*, с. 98, ст. 26–35].

Такие же слова о двух матерях (13:53–54) встречаются в былине про Илью в опале у Владимира (27:147–148).

Осмотр богатырём окрестностей (13:154–168) на Печоре встречается в разных былинах, в том числе про Сокольника [*Ончуко́в 1904*, с. 6, ст. 45–59]. Однако в нижнепечорских записях Сокольника развёрнутого осмотра всех четырёх сторон нет (28:4–9; 47:9–12; 53:38–41), иногда вообще нет осмотра (40:59–61). Зато это описание есть в обеих записях былины про Луку Степановича (45:65–74; 54:22–27).

В среднепечорской записи былины про бой Добрыни с Дунаем — эту былину сказывал и Хабаро́в — Добрыня видит чёрный шатёр и рассуждает о его принадлежности [*Ончуко́в 1904*, с. 42, ст. 16–22] так же, как и Михаил Петрович (13:168–180).

55–56	Уж ты ой еси нынь, бабушка-задворенка, — он бы падал-то ей да во резвы́ ноги́	Он бы падал-то ей да во резвы́ ноги́: «Уж ты ой еси нынь, бабушка-задворенка,
127	да берёт-то копьё востро́ё про́пером	да берёт-то копьё востро́ё *с* про́пером

14. Василей Буслáевич бьётся с новгородцами, 302.

Степан Фёдорович Хабаро́в, 69-ти лет, деревня Пы́лемец.

Июнь 1902 года, рыболовная тоня́ на Печоре в 6–7 верста́х от Пы́лемца.

Ончуко́в 1904, № 94, с. 381–388. Василій Буслаевъ.

Сюжет на Нижней Печоре записан дважды: у Павла Григорьевича Маркова — в соединении с сюжетом о наборе Василием дружины (№ 5).

60	*она* тут-*то* тогды́ да думу думала	*а и мать* тут тогды́ да думу думала

15. Иван Горде́нович, 318.

Алексей Иванович Дитя́тев, 71-го года, село Великая Ви́ска.

Июнь 1902 года, село Великая Ви́ска.

Ончуко́в 1904, № 80, с. 313–321. Иванъ Горденовъ.

Этой былине посчастливилось быть записанной на Нижней Печоре целых четыре раза. Помимо этой записи 1902 года, есть ещё две 1938-го от Василия Петровича Тайбаре́йского (№ 41) и Игнатия Терентьевича Ма́ркова (№ 48) и одна 1956-го от Андрея Фёдоровича Пономарёва (№ 55). Такое же количество раз была записана только ста́рина про Илью и Соко́льника. На Средней Печоре былина про Ивана Горде́новича записана не была.

Самсо́н Колыба́нович, действующий в былине Дитя́тева «со своим десяточком» (15:86–87, 203–207), был известен также сказителю Павлу Григорьевичу Ма́ркову, который упоминает этого богатыря, а точнее его силу в своей ста́рине про Вольгу́ (1:23–24). У сестры Алексея Ивановича Параско́вьи в ста́рине про Ивана Гости́новича Самсон Колыбанович — опять же с Ильёй Муромцем — помогает главному герою получить деньги от князя Владимира (20:201–204). Кроме того, эта же сказительница в своей ста́рине про Касья́на Ивановича (№ 22) главного героя называет Самсо́ном Колыба́новичем.

Имя Маремья́на носят также героини двух ста́рин сестры Алексея Ивановича Парасковьи (№№ 21, 23), а также ста́рины про Скопина́ самого Дитя́тева [*Ончуко́в 1904*, 81:153, с. 325].

Описание противника Ивана Горде́новича Васеньки Оку́ловича (15:142–150) подобно описанию Туга́рина в ста́рине про Олёшу Поповича (2:61–64), Идо́ла в ста́рине про Анну Кнеженевскую (9:35–37), а также Издо́лишша в ста́рине про стычку последнего с Ильёй (26:3–5).

Уворачиваться от удара противника под гриву лошадиную (15:247–248) умеет также Олёша Попович в ста́рине Павла Григорьевича Ма́ркова (2:167–168).

Отсечение ног, рук и губ у неверной жены (15:307–315) имеет соответствие в двух других записях ста́рины про Ивана Горде́новича (48:207–217; 55:362–367), а также в ста́ринах про Соло́мона (42:270–275) и про Добрыню и Маринку (31:122–130). В варианте Ивана Горде́новича Тайбаре́йского сказитель пропускает это место, ограничившись отсечением головы (41:283–286).

29	Един я, Иван, да, *царь*, холо́ст хожу	Един я, Иван, да *нынь* холо́ст хожу
38	«Когда хочешь, Иван, дак можешь на ей»	«Когда хочешь, Иван, дак можешь на ей *женитисе*»
41	одному-то мне теперь не взять будёт	одному-то мне теперь *ее́* не взять будёт
236	Ты *бл…-ле*, ворона пустопёрая	Ты *гадина*, ворона пустопёрая

16. Пота́п Иванович, 80.

Василий Артамо́нович Ни́конов, возраст не указан, деревня Нары́га.

Июнь 1902 года, город Пустозе́рск.

Ончуко́в 1904, № 96, с. 394–396. Потапъ Ивановичъ 12-ти лѣтъ.

Более пространный текст Пота́па Ончуко́в записал от Николая Петровича Шалько́ва в Ви́ске (№ 8). Былина про Пота́па записана только на Нижней Печоре.

В былине Ни́конова конь Пота́па не занимает столь важное место, как в былине Шалько́ва.

Шку́рлак, или Ску́рлат-царь, помимо второго варианта Потапа (8:48), также упоминается в былине Ма́ркова (3:58).

Про телегу двоекольчету (16:31 и 16:71) смотрите в примечании к ста́рине про Дуная (№ 4).

При распевании текст немного распространён различными вставками для соответствия напеву.

47	ссек бы у тебя голову *со* дочер*ью*	ссек бы у тебя голову *и у* дочер*и*

17. Василей Буслáевич набирает дружину, 35.

Василий Артамóнович Ни́конов, возраст не указан, деревня Нары́га.

Июнь 1902 года, город Пустозёрск.

Ончукóв 1904, № 97, с. 396–397. Василій Буслаевъ въ Новгородѣ. (Отрывокъ).

Описание набора дружины Василием Буслаевичем на Нижней Печоре записано трижды: у Никонова как отдельный текст, а у других сказителей в соединении с сюжетами про бой с новгородцами (№ 5) и про поездку в Ерусáлим (№ 10).

18. Добрыня и Олёша, 153.

Параскóвья Ивановна Шевелёва, возраст не указан, деревня Пóйлово.

Июнь 1902 года, село Ку́я.

Ончукóв 1904, № 95, с. 389–393. Алёша Поповичъ женится.

На Нижней Печоре эта стáрина была записана второй раз от Никандра Ивановича Су́слова (№ 58). Последний сложил свою былину с опорой на этот текст Шевелёвой, прочитав его в книге Ончукóва.

Место с распределением свадебных чинов (18:26–31) есть также в былине про Ивана Гордéновича (41:90–97, 55:78–82).

23–26	Сквозь Добрынюшка трава ростёт, сквозь Микитица цветы цветут. Ты позволь мне на *ней* женитися, ты же сам будёшь мне-ка батюшком	Сквозь Добрынюшка *уже давно* трава ростёт, сквозь Микитица *уже давно* цветы цветут. Ты позволь мне на *его вдовы́* женитися ты же сам будёшь *на свадьбы* мне-ка батюшком
28–29	Уж как ты, старóй да Илья Муромець, ты же мне быдь ты ты́сецким.	*Уж* как ты, старóй *казак* да Илья Муромець, ты же мне *на свадьбы* быдь-*ко* ты́сецким.
40	и́ше вóры то илú разбойники	и́ше вóры то *пришли* илú разбойники
45	не ворóтят они в *ложню теплую*	не ворóтят ведь они *во гри́ню светлую*
116	как *сидит-то* жена с Олёшенькой Поповицом	как *Добрынина* жена с Олёшенькой Поповицом

19. Исцеление Ильи; Илья и Соловéй, 281.

Параскóвья Ивановна Дитя́тева, 69-ти лет, село Великая Ви́ска.

23 июля 1929 года, село Великая Ви́ска.

Астáхова 1938, № 95, с. 516–523. Илья Муромец.

Первая по времени записи былина про Илью на Нижней Печоре. Про исцеление богатыря сказывал ещё Иван Кириллович Осташóв (№ 24), а про бой с Соловьём находим также у Осташóва (№ 24) и у Василия Петровича Тайбарéйского (№ 35).

Примечательно, что Параскóвья Ивановна, равно как и Василий Петрович в стáрине про бой Ильи с Соловьём (№ 35), не употребляет прозвище Мýромец, а величает Илью по имени и отчеству. Не называет сказительница и города Мýрома, место которого в её стáрине заступили Маленькая Галица великая и Корела пребогатая (19:1–2) из былины про Дюка Степановича (34:1–2). Влияние былины про Дюка можно усмотреть и в имени матери (19:3–4 и 34:19), а также в сцене, где богатырь просит у неё благословение (19:57–62 и 34:42–46).

Сама Параско́вья Ивановна, как и её брат Алексей, от которого она выучилась сказывать, были слепцами. Возможно, это повлияло на то, что Илья Иванович в данной ста́рине тоже был слепым до исцеления (19:11–14).

Илья́ Му́ромец также является главным героем ста́рин: Святогор и Илья (№ 25, 36, 50), Илья и Изда́лище (№ 26, д2), Илья в ссоре с Владимиром (№ 27), Илья и Сокольник (№№ 28, 40, 47, 53, д1). Таким образом, нижнепечорская традиция даёт шесть былинных сюжетов про Илью́ Му́ромца.

Кроме того, Илья появляется и в других былинах. Павел Григорьевич Ма́рков упоминает Илью, точнее его коня, в своей ста́рине про Вольгу́ (1:25–27). Илья действует «со своим десяточком» в былине Алексея Ивановича Дитя́тева про Ивана Горде́новича (15:84–85, 213–226). Илья участвует в устроении свадьбы в обоих вариантах былины про Добрыню и Олёшу (№№ 18 и 58). Илья с Самсо́ном Колыба́новичем помогает Ивану Гостиновичу получить деньги от князя Владимира (20:201–204), а в другом варианте этой же былины выступает поручателем в споре князя с богатырём (39:46–47). Илья и Олёша едут с Дунаем за невестой для князя Владимира (№ 30). Илья также упоминается в былинах про Добрыню и Ка́лина (№ 38) и про Василия Касимировича (№№ 37 и 52), в которых он не совершает подвиг, оставаясь в Киеве. Илья также во время игры в мяч убивает ножом старшего сына Луки Степановича (54:188–205). Есть и другие сюжеты, где ста́ринщики упоминают Илью.

Илья Иванович пересчитывает встретившуюся ему рать (19:133–136) так же, как Лука Степанович (45:74–77; 54:65–66).

66	А в город ехать — дальний путь	А в город ехать *бу́дёт* дальний путь
86	<отсутствует>	*не пройти те́бе бу́дёт, не проехати*
151	Победил он всю рать великую	Победил он всю рать-*силу́* великую
185–186	Во этом терему великом сидели его деточки родимые *(один стих)*	Во этом терему́ *во* великоем сидели *Соловья* деточки родимые *(два стиха)*
193	тоже говорит: «Татушка едет, мужика везёт» *(два стиха)*	*тоже говорит:* «Татушка едет, мужика везёт» *(пояснение и один стих)*
207	отворачиват коня как люты́м зверём	отворачиват коне́м, как люты́м зверём
212–213	заходит ко Солнышку Владимиру во *све́тлые покои (один стих)*	заходит ко Солнышку Владимиру во *те во покои да во све́тлые (два стиха)*
227	Илья и говорит	Илья и говорит *таково́ слово́*
244	Уж я *пью-ем-кушаю Илеюшки*	Уж я *Илеюшки пью-ем-кушаю*
247	Пью-ем-кушаю Илеюшки	что-де «Илеюшки пью-ем-кушаю
263–264	Пью-де ем-кушаю Ильи Ивановича и ёго и слушаю	Я Ильи Ивановича пью-де, ем и кушаю, и ёго же, Илью Ивановича, и слушаю
272	вполовину за*свисти*и по-змеиному	вполовину за*кричи*и по-змеиному

20. Иван Гости́нович, 226.

Параско́вья Ивановна Дитя́тева, 69-ти лет, село Великая Ви́ска.

23 июля 1929 года, село Великая Ви́ска.

Астáхова 1938, № 96, с. 523–529. [Состязание Добрыни с князем Владимиром].

Эта былина также записана от Василия Петровича Тайбарéйского (№ 39) и Григория Андреевича Кармáнова (№ 44).

Парáсковья Ивановна называла главного героя Добрыней Микúтичем, но поскольку данный сюжет традиционно связывается с именем Ивана Гостúновича (например, у Тайбарéйского), в нашем издании имя богатыря во всём тексте Дитя́тевой и в названии исправлено.

Богатыри Илья Муромец и Самсóн Колыбáнович, которые заступаются за главного героя, упоминаются в ряде других нижнепечорских былин, о чём говорится в примечаниях к №№ 15 и 19.

Строки 225–226 взяты из былины «Василий Буслаевич: бой с новгородцами» (5:145 и 14:180–181).

Правитель, который не хочет дать главному герою то, что ему причитается, но придумывает вместо этого новые испытания, встречается также в сюжете про Василия Касимúровича (№№ 37 и 52). Этой перекличкой может быть объяснено то, что сказительница называет Владимира царúщом (20:155).

Конь как деятельный участник сюжета также встречается в стáрине про Потáпа Артамоновича, записанной в Вúске (№ 8).

31–32	из того-де стола из середнего по имени Иванушка Гостúнович	по имени Иванушка Гостúнович из того-де стола из середнего
72	роспишитесь вы-ко мне скорограмотку	роспишитесь вы-ко мне *в* скорограмотку
73	не удáрживайте вы удáла дóбра мóлодца в чистóм полé	не удáрживайте вы удáла дóбра мóлодца
82	Да то попы́ не ослышались	Да *на* то *ведь* попы́ не ослышались
104	*Не* долго поéтца, скоро скажетца	*Уж как* долго поéтца, скоро скажетца
212	ссек бы бýйну голову	ссек бы *ему ты* бýйну голову
после 226	Это за то, что хвастал, а они его кусать хотели.	Это за то, что *Иван* хвастал, а *кони Бурушка* кусать хотели.

21. Фатéнко, 213.

Парáсковья Ивановна Дитя́тева, 69-ти лет, село Великая Вúска.

23 июля 1929 года, село Великая Вúска.

Астáхова 1938, № 98, с. 533–538. Фатéнко.

Единственная запись этой былины на Нижней Печóре.

У Парáсковьи Ивановны имена вдов — Овдóтья Чусовáя и Маремья́на Блудовáя, но поскольку в четырёх других печорских записях имена употреблены наоборот, а Прасковья Ивановна и в других былинах путала имена, в нашем издании имена вдов во всём тексте Дитя́тевой изменены на Маремья́на (Мари́нка) Чусовáя и Овдóтья Блудовáя, как у Дмитрия Кáрповича Дýркина из Усть-Цúльмы, Анкуди́на Ефимовича Осташóва с Пúжмы, а также Анастасии Артéмьевны и Лáзаря Михайловича Нóсовых с Цúльмы.

На основании указания сказительницы, сделанного после стиха 165, в былине восстановлены стихи 150–152 (повтор стихов 117–119), 155–158 (повтор стихов 122–125), 160 (повтор стиха 127), 166–179 (повтор стихов 133–146), 183–187 (повтор стихов 116–120), 189 (повтор стиха 122). Всего таким образом было восстановлено 24 стиха. Здесь следует вспомнить, что время у собирательницы было ограничено. Два текста от Дитя́тевой Астáхова не успела записать вовсе.

Таким образом, пропуск стихов сказительницей мог быть вызван спешкой. Более чем вероятно, что в привычной обстановке Параскóвья Ивановна могла пропевать эти повторы. Вообще же, с учётом разных стихов, указанных в сносках [*Астáхова 1938*, с. 533–535] и комментариях [*Свод 2001-2*, с. 461–462], общий объём этой стáрины Дитя́тевой увеличился со 172-х стихов в Своде и 179-ти у Астáховой до 213-ти в нашем издании, а сама стáрина приняла более удобный для пения и чтения вид.

Имя *Маремья́на* носят главные героини стáрин про Ивана Гордéновича (№ 15) и про Скопинá [*Ончукóв 1904*, № 81] от брата сказительницы, Алексея Ивановича Дитя́тева, а также героиня стáрины про Пермя́ту и Чури́лу (№ 23) от самой Параскóвьи Ивановны.

111	да *скоро* поётце, *долго* сказываетця	да *долго* поётце, *скоро* сказываетця
119	Не буйны́-*то* ветры нас споря́нули	Не буйны́ *ли* ветры́ *на* нас споря́нули
180	Броси́л палицу буёвую	Броси́л *Фатéнко* палицу буёвую
202	за ту же за *ж*… всё за бабью жо	за то же за *гузнó* всё за бабье жё

22. Касья́н Иванович, 193.

Параскóвья Ивановна Дитя́тева, 69-ти лет, село Великая Ви́ска.

23 июля 1929 года, село Великая Ви́ска.

Астáхова 1938, № 99, с. 538–542. [Сорок калик].

Вторая запись этой былины на Нижней Печоре была сделана от Василия Петровича Тайбарéйского (№ 43).

Как и в других своих былинах (№№ 20, 21) Параскóвья Ивановна называет главного героя не свойственным этому сюжету именем — Самсóном Колыбáновичем. В нашем издании это имя во всём тексте Дитя́тевой изменено на Касья́н Иванович. Такое имя использует Тайбарéйский, а также другие печорские сказители: Дмитрий Кáрпович Ду́ркин [*Ончукóв 1904*, № 47] и Иван Григорьевич Нóсов [*Астáхова 1938*, с. 637] из Усть-Ци́льмы, а также Иван Емельянович Чупрóв с Пи́жмы [*Астáхова 1938*, № 62].

В публикуемом тексте учитывались также стихи, указанные в сносках [*Астáхова 1938*, с. 540] и комментариях [*Свод 2001-2*, с. 447–449]. Стихи 69–72 и 87–93, переданные в исходнике через «*и т.д.*», восстановлены. В итоге общий объём этой стáрины Дитя́тевой увеличился со 164-х стихов в Своде и 171-го у Астáховой до 193-х в нашем издании, а сама стáрина приняла более удобный для пения и чтения вид.

Собирательница замечает, что сказанный Дитя́тевой текст былины про Касья́на Ивановича сильно разошёлся с текстом спетым. «Видимо, эту былину Прасковья Ивановна помнила слабее остальных, при исполнении немного путала» [*Астáхова 1938*, с. 514–515]. В сущности, Астáхова записывала от Дитя́тевой по два варианта каждой её былины, из которых впоследствии делала один, отдавая предпочтение второму, спетому. В нашем издании мы идём похожим путём, прорабатывая все разночтения и выбирая наиболее удачные и подходящие для пения.

Олёша Попович у Дитя́тевой ругается на кали́к так же (22:136–137), как он или Старóй ругаются на Сокóльника (28:82–83; 40:86; 47:34). В исходном тексте сказительницы в обращении к каликам даже не меняется число с единственного на множественное. Наказание за свою ругань Олёша получает также схожее, что от калик (22:141–147), что от Сокольника (40:95–99,107–112; 47:40–44).

32	у меня нет при се́бе ницего	у меня нет *здесь* при се́бе ницего
45	и кто у нас в городе *заб*……..	и кто у нас в городе *загуляется*
94	<отсутствует>	*Говорит ли мать кнегина Опра́ксея*
103	отдала эту суму	отдала *ему* эту су́му *бархатну*
109	заходит во гри́дню, *тёплу спаленку*	заходит *он* во гри́дню *светлую*
136–137	Вы *б*…., ворона пустопёрая, уж вы же та сорока загуменная	Вы *гадины*, вороны пустопёрыя, уж вы же те сороки загумённыя
144	нахлестали Олёшеньку по *ж*…	нахлестали Олёшеньку по́ *гузну*
168–170	Увидал он кали́к добрых, кругом объежда́т кали́к *же*, встава́ет *кали́кам наперёд* же.	Увидал он кали́к *лю́дей* добрых, кругом объежда́ет *он ети́х* кали́к, встава́ет *напе́рёд кали́кам* же.

23. Перми́та и Чури́ла, 129.

Параско́вья Ивановна Дити́тева, 69-ти лет, село Великая Ви́ска.

23 июля 1929 года, село Великая Ви́ска.

Аста́хова 1938, № 97, с. 530–533. [Чурила и неверная жена].

Самая ранняя запись этой былины на Нижней Печоре, две другие — от Ивана Кирилловича Осташо́ва (№ 32) и Григория Андреевича Карма́нова (№ 46) — были сделаны в 1938 году.

Имя Маремья́на было излюбленным у сказителей Дити́тевых: Алексей Иванович так называет главных героинь своих ста́рин про Ивана Горде́новича (№ 15) и про Скопина́ [*Ончуко́в 1904*, № 81], а Параско́вья Ивановна, помимо данной ста́рины, использует это имя в былине про Фате́нка (№ 21).

Маремья́на у Дити́тевой, радуясь Чури́ле (23:25–26), употребляет те же выражения, что и Анна Пути́тична у Тимофея Степановича Кузьмина́, радуясь своему дядюшке, князю Владимиру (56:46–47).

Разговор Перми́ты с Маремья́ной (23:101–115) напоминает разговор Ильи Муромца с Соко́льником (40:187–222; 47:124–145) и царя Ску́рлата с Пота́пом Артамо́новичем (8:181–218). Неверная жена, подобно богатырям, попавшим во власть противника, вовсе не страшится близкой смерти, но, напротив, отвечает грубо, угрожает.

3–4	Что не се́рой-*то* за́юшко *прорыскивал*, не бе́лой-*то* горноста́люшко *проскакивал*	Что не се́рой-*от* за́юшко *проскакивал*, не бе́лой-*от* горноста́люшко *прорыскивал*
120	Говорит Маремьяна *таково́ слово́*	Говорит Маремьяна *во третье́й нако́н*

24. Исцеление Иле́йки; Иле́йка и Соловей́, 340.

Иван Кириллович Осташо́в, 65-ти лет, деревня Смека́ловка.

8 июня[76] 1938 года, деревня Смека́ловка.

Лео́нтьев 1939, № 1, с. 17–24. Первая поездка Ильи Муромца.

Про исцеление Ильи Муромца есть также в былине Параско́вьи Ивановны Дити́тевой (№ 19). А про бой с Соловьём, помимо Дитятевой и Осташо́ва, сказывал также Василий Петрович Тайбаре́йский (№ 35).

Как и в других своих ста́ринах (№№ 28 и 31), Иван Кириллович по-особому называет Добрыню Микитича — Микитушка-Добрынюшка. Это имя изменено на обычное.

[76] В издании 1939 года — 8 июля.

Иван Кириллович использует здесь тот же приём, что и в своей былине про Святого́ра (№ 25) — почти дословное пропевание заново большой части былины, которое встроено в текст как рассказ для нового участника событий. В Святого́ре таким способом повторяется 66 строк (25:29–94; 25:127–192) — Илья передаёт отцу Святогора произошедшее с его сыном. А в былине про исцеление Ильи таким же способом повторяется 57 строк (24:4–61; 24:81–137) — Илья передаёт своим родителям произошедшее с ним самим.

9	рад бы я подал	*уж как* рад бы я пода*ть вам мило́стыню*
36	и поды́нь ты, зацерпни, *кружку-квасину*	и поды́нь ты, зацерпни *квасу круженьку*
140	Уж вы ой есь, *т*ы мо*й* отец-мати́	Уж вы ой есь, *в*ы мо*и* отец-мати́

25. Старо́й и Святого́р, 202.

Иван Кириллович Осташо́в, 65-ти лет, деревня Смека́ловка.

7 июня 1938 года, деревня Смека́ловка.

Лео́нтьев 1939, № 5, с. 34–37. Святогор и Илья Муромец.

Былина записана на Нижней Печоре трижды. Помимо Осташо́ва — от Василия Петровича Тайбаре́йского (№ 36) и Андрея Фёдоровича Пономарёва (№ 50). Две последние записи похожи: оба сказителя не объясняют, почему Святого́р возил Илью в кармане (36:4–7; 50:4–7), у обоих Илья занимает в гробу только один угол (36:20; 50:46), накладывает на гроб со Святогором железные обручи (36:30–31; 50:59–64) и получает от него силу через дырку в гробу (36:32–33; 50:68–69); наконец, у обоих былина кончается смертью Святогора (36:44; 50:82). Есть и отличия: Илья пытается разбить гробову́ доску́ то палицей (36:30), то саблей (50:59–60), а Святогор передаёт силу то через дыхание (36:32–43), то через пену (50:68–80). Но в целом это близкие варианты, что не мудрено, ведь и Тайбаре́йский, и Пономарёв оба из Ла́божского, и их произведения, скорее всего, восходят к одному источнику.

Вариант Осташо́ва при всём сходстве несколько отличается от двух названных: сказитель объясняет, как Илья оказался в кармане у Святогора (25:1–16); в гроб Илья вообще не ложится (25:27–43); железные обручи тоже есть (25:44–67), но вот дырка в гробу не упоминается (25:68–77). Самое же главное отличие ста́рины Осташо́ва заключается в том, что смертью Святого́ра оканчивается лишь половина его былины (25:103–104), а вторая половина посвящена общению Старо́го с отцом Святого́ра, которого тоже зовут Святого́р. Две эти части былины соединены связками: младший Святого́р, умирая, рассказывает Илье про его будущую встречу с отцом (25:78–96); Илья же рассказывает старшему Святого́ру про уже состоявшуюся встречу с его сыном (25:125–192). Из-за этих повторов былина увеличивается вдвое, так что собиратель при обнародовании её оба раза рассказ Ильи опускал [*Лео́нтьев 1939*, с. 36; *Лео́нтьев 1979*, с. 24].

Про повторное пропевание большой части былины (25:29–94; 25:127–192) смотрите в примечании к былине про исцеление Ильи (№ 24).

15–16	Взял Святогор его с конём, в корман положил. (*один стих*)	*То́гда* взял Святогор его *вместе* с конём, *вместе с конём его* в корман положи́л. (*два стиха*)

26. Илья и Издо́лишшо: стычка на пиру, 42.

Иван Кириллович Осташо́в, 65-ти лет, деревня Смека́ловка.

7 июня[77] 1938 года, деревня Смека́ловка.

Лео́нтьев 1939, № 2, с. 24. Идолище в Киеве.

Единственная запись этой былины на Нижней Печо́ре, которую можно рассматривать и как отдельную ста́рину, и как часть более пространного произведения.

Имеется много общего с былиной про Олёшу и Тугарина (№ 2): называние неприятеля поганым (2:56; 26:1), его исполинские размеры (2:61–64; 26:3–5), изменение внешности русским богатырём (2:128–146; 26:9–16), использование им при ходьбе шёлыги/клюки (2:146; 26:16), приставание поганого к княгине (2:65–67; 26:17–19), поглощение им пирога/буханки и лебеди (2:73–78, 2:87–90; 26:20–23), сравнение его с животным (2:79–86, 2:91–98; 26:24–29), кидание Тугарином ножа в русского богатыря (2:106–110; 26:33–37), увёртливость последнего (2:167–168; 26:36), ответный удар в голову (2:173–174; 26:38–42).

27. Илья и Владимир-князь, 204.

Иван Кириллович Осташо́в, 65-ти лет, деревня Смека́ловка.

7 июня 1938 года, деревня Смека́ловка.

Лео́нтьев 1939, № 4, с. 30–34. Илья Муромец в опале у Владимира.

Единственная запись этой былины на Нижней Печо́ре.

Обращение богатыря к шубе и последующее перевирание его слов боярами (27:25–41) встречается также в среднепечорской былине про Ставра́ [*Ончуко́в 1904*, с. 115–116, ст. 54–65; 93–101]. После этой клеветы Ставра́ постигает та же участь, что и Илью (27:42–48) — князь садит его в глубокий погреб и кладёт сверху груз [*Ончуко́в 1904*, с. 117, ст. 153–165]. Сходство этих двух былин можно обнаружить и далее: в несправедливой княжеской опале к мужчине на помощь приходит женщина: к Илье — княгиня Апра́ксия, а к Ставру́ — Ста́врова жена. С шубы начинается и пи́жемская ста́рина про ссору Ильи с Владимиром [*Ончуко́в 1904*, с. 16–17, ст. 1–30]. Любопытно одно замечание Ончуко́ва по поводу того, как былинный образ входил в обыденную речь на Печоре: «Ты дари нам чё ли, — сказал один усть-цилём местному богачу, который просил услужить, — дари нам, так мы тебе будем помогать», а тут же бывшая его жена добавила: «Кунью шубу в пятьсот рублей» [*Ончуко́в 1904*, с. XXXI].

Строки про долгий волос и короткий ум у женщины (27:71–72) сказитель использует ещё в двух своих былинах: про Перемя́та Ивановича (32:69–70) и про Ставра́ Годи́новича (33:85–86).

Строка «Там сидит Старо́й, как бе́лой ку́ропать» (27:95) имеет соответствия в ряде среднепечорских былин, где с выпархиванием куропатки сравнивается выскакивание богатыря из погреба и вообще его стремительное движение:

Кабы тут-де Старо́й да нынь выскакивал,
будто бе́лой тут ку́ропать выпархивал.

Эти строки находим не только в былине про ссору Ильи с Владимиром [*Ончуко́в 1904*, с. 20, ст. 186–187], но и в былинах про бой Ильи с Сокольником [*Ончуко́в 1904*, с. 40, ст. 87–88] и про Ставра́ [*Ончуко́в 1904*, с. 122, ст. 360–361]. Иногда же берётся во внимание не стремительность куропатки, а её белизна:

Кабы был-то у отца его конь бе́лой весь,
наубел весь как белыя ку́ропать
[*Ончуко́в 1904*, с. 40, ст. 87–88].

Вероятно, Осташо́в, привлекая образ куропатки, имел в виду именно седину Ильи.

---

[77] В издании 1939 года — 7 июля.

Благодарность княгине Апра́ксии Илья выражает в похожих словах (27:146–147), что и Михайло Петрович — бабушке-задворенке (13:53–54).

Княгиня Апра́ксия, пытаясь унять Илью, хватает его за ноги и воло́чится по земле (27:184–188) подобно матери Василия Буслаева, пытающейся унять сына (5:183–187; 14:282–284).

154–155	Твой доброй конь — стоит, ест у меня пшено да белоя́рово,	Твой доброй конь *у меня* стоит, ест *он* пшано да белоя́рово,

28. Старо́й и Соко́льник, 191.

Иван Кириллович Осташо́в, 65-ти лет, деревня Смека́ловка.

7 июня 1938 года, деревня Смека́ловка.

Лео́нтьев 1979, № 5, с. 26–31. Про Сокольника.

Лео́нтьевым в 1938 году былина записана три раза: кроме Осташо́ва ещё от Василия Петровича Тайбаре́йского (№ 40) и Игнатия Терентьевича Ма́ркова (№ 47). В 1956 году Колпако́ва и Соколо́в записали, в том числе в звуке, ещё один вариант — от Андрея Фёдоровича Пономарёва (№ 53), а также былинную зарисовку от Никандра Васильевича Тайбаре́йского, где среди прочего передан вкратце эпизод с нападением сына на отца (№ д1).

Как и в других своих ста́ринах (№№ 24 и 31), Иван Кириллович по-особому называет Добрыню по имени отца — Микитой. Во избежание путаницы во всём тексте восстановлено имя Добрыня.

То, что Илья будит Олёшу (28:22–26), который далее в былине никак не участвует, возможно, является отражением той части былины, где Олёша также ездил в поле к Сокольнику перед Добрыней, как это описано в варианте усть-цилёмского сказителя Тимофея Семёновича Ду́ркина [*Колпако́ва 1961*, с. 137–138, ст. 54–113].

Рёв Сокольника, от которого богатырский конь «во́корочь пошёл» (28:64–65) сходен с рёвом Соловья́ Рахма́товича у того же Осташо́ва (24:216–218) или у Параско́вьи Ивановны Дитя́тевой (19:156–158). Сокольник у Игнатия Ма́ркова также умеет воздействовать на противника шумом (47:82–83).

Илья один раз называет Сокольника *издо́лишчом* (28:113): так же, как и в другом нижнепечорском варианте (41:117). В одной среднепечорской былине такое поименование Сокольника употреблено несколько раз [*Колпако́ва 1961*, с. 136–137, ст. 49, 52, 70, 72]. Здесь это слово является именем нарицательным, как и *идо́лище* в ста́рине про Соло́мана (42:271,273) и про Ивана Годеновича (48:209,212,216). У Осташо́ва есть отдельная ста́рина про *Издо́лишша* (№ 26), в которой это слово уже является именем собственным.

Слово «па́ленга» (28:144), по всей видимости, встаёт в один ряд со словами *па́ленка, поля́нка, палени́ца, полени́ца* (богатырка). Соко́льник сообщает Илье, что он из такого-то города, сын такой-то богатырицы, не называя ни названия города, ни имени матери, как, например, в одном пи́жемском варианте [*Колпако́ва 1961*, с. 167, ст. 172–173]. Леонтьев же считает слово «па́ленга» именем матери Соко́льника и пишет его с большой буквы. Но такого имени нигде больше не встречается. Встречается — Златы́горка.

144	уж как той же я матушки — *П*а́ленги	уж как той же я матушки-*п*а́ленги
169	Старо́й тебя зовёт *б*....., меня — *выб*.....	Старо́й тебя зовёт *гуля́шчой*, меня — *нагу́лышом*

29. Ми́трий Бря́нской, 102.

Иван Кириллович Осташо́в, 65-ти лет, деревня Смека́ловка.

8 июня 1938 года, деревня Смека́ловка.

Свод 2001-2, №264, с. 278–280. В Своде — Наезд литовцев (князь Роман и братья Ливики); у Лео́нтьева — Дмитрей Брянской.

Единственная запись этой былины на Нижней Печо́ре.

Ми́трий умеет превращаться в животное, в данном случае в горноста́ля (29:78) и обратно в человека (29:86). Возможно, это же умение оборачиваться в животных имел в виду Павел Григорьевич Ма́рков в своей ста́рине про Вольгу́ (1:46–49).

17	и потупя *гледя*т да оци ясные	и потупя *доржа́*т да оци ясные
28	и потупя *у вас* да оци ясные	и потупя *доржите́* да оци ясные

30. Дуна́й Иванович, 238.

Иван Кириллович Осташо́в, 65-ти лет, деревня Смека́ловка.

10 июня 1938 года, деревня Смека́ловка.

Лео́нтьев 1979, №11, с. 52–57. Про женитьбу Владимера.

Помимо этой записи Дуная на Нижней Печоре было сделано ещё две: одна — без завязки, без описания княжеского пира и прочего в начале былины, — в 1902-м от Павла Ма́ркова из Бедово́го (№4), вторая — напротив, с описанием пира, но без основного содержания былины — в 1956-м от Ника́ндра Су́слова из Ла́божского (№57). Таким образом, от Ивана Кирилловича была сделана наиболее полная запись, с началом и концом.

Призывание товарищей игрой в турий рог (30:70–77) встречается в ста́рине про Соло́мона (42:169–181; 49:107–110). Правда, у Осташо́ва Дунаю призывать товарищей не пришлось.

Ста́рина про Дуная — не единственная на Нижней Печоре ста́рина про добывание невесты. Дунай сватает за князя Владимира дочь Семёна Лихови́того так же, как Идо́л за Грему́та Мано́йловича племянницу князя Владимира (№9), а Добрыня — за Ивана Горде́новича дочь Фёдора Черниговского (№41).

Жёлтые кудри на Нижней Печоре есть только в былинах Осташо́ва: у князя Владимира (30:13) и у Чури́лы (32:62; 34:341).

31. Добрыня и Маринка, 134.

Иван Кириллович Осташо́в, 65-ти лет, деревня Смека́ловка.

8 июня 1938 года, деревня Смека́ловка.

Лео́нтьев 1979, №17, с. 84–87. Добрыня и Маринка.

Единственная запись этой былины на Нижней Печо́ре.

Имя Добры́ня в своей ста́рине в большинстве мест сказитель меняет на Мики́та. Во избежание путаницы в настоящем издании имя главного героя везде исправлено на обычное для данного сюжета — Добры́ня Мики́тич.

Кратко пересказала сюжет этой былины сказочница из Ка́чгорта Софья Степановна Ма́ркова (№д8).

Отсечение ног, рук и губ у неверной жены (31:122–130) имеет соответствие в трёх записях ста́рины про Ивана Горде́новича (15:307–315; 48:207–217; 55:362–367), а также в ста́рине про Соло́мона (42:270–275).

32. Перемя́т и Чури́ло, 111.

Иван Кириллович Осташо́в, 65-ти лет, деревня Смека́ловка.

8 июня 1938 года, деревня Смека́ловка.

Свод 2001-1, №159, с. 651–653. В Своде — Чурило Пленкович и Катерина; у Лео́нтьева — Перемет сын Иванович.

Одна из трёх нижнепечорских записей этой былины. Две другие были сделаны от Параскóвьи Ивановны Дитя́тевой из Ви́ски (№ 23) и Григория Андреевича Карма́нова из Красного (№ 46).

Если у Дитятевой жену Перемя́та зовут Маремья́на Мику́лична, у Карма́нова — Анна Николаевна, то Осташóв её имени не называет, обозначая просто как Перемя́тина (32:8, 32:12) или Перемя́та молода́ жена (32:65).

Во всех трёх вариантах имя главного героя немного отличается и идёт с разными отчествами: у Дитя́тевой — Перма́та Степанович (*кому?* — Перме́ту); у Карма́нова — Перма́ Михайлович (*кому?* — Перми́); у Осташóва — Перемя́т Иванович (*кому?* — Пермяту́, *кем?* — Перемя́том).

8	уехал он в город Перемя́тину	*а* уехал он в город *ко* Перемя́тино*й*
12	в тот же дом да к Перемя́тину	*а* во тот же *он* дом да к Перемя́тино*й*

33. Ставёр Годи́нович, 155.

Иван Кириллович Осташóв, 65-ти лет, деревня Смека́ловка.

7 июня 1938 года, деревня Смека́ловка.

Свод 2001-2, № 177, с. 36–39. В Своде — Ставр Годинович; у Леóнтьева — Ставра сын Годинов.

Единственная запись этой былины на Нижней Печóре.

На начало этой былины (33:1–40) повлияла ста́рина про Бутма́на, большинство записей которой происходят с Пи́жмы [*Аста́хова 1938*, с. 373–374, ст. 3–34]. Смешение этих двух былин объясняется похожим началом: и Ставёр, и Бутма́н в начале повествования начинают во хмелю хвастаться и поминать князя, о чём бояра и докладывают последнему. Вот только в усть-цилёмской записи Ставра́ бояра искажают хвастливые слова главного героя, оговаривают его [*Ончукóв 1904*, с. 114–117, ст. 47–143], а в записи Осташóва бояра в точности передают князю слова Ставра́. Таким образом, если в первом случае Ставёр отпирается искренне, и князь наказывает его несправедливо [*Ончукóв 1904*, с. 117, ст. 144–165], то в нижнепечорской ста́рине Ставёр лукавит, когда отказывается от своих слов, и князь имеет основания гневаться на него (33:41–48).

Между стихами 78 и 79 удалён повтор строк 90–91, поскольку между стихами 104 и 105 нет повтора строк 116–117. Стихи 87–89 вставлены так же, как это сделано самим сказителем со стихами 113–115.

Образ, заключённый в строке «моя есь ку́кша, твой есь трепóк» (33:145), видимо, составной. Кóкша — выемка или отверстие в столбе, куда просовывается жердь. Трепóк — должно быть, орудие для трепания льна. В уже упомянутом усть-цилёмском варианте Ставра́ в этом месте находим другой образ:

Ож как прежде у нас с тобой нонь пригожалося:
у тя есь шалаболка позолочена,
у меня-ле есть кольчужина серебрена
[*Ончукóв 1904*, с. 123, ст. 378–380].

Именем Василий Оку́лович (33:65) называют противника Ивана Горде́новича Алексей Дитя́тев (15:140) и Василий Тайбаре́йский (41:157–158).

Между 78 и 79	«А горазд ли ты, Вася, да пострилéтися?» — «Отцего не так, наш Солнышко Владимер-князь?»	<отсутствуют>

87–89	<отсутствуют>	Говорит тут Вася таковы слова: «Уж ты ой е́си, Солнышко Владимер-князь, а не дашь ли ты Ставра́ мне-ка́ повыкупить?»

34. Дюк Степанович, 345.

Иван Кириллович Осташо́в, 65-ти лет, деревня Смека́ловка.

7 июня 1938 года, деревня Смека́ловка.

Лео́нтьев 1939, № 10, с. 56–62. Дюк Степанович.

Единственная запись этой былины на Нижней Печо́ре.

Добры́ню Мики́тича Осташо́в в своих ста́ринах называет Мики́тушкой-Добры́нюшкой или просто Мики́той. Во избежание путаницы в настоящем издании везде восстановлено имя Добры́ня Мики́тич или просто Добры́ня.

Дюк, по словам Чури́лы, относится к киевскому князю и богатырям так же (34:138–139), как Соко́льник к богатырям на за́ставе (40:69–70; 53:42–43).

35. Илья и Солове́й, 243.

Василий Петрович Тайбаре́йский, 74-х лет, деревня Ла́божское.

2 июня 1938 года, деревня Ла́божское.

Свод 2001-1, № 60, с. 339–344. В Своде — Илья Муромец и Соловей-разбойник; у Лео́нтьева — Про первую поездку Ильи Муромца.

Былина была записана в Нижнепечорье ещё два раза: от Ивана Кирилловича Осташо́ва (№ 24) и Парасковьи Ивановны Дитя́тевой (№ 19). Былина Тайбаре́йского ближе к былине Дитя́тевой, которая родом из Великой Ви́ски, как и учитель Тайбарейского — Степан Алексеевич Безу́мов.

Илья Иванович не выполняет обет не слезать с коня всю дорогу от У́рома до Киева (35:45–47). Видимо, между строками 27 и 28 пропущено то, как богатырь берёт на себя этот «вели́к зало́г». Это место есть в записи от Дитя́тевой (19:116–117).

В описании узнавания дочерьми своего отца (35:102–106), возможно, пропущено упоминание о средней дочери, поскольку младшая дочь обращается не к одной сестре, а к сёстрам (35:105). В записи от Дитя́тевой у Соловья как раз три дочери (19:190–195). Хотя в идущем следом описании нападения на Илью дочерей Соловья с кухонной утварью у Тайбаре́йского сестры́ опять только две, правда, появляются ещё братья с топорами (35:109–112), а у Дитя́тевой так и остаётся три сестры, без братьев (19:196–199).

Разговор Ильи с Олёшей в церкви (35:119–145) перенесён из былины про Дюка, где точно так же разговаривают Дюк с Чурилой (34:81–114).

Строка, где Илья скачет через стол (35:217), взята из ста́рины про Кострюка́, которую Василий Петрович также сказывал [*Лео́нтьев 1979*, с. 102].

64	стали молодца́ они тогды́ по*дд*ерживать	стали молодца́ они тогды́ под*е́*рживать
99	*скакал* на своего́ добра́ коня	*Соловья садил* на своего́ добра́ коня
206	стоит Олёшка на *бело́м* крыльце	*как* стоит *ле* Олёшка на *красно́м* крыльце
211	<отсутствует>	*Отвечает Солове́юшко Рахма́тьевич*

36. Илья и Светого́р, 44.

Василий Петрович Тайбаре́йский, 74-х лет, деревня Ла́божское.

2 июня 1938 года, деревня Ла́божское.

Свод 2001-1, №№ 4 и 5, с. 163–164. В Своде — Святогор и Илья Муромец; у Лео́нтьева: с разбиением на стихи — Святогор и Илья Муромец; без разбиения на стихи — Про смерть Святогорову; в предисловии 1939 года — Про Святогора.

На Нижней Печоре былины на этот сюжет записывались три раза — кроме этой записи ещё от Ивана Кирилловича Осташо́ва из Смека́ловки (№ 25) и Андрея Фёдоровича Пономарёва из Ла́божского (№ 50). У Тайбаре́йского — самый короткий вариант. Сказитель перенял эту былину от Степана Алексеевича Безу́мова из Великой Ви́ски.

Следует отметить, что текст Тайбаре́йского былиной в её стихотворном виде не является. Это лишь пересказ былины, который, однако, Леонтьев разбивает на «стихи». В итоге в материалах собирателя этот былинный текст сохранился в двух вариантах: с разбиением на «стихи» и без оного. Причём варианты даны под разными заголовками и с вариативностью даты (2 июня / 2 июля)[78]. Из-за этого в Своде текст был учтён дважды, и составители говорят не о 9-ти, а о 10-ти былинах, записанных от сказителя, перечисляют же вообще 11[79] [*Свод 2001-2*, с. 565]. В книге Лео́нтьева говорится также о 10-ти записанных от Тайбаре́йского былинах [*Лео́нтьев 1939*, с. 6], но это с учётом Кострюка́, которого и сам Лео́нтьев [*Лео́нтьев 1979*, с. 334], и написавший примечания к изданию 1939 года Виктор Михайлович Сиде́льников причисляют к былинам [*Лео́нтьев 1939*, с. 165]. За вычетом же Кострюка́ собиратель говорит о 9 былинах, записанных от Тайбаре́йского, что только подтверждает то, что ни о каких двух былинах о Святогоре от Тайбаре́йского речи не идёт, а №№ 4 и 5 Свода — это один и тот же текст, по-разному отредактированный.

37. Василий Касимирович, 278.

Василий Петрович Тайбаре́йский, 74-х лет, деревня Ла́божское.

4 июня 1938 года, деревня Ла́божское.

Лео́нтьев 1939, № 8, с. 45–51; *Лео́нтьев 1979*, № 13, с. 61–67. Дунай Иванович и Батуй Кайманович.

Эта ста́рина записана также от Андрея Фёдоровича Пономарёва из Ла́божского (№ 52). Василий Петрович перенял её от Фёдора Михайловича Пономарёва из Ла́божского.

Главного героя Василий Петрович в своей ста́рине именует Дунаем Ивановичем, что следует признать ошибкой, поскольку этот сюжет традиционно связан с именем Василия Касими́ровича, а с именем Дуная связана совсем другая былина (№ 4). Во избежание путаницы в нашем издании имя главного героя в старине Тайбаре́йского заменено на традиционное — Василий Касими́рович, как это имя сохранилось у Андрея Пономарёва из того же Ла́божского.

Место, где Василий втыкает копьё в землю (51–58), а потом Олёша и Добрыня узнают по копью, что с Василием случилось неладное (94–97), имеет соответствие в былине про Дуная (4:18–29), где тот похожим образом оставляет «прометочку» Добрыне. Возможно, это место, как и весь эпизод с пленением Василия Касимировича, Тайбаре́йский и перенёс из Дуная вместе с именем главного героя. У Пономарёва также есть это место, но вместо копья у него нож (52:141–146).

---

[78] Скорее всего, здесь одна и та же дата, просто перепутаны июнь и июль. Такая же путаница допущена, например, в датировке былины «Илья Муромец и Сокольник» от того же Василия Петровича Тайбаре́йского, где датой записи стоит то 1 июля, то 1 июня [*Лео́нтьев 1939*, с. 164; *Лео́нтьев 1979*, с. 333].

[79] Под двумя названиями выступает не только былина про Святогора, но и про Василия Касими́ровича.

35	*и поклали* о́ни сходенки дубовые	*убира*ли о́ни сходенки дубовые
108	а пробил он землю по коле́н земли	а пробил он землю, *стоит* по коле́н *в* земли
133	он накладывал седёлко всё *тосьмянное*	он накладывал седелко всё *черкальчето*
162	Уж как только стреляцца *малым робятам*	Уж как только стреляцца *робятам малыим*
171–172	сорок тысячей по сцёту золотой казны, е́шше сорок неучёных бо́льших же́ребцей	е́шше сорок неучёных бо́льших же́ребцей, сорок тысячей по сцёту золотой казны

38. Добрыня и Ка́лин-царь, 142

Василий Петрович Тайбаре́йский, 74-х лет, деревня Ла́божское.

1 июня 1938 года, деревня Ла́божское.

Лео́нтьев 1939, №6, с. 37–39; *Лео́нтьев 1979*, №12, с. 57–60. Добрыня и Калин-царь; в предисловии 1939 года — Про Турицу Златорогую.

Единственная запись этой былины на Нижней Печоре. Зачин про турицу златорогую встречается также в текстах из деревни Бедово́й (№№3 и д4). Подробнее об этом месте смотри в примечании к тексту №3. Былина перенята от Фёдора Михайловича Пономарёва из Ла́божского [*Лео́нтьев 1939*, с. 6].

Строка «Он скакал через стену городо́вую» (38:39) в изданиях Леонтьева имеет не менее красивые варианты: «Он скакал через стену-городовицу» [*Лео́нтьев 1939*, с. 37] и «Он скакал через стену городецкую» [*Лео́нтьев 1979*, с. 58]. Не исключено, что собиратель слышал все три эти варианта и при публикации вставлял их по памяти.

Имена Ка́лина-царя и Игнатия встречаются на Нижней Печоре лишь у этого сказителя в данной ста́рине.

Если в подвиге, описываемом в ста́рине, не участвует Илья Муромец, Тайбаре́йский в ряде случаев считает нужным объяснить, почему: в этой былине Ильи не было дома (38:83–86), а в ста́рине про Василия Касимировича помощь Ильи оказывается ненужной (37:10–14).

39. Иван Гости́нович, 203.

Василий Петрович Тайбаре́йский, 74-х лет, деревня Ла́божское.

2 июня 1938 года, деревня Ла́божское.

Свод 2001-2, №193, с. 116–120. В Своде — Иван Гостиный сын; у Лео́нтьева — Про Ивана Гости́новича.

Ста́рина также записывалась от Парасковьи Ивановны Дитя́тевой (№20) из Ви́ски и от Григория Андреевича Карма́нова из выселка Красное (№44). Тайбаре́йский перенял её от Фёдора Михайловича Пономарёва из Ла́божского.

Строки 1–4, 15–17 и 35–36 из этой былины спустя 18 лет повторит сын Василия Петровича Никандр в своём былинном тексте, попавшем на магнитную плёнку (д1:1–4, 8–10 и 11–12). При сопоставлении этих строк хорошо видно, что Лео́нтьев пропускал вставные частицы в своей записи. Подобное наблюдается и в текстах Колпаковой. В связи с этим тексты этих собирателей пришлось восстанавливать и доводить до обычного для эпоса слогового объёма, необходимого для пения. Такая правка является реставрацией текста, приближающей его к исходному звучанию. Да, в каждом конкретном случае мы не можем сказать, какая именно вставка была сделана сказителем, но то, что она была сделана, а при записи

опущена собирателем, является очевидным. И лишнее подтверждение этому даёт данный пример.

26	меж заутреней, обедней воскресенскою	меж заутреней *и* обедней воскресенскою
31	*высотой* со скамейку, с дубовóй доски	*кабы со той* со скамейки, с дубовóй доски

40. Илья и Сокольник, 285.

Василий Петрович Тайбарéйский, 74-х лет, деревня Лáбожское.

1 июня[80] 1938 года, деревня Лáбожское.

Леóнтьев 1939, № 3, с. 24–30; *Леóнтьев 1979*, № 7, с. 35–41. Илья Муромец и Сокольник; в предисловии 1939 года — Про Илью Муромца и Сокольника.

Былина на Нижней Печоре записана четыре раза (смотри примечание к № 28). Тайбарéйский свой вариант перенял от Алексея Ивановича Дитя́тева из Великой Ви́ски.

Упомянутый Тайбарéйским *бóльшой лéвый зверь* (40:41), то есть лев, видимо, вызвал недоумение у Леонтьева. В первом издании былины он заменил его на *белого зверя* [*Леóнтьев 1939*, с. 25], а во втором — вообще отбросил всю строку с его упоминанием [*Леóнтьев 1979*, с. 36], разрушив тем самым параллелизм, построенный на противопоставлении «впереди/позади» (40:41–42). В Своде отдали предпочтение замене 1939 года [*Свод 2001-1*, с. 386], то есть *белому зверю*. В нашем издании, конечно, сохранён *левый зверь,* как в рукописи Леонтьева [*Свод 2001-1*, с. 705]. Честь и хвала собирателю, что он, даже, по-видимому, не понимая значения слова, тем не менее записал его, как услышал. Возможно, певец пропел существительное с огласовкой, то есть *лев(ы)-зверь*, а собиратель воспринял огласовку как окончание прилагательного. Но, возможно, здесь было спето именно прилагательное «левый» как своеобразное осмысление сказителем непонятного слова «лев». На изображениях льва и единорога лев зачастую помещается слева, так что он в этом случае действительно получается *левый зверь*, а единорог — правый. Упоминание льва, хоть и редко, но встречается в эпосе. Например, в ста́рине про горе одного из учителей Тайбарéйского, Степана Алексеевича Безу́мова из Великой Виски (про него — в Приложении 3), есть такие строки:

Полетел молодéц да по чисту́ полю́,
а как горюшко его да передú бежит
как-де лютым зверишком как-де львóвишком.
[*Ончукóв 1904*, с. 328, ст. 92–94]

При описании корабля, на котором плывут богатыри, в одном тексте из Вятской губернии есть такие строки:

Как еще были *на* соколе *на* кóрабле
éще нос да корма по-звериному,
а бока-то взведены́ *по-левúному*.
(Селивановскій М.К. Коляда въ Песковскомъ заводѣ // Календарь и памятная книжка Вятской губерніи на 1895 годъ. Вятка, 1894. С. 218.)

В этом тексте *левый зверь* Тайбарéйского распадается на *левúный* и *звериный*, на этом сочетании построен параллелизм.

Олёша ругает Сокóльника (40:88–89) в похожих выражениях, что и Тугáрина (2:83–84), это, возможно, является перенесением из былины про последнего.

[80] В издании 1939 года — 1 июля.

Иван Горде́нов, упомянутый наряду со Стары́м, Добрыней и Олёшей (40:103,118) — это главный герой одноимённой былины, которую Василий Петрович также сказывал (№ 41).

86	Уж ты *б....*, *наша* ворона пустопёрая	Уж ты *гадина*, ворона пустопёрая
260–261	Старо́й называт тебя *б.....*, а меня обзыват он *выб.....*	А Старо́й называт тебя *гуля́шшею*, а меня-то обзыват он *нагу́лышом*

41. Иван Горде́нович, 300.

Василий Петрович Тайбаре́йский, 74-х лет, деревня Ла́божское.

2 июня 1938 года, деревня Ла́божское.

Леóнтьев 1939, № 7, с. 40–45; *Леóнтьев 1979*, № 16, с. 78–84. Про Ивана Горденовича.

Ста́рина записана кроме этой записи ещё три раза: в 1902 (№ 15), в 1938 (№ 48) и в 1956 (№ 55). Тайбарейский перенял её от Фёдора Михайловича Пономарёва из Ла́божского. Самый ранний текст Ивана Горде́новича — от Алексея Ивановича Дитя́тева из Ви́ски. Этот сказитель — один из учителей Василия Петровича, от которого Тайбаре́йский перенял ста́рину про Сокольника (№ 40). Самый поздний текст — от Андрея Фёдоровича Пономарёва, также из Ла́божского (№ 55), который вспоминал так: «Вот как они вдвоём с моим-то стариком <Василий Петрович Тайбаре́йский и Фёдор Михайлович Пономарёв — А.М.> заведут на пути́не или в деревне про Илью, про Ваську Буслáева, про Ивана Горде́новича — только поспевай слушать. Вот я от них и по́нял». Примечательно, что именно в этих трёх вариантах (Дитя́тева, Тайбаре́йского и Пономарёва) отчество Ивана — Горде́нович. У четвёртого сказителя, Игнатия Терентьевича Ма́ркова, жившего в Голубко́вке, отчество уже другое — Годе́нович (№ 48).

Ивана Горде́новича в другой своей ста́рине Василий Петрович ставит в один ряд с Ильёй, Добрыней и Олёшей (40:103 и 40:118).

Целым рядом мест, особенно в начале, эта былина Тайбаре́йского перекликается со ста́ринами про Анну Княженевскую (№ 9), про Дуная (№ 57), про Соло́мана (№ 42). Как Идо́л рассказывает Грему́ту Мано́йловичу про племянницу князя Владимира (2:38–60), Дунай — князю Владимиру про дочь Семёна Лихови́нскиих (57:39–50), а Торока́шка — Василию Турецкому про жену Соло́мона, так и здесь Добрыня рассказывает Ивану Горде́новичу про дочь Фёдора Черниговского (41:64–89). Фёдор Черниговский ведёт себя подобно Владимиру Стольнокиевскому: оба правителя в ответ на угрозы свато́вщиков без боя отдают невесту (41:148–166 и 9:115–125), а вот Семён Леховитский даёт отпор Дунаю (4:43–65).

Строки об отсутствии у черниговского царя икон (41:146–147) перенесены из былины про Дуная (4:36–37), где они более уместны. Хотя здесь можно предположить, что сказитель, по-видимому, считал Чернигов неверным городом, на что могло повлиять созвучие названия города со словом «черный». Здесь можно вспомнить, что имевшийся у невесты в Чернигове жених рисуется великаном, подобно иноземцам Тугарину и Идо́лу (15:142–150). С другой стороны, Тайбаре́йский сказывал также ста́рину про Ивана Гости́новича, где в Черни́гове есть «храм, церковь Божья» (39:96–97).

Место с распределением свадебных чинов (41:90–97) имеет соответствие в былине «Добрыня и Олёша» (18:26–31).

Шутка над неудачливым женихом (41:293–294) встречается также в былине про Добрыню и Олёшу (58:114–115).

29–30	видно, нету у тебя да *ска́тна жемчуга*, али нету у тебя да *чи́ста се́ребра*?	видно, нету у тебя да *чи́ста се́ребра,* али нету у тебя да *ска́тна жемчуга*?
115	Они вто́ру *ночь* едут до вечера	Они вто́рой *день* едут и до вечера
160	Уж ты ой еси, *б*...., ворона пустопёрая	Уж ты ой е́си, *гадина*, ворона пустопёрая
179–181	отпустил он *его* да во чисто́ полё, посадил он *её* на *добра́* коня, на добра́ коня, да впереди себя.	отпустил он *коня́* да во чисто́ полё, посадил он *полени́цю* на *своего́* коня, на *своего́* добра́ коня, да впереди себя.
214–216	а *они* поехали в сто́льной Киев-град. Говорил тогды́ Илья Муромец: «Когда при последней по́ры-времени	а *бога́тыри* поехали в сто́льной Киев-град. Говорил тогды́ *Ивану* Илья Муромец: «Когда при последней *будешь* по́ры-времени
255	и берёт у *н*его ту́гой лук	и берёт у *Ивана* е́го ту́гой лук

42. Соло́мон, 275.

Василий Петрович Тайбаре́йский, 74-х лет, деревня Ла́божское.

3 июня 1938 года, деревня Ла́божское.

Лео́нтьев 1939, № 9, с. 51–56; *Лео́нтьев 1979*, № 14, с. 67–73. Василий царь турецкий и Соломон; Василий — царь турецкий и Соломон; в предисловии 1939 года — Про Василия, царя Турецкого.

Ста́рина записана дважды, оба раза Леонтьевым. Второй вариант — из Великой Ви́ски, от Афанасьи Фёдоровны То́роповой (№ 49). Кроме того, от Ивана Кирилловича Осташо́ва тому же Леонтьеву удалось записать несколько начальных строк этой ста́рины (№ д7). Тайбаре́йский перенял свою ста́рину от Степана Алексеевича Безу́мова из Великой Ви́ски.

По замечанию Ончуко́ва, «царя Соломона на Печоре зовут и в былинах, и в сказках «Соло́маном» [*Ончуко́в 1909*, с. 124], то есть с ударением на второй слог. Про Соло́мона от сказителей былин Павла Григорьевича Ма́ркова [*Ончуко́в 1909*, с. 124–126] и Ивана Кирилловича Осташо́ва [*Свод 2001-2*, с. 511] записаны сказки, где царь так же, как и в былине, отличается «хитростью-мудростью великою» (42:259).

Начало былины перекликается со ста́ринами про Анну Княженевскую (№ 9), про Дуная (№ 57), про Ивана Горденовича (№ 41). Подробнее об этом сходстве — в примечании к тексту № 41.

Про кобылятину-жеребятину (42:104–109) поёт также Николай Петрович Шалько́в в своей Анне Княженевской (9:169–175).

Отсечение ног, рук и губ у неверной жены (42:270–275) имеет соответствие в ста́ринах про Добрыню и Маринку (31:122–130) и про Ивана Горде́новича (15:307–315; 48:207–217; 55:362–367). Примечательно, что в своём варианте Ивана Горде́новича Тайбаре́йский пропускает это место, ограничившись отсечением головы (41:283–286).

134	*со слезами стречают* его слуги верные	а *стречают со слезами* слуги верные

43. Касья́н Иванович, 80.

Василий Петрович Тайбаре́йский, 74-х лет, деревня Ла́божское.

2 июня 1938 года, деревня Ла́божское.

Свод 2001-2, № 174, с. 26–27. В Своде — Сорок калик; у Леóнтьева — Сорок калик со каликою.

Перенял от Фёдора Михайловича Пономарёва из Ла́божского. Более пространно эту былину поёт Параскóвья Ивановна Дитя́тева из Ви́ски (№ 22).

50	<отсутствует>	*говорит тогды́ княгина мать Апра́ксия*

44. Иван Гости́нович, 239.

Григорий Андреевич Карма́нов, 53-х лет, выселок Красное.

1938 год, выселок Красное.

Свод 2001-2, № 192, с. 111–116. В Своде — Иван Гостиный сын; у Леóнтьева — Про Ивана Годеновича.

Одна из трёх нижнепечорских записей этой былины. Две другие были сделаны от Параскóвьи Ивановны Дитя́тевой из Ви́ски (№ 20) и Василия Петровича Тайбаре́йского из Ла́божского (№ 39).

Ещё один случай, где имя главного героя взято из другой былины (смотрите также №№ 20, 22, 37). Про Ивана Годе́новича есть совершенно иной сюжет (№№ 15, 41, 48, 55). Во избежание путаницы в настоящем издании имя главного героя взято из былины Тайбаре́йского (№ 39) и заменено во всей былине Карма́нова, включая название. На Печоре имя Иван Гостинович в этом сюжете также употребляет Пётр Родионович Позде́ев из Усть-Ци́льмы [*Ончуко́в 1909*, с. 102–113].

Былина записана со слов. Восстановлена для пения при помощи различных наращений и вставок, обычных для нижнепечорских былин.

26	Из *столова* стола да из переднего	Из *того же* стола да из переднего
60	Заверял его конь на *второй* нако́н	Заверял его конь на *третéй* нако́н
102	Отвечал е́му Иван во *третей* кон	Отвечал е́му Иван во *второй на*ко́н
118	а ведь конюхи в конюш*них* пьяны́ стоят	а ведь конюхи в конюш*ни у их* пьяны́ стоят
165	Говорил ему Владимир *во третей након*	Говорил ему Владимир *таковы слова*

45. Лука́ Степанович, 188.

Григорий Андреевич Карма́нов, 53-х лет, выселок Красное.

Конец июня 1938 года, выселок Красное.

Леóнтьев 1979, № 15, с. 73–77. Про Луку Степановича.

Одна из двух нижнепечорских записей этой былины. Вторая была сделана от Андрея Фёдоровича Пономарёва из Ла́божского (№ 54).

Описание встречи со змеёй во время купания (45:25–36) свойственно для былины про Добрыню и змею (51:114–132).

Строки про мóлодца и горе (45:56–62), имеющиеся и во второй записи Луки (54:39–42), взяты из ста́рины про горе [*Ончуко́в 1904*, с. 329, ст. 141–142].

Осмотр окрестностей (45:65–74), имеющийся и во второй записи Луки (54:22–27), также находим в былине про Михайлу Петровича (13:154–168). На Средней Печоре это описание встречается в ста́рине про Илью и Соко́льника [*Ончуко́в 1904*, с. 6, ст. 46–59].

Лука Степанович пересчитывает войско (45:74–77) подобно Илье Ивановичу (19:133–136).

30	<отсутствует>	*захотелось ёму плыть за втору струю*
163	<отсутствует>	*А живёт Лука у Настасьи Султановны*

46. Пермя́ и Чури́лко, 147.

Григорий Андреевич Карма́нов, 53-х лет, выселок Красное.

1938 год, выселок Красное.

Свод 2001-1, № 158, с. 648–651. В Своде — Чурила Пленкович и Катерина; у Лео́нтьева — Чурилко Пленкович и Пермя сын Михайлович.

Одна из трёх нижнепечорских записей этой былины. Две другие были сделаны от Параско́вьи Ивановны Дитя́тевой из Ви́ски (№ 23) и Ивана Кирилловича Осташо́ва из Смека́ловки (№ 32).

Имя Анна для главной героини используется также в былине про племянницу князя Владимира (№№ 9 и 56).

125–127	Отвечала *она: «Где* ясе́н соко́л, туда же лети и бела́ лебе́дь».	Отвечала *ёму Анна Николаевна: «А куда же улетел блад* ясён соко́л, а туда же лети и бела́ лебе́дь».

47. Илья и Соко́льник, 195.

Игнатий Терентьевич Ма́рков, 80-ти лет, деревня Голубко́во.

1938 год, начало (без даты), деревня Голубко́во.

Лео́нтьев 1979, № 6, с. 31–35. Про Сокольника.

Одна из четырёх нижнепечорских записей этой ста́рины (№№ 28, 40, 53). Смотрите также примечания к ста́рине № 40.

Строки 187–193 сказитель не пел, а «сказал обычным тоном».

Образ топтания травы (47:14) встречается в былине про Пермяту и Чурилу (23:77, 46:96).

Воздействие на противника шумом и последующее (47:82–87) — перенос из былины про Илью и Соловья (19:156–163); заговаривание стрелы (47:177–183) — вероятно, тоже (19:167–173).

34	Ах ты *б*...., ты ворона пустопёрая	Ах ты *гадина*, ворона пустопёрая
44	Нахлестал его по *ж*..., по-робе́цьему	Наклеска́л его по *заду* по-робе́цьему
67	ради *прелести* лошадиноей	ради *прытости* лошадиноей
173	тебя зовёт *б*....., меня — *выб*.....	тебя зовёт *гуля́шшей*, меня *нагу́лышом*

48. Иван Годе́нович, 225.

Игнатий Терентьевич Ма́рков, 80-ти лет, деревня Голубко́во.

1938 год (без даты), деревня Голубко́во.

Лео́нтьев 1979, № 21, с. 102–103; *Свод 2001-2*, № 182, с. 63–67. У Леонтьева — Про Ивана Годиновича (отрывок из былины); в Своде — Иван Годинович.

Это одна из четырёх нижнепечорских записей былины (№№ 15, 41, 55). Смотрите также примечания к ста́рине № 41.

При публикации первых 48 стихов в 1979-ом Леонтьев отмечает, что «оригинал этой, полностью записанной мною былины, к сожалению, утрачен». А эти стихи были доступны Леонтьеву, видимо, потому, что вошли в книгу Маремьяны Романовны Голубко́вой «Два века в полвека» [*Голубко́ва 1946*, с. 126–127]. Но в Свод былина вошла полностью. Значит, запись Леонтьева всё-таки удалось отыскать.

Строки, где герой три раза просит опохмелиться перед выполнением своего задания (49:55–82) имеют соответствие в ста́рине про Кострюка, например, у Павла Григорьевича Ма́ркова из Бедово́го [*Ончуко́в 1904*, с. 367, ст. 136–168].

Строки 156–164 были явно пропущены сказителем и восстановлены по строкам 147–155. По сюжету Иван остаётся с женой один (49:165), а значит, по дорожкам поперечным разъехались все три его спутника. Сравните это место в записи от Алексея Ивановича Дитятева (15:188–226).

Имя соперника Ивана Годе́новича — Василий Бату́евич — перекликается с именем Бату́я Кайма́новича. Последним именем зовётся не только соперник Ивана в другой записи (№ 55), но и противник Василия Касимировича в одноимённой ста́рине (№№ 37 и 52).

49. Соло́мон, 187.

Афана́сья Фёдоровна То́ропова, 69-ти лет, село Великая Ви́ска.

1938 год (без даты), село Великая Ви́ска.

Свод 2001-2, № 273, с. 313–315. В Своде — Соломан и Василий Окулович; у Лео́нтьева — Про Василия царя Турецкого.

Вторая запись Соло́мона на Нижней Печоре. Первая сделана от Василия Петровича Тайбаре́йского (№ 42), в примечании к которой содержатся указания на сходство с другими былинами.

Сказительница сначала пела былину, но после 88-го стиха стала передавать её «ро́ссказью» [*Свод 2001-2*, с. 512], из-за чего былина утратила стихотворный размер и превратилась в рассказ. Для сохранения единообразия этого текста и для удобства сравнения с другими текстами эта рассказанная часть былины даётся в том же виде, что и стихотворная, то есть с разбиением на «стихи». Часть строк в пересказе сохранила свой стихотворный, былинный вид. При озвучке эти строки пропеваются.

50. Илья и Святого́р, 82.

Андрей Фёдорович Пономарёв, 72-х лет, деревня Ла́божское.

9 августа 1956 года, деревня Ка́люш (ныне часть города Нарьян-Ма́ра).

Колпако́ва 1961, № 71, с. 202–203. Святогор.

Кроме Пономарёва про Святогора сказывали Иван Кириллович Осташо́в из Смека́ловки (№ 25) и Василий Петрович Тайбаре́йский из Ла́божского (№ 36). *Ту́лово Светого́рово* в ста́рине про Вольгу́ упоминает Павел Григорьевич Ма́рков из Бедово́го (1:22).

Стихи 1–34 выверены по звукозаписи, выложенной в сети [*Звук 2013–2014*].

Три свои былины, включая и эту (№№ 50–52), Андрей Фёдорович спел необычным для былин напевом — напевом Кострюка́. Собиратели отмечают, что из всех нижнепечорских исполнителей, певших песню о Кострюке́, только Пономарёв использует этот напев при исполнении былинных сюжетов [*Колпако́ва 1961*, с. 546]. Избранный напев повлиял на то, что и стих этих трёх былин отошёл от классического былинного стиха в 12–13 слогов и сократился до 8–9 слогов. В итоге эти три былины Пономарёва можно петь лишь напевом Кострюка́. В то время как остальные былины могут быть распеты на любой из десяти других сохранившихся нижнепечорских напевов.

6	он поло́жил во право́й карман	*Светогор-от Ильюшенькю* он поло́жил во право́й карман

51. Добрыня и змея, 158.

Андрей Фёдорович Пономарёв, 72-х лет, деревня Ла́божское.

9 августа 1956 года, деревня Ка́люш (ныне часть города Нарьян-Ма́ра).

Колпако́ва 1961, № 68, с. 185–188. Добрыня и Змей.

Единственная запись этой былины на Нижней Печоре.

Стихи 1–114 выверены по звукозаписи, выложенной в сети [*Звук 2013–2014*].

О стихотворном размере данной былины — в примечании к № 50.

Казань у Пономарёва (51:1–3) в силу созвучия встала на место Рязани [*Ончуко́в 1904*, с. 258, ст. 1–3]. При этом сказитель поминает Оку-реку (51:35–36), на которой стоит Рязань.

Описание дороги больших размеров (51:26–30) — возможно, перенос из былины про Святогора, которую сказитель также сказывал.

Описание встречи со змеёй во время купания (51:114–132) встречается также в былине про Луку Степановича (45:25–36).

129	всё змея *лю**т**о*едная	всё змея *лю**д**о*едная
131	Я хочу тебя *си*лко́м сглотать	Я хочу тебя *це*лко́м сглотать
134	*о**тп**р*ыгну́л ко кру́ту бе́режку	*он ны*рнул ко кру́ту бе́режку

52. Василий Касими́рович, 339.

Андрей Фёдорович Пономарёв, 72-х лет, деревня Ла́божское.

9 августа 1956 года, деревня Ка́люш (ныне часть города Нарьян-Ма́ра).

Колпако́ва 1961, № 69, с. 188–194. Василий Касимирович.

Эта ста́рина записывалась также от Василия Петровича Тайбаре́йского (№ 37), одного из учителей Андрея Фёдоровича. Смотрите примечания к № 37.

Стихи 1–151 выверены по звукозаписи, выложенной в сети [*Звук 2013–2014*]. Строки 21 и 135 предстоит разобрать будущим исследователям. Строки 20–21 и 134–135 в архивной машинописной версии текста заключены в скобки, что, по всей видимости, говорит о том, что это вставки собирательницы.

О стихотворном размере данной былины — в примечании к № 50.

Имя Бату́я Кайма́новича Пономарёв также использует в своей ста́рине про Ивана Горде́новича (№ 55).

Приезд Василия Касими́ровича к Бату́ю Кайма́новичу (52:151–164) и приезд Добрыни к Фёдору Черниговскому (55:119–131) сказитель описывает похожим образом.

20–21	Да не русским бы не выплатить всё казне мурзамецкоей	Да невы́возки-невы́платы, …
95	они *подня*ли якоря	о́не *о́бра*ли тут якоря́
120	*выносили* дани-пошлины	*за вси былые* дани-пошлины
134–135	Да не русским бы не выплатить всё казне мурзамецкоей	Нынь невы́платы-невы́возки …

53. Илья и Соко́льник, 149.

Андрей Фёдорович Пономарёв, 72-х лет, деревня Ла́божское.

10 августа 1956 года, деревня Ка́люш (ныне часть города Нарьян-Ма́ра).

Колпако́ва 1961, № 67, с. 182–185. Про Сокольника.

Одна из четырёх нижнепечорских записей этой ста́рины (№№ 28, 40, 47). Смотрите также примечания к ста́рине № 40.

Стихи 1–43 выверены по звукозаписи, выложенной в сети [*Звук 2013–2014*].

3	*У той же у матушки Колмбри́голки*	*Тут жила же нынь вдова благочестивая*
11	Ты *и сын мой,* чадо *мое* глу́поё	Ты *ишшо бы, ми́ло* чадо, *да ма́ло*-глу́поё
18	*уж ты* чадо ты *детина* бы люби́моё	*мо́ё* чадо ты *еси да* бы люби́моё
19	уж *по имени* Сокольник сын Иванович	уж *ты на́ имё* Сокольник сын Иванович
29	Впереди-то е́го *бежит* да ныне се́рой волк	Впереде́-то е́го *рыщет* да ныне се́рой волк
31	*ведь* он сам-от *ти* пи́шёт, ерлыки́ *несёт*	он сам-от *тут* пи́шёт, ерлыки́ *мецёт*
32	Он долго *же* тут ехал *ли*, коро́тко ле	Он *не* долго *ле* тут ехал, *не* коро́тко ле
37	*Белый-те песок* ныне да всё размётыват	*ерлыки пи́шёт* ныне, да всё размётыват
42	Он ведь е́дет, верно, мимо нас, ничем *не* зовёт	Он ведь е́дё, верно, мимо, нас ничем зовёт
43	да *ведь нас* ныне бога́тырей не во шчё кладёт	да *двенадцэть* нынь бога́тырей не во шчё кладёт
80	со *Комбри́галкой*, твоей да ро́дной матерью	со *Златы́горкой*, твоей да ро́дной матерью
88–89	Как бы этот-то зовёт мать *б...ко*ю, да меня-то называет, верно, *вы*....ком	Как бы этот-то зовёт мать *гуля́шше*ю, да меня-то называет, верно, *нагу́лыш*ом

54. Лука́ Степанович, 211.

Андрей Фёдорович Пономарёв, 72-х лет, деревня Ла́божское.

10 августа 1956 года, деревня Ка́люш (ныне часть города Нарьян-Ма́ра).

Колпако́ва 1961, № 72, с. 203–207. Про Луку Степановича.

Одна из двух нижнепечорских записей этой былины. Вторая была сделана от Григория Андреевича Карма́нова из вы́селка Красное (№ 45).

Стихи 1–14 и 20–64 выверены по звукозаписи, выложенной в сети [*Звук 2013–2014*].

Змея угрожает Луке (54:13–14) в тех же выражениях, что и Добрыне (51:43–44).

Строки про молодца и горе (54:39–42) взяты из ста́рины про горе [*Ончуко́в 1904*, с. 329, ст. 141–142].

Осмотр окрестностей (54:22–27) на Нижней Печоре находим и в былине про Михайлу Петровича (13:154–168). В среднепечорских записях также есть это описание, например, в ста́рине про Илью и Соко́льника [*Ончуко́в 1904*, с. 6, ст. 45–59].

Лука Степанович пересчитывает войско (54:65–66) подобно Илье Ивановичу (19:133–136).

1	У*ж* ли, было, у детины да *у возлю́блена*	У*шли*, было, у детины да *во Божью́ церкви́*
13	Я хочу тебя, Лука, да бы *сил*кóм сглон´у	Я хочу тебя, Лука, да бы *цел*кóм сглон´у
29	*вот* полено бы оно, да бы *теперь* бревно	*хошь* полено бы онно́, да бы *чело́* бревно
33	он розбил бы, розломил ей *телечь* голову	он розбил бы, розломил ей *де́веть* голову

48	Там и видит — впереди сила стоит, стоит силушка великая (*два стиха*)	Там он видит, впереди стоит силушка великая (*один стих*)
49	сосчитал он, сосмёт*к*а́л всех бы до еди*и*ного	сосчитал он, сосмёка́л всех бы до е́дного
53	И́щэ *что стои*те, уда́лы да до́брыя мо́лодцы?	И́щэ *здра́ствуй*те, уда́лы да до́брыя мо́лодцы!

55. Иван Горде́нович, 381.

Андрей Фёдорович Пономарёв, 72-х лет, деревня Ла́божское.

10 августа 1956 года, деревня Ка́люш (ныне часть города Нарьян-Ма́ра).

Колпако́ва 1961, № 70, с. 194–202. Иван Горденович.

Это одна из четырёх нижнепечорских записей былины (№№ 15, 41, 48). Смотрите также примечания к ста́рине № 41.

Имя Бату́я Кайма́новича Пономарёв также использует в своей ста́рине про Василия Касими́ровича (№ 52).

Приезд Добрыни к Фёдору Черниговскому (55:119–131) и приезд Василия Касими́ровича к Бату́ю Кайма́новичу (52:151–164) сказитель описывает похожим образом.

Две сестры, из которых старшая поляница, а меньшая красавица-невеста (67–72) — перенос из Дуная (4:100–105).

Место с распределением свадебных чинов (55:78–82) имеет соответствие в былине «Добрыня и Олёша» (18:26–31).

Нападение Маремьяны на Добрыню (55:181–194) напоминает нападение Ильи на Святогора (25:1–14).

25	все сидят бы нынь гости да по*хваля*ются	все сидят бы нынь гости да по*теша*ются
43–44	У тя *есть* бы ро́дна матушка, у тя нету *только* нынче да молодой жены	У тя *нету разве нынче* бы ро́дной матушки, у тя нету *разве* нынче да молодой жены
128	да от рук бы ре́юшки шатаются	да от рук бы *ве*ре́юшки шатаются
287	Пособи-ка мне стряхнуть его да со *сво*ей груди	Пособи-ка мне стряхнуть его да со *мо*ей груди
313	Ему па́ло бы на ум, да *в уме*-разуме	Ему па́ло бы на ум, да *пришло* *в* разуме
343	да заставил отвязать *тогда* Иванушка	да заставил отвязать *себя* Иванушка

56. Анна Путя́тична, 130.

Тимофей Степанович Кузьми́н, 68-ми лет, село Те́львиска.

4 августа 1956 года, село Те́львиска.

Колпако́ва 1961, № 83, с. 234–236. Про Василия турецкого [Идойло сватает племянницу князя Владимира].

Это вторая запись ста́рины про Анну Княженевскую на Нижней Печоре, первая была сделана Ончуко́вым от Николая Петровича Шалько́ва (№ 9). Былина Кузьмина́ выделяется тем, что в ней деятельно участвуют богатыри Олёша и Добрыня, которых Шалько́в даже не упоминает. Несмотря на это и ряд других отличий, в обоих вариантах сохраняется главное — образ смелой

и ловкой девушки, хитростью одолевающей врага [*Колпако́ва 1961*, с. 552]. При публикации отмечается, что записанный от Кузьмина́ вариант — один из лучших на данный сюжет по чёткой, стройной композиции и строго выдержанному эпическому стилю [*Колпако́ва 1961*, с. 552].

Стихи 1–108 выверены по звукозаписи, выложенной в сети [*Звук 2013–2014*]. В нашем издании отражено довольно много особенностей произношения, опущенных при первичной публикации. Местное звучание заключительных стихов (56:109–130) восстановлено по аналогии со звучанием стихов, сохранившихся в звукозаписи.

Про Василия, царя турецкого, также рассказывает Василий Петрович Тайбаре́йский в своей ста́рине (№ 42), только у него вместо племянницы князя Владимира (56:4–8) — жена царя Соло́мана (42:9–26).

Красивое уподобление прихода желанного человека появлению долгожданного солнца (56:46–47) встречается также в былине Параско́вьи Ивановны Дитя́тевой про Пермяту и Чурилу (23:25–26).

Описание чары зе́лья лютого у Кузьмина́ (56:105–106) сходно с таким же описанием у Алексея Ивановича Дитя́тева из Ви́ски, которое он даёт в ста́рине про Скопина́:

По краям-то-ле цары как ключи кипят,
на серёдка-де цары да огонь горит.
[*Ончуко́в 1904*, 81:131–132, с. 324]

46–47	И́шшэ три года солнце не каталося, на чэтьвёртой-от год да *за*катилося	И́шшэ три года солнце не *при*ката́лося, на чэтьвёртой-от год да *при*катилося
64	Побросали-то они якоря булатные, *Побросали они да якоря булатные*	Побросали-то они якоря булатные
67	Ты сними-косе верно шляпку белую	Ты сними-косе, верно, шлюпку белую
95	Как заходит тут Идо́йло в гри́*дню* светл*ую*	Как заходит тут Идо́йло в гри́*дьни* светл*ыя*
107	*Как* от чары *тут Идойло* не отказывается	*Но* от чары-*то он да* не отказывается

57. Дуна́й Иванович: на пиру у князя, 72.

Никандр Иванович Су́слов, 65-ти лет, деревня Ла́божское.

31 июля 1956 года, деревня Ла́божское.

Колпако́ва 1961, № 63, с. 175–177. Женитьба Солнышка Владымира.

Запись от Ника́ндра Ивановича Су́слова удачно дополняет ста́рину про Дуная от Павла Григорьевича Ма́ркова (№ 4), в которой отсутствует как раз завязка былины, то есть всё то, что первоначально происходит на пиру у князя, а вот всё, что случилось после пира, передано со всей подробностью в 255 строках. Полный же вариант Дуная, в 238 строк, записан от Ивана Кирилловича Осташо́ва (№ 30). В нём первые 52 строки соответствуют первым 50 строкам текста Су́слова.

Стихи 1–50 выверены по звукозаписи, выложенной в сети [*Звук 2013–2014*]. После 50 строки на звукозаписи сказитель перестаёт петь со словами: «Не знаю больше как, или забыл ли чего ли я уж тут больше. Я же не певал так их самостоятельно». И это соответствует действительности. До этого места сказитель обстоятельно излагает начало былины про Дуная. А вот последующие 22 строки, надо думать, были пропеты уже после, по просьбе собирателей, чтобы придать тексту хоть какую-то законченность. Это случайное новообразование, в котором сказитель лишь схематически сообщает, что невесту князю Дунай привёз-таки.

Но того, как привёз, какие подвиги при этом совершил, каким опасностям подвергался, в какие приключения попал, и какой трагедией это всё закончилось, то есть собственно содержания былины про Дуная Ивановича в данном тексте нет.

4	Ак на всех же купцей, попов, *отцов духовныих*	Как на всех же попов, *купцей богатыих*
8	*А не* все ли на пиру да развесёлыя	*о́ни* все ли на пиру да развесёлыя
12	<отсутствует>	*а иной-от ведь хвастат красным золотом*
38	е́йна речь *лебедина тихосмирная*	е́йна речь-*то чтобы́ да лебединая*
39	А один-то уда́лый до́брой мо́лодец	Говорит один уда́лый до́брой мо́лодец

58. Добрыня и Олёша, 115.

Никандр Иванович Су́слов, 65-ти лет, деревня Ла́божское.

31 июля 1956 года, деревня Ла́божское.

Колпако́ва 1961, № 62, с. 173–175. Женитьба Алёши Поповича на Добрыниной жены.

Никандр Иванович в своей былине берёт за основу ста́рину Параско́вьи Ивановны Шевелёвой (№18), которую он прочёл в книге Ончуко́ва. Таким образом, Суслов отчасти работал подобно современным сказителям, для которых книга важный, а подчас и единственный источник знаний.

Стихи 1–41 выверены по звукозаписи, выложенной в сети [*Звук 2013–2014*]. Далее в источнике наблюдается постоянная нехватка слогов для укладывания строчек в напев Су́слова, что можно объяснить только одним — собирательница опускала вставные частицы. Эти вставки (*да, то, тут, ныньче* и другие) в нашем издании восстановлены по аналогии с другими строками. Такие незначительные изменения текста особо не отмечаются.

30	мы *всё ли* шли-то ведь к вам да нынь посватать*цо*	мы *при*шли-то ведь к вам да нынь посватать-*то*
36–37	Сквозь его уже сейчас дак *если* трава ростёт *если* трава ле ростёт, да как цветы цветут	Сквозь его уже сейчас дак *ведь* трава ростёт *ведь* трава ле ростёт, да как цветы цветут
98–99	Подаёт-то ему и невеста же и чару ему да зелена вина *(один стих)*	Подаёт-то ему да и невеста же а и чару ему да зелена́ вина *(два стиха)*

Словарь былинных слов и выражений[81]

Поючи простирайтесь на тот
архангельской язык.
Борис Викторович Ше́ргин

Язык эпоса отличается от обыденной речи. Былины связаны, во-первых, со стариной, а во-вторых, с той местностью, где они были записаны, в нашем случае — с Нижней Печорой. Кроме того, это язык поэтический, и устные поэты отнюдь не чужды словотворчеству. В итоге нам достался от предков весьма своеобразный язык былинного сказывания, богатый редкими и необычными словами, оборотами, которые, кроме как в былинах, сегодня мало где и услышишь. В нашем словаре помимо самого слова и его значения даётся пример его употребления. У каждого примера в скобках указаны номера былины и строки, где это слово встречается. Ударение в слове, вошедшем в словарь, ставится одно из возможных. Следует учитывать, что в некоторых былинных словах ударение не закреплено за каким-то одним слогом. Слова с неясным значением внесены в словарь, но на месте значения стоит знак вопроса. Если значение даётся предположительно, знак вопроса заключён в скобки — (?).

а́ки — как, *лицом была она а́ки бе́лой снег* (9:22)
аккура́т — смотри: в аккура́т прийти́
арка́н — верёвка с петлёй на конце, используется для ловли животных и людей, *наме́цют на тебя арка́ны белошёлковы* (8:164)
арши́н — мера длины, около семидесяти сантиметров, *промежду́ глазьми́ его цело́й арши́н* (15:144)
ба́енка, ба́йна — баня, *Оме́льфа Тимофеевна в па́рной ба́енки* (34:244)
ба́рдовать — смотри: не ба́рдовать
баса́ — красота, нарядность, *не ради басы́, всё ради крепости* (4:8)
ба́ско — красиво, нарядно, *ба́ско-хо́рошо было не ухо́жено* (10:56)
бат — наверное, по-видимому, *вот они тут, бат, да согласилисе* (54:102)
ба́тюшко, ма́тушка, ты́сецкой, дру́жка, поезжа́на — посажёные отец и мать и другие свадебные чины, *ты же сам будёшь на свадьбы мне-ка батюшком, княгина-то Апра́ксия будет место матушки* (18:26–27), *ты же мне на свадьбы быдь-ко ты́сецким* (18:29), *ходить ты́сяцким* (58:91), *ты бу́дёшь мне ходить место дружки* (18:31), *дай ты в поезжа́на Дуная сына́ Ивановича, е́ще дай-ка Олёшеньку Поповича* (55:81), *дру́жка ве́жливой* — дружка, знающий ход обряда, свадебные приговоры и обычаи, *кто из нас будет дружкой вежливым* (41:93,97), *по́езд* — едущие совершать свадьбу, *как пошли-то ведь да со князем поездом* (18:33), *ходи́ть* — быть в каком-либо свадебном чине, *ходить место дружки* (18:31), *ходить ты́сяцким* (58:91)
беда́ — смотри: за беду стало́

---

[81] В работе над данным словарём использованы: 1) Словарь местных слов [*Ончуко́в 1904*, с. 403–415]; 2) Словарь областных и старинных слов [*Колпакова 1961*, с. 592–599]; 3) Словарь (архаические, диалектные и другие малопонятные слова и выражения) [*Свод 2001-2*, с. 583–630]; 4) Словарь русских говоров Низовой Печоры [*Словарь 2003*; *Словарь 2005*]. Изредка привлекались и другие источники.

безве́чье — увечье, *наве́к безве́чьица зале́зено* (10:57)
безвреме́нье — смутное, неспокойное время, *будет над стольным безвреме́ньицо* (38:16)
бело́ — чисто, *он беле́шенькё, Василей, умываетце* (14:113)
белоя́ровой — отборный, о пшене, *пшано белоя́рово* (27:155)
бессча́стьицо — несчастье, *по великому Старо́го по бессча́стьицу* (28:100)
бить челом — кланяться в пол, приветствовать, *они бьют челом на вси чёты́ри стороны* (2:29)
битьсэ, уда́ритьсэ об закла́д, об зало́г — спорить, *ударилса Василей о вели́к закла́д* (5:5), *ударились они да о вели́к залог* (11:25), *кто бьётся со мно́й о вели́к зало́г* (20:22)
блад, бладо́й — млад, молодой, *блад светёл месе́ц* (4:163), *бладо́е чадо* (6:54), *Чури́ла бла́дой Плёнкович* (23:30)
блу́дищо — блудящий человек, *муж у тебя был блу́дищо* (21:19)
бог — икона, *ру́ськиим богам Богу́ не молитця* (9:108)
бога́тырь[82] — воин, *могуч богаты́рь* (1:2)
богоря́женной, богосуженной, су́жёной — суженый Богом, о невесте, *хто же из вас знает су́жёну* (9:18), *богосуженна невеста, богоря́женна* (41:51)
боёвой — боевой, о палице, *не видно стало палицы боёвоей* (14:300)
Бо́жой — богослужебный, о книге, *запирал он скорей книжки Божии* (23:80)
бо́льшина — смотри: на бо́льшины
большо́й — почётный, о месте, *посадили до́бра мо́лодца во большо́ место, за пере́днён стол* (35:165)
большо́й — сильный, громкий, о голосе, *заревел невежа большим голосом* (28:64)
бо́рдовать — смотри: не ба́рдовать
бра́тчина — напиток на пиру, устроенном вскладчину, *бра́тчину пить медо́вую* (5:26)
бродо́вой — смотри: ступца́
брю́шица — брюхо, *привезал коню под брю́шицу* (19:181)
бубно́, бубны́ — что-то неподвижное (?), *как бубно́, бубны́ лежать* — неподвижно, *гости на честно́м пиру все упали, как бубно́ лежат* (19:277), *все кони пали, как бубны́ лежат* (20:176)[83]
бу́де, бу́ди — если, *бу́де нет у тя пивна́ котла* (2:189), *бу́ди дома есь Настасья доць Семёновна* (30:75)
буёвой — боевой, о па́лице, *палица буёвая* (8:34)
була́тной — из особого вида стали, булата, *була́тен нож* (2:74)
бума́жной — смотри: пядь
бурзоме́цкой, бурзоме́тной, неме́цкой — относящийся к *мурзе* (на востоке — знатный, благородный господин, управитель), о копье или седле, *копе́йцо бурзоме́тноё* (8:71), *копе́йцо бурзоме́цкое* (37:51), *он немецьким копе́йцом за́мог штурмова́ть* (40:6)
буя́рин — боярин, *хошь за барина поди, хошь за буярина* (18:9)
быть на́ поле — выйти на поединок, *ты бу́дь-кё, Олёша, со мной на́ полё* (2:119)
в аккура́т прийти́ — подойти, быть в самый раз, *гроб ему в аккура́т пришёл* (50:52)
в ре́чи не дава́тьсе — не слушать речи, *мне, царю, в речи не даваешьсе* (16:42)

---

[82] Ударение в этом слове, в отличие от современной городской речи, чаще всего ставится на второй слог. Кроме того, мягко, по-южнорусски произносится звук *г*, кстати так же, как в словах бо*г*атый, убо*г*ий, Бо*г*а. Гласная в первом слоге разнится: встречается как бога́тырь, так и ба*г*а́тырь.

[83] Сравните: *Целове́к лени́вой, толстый, лихо ему шевелиця, вот и бубно́*; *Комары свалились от дуста, как бубно́ лежат, как до́бры бубны́ лежат: старики так говорили, так и мы говорим* [*Словарь 2003,* с.46].

в та́ поры́ — в ту пору, в то время, тогда, *в та́ поры́ Во́льшина матушка ходила по всим церьквям* (1:16)

вали́ть — укладывать спать, *взял Добрыня ей за ся взаму́ж, валила старушка их на кроватку тесо́вую* (31:119)

вало́вой, варо́вой — проворный, о пешках, *вало́вые те пешечки точёные* (37:74,76–77)

вальня́чной — вылитый, литой (?), о пуговицах, *расстегивает пуговки вальня́чные* (47:111)

ввернýтьсэ — погрузиться, *ввернýлась эта шлюпка во синё морё* (11:87)

ведро́ — мера жидкости, около двенадцати литров, *спустил он чашу полтора ведра* (5:19)

ве́жливой — смотри: ба́тюшко

верёвка — тетива, *натега́ет у туга́ лука́ верёвочку* (19:167)

верея́ — столб, к которому крепится створка ворот; здесь: часть перил (?), *идёт тот Игнатий на красно́ крыльцо, под ним лесенки дубовые сгибаютца, вере́юшки точёные шатаютца* (38:47), *под им лесенки сгибаются, от рук вере́юшки шатаются* (52:161)

верста́ — мера длины, около одного километра, *три девеноста равномерных вёрст* (20:50)

вёрста́ — ровня, чета, *я бы молоде́ц был да не тебе вёрста́* (10:125)

вёрткой — смотри: увёрчивой

верхо́вище — темя, макушка, *по верхо́вишшу будут ча́сты зве́здочки* (4:165)

весёлой — пьяный, *все на пиру были пья́ны-ве́селы, весьма вси веселёшеньки* (13:17)

вести́сь — идти, быть, о пире, *стол-от вёлса о полу́стола* (13:15)

ве́стка — весть, *доходила до Владимира ве́стка нехорошая* (44:192)

ве́шво, ве́жство — вежливость, учтивость, умение обходиться с людьми, воздавать им честь, *ве́шво Добрынюшки Микитиця* (1:45)

взáболь, взáбыль — действительно, на самом деле, *может, взáболь жив старóй И́лья Муромец* (27:89)

вздыбыватьсэ, вздынутьсэ — смотри: высдыма́ть

влада́ть — управлять, о коне, *он заможет конём владать* (51:14)

во всю го́лову — громко, изо всех сил, *крычит он, зычит во всю го́лову* (2:163)

во мя́тоцьку — смотри: хвата́тьсе во мя́тоцьку

во́злет — смотри: стать на во́зросте

во́зност — смотри: стать на во́зносте

во́йлочёк — часть конского снаряжения, *клал мя́кки войлочки* (13:111)

во́короць пойти́ — смотри: нао́корочь падать

волоци́тися, волоця́я, волоча́жной — бродить где попало или спариваться с кем попало; *волоця́я* — та, кто волочи́тся; *волоча́жной* — такой, который волочи́тся, о собаке, о птице, *оберну тебя я сукой-волоця́ею, по всему го́роду ты станешь волоцитися* (31:85–86), *ты последняя птица волоча́жная* (40:87)

волше́бной — колдовской, о книге, *брала о́на книгу волшебную, и смотрела о́на в книги волшебноей* (31:60)

воронко́ — вороной конь, *бежит воронко́ косогла́зой* (44:187)

ворonóвой — вороний, *не слыхал ли ты граю ворonóвого* (24:221)

ворoти́ть — заворачивать, *он воро́тит ко ограды княжене́цкоей* (35:154)

воро́чатьсэ — возвращаться, *назад сюда не воро́чайся* (4:117)

воску́ркать — каркнуть, гра́ять, о во́роне, *первой ворон воску́ркаёт* (18:77), *ворон воску́ркал же* (58:55), *поку́ркивать* — каркать, гра́ять, *садятця и ревут они, поку́ркивают* (41:253)

восхо́дной — восходящий, о солнце, *восхо́дно кра́сно солнце подымаетца* (38:10)
во́чью и позаво́чью — воо́чию и позао́чию, очно и заочно, *послужи ты мне вочью ле, позаво́чью* (8:189)
враг — нечистый дух, *в те́бе враг-от мути́т да в те́бе бес говорит* (6:129)
вразу́митьсе — воткнуться, попасть, сравни: поразить, о стреле, *стрелка собаке Батую в грудь вразиласе* (55:332)
вста́ночной — восточный, о стороне света, *сгленул в стороночкю во вста́ночную* (13:163)
вы́вести покло́н — отвесить поклон, поклониться, *поклон тогда он вывел и скоро вон пошёл* (38:54)
выгаля́тисе — изгаляться, издеваться, надсмехаться, *над нами бояра всё выгаля́ютсе, зуб грызут, кля́узят* (54:167)
вы́ездно — ?, *не выдаст Владымир денежки выгодно и выездно* (20:63)
вы́жать — вытеснить, выдавить, *выжал Дюк Степанович свои́ма могутны́ плецьми́ Чури́ла Плёнкова со пра́ва кры́лоса* (34:87,89)
вы́жлок — охотничий, гончий пёс, *чёрной вы́жлочек* (40:43)
вы́копать — выколоть, о глазах, *у другого брата глаза выкопал* (29:100)
выку́пчинка — тот, кто выкупил невольника из темницы, *выходил Ставёр из те́мной те́мницы и увидел он, стоит выку́пчинка* (33:136)
выма́ть — вынимать, *выма́л собака свой булатен нож* (2:88)
выноси́ть — спускать, о якоре, *выносили они якори булатные* (37:213)
выпиватьсэ из ума́ — напиваться и от этого терять благоразумие, *из ума Садко́ выпиваетце* (11:14)
выплю́ивать — выплёвывать, *лебе́жьё косьё да вон выплю́ивает* (2:78)
высдыма́ть, сдыма́ть, поды́нуть — поднимать, поднять, *сдыма́ла Настасья саблю выше го́ловы* (4:129), *высдыма́ли я́кори булатныя* (6:174), *высдымал выше буйной го́ловы* (13:238), *поды́нь ты, зацерпни-ко квасу круженьку* (24:36), *вздыбыватьсэ, вздыну́тьсэ* — подниматься, подняться, *три года красно солнышко не вздыбывалось, вздыну́лось красно солнышко в четвёртый год* (23:26–27)
выстава́ть — заступаться, *никто по детину не выстава́ет жё* (20:201)
вытя́гивать — поднимать, о якоре, *вытягивали о́ни я́кори булатные* (37:36)
вы́шибитьсэ словами — сказать лишнее, *своима́ словами о́на вы́шиблась* (30:180)
вяз, вязи́нка — палка из вяза, *ма́шёт Василей черлёны́м везо́м* (5:49), *хто ле из вас можёт вези́нку знять* (10:48)
вяза́тьсэ к речам — связываться, спорить, *нехто́ к тем рецям не вя́жётця, то́лькё вя́жётця Левонтей, поп духовныя* (11:20–21)
га́лань — гавань, корабельное пристанище, *заходили в га́лань корабельнюю* (6:141)
гнед — смотри: тур
го́ли — голытьба, беднота, *собирал-то голе́й да всих кабацкиих* (10:35)
голова́ — смотри: во всю го́лову
голошша́пишко — от слов *го́лой* — бедный и *шшап* — щёголь, то есть бедный, но щеголеватый, *Цюри́ло Голошша́пишко* (18:30)
го́ренка, го́рница — помещение, *проходит в но́вы го́рницы* (9:107), *заходил он в нову го́ренку* (25:121)
горноста́ль — горностай, *не бе́лой-от горноста́люшко прорыскивал* (23:4)
гости́ть, го́стьба — пировать, пир, *он пьёт, гостит со матушкой родимоей* (14:64), *ясно, что не без го́стьбы* (41:128–129)
грай, гра́яньё — карканье, *гра́янье воро́нье* (8:40), *че́рным воронёнкам на гра́яньё* (24:192), *не слыхал ли ты граю ворonóвого* (24:221); *погра́ёвать* — покаркивать, *за́чали, во́роны, погра́ёвать* (55:322)

гра́мота — смотри: ерлы́к

гри́вна — древнерусская денежная единица, *хошь единую нам золотую гривну́* (22:23)

гри́дня, гри́дна, гри́денка, гри́ня — помещение, обычно для пиров, *гридня тёплая* (19:18), *гри́дня светлая* (58:67), *гри́дна светлая* (37:60), *гри́денка све́тлая* (2:20), *гри́ня светлая* (14:250)

гри́ньской — относящийся ко грине, *пошатнулосе у Владимира гри́ньское царьсво́* (21:30)

гри́ня — смотри: гри́дня

громе́ть — громить, разорять, устраивать погром, *шуметь-грометь у Митрия во городи* (29:40), *хто шумел-громел у мня во городи* (29:65)

грош — монета, в старину равная двум копейкам, а позднее половине копейки, *ни одно́го у́ мня с собой гроша не случилосе* (43:27)

гузно́ — зад, *лёжа́ть под гузно́м бабьим* (4:146)

дава́тьсе — смотри: в ре́чи не дава́тьсе

две́рник — охранник при дверях, *ни дверей он не спрашиват, ни две́рников* (48:96)

двоёгла́зой — ?, о чуди, *чудь двоёгла́зая* (6:121)

двоеко́лочка, двоеко́льщетой — двухколёсная повозка, двухколёсный, о телеге, *садили на тележку-двоеко́лочкю* (4:68), *телега двоеко́льщета* (16:31), *троеко́лой* — трёхколёсный, *волокут телегу троеко́лую* (8:219)

дел дели́ть — делить добычу, *между́ собой собаки дел делят* (13:192)

де́льно — удобно, подходяще, в самый раз, *легь-ко ты в этот гроб, дельно ли тебе будёт* (36:18,22)

де́нежка, деньга́ — монета, равная половине копейки, *потеряешь ты свою бу́йну голову заневи́д, не за денежку* (13:68)

де́рево, дере́вце — мачта, *дерёва́ были у ка́рабля кипарисныя* (6:65), *не тобой были дере́вца ставлены* (56:118)

держа́ть, дёржа́ть — совершать, в словосочетаниях: *поворот дёржа́ть* (11:56), *опочи́н держать* (15:232), *путь держать* (37:256), *ответ держа́ть* (41:37)

ди́вной — большой, *е́го стали дети ди́вны умницы* (54:148)

доложи́тисе — здесь: пройти, *нельзя до ней доложитися* (46:38)

доро́днёй — уродившийся, крупный, *уда́лого доро́дня до́бра мо́лодца* (13:97)

доро́днество — дородство, красота, здесь: то, каким человек уродился (?), *ты как же знаешь ей доро́днеством* (41:85)

досе́льной — прежний, ра́нешний, *заходи ко мне по-прежнему, по-досе́льному* (22:95)

дохо́дной Богу — услышанный Богом, *Олёшина мольба Богу дохо́дна была* (2:158)

дроби́на — гуща, остающаяся после варки пива, кваса, *дроби́ной корова задавиласе* (2:96)

дружи́на — объединение товарищей: воинов, кулачных бойцов, торговцев, возглавляемое предводителем, *говорит своей дружинушки хоро́броей* (40:65)

дру́жка, дру́жка ве́жливой — смотри: ба́тюшко

ду́мно — надо, хочется, *кому ду́мно спасатця, дак можно здесь спастись* (6:25)

духи́ — лёгкие, *натягал Соловей духи́ змеиные* (24:216)

дыбу́цой — колеблющийся, зыбучий, о болоте, *болотина дыбуцая* (24:200)

е́льменской — возможно, е́ллинской, эллинский, языческий (?), о хитрости, *посылат он Луку сына Степанова ко царю Ельме́ну узнать хитрость е́льменску* (45:170)

ерлы́к, гра́мота — письмо, послание, *писал ерлы́к, ско́ру грамоту* (3:60)

е́ства — еда, кушанье, *е́ствы всё саха́рныя* (8:13)
жа́ры-ма́рева — изнуряющий, размаривающий жар, *напали на него жа́ры-ма́рева* (45:26)
желе́за — оковы, *сковала в железа тяжёлыя, в ножны́, в руцьны́, в заплéцныя* (5:117)
же́ребей — часть, происходящая от расщепления целого, о дереве, *розлетелсе дуб на́ три же́ребья, он схватил же́ребей с кокóрою* (14:205)
жёрьнышко — зёрнышко, *кóгда жёрьнышко найдёт, тóгда сыт живёт* (21:23)
живкóм — живьём, *хошь ли, Олёша, я живкóм сглону́* (2:166)
живота́ лиши́ть — лишить жизни, убить, *Олёша царя живота лишил* (52:305)
житьё — нажитое, имущество, хозяйство, *описывать всё житьё-имушшество* (34:234)
за беду стало́ — не понравилось, огорчило, *это дети́не за беду стало́* (8:166)
забавля́тисе — творить любовь телесную, *с чужой женой забавлятися* (46:62)
заблудя́шшой — захожий, пришлый, *каков у вас царь Султан Турецкии для заходящих людей, для заблудя́щих* (45:87)
за́ведь — запястье (47:137,147), *в за́веди рука остоялася* (47:127)
завести́сь — начаться, пойти, о пире, *завелось тут пирóваньё-столóваньё, почéсен пир* (37:253)
завира́тьсэ — врать, выдумывать, *пусты́м ты, молоде́ц, похваляисся, за ви́нною чарой завира́ешься* (35:197)
загумённой, огумённой — обитающий за гумном, у гумна, о сороке, *сороки загумённыя* (22:137), *сорока огумённая* (15:237)
задави́тьсе — подавиться, *лебéжею кóсью задавиласе* (2:84)
задвóренка — живущая на задворках, небогато, скромно, *отдадим-ко мы бабушки-задвóренки* (13:21)
заёмно — в ответ, в отместку, в свою очередь, *свистну́л кирпичи́ну заёмно во черны́ груди́* (26:40)
заздри́ть — увидеть, *заздри́л, на чи́стом пóли стоит чёрн шатёр* (4:121)
зака́меньской — добытый за Камнем, то есть за Уралом, в Сибири, *не по здешнему бобру, по зака́меньскому* (6:79)
закла́д — смотри: битьсэ об закла́д
зале́зть — получить, *на́век увечья зале́зено* (5:38), *наве́к безве́чьица зале́зено* (10:57)
залóг — смотри: битьсэ об закла́д
залóг — обет, завет, заповедь, *класть залóг, заповедь* — давать обет, *клал меж собой свой вели́к залóг: «Чтобы мне до города не слезть с коня»* (19:116), *клажена́ у нас с им заповедь тежёлая* (29:44), разреши́ть, разру́шить залóг — нарушить обет, *будет мне разрешить свой вели́к залóг* (19:124), *разрушить мне-ка будет свой вели́к залóг* (35:47)
зама́ть — смотри: не зама́ть
замцю́жной — жемчужный, *перчаточки замцю́жные* (34:117)
занапле́цной — заплечный, об оковах, *занапле́цны железа сделала де́сеть пуд* (14:74)
заневи́д — незавидно, ни за что, напрасно, зря, *потеряешь ты свою бу́йну голову заневи́д, не за денежку* (13:68)
за́печье — пространство у печи, *Олёшка на за́печье не у́терпел* (2:68)
заплыва́тьсэ се́рдцом — делать сгоряча, в сердцах, *молодой ты, детина, сердцом заплываешься* (16:41)
заплы́вчивой — вспыльчивый, горячий, *богатырское серцо заплы́вчиво* (4:218)
зарeве́ть — закричать, *заревел невежа бóльшим голосом* (28:64)
заручённая — обручённая, о невесте, *стречат он невесту заручённую* (41:185)

засе́льщина — деревенщина, *что за смерд сидит, за засе́льшина* (2:101)
засо́реной — заваленный, о дороге, сравни: *засо́ры* — бурелом, *засо́рена дорожка тридцеть лет* (24:279)
за́спать — заснуть, *где они сидели, тут и за́спали* (34:272)
за́става — преграда, *премою дорогой ехать — есть три за́ставы великия* (19:71)
засыпа́тельное — снотворное, *подгостили, засыпа́тельного ей дали* (49:93)
затускне́ть — потускнеть, *зату́скло копе́йцо бурзомецкое* (37:97)
затыка́ть — втыкать, *затыка́л он копе́йцо бурзоме́цкое тупым концом в землю* (37:51)
заходя́шшой — смотри: заблудя́шшой
зача́ть — начать, *о́ни за́чали промеж собой разговаривати* (54:164)
зашла́вело голову — закружило, помутило голову, об опьянении, *подала она по рюмке вина заморського, зашаве́ло у робят да бу́йну голову* (34:270)
зеленёхонькой — неопытный, *ты ой еси́, моё ди́тя милое, молодёхонько ты, дитя, зеленёхонько* (34:32)
зе́лье — отрава, яд, *вто́рой корабь вина заморскаго, вина заморска, зелья лютого* (56:58)
земли Греческой — сделанный в Греции, *на главы́ несёт шело́н зе́мли Греческой* (2:132)
зерка́льцятой — смотри: черкасской
знаменова́тьсэ — виднеться, *одна сторона там знамену́лася* (9:90)
знять — поднять, *хто из вас можёт вези́нку знять* (10:48)
зоба́ть — есть, *не зоба́л конь пшену́ белоя́рову* (8:139)
зо́ва — зов, призыв, *на ту жё на зо́ву на великую* (7:35)
зуб грызть — злоумышлять, строить козни, *над нами бояра выгаля́ютсе, зуб грызут, кля́узят* (54:167)
зыча́ть — кричать, *крычит он, зычит во всю го́лову* (2:163)
игóльник — ремесленник, *идут-то ши́льники, мы́льники, игóльники* (5:31)
идóлище, издóлишчо — чудище, уничижительно о чужеземце, например, о Сокольнике, *винно, выдала Богородиця поганому издóлишчу на гра́еньё* (28:113), о Василье, царе турецком, *ты с поганым же идóлищем оплеталасе* (42:271,273)
извóтчина — отчество, *по имени зовут Маремьянушкой, по извóтчине называют Фёдоровной* (55:93)
изгиля́тисе — насмехаться, издеваться, *над ним мы будем изгиля́тисе* (55:299)
има́ть — хватать, ловить, *има́ёт Туга́ринова добра́ коня* (2:178)
и́скопыть — следы от лошадиных копыт, *нашли они и́скопыть конинную* (4:112), *он выехал на и́скопыть лошадиную и поехал он по этой по и́скопыти* (25:3–4)
исщерби́тисе, исщерба́тисе — затупиться, зазубриться, о сабле, *и́хны сабли исщерби́лисе* (40:156), *и́хни сабли во́стры исщерба́лисе* (55:273), *повы́щербить* — затупить, *они во́стрые сабельки повы́щербили* (53:126)
ись — есть, *хто хо́цёт ись-пить готового* (17:19)
кали́ка — странник, паломник, *наливали кали́ки чару зелена́ вина* (18:117)
кали́ческой, кали́ческой — относящийся к кали́ке, *надевал он пла́тьицо кали́ческо* (18:113), *я надену платьице кали́ческо* (58:81)
камка́, камóцька — ткань, смотри: хрущато́й
камчу́жской — дорогой, славный; обитающий на Камне, то есть на Урале (?), об орле, *не того орла российского, дорогого орла славна́ камчу́жского* (13:124)
канифа́сной — из канифа́са, льняной прочной ткани, о парусе, *паруса канифа́сные* (37:37)

караýл — вооружённая застава, *стоит сила, караул велúк* (45:74)
кéлья — небольшое помещение, *понесла в свою келью малую* (13:37)
кичúга — длинная палка, на одном конце которой под углом имеется утолщение, напоминающее ступню ноги, использовалась для молотьбы, *ноги его будтó кичúжища* (15:145)
клáженой — положенный, смотри: залóг
класть залóг, заповедь — смотри: залóг
клянузить — доносить, *над нами бояра выгаляются, зуб грызут, клянузят* (54:168)
княгúна — невеста, *княгина первобрáшная* (41:186)
княженéцкой — княжеский, княжий, *он воротит ко ограды княженéцкоей* (35:154)
козлóвой — из шкуры козла, о сапогах, *козловы сапожки* (23:35)
козлóвой — козий, о молоке, *поúт молочькём сладкúм козловыим* (13:41)
кокóра — толстая часть корня у ствола, *он мáшёт дубиной с кокóрою* (5:156)
колдунúця — колдунья, *уж вы гой еси, колдуны да колдуници жё* (56:10)
колёной — колотый, *мостики колёные* (19:72)
колóда — толстое бревно, *садитесь-ко вы да на колóденку* (24:141)
кóп или кóпа — раскоп, *накопаны кóпы зéмли медноей* (54:127)
кормлёной — ручной, о вороне, *были три ворона кормлёные* (18:70)
кóрмщик — старший на судне, управитель, *третéй-то сидит во шлюпке кóрмщицок* (11:69)
коротóкой — близкий, о сроке, *приходят строки короткие от короля неверного* (27:74)
коса́ сажéнь — смотри: сажéнь
косúча, косúца — висок, *вынеть я́сны óци косúчами* (4:72), *ясные оци вы́неть косúцами* (22:49)
кособрю́хой — ?, насмешливо о боярах, *бояра кособрюхие* (39:5)
косьё — кости, *лебéжьё косьё вон выплю́ивает* (2:78)
кося́вчатой, кося́вщетой — с косяками, об окне, об изголовье кровати, *окошечка кося́вчаты* (14:71), *изголовье кося́вщето* (23:40)
кóшка — песчаная или каменистая мель, *нет ли кóшки, злодейки ей подводноей* (7:80), *ищут кóшёцьки подводóдноей* (10:106)
крáсной — красивый, главный, о крыльце, об окне, *он ведёт Соловья на красно́ крыльцо* (35:219), *под крáсно-хорóшо под трубно́ окно* (2:53)
крепúть — смотри: укрепúть
крёсна и хрéсьник — крёстная мать и крестник, *у Добрыни крёсна была* (31:40–41), *отверни-ко ты моёго хресьника* (31:75)
кричáть — вызывать, выкликать, *тут кричит Фатéнко поединщика* (21:154)
кроволúтьё — кровопролитие, *кроволúтьё непомерное* (14:272)
кругоéзжёй — окружной, окольний, о дороге, *ехал ты дорожкой кругоéзжеей* (24:274)
крýто, крутéнько — быстро, скоренько, *он гнал крýто по чистýю полю́* (13:182), *отходил бы крутéнько тут почесен пир* (14:53)
крылéцной — крытый, о воротах, *ворота крылéцные* (18:37)
кры́лос — клирос, место для певчих и чтецов в церкви, *стоит Перемя́т на правом кры́лоси* (32:41)
кýкша, кóкша — выемка или отверстие в столбе, куда просовывается жердь, *моята есь кýкша, твой-от есь трепóк* (33:145)
курё — цыплёнок, *молодó курё, не попáрхивай* (5:145)
куревá — пыль, поднявшаяся от проскакавшей лошади, *во поле куревá стоит* (15:93)
кýропат — куропатка, *не белый кýропат налéтывал* (23:28)

курце́вить — завивать, о волосах, *курце́вила она у ся ру́сы волоса* (33:54)

куфа́рка — кухарка, помощница по хозяйству, *девушка-черня́вушка, ве́рна Перемя́това куфа́роцька* (32:18)

ку́фня, ку́фонька — кухня, *выходила тут она к им на ку́фоньку* (34:249)

куша́к — пояс, *кушака́ми головы приве́рчены* (5:133)

ла́дить — хотеть, *столько время он сидит, да ла́дишь ты живому быть* (27:73), *ла́дит он князя́ Владымира в котле сварить* (38:73)

ла́зить — заходить, входить, *лазят во гри́денку во светлую* (2:25)

ле́вый зверь — лев, *бо́льшой ле́вый зверь* (40:41)

лёгкий на́ ногу — прыгучий, *Потанюшка у нас на ножку́ легок, скакал через стену городо́вую* (5:94)

лёжня, ло́жня — спальня, *ло́жня тёплая* (5:115), *лёжня спальняя* (18:46), также: *спа́ленка ло́жная* (46:101)

ле́тной — южный, *сгленул в стороночкю во летную* (13:160)

ли́пенной — липовый, о петле, *петля ли́пенна* (49:145)

листвя́жной — лиственничный, о полене, от *листвя́г* — лиственничный лес, *нашёл он полешко листвя́жное* (45:42)

ло́жной — смотри: лёжня, ло́жня

ло́коть — мера длины, около полуметра, *в ширину камень тридцеть локо́т* (6:194)

лу́да — каменистая мель, *нет ли луды́, нет ли ка́менья* (7:79)

любь, или люб, или люба́ — любовь, согласие, *али ты с княгиной не в любе́ живёшь* (2:70)

мага́зин — торговая лавка, *розбили о́ни много нынь мага́зинов* (29:55); хранилище чего-то, в данном случае, лошадиной сбруи, *отведи ты им мага́зин, сбрую лошадиную; пойдёмте, отведу я вам мага́зин описывать* (34:262,278)

ма́кляк — часть лука, место, где крепится тетива, *у лука́ ма́кляки заскри́пили* (24:229)

малоке́рчана — ?, *приезжал ко вто́рой за́ставы великоей, там стоят мужики-малоке́рчана* (35:57)

ма́рево — смотри: жа́ры-ма́рева

матёрой — крепкий, прочный или большой, о шатре, *берёт с собой матёр белой-поло́т шатёр* (13:118)

ма́тушка — смотри: ба́тюшко

мёд — медовый напиток, *не выпить те мёд едины́м духо́м* (5:45)

медвя́ной — медовый, *он пьёт твою воду медвя́ную* (23:78); смоченное в медовой воде (?), о помёлышке, *помёлышко у нас медвя́ное* (34:153)

межённой — самый долгий или, наоборот, самый коротокий в году, такой, по которому проходит межа́, граница между увеличением и сокращением, о дне или ночи, *великим днём межённым* (3:41)

ме́лема — возможно, мелкие, то есть низкие места или низкие, небольшие холмы (?), смотри: шёломя

мета́ть — бросать, кидать, швырять, *метали якоря они булатныя* (6:188), *ни́жну он ко́роцьку под стол мецёт* (34:142); *он мечет ерлы́к на дубо́вой стол* (38:53); бросать, оставлять, *ме́цют коней своих невязаных* (2:22), *помета́ть* — спустить, о якоре, *пометали о́ни я́кори булатные* (37:47), *помётывать* — побрасывать, *стало Идо́йлушку помётывать* (56:111), *розме́тывать* — раскидывать, о ярлыках, *он ярлыки пишет, розме́тыват по полю чистому* (40:49)

ме́тной, метне́, метне́е — меткий, более меткий, *я по метоцькам буду́ метне́е всех* (30:177), *по меткам-то я Солнышка метне́ буду́* (33:7)

ме́тки, ме́тоцьки — стрельба в цель, смотри: ме́тной

мимоéхать — ехать мимо, *мимоéдёт крéпку зáставу великую* (40:51)
мúро — благовонное масло, которым помазывают во время соответствующего христианского обряда, *крещёна Опросúнья, мúром не мáзана* (4:180)
можь — можешь, *тóгды можь ты идти взамуж-то* (58:5)
молúтвити — читать молитвы над кем-то, совершать обряд с молитвами, *крестити его, сына, молúтвити* (13:9)
молóдка — здесь: молодая женщина, недавно вышедшая замуж, *поехал Иван со молóдкою* (48:198)
морзá — мурзá, *про сильных морзóв, лю́дей мудрыих* (49:6), сравни: турзы́-мурзы́, бурзомéцкой
мост, мóстики — вымостка, настил из деревьев на болоте, гать, *сы́ро дýбыицо он рвёт, себе-ка мост мостит, настелил себе он мостики колёные, переехал он болота все дыбучие* (35:51,52), *помáшчивать* — мостить, гатить, *через болóтинку он мост помáшчиват* (24:205)
мурáвленка — изразцовая печь, *седу на пецьку на мурáвленку* (2:52)
муравлёной — ?, о стреле, *каленá стрела муравлёная* (35:88)
мурамéн — изразцовый, *мурамéн чердак* (12:9)
мýрманка, чýрванка — вид шапки, *на головушке шапочка-чýрванка* (23:11), *скинь ты с себя шапку-мýрманку* (45:90,92)
мы́льник — ремесленник, *идут-то шúльники, мы́льники, игóльники* (5:31)
мя́тоцька — смотри: хватáтьсе во мя́тоцьку
на бóльшины, нáбольший — главный, старший, *един калúка был на бóльшины* (43:2), *во первóм десяточке нáбольшим казак был Ильá Муромец* (48:12)
на вóзлете — смотри: стать на вóзросте
на дым спустúть — сжечь, *церкви-ти Божии на дым спустить* (3:53)
на осóбину, на осóбинку — особо, отдельно, *князю с княгиней на осóбинку* (2:30), *кланяетца он на все четыре стороны, Владымеру с княгиной на осóбину* (35:163)
нá пету — настежь, широко, об открывании дверей, ворот, от *петá* — часть устройства двери, ворот, *нá пету гри́ня отпираласе* (2:55), *отпирала воро́та шире нá пету* (23:24)
на поéзде — едучи на коне, *на поéзде он стрелоцьку постреливат* (28:10)
на поплáв реки́ спустúть — пустить плыть по реке, *иконы-ти Божьи на поплáв реки* (3:54)
на правýю рукýю ставáть — направо, *ставал молодéц на правýю рукýю* (35:132)
на рáдощах — с радости, *заводилса пир на радощах великиих* (13:13)
нáбольший — смотри: на бóльшины
нагонúть — нагнать, догнать, *нагонúл он рýського богáтыря* (25:5)
нагонúть — пригнать, привести, *нагонúл он силы много-множество* (27:3)
надрешётница — поднимающаяся и опускающаяся часть решётки в воротах, *поднимайте надрешётницы тяжёлые; спустите надрешётницы тяжёлые* (24:252,256)
надь — надо, *надь во шатре людей проведати* (13:172)
нажáть, прижáть, прижимáть — гнать, подгонять, подстёгивать, пришпоривать, о коне, *ты нажми-ко своёго да кóня доброго* (25:82), *прижáл он коня шпорами вострыма* (34:339), *прижимала свóего кóничка доброго* (55:183)
назвáной — крестóвый брат, побратúм, *ты ой есь, Олёшенькя, назвáной брат* (2:123)
наклескáть — надавать, *наклескáл он его по заду по-робéцьему* (47:44)
наклúкать — вызвать на состязание, затеять спор, *ты если накликал, дак наперёд ты скоцú* (34:330)

нако́н — раз, *говорит Дунай во второй нако́н* (4:52)

намути́ться — донести, *узнали татара кособрюхие, намутилися Султану Турецкому, что живёт у дочери Лука Степанович* (45:165)

нао́корочь падать, во́короць пойти́ — припадать, приседать на задние ноги, о коне, *упадёт твой конь нао́корочь* (19:85), *у Добрыни до́брой конь во́короць пошёл* (28:65)

нао́прометь — тут же, мгновенно, *пал он, Владымер-князь, нао́прометь* (35:231)

напа́дывать — нападать, приступать, *все тут стали на него нападывать* (34:146)

напра́вить — сделать заранее, приготовить, *на рель превысокую направят три петли* (49:142)

напра́витьсэ — изготовиться, *в третий раз он направилса и спустил он ей стрелу во белы́ груди́* (30:222)

нара́з — сразу, разом, *всех тут нара́з приошу́нуло* (24:332)

наса́дка — место копья, сабли, палицы, где боевая часть соединяется с древком или рукоятью (?), *по насадкам у́ их копья извернулисе, по насадкам у́ их сабельки, палицы свернулисе* (28:86,90,94)

настора́живать — подготовить ловушку, *не Иван плёночки поставливал, не Годе́нович плёнку настораживал* (48:112,116)

настре́ту — смотри: сре́титьсэ

насы́пать — налететь, настать, о ненастье, *насы́пала погодушка великая* (48:170)

натяга́ть — надувать, растягивать, о духа́х, *натягал Соловей духи́ змеиные* (24:216)

находи́ть — нападать, *не находить чтобы нам друг на́ друга* (29:45)

нашёстка — скамейка для гребцов, *посадите меня да на нашёсточькю* (7:115)

нащо́ка — железная оковка чего-то, *выскоцил Святогор из горници и выдернул нащо́ку-ту залезную, и свистну́л он в уда́ла до́бра мо́лодца, улетела нащо́ка повыше буйной главы* (25:115–117)

не ба́рдовать, не бо́рдовать — не внимать, не слушать, не обращать внимания, *нечёму́ Василей не ба́рдуёт* (14:281), *на это Чури́лко не бо́рдуёт* (46:89)

не во что́ класть — ни во что не ставить, не брать в расчёт, не уважать, *всех нас, бога́тырей, он не во что кладёт* (34:139)

не за денежку — ни за грош, ни за что, напрасно, зря, *потеряешь ты свою бу́йну голову заневи́д, не за денежку* (13:68), *не за денежку, не за копеецьку* (32:61)

не зама́ть — не трогать, *не зама́й эту пенушку* (50:74)

не к дико́винки — не в диковинку, *мне богасьво, пожалуй, не к диковинки* (35:39)

не оставить глаз пустить — до дна, до капли, *не оставил он во чарочки и глаз пустить* (35:171)

не отслы́шатьсэ, не отслы́шным быть — послушаться, *его дружина не отслышалась* (6:105), *на то Василей не отслы́шен был* (14:14)

не прика́заной — такой, за которым никому не поручено смотреть, о коне, *он оставил коня не приказана* (38:42)

не сдава́тьсэ на ре́ци — не внимать речам, не слушаться, *на реци девка не сдаваетца* (23:53)

недо́шлой — неготовый к употреблению, незрелый, невкусный, *пшана́ ле моя тебе недо́шлая* (8:38)

не́жити — нянчить, смотреть за ребёнком, *у нас хто будёт теперь тешить-не́жити* (13:20)

неме́цкой — непонятно написанный (?), о надписи, *он доехал до столба до номеро́вана, там написаны надписи немецкие* (35:32)

немéцькой — здесь: мурзомéцкий, о копье, смотри: бурзомéцкой
неотстýпцивой — неуступчивый, настойчивый, *Василей неотступчив был* (14:31), *мужики новгорóдчана неотстýпцивы* (14:36)
несгóда — невзгода, беда, *есь у нас над городом несгóдушка* (18:84, 58:62)
нести́ — выносить, выдерживать, *Светогора несла одна Светá гора* (36:3)
нести́сь — доносить, *несутся ведь бояра кособрюхие* (54:150)
нéчестью брать — по-плохому, непочтительно, немирно, насильно, боем, *есле чесью не дают, дак бéри нéчесью* (9:74)
новгорóжана, новгорóжаны, новгорóдчана — новгородцы, *мужики новгорóжана* (5:104), *молодцы новгорóжаны* (14:32), *мужики новгорóдчана* (14:36)
новóй — один, другой, тот, этот, *а новóй хвастат силой богатырскою, а новóй хвастат палоцкой буёвою* (41:11–15)
новотóрженин — житель Торжкá, *Костя Новотóрженин* (17:34)
номерóваной — с номером, о столбе; вероятно, верстовой столб с указанием расстояния, *он доехал до столба до номерóвана* (35:31)
ночнóй подорóжник — смотри: подорóжник
обéдня, обéдняя,ýтреня — виды богослужения, *мéжу ýтреней съездить, меж обéднюю* (20:27), *ты служишь обéдню воскресеньскую* (23:72)
оберну́ть — превратить, *оберни-ко ты моёго хресьника* (31:83)
обжóрчивой — прожорливый, жадный до еды, *корова обжóрчива* (26:26)
облаты́нить — допустить влияние латинской веры, то есть католичества, *православную веру облаты́нить всю* (3:55)
обобрáть — обыграть, в шахматы, *со первым Вася сел — обобрал его* (33:72)
ободвéринка, ободвéрина — боковой и верхний брус дверного проёма, *отлетели-то двери с ободвéринками* (5:127)
обрáнить — поранить, *ни один ни одного не обрáнили* (40:153)
обрати́тьсе — повернуть назад, *от их, от воронов, стрелка обратиласе* (55:331)
обру́щитьсэ — обрушиться, упасть, *в трéтьём перéкопе обру́щусе* (8:160)
обу́тки — обувь, *на ножецках обутки сафьян сапог* (23:10)
обыдённой — построенный за один день, по обету, *я построю те церковь обыдённую* (7:53)
оввóз — воз, *вывозил-то ле хлеба он оввóзами* (8:9)
овéрнутой — превращённый, заколдованный, *овéрнутой мой любúмой крéстницёк* (31:63)
огру́знуть — погрязнуть, погрузиться в воду, *скоцúл он черéз Дунай-рекý и огру́з в самý серёдоцьку* (34:333)
огумённой — смотри: загумённой
одевáльница — одеяло, *одевáльницой закрыла чéрных сóболей* (14:78)
одинáкой, одинóкой — единственный, *сына одинáкого* (13:7), *сын одинóкой был* (13:213)
окáтистой — покатый, *он скацёт с шёломя на мéлема окáтисты* (13:149)
окáтица — склон холма, *с окáтици кáтитца он на окáтицу* (20:100)
олáбуш, оля́пыш, отя́пыш, тя́пуш — шлепок, удар по заду, *нахлестали Олёшеньку пó гузну, дали по олáбушу и по тя́пушу* (22:145), *во правý-ту хóлку дал éму два отя́пыша, во левý-ту хóлку дал два оля́пыша* (40:97–98)
оля́пыш — смотри: олáбуш
онýча — тряпка, наматываемая на ногу под обувь, *что за трепúча за ногой волóчитче, что за онýча привязаласе* (5:187)
опúсывать — делать опись имущества, *приехали мы тебя описывать* (34:252)
опочúн держать — почивать, спать, отдыхать, *легли óни спать, да опочúн держать* (15:232)
опоя́ска — пояс, *опоя́ску опоясывал он шёлкову* (14:117)

опра́витьсэ — опохмелиться, *за чару Добрыня поклоняется: да ещё, говорит, я не оправился* (48:66)

опри́чь — кроме, *опри́чь Онто́ньева мона́стыря* (5:7)

опроста́ть — освободить, перестать удерживать, *распустила змея все деве́ть хобо́т, опроста́ла Луку сына Степанова* (45:39), *роспроста́ть* — развязать, *роспроста́ла опу́тинки шелко́выя* (15:293), *спроста́ть* — отвязать, *спроста́й-ко меня от сыра́ дуба́* (15:291), спроста́тьсэ — освободиться, *спроста́лса Иван суда́рь Горде́нович* (15:294)

опу́тина — верёвка, *свезали его опу́тиной шелко́вою* (41:242)

орло́вой — орлиный, о перьях, *не простым пе́рьицом — орловыим* (13:122)

осержа́тьсэ — сердиться, *тогды́-де Михайло осержаетце* (13:81)

осо́бина — смотри: на осо́бину

остоя́тьсэ — остановиться, задержаться, *остоялась рука, да рука правая* (4:130), *остоя́лса их черно́й кара́б* (10:104)

отверну́ть — расколдовать, превратить обратно в человека, *отверни-ко ты моёго хресьника* (31:75)

отве́т держа́ть — отвечать, *ответ держи́т до́брой мо́лодец* (41:37)

отгиба́ть — поднимать, о склонённой голове, *не отгиба́т Старо́й е́му бу́йной главы́* (27:112)

отойти́, отходи́ть — закончиться, заканчиваться *отошёл у Владымира почесен пир* (20:42), *отходил крутёнько тут почесен пир* (14:53), *вот отходит обедня воскресенская* (34:113)

отпоя́сать — снять, о поясе, *отпоя́шь ты от себя поя́с шёлковой* (45:91,93)

отслы́шатьсэ, отслы́шной — смотри: не отслы́шатьсэ

отту́ль — оттуда, *отту́ль-то дети́на поворот даёт* (8:88)

отходи́ть — смотри: отойти́

о́тчина — место, откуда человек родом, *не сказыват мо́лодець ни ро́дины, ни о́тчины* (47:53)

отшану́ть — отпрянуть, отойти, *отшану́ла вся дружинушка хоро́брая* (14:225)

отя́пыш — смотри: ола́буш

охвати́тьсэ — проснуться, опомниться, очухаться, *начал Садко́-купец просыпатисе, охвати́лся Садко́-купец — дело́ нела́дноё* (11:29)

охво́та — охота, хочется, *посмотреть охво́та лю́дей добрыих* (13:58)

оче́стливой — вежливый, *али стольнички мои тебе не по разуму, не оче́стливы* (41:27)

очу́дитьсэ — очутиться, оказаться, *очу́дились двери тут хрустальния* (11:88), *очу́дилса Садко́ под своим Новым городом* (11:120), *он очуди́лсе на крутых горах* (51:54)

о́чунь — очень, *ты что же сидишь о́чунь не весело* (15:19)

ошельмо́ваной — отмеченный позорными знаками, *розбойное судно, ошельмо́вано, все паруса, видно, на нём оборваны* (42:160)

пави́ной — как у павы, о походке, *походочка чтобы у ей была пави́ная* (41:56)

палени́ца, палени́ця, па́ленга — богатырь, воин, также богатырка, воительница, *палени́цы преуда́лые* (9:7), *той же, говорит, матушки-па́ленги* (28:144), *о́на си́льна могу́ця есь пале́ниця* (30:43)

па́лка, па́лочка — палица, *он берёт в руки палочку буёвую* (37:186), *он сдыма́ть замог сво́ю палицу буёвую, хоть не тежёлую палку — девеносто пуд* (40:8)

панафи́да — заупокойная служба, *служить панафи́ды почесныя* (6:267)

па́нзырь — смотри: па́нцирь

па́новья-ула́новья — иноземные князья-бояра, *пановья́м по-за́ столом челом не бьёт* (48:98), *завёлса у Василия почесен пир про многиих па́новьей-ула́новьей* (49:5), сравни: турзы́-мурзы́

па́нцирь — броня, *шапоцька булатная, кото́ра была с крепким па́нцирём — не брала бы её сабля вострая* (13:133), *розрывал он е́го латы-па́нзыри, а и те кольчуги золочёные* (40:173)
пара́тной — парадный, о крыльце, *крыльцё пара́тное* (24:239)
па́робок — прислужник, помощник богатыря, *Еки́м, Олёшин па́робок* (2:41), *оставь себе меньшо́го слу́гу-па́робка* (15:218)
пасти́ — охранять, оберегать, сторожить, *стоят двенадцать руськи́х бога́тырей, пасут-берегут сто́льной Киев-град* (40:53)
па́че — важнее, лучше, *паче ты брата мне родимого* (5:71)
пе́льки — женская грудь, *треси́ ей за пе́льки* (4:148)
первобра́шной — первобрачный, о невесте, *княгина первобра́шная* (41:186)
перево́дной[84] — красивый (?), о девушке, *чтобы она была перево́дна и собой статна́* (41:54)
пере́коп — ров, *накопали пере́копы там глубокия* (8:157)
перепа́сть — лечь поперёк, о дороге, *перепала им дороженька кровавая* (41:201)
перепа́стьсэ — испугаться, *перепа́лса наш Солнышко Владимир-князь* (27:197)
перепу́рх пусти́ть — пролететь, *то бел кре́чет перепу́рх пустил* (14:151)
перехре́стницок — часть лошадиной упряжи, *седлат он, уздат ко́ня доброго, перехре́стницок кладёт чере́з хребетну степь* (35:21)
пета́ — смотри: на́ пету
петёнышко — цель, *о́ни ставили петёнышко за́ петь вёрст; Вася стрели́л во петёнышко* (33:95,99)
Петро́в день — день памяти святого Петра, 12 июля, *середи́ весны, да о Петро́ви дни́* (46:3)
печа́тной — ?, о скобках на сапогах, *печатныма скобками пошша́лкиват, сапог о сапог поколачиват* (49:9)
печа́тной — о сажéни, смотри: сажéнь
пе́шечки — игра, *можешь ли играть со мной во пешечки* (37:73)
пиро́ваньё — застолье, пир, *пошло у их пиро́ванье великое* (57:72)
питьё — напиток, *питья́ разноли́чныя* (8:14)
пла́тьё — одежда, *скинывáл Василей чвéтно пла́тьичо* (6:152), *надевала она своё пла́тьё цвéтноё* (18:65)
плёнка — ловушка для птиц, *не Иван поставил плёночку, не Гордéнову попала в плёнку уточкя* (15:139)
пли́тьё — плиты, *розмётывал он пли́тьё-ка́меньё* (13:82)
по мелку́ часью́ — смотри: часьё, чесьё
побéда — обида, *не давай меня, шуба, в побéдушку* (27:32)
побра́товатисе — стать названными братьями, побратимами, *они друг с друго́м побра́товалисе, назвали́сь ро́дныма братьеми, чтобы друг друга́ не выдать бы* (52:138)
повали́ть — уложить спать, *повалила на кроватоцьку тесо́вую* (14:76)
пова́льня — морская буря, *заходила пова́льня тогда сильняя* (11:106)
пова́ренной — с кухни, повар (?), о детинушке, *ставает детинушка пова́ренной, пивова́ренной* (49:41)
повертéть, привертéть — повязать, замотать, *кушаками ихны головы повéрчены* (14:99), *кушака́ми головы привéрчены* (5:133)
поворо́т держа́ть, поворо́т дава́ть — поворачивать, возвращаться, ехать обратно, *отту́ль Садко́ стал поворот дёржа́ть* (11:56), *назад поворот даёт* (14:253)

---

[84] Сравни: *тельвисча́нки девки модницы, ёкуша́нки перево́дницы* (из песни, записанной в селе О́ксине). Возможно, *перево́дной — красиво, модно одетый.* Правда, сама исполнительница песни предложила другое значение: *перево́дница — сплетница: узнала новость и перевела на другого.*

повы́гонить — выгнать, *ла́дит лучшую всю силушку повы́гонить* (38:70)
повы́купить — освободить невольника из темницы, внеся за него выкуп, *не дашь ли ты Ставра́ мне-ка́ повыкупить* (33:104)
повы́щербить — смотри: исщерби́тисе
пога́ной — неверный, нечистый, непотребный, *погано идо́лище* (42:271), *росходилось е́го ту́лово пога́ноё* (9:194), *по сметю́шшам ты ле, птица, волочилась и поганой косью задавилась* (40:88)
поглядéть — послушать, учесть мнение, *поглядел он на старо́го И́лью Муромца, он послушал старо́го И́лью Муромца* (34:305)
поговóря, поговóра — речь, повадка говорить, *тиха речь-поговóря лебединая* (41:57), *тиха речь с поговóрой лебединая* (49:29)
пого́да — непогода, ненастье, *насы́пала погодушка великая* (48:170)
пого́дьё — погодные условия, *попало ему пого́дье благополучное* (42:153–154)
погра́ёвать — смотри: грай
по́греб — помещение под землёй, закрытая яма, *в поле чи́стоём у сыра́ дуба́ есь глубо́к погре́б, а во по́гребе стоит до́брой конь* (13:76)
по́д верхом — кверху, *он тупым концом в землю, вострым — по́д верхом* (37:52)
подбо́йной — опасный, о ко́шке (ме́ли), *сделала бы ко́шечки подбойные* (21:210)
подвали́тьсэ — причалить, *подвалилса он тогды́ ко берегу* (42:165)
подгости́ть — попировать, *пришёл Торокашка ко Соломани́де, подгости́ли* (49:88, 93)
поддýбок, поддýбыш — молодой дубок, *с семи дубов, с восьми поддýбочков* (24:233), *свалилса Соловей со семи дубов, семи поддýбышов* (35:97)
поде́ишшо — происшествие, *у нас како́ с тобой было́ поде́ишшо* (25:94)
поде́рживать — удерживать, хватать, *стали молодца́ они тогды́ поде́рживать, ко́ню доброму копьём бока потыкивать* (35:64)
подла́дитьсэ — подготовиться, *пусть он даст строку нам покаятьца в городи да подла́дитьца* (38:82)
по́дле — возле, *пе́рво те место подле меня* (2:45)
подно́жек — полотенце, на котором стоят в церкви молодые во время венчания, *ставал Владымир на подно́жек с Опроси́ньей Семёновной* (4:181)
подоро́жник, ночно́й подоро́жник — разбойник, грабитель, нападающий ночью на тех, кто движется по дороге, *вором считат меня, разбойником али ночным считат подорожником* (45:21)
подпру́га — ремень для закрепления седла, *двенадцеть кладут подпруг шёлковых* (4:6)
подру́чник — помощник, слуга, *был у его подру́цницёк* (12:67)
подседéльничёк — часть конского снаряжения, *под войлочки он клал подседéльничёк* (13:112)
подсто́лье — пространство под столом, *по подсто́лью собака волочилась* (2:83)
подтыка́тисе — вспотыкаться, *конь стал подтыкатисе* (50:8)
подуше́вной — спасительный, о милостыне, *сотвори нам мило́сыньку подушевную* (22:22)
подчишшать или выцишшать поле — освобождать от леса поле под пашню, *подчишшу за вас я полюшко; выцистил он полюшка порядоцьно* (24:142,146)
подыма́тьсэ — наступать, надвигаться, *подыматця собака злодей Ску́рла-царь* (3:30)
поды́нуть — смотри: высдыма́ть
по́езд — смотри: ба́тюшко
пое́зд — смотри: на пое́зде
поезжа́на — смотри: ба́тюшко

поза́вочью — смотри: во́чью
поко́й — помещение, *побежал Владымир во второй покой* (9:124)
поконáтьсэ — попросить, *поди ты, зови его, поконайся* (27:124)
покры́шка — крышка, о гробе, *тут покрышка нахлопнулась* (50:53)
поку́ркивать — смотри: воску́ркать
полету́шчёй — летающий, о птице, *пти́ця полетушчая* (24:182)
положéньё — дар, пожертвование на святыню, *немало положéньё — сорок тысечей* (6:13)
поло́н — плен, захват, *Киев-город хотят в полон взять* (3:52), *тебя мы, царя, во поло́н возьмём* (48:48)
по́мах — мах, *одним по́махом* — одним махом, *выпивал эту чару едины́м духо́м, одним по́махом* (35:170)
пома́шчивать — смотри: мост
помёлышко — метёлка, пучок хвойных веток, для опахивания пода печи перед готовкой, *помёлышко у нас медвя́ное* (34:153)
помета́ть, помётывать — смотри: мета́ть
помеша́вка — мутовка, *ме́ньша дочь бежит с помеша́вкою* (35:112)
поме́шкать — подождать, *ты помешкай немножко, всё попра́витце* (9:149)
поморёной — заморенный, *поморёной Старо́й голодной смертью* (27:60)
поотве́датьсэ — побиться, померяться силой, *она бы с тобой поотведалась* (4:105)
поп — священник, *попа Лево́нтья сын Ростовского* (2:40)
попла́в — смотри: на попла́в реки спустить
попра́витьсэ — собраться, управиться с делами, *поправилась Анна, княженéвска доць* (9:152)
попра́витьсэ — устроиться, уладиться, *ты помешкай немножко, всё попра́витце* (9:149)
попрекати́се — упрекать, *он стал ведь попрекатисе* (50:9)
попрове́дать — узнать, *попроведай ты уда́ла до́бра мо́лодца, он кое́й земли, какого города* (40:73)
попу́тать — связать, *Маремьяна попу́тала Ивана Горде́нова* (15:265)
пори́пкивать — помигивать, от слова *рипа́ть* — часто мигать глазами, *стал морской царь пори́пкивать* (11:99)
по-робе́цьему — как ребёнка (отшлёпать), *наклеска́л он его по заду по-робе́цьему* (47:44)
поро́г — речной каменистый уступ с шумным течением, *храпит, как порог шумит* (8:17)
поро́ха — свежевыпавший снег, *не во́времё поро́шка снегу выпала, выпала поро́ха о Петро́ви дни* (23:2)
по́ршни — кожаная обувь, *на ногах несёт по́ршни кабан-зверя́* (2:131)
посви́стывать — смотри: свистну́ть
посо́бной — способствующий, помогающий, *благополучное пого́дье, пособно-быстрое* (42:154)
посте́льник — помощник, слуга, *подру́цьницёк был его, посте́льницёк* (12:68)
потену́ть, притену́ть — повезти, привезти, *потену́ли Пота́па к ца́рю Шку́рлаку, притену́ли Пота́па к ца́рю Шку́рлаку* (16:32–33)
потеряться — исчезнуть, пропасть, *потерялись тут кали́ки перехожие* (24:61)
потеша́тисе — творить любовь телесную, *лежит Чури́лко, потешается, со его молодой женой забавляется* (46:107)
по́тик — под печи, низ топки, на котором готовится выпечка, *по́тики у нас серебрены* (34:152)
пощи́ргивать — похватывать, *стали Илеюшку пощи́ргивать, стали Илеюшку поде́ргивать* (19:144)

пошша́пка — повадки, привычки, *поступки-пошша́пка не отцовския* (17:7)
пра́витьсэ — направляться, *ты куды́ поехал, ку́ды пра́вишьсе* (9:113)
пра́витьсэ — работать, о корабельном руле, *у нас рули не правятся* (56:70)
престáвитьсэ — умереть, *состарилса Буслáвей, сам преставилса* (10:2)
привертéть — смотри: повертéть
приворóтник — привратник, стражник, охранник, *у ворот не спрашивай приворóтничков* (3:73)
привя́зьливой — приставучий, задиристый, *Чури́лишко привя́зьливой* (32:54)
придáное — имущество, с которым невеста переходит из родительского дома в дом жениха, *кладите приданое великое* (48:125)
придвéрник — стражник при дверях, охранник, *у дверей не спрашивай придвéрничкёв* (3:72)
прижáть, прижимáть — смотри: нажáть
прижи́ть — зачать ребёнка, *мы с твоей матушкой Златы́горкой спали-ночевали в одно́м шатре, тут мы тебя, видно, и при́жили* (40:245)
прии́мчивой — гостеприимный, *прии́мчивой царь, хороший* (54:57–58)
прикáшчик — подчинённый, ведущий хозяйственные дела нанимателя, *возьму я Илью к себе в прикашчики* (47:46)
приклúкать — подозвать, *прикликал к себе ко́ня доброго* (48:84)
примáть — принимать, *примали они золоты́ венцы* (46:143)
примáть венцы — венчаться, *примали они золоты́ венцы* (46:143)
примéт, примéтка — цель, *я горазд, Дунай, во примéт стрелéть* (4:195), *стрелéть во примéтоцьки примéтныя* (4:199)
принести́ — родить, *родила́-принесла чада милого* (13:6), *принесла ему, детинушке, двух сынов* (54:146)
приопрáвитьсэ — опохмелиться, *болит у меня бу́йна го́лова, шипит у меня ретиво́ сердце́, мне бы, Добрыне, приоправиться* (48:59)
приохво́тилось — захотелось, *говори-ко, что те приохво́тилось* (30:34)
приошу́нуть — опрокинуть, сбить с ног, *засвистел Соловей во весь свой свист, всех тут нара́з приошу́нуло, запо́лзали бояра толстобрюхие* (24:332)
припáдывать — прихрамывать, *на одну ножку Потанюшка припáдываёт* (5:75)
припóй — припаянное украшение, *у ножа были припóи серебрены* (2:111)
припрáва — снаряжение воина, *вся припрáва богатырская* (13:106)
при́прежь — у́пряжь, *ради при́прежи лошадиныя* (19:107)
притену́ть — смотри: потену́ть
притугáть — притягивать, *притугáёт своя ко́ня доброго* (8:82)
приучать в грамоту — учить грамоте, *приучать стала в грамоту руськую* (13:44)
причя́тник — причётник, прислужник в церкви, *созывали бы отцов, попов, причя́тников* (13:8)
провéщитьсэ — начать говорить, *провешчылся конь* (8:43)
прокати́тьсе — поскользнуться, *права нога его прокатиласе* (28:101)
промежу́ — между, *промежу́ вами чудо сидит поганое* (2:71)
проме́точка — знак, *оставляю я те проме́тоцькю* (4:21)
про́пасть — погибель, *довёл я коня прямо до пропасти* (37:139)
про́пер — пра́пор, флажок на копье, *берёт копьё востро́ё с про́пером* (13:127)
пропусти́ть — проложить, о дороге, *пропустил эту дорожечку кровавую Батуй Кайманович* (55:224)
проскользди́тьсе — соскользнуть, *лева́ рука его проскользди́ласе* (28:102)
простéнок — стена между окнами, или окном и дверью, *провалился Издóлишше вон с простéночком* (26:42)
протену́ть — пройти, пролететь, о годах, *протенут твои молоды́ лета́* (19:69)
про́ти — напротив, *колóтят они про́ти се́рьча* (12:77)

прошиба́тьсэ из рече́й — болтать, говорить лишнее, *из рецей Садко́ прошиба́етце* (11:15)
проща́тися — просить прощения, *в ноги ему па́ли, стали проща́тися* (22:193)
пры́тость — прыть, прыткость, *ради пры́тости лошадиноей* (4:9)
прямое́зжёй — прямой, о дороге, *ехал я дорожкой прямое́зжеей* (24:277)
пуд — мера веса, около шестнадцати килограммов, *по весу припо́и были двенадцеть пуд* (2:112)
пу́рхать — порха́ть, летать, *ты, молодой, пу́рхай, не попархивай* (20:225)
пустопёрой — летающий или каркающий впустую (?), о воро́не, *вороны пустопёрыя* (22:136)
пусты́м похваля́тьсэ — беспочвенно, не имея основания, *пусты́м ты, молоде́ц, похваляиссе* (35:196)
пу́тенки — путы, верёвки, *свеза́ли во пу́тенки шелко́выя* (4:67), *опутали во пу́тенки шелко́выя* (15:269)
путь держа́ть — путешествовать, перемещаться, *каково́ себе поездил, себе путь держал* (37:256)
пшана́ — пшено, *насыпано пшаны́ было белоя́ровой* (8:20)
пядь — мера длины, около восемнадцати сантиметров, *промежу́ ему глаза пядь бумажная* (2:63), *бума́жной* — заверенный на бумаге
разреши́ть, разру́шить зало́г — смотри: зало́г
разры́вчатой — тугой, упругий, о луке, *лук тугой-разры́вчатой* (13:119)
ра́титьсэ — воевать, *я приехал к те́бе не битьсэ, не ра́титьсэ* (52:175)
реве́ть — кричать, *садятця и ревут они, поку́ркивают* (41:253)
рель — виселица, *ты сделай-ко рель превысокую* (42:216)
реме́щатый — относящийся к ремеслу, мастеровой, искусно сделанный, о стуле, *реме́щат стул* (3:59)
рестова́ть — хватать, задерживать, *рестова́ли Дю́ка Степанова* (34:166)
рог ту́рий — сигнальный музыкальный инструмент, *играл Семён во ту́рей рог* (4:64)
ро́дина — отец-мать (род) или место, где родился (родина), *не сказыват мо́лодець ни ро́дины, ни о́тчины* (47:53)
розлете́тьсэ, разлете́тьсэ — залететь, попасть, *розлетись Солове́юшку во правой шар* (19:172), *разлетись Соловеюшку во пра́вой глаз* (35:91,95)
розме́тывать — смотри: мета́ть
розъежда́тьсэ — разъезжаться, *розъеждались уда́лы до́бры мо́лодцы* (28:163)
розъе́хатьса — разогнаться, *розъехалса Чури́ло бла́до Плёнковиц и скоци́л чере́з Дунай-реку́* (34:331)
располу́бить — открыть, *располу́бил он боцьки сороко́выя* (10:40)
роспроста́ть — смотри: опроста́ть
роспуска́ть — поднимать, о парусе, *роспускали паруса канифа́сные* (37:37)
ро́сстань — развилка дороги, *приезжал он ко ро́сстаням дороженьки* (24:198)
рострепа́тьсе, рострепеска́тьсе — трепыхаться или трещать, *що же ты, ворона, рострепаласе*, *що ты, пустопёра, рострепеска́ласе* (28:82–83)
руба́шиця — рубашка, *выходила она в одной рубашици без пояса* (30:45)
румя́нной — смотри: умыва́ньицо румя́нное
сади́ть — ткнуть, о ноже, *в грудь ножом садить* (54:200)
сажёнь — мера длины, около двух метров, *вышина́ у собаки трёх сажён* (2:61), *печа́тная сажёнь* — заверенная печатью, *коса́ сажёнь печатная* (9:37), *коса́ сажёнь* — около двух с половиной метров, *в ширину был Идо́л коса́ сажёнь* (9:36)
сафья́нной — из сафьяна, по-особому выделанной кожи, *сапоги сафья́нные* (14:116)

саха́рной — сладкий, об устах, *уста саха́рныё* (15:181)
сби́тьсэ — соскочить, о всадниках, *сбились они со добры́х коней* (47:102)
сбо́рной — полученный при сборе милостыни, о кусочках еды, *она кормит кусочками всё сбо́рныма* (13:40)
сбру́ня — сбруя, *выносила сбру́ню е́му лошадиную* (35:15)
сва́дебничать — играть свадьбу, *долго-нет свадебничали, мы уж не знам, не были дак* (49:95)
сва́т бо́льший — старший из сватóв, *кто из нас будет сва́том бо́льшиим* (41:92,96)
свистну́ть — кинуть, метнуть, *выдернул нащóку-ту залезную и свистну́л он в удáла добра мóлодца* (25:116), *посви́стывать* — побрасывать, *стало Идóйлушку посвистывать* (56:112)
сглону́ть — проглотить, *хошь ли, Олёша, я живкóм сглону́* (2:166)
сдава́тьсэ на ре́ци — смотри: не сдава́тьсэ на ре́ци
сда́риватьсэ — смотри: сдóрити
сдога́дливой — догадливый, *на это Пермя́ был сдога́дливой* (46:97)
сдóрити, сдóритьсе, сда́риватьсэ, ссáриватьсэ — вздорить, спорить, ссориться, *на пиру сидеть спорить, сдóритьця* (14:41), *полно те спорить, полно сдóрити* (14:44), *не с ке́м Буславей не ссáривалса, не с ке́м Буславей не сдáривалса* (17:2–3)
сдуть — обыграть в шахматы, *со другим сел Вася — он сдул его* (33:73)
сдыма́ть — смотри: высдыма́ть
сеголе́тоцёк — конь на первом году жизни, *добрый конь-сеголе́тоцек* (20:47)
седа́той — седой, *не видал ли ты ста́рого-седа́того* (40:257)
секчи́ — сечь, *стали секчи́ они рать-си́лу великую* (37:178)
семья́ — супруга, жена, *не встречат его дорога́ семья, молода жена* (58:65–66, 69–70)
серопёрой — смотри: скоропе́йной, *змея серопёрая* (54:20)
сесть — сыграть, об игре в шахматы, *со первым Вася сел — обобрал его* (33:72)
си́ла — войско, рать, *на всякого царя силы по три тьмы* (3:35)
си́льной — большой, *руки его как си́льни гра́блища* (15:146), *одиннадцать прошёл зе́мель сильныих* (38:19)
синьжа́л — смотри: чинжа́л
ска́тной — скатывающийся, круглый, ровный, о жемчуге, *ска́тной жемчуг* (57:11)
скинывáть — скидывать, снимать, об одежде, *скинывáл Василей чве́тно пла́тьичо* (6:152), *скинывáт он свою куню́ шубу́* (32:14)
ско́бка — часть сапога, *ско́боцька о ско́боцьку пощóлкиват* (9:10), *печатныма скобками пошшáлкиват, сапог о сапог поколачиват* (49:9)
скок, ускóк скочи́ть — сделать скачок, *первой он ускóк скочи́л — пять вёрст, второй скок скочи́л он двадцать пять вёрст* (44:65–66)
скоропе́йной — относящийся к *скоропе́е*, то есть скорпие, скорпиону, о змее, *схоботáла его змея скоропе́йная* (45:34)
скроти́ть — укротить, усмирить, *скроти́ть сына милого* (14:61)
слезовáть, слезывáть — слезать, *слезовáёт Маревья́на со добра́ коня* (15:305), *слезывáй ты, ложись, войдёшь во этот гроб* (25:37)
слобода́ — здесь: небольшое поселение, *бывало, Казань слободой была* (51:1)
сломáть — разобрать, о шатре, *сломали они шатры белополóтняны* (41:196)
смекáть, сосмекáть — считать, сосчитать, *он читал, он смекал трои суточки* (45:76), *отгадал-сосмекал всех до единого* (45:142)
смерд — простолюдин, *что у тя на зáпечье за смерд сидит* (2:100)
сме́т — смотри: числá-сме́ту нет

сметьё, сметѝшшо — место для отбросов, *по сметья́м корова ходила да ко́сью задавиласе* (26:27), *по сметѝшшам ты, птица, волочиласе и поганой косью задавиласе* (40:88)
сме́тка — смекалка, хитрость, сообразительность, *сме́тка Олёши Поповича* (1:42)
снохá — жена сына, *сно́ха милая* (58:42)
согласи́тисе — сойтись, объясниться, вступить в любовную связь, *тут они согласилисе* (54:102)
сожга́ть — сжечь, *много мага́зинов розбили они и со́жгали* (29:56)
сопну́ть — сбить ногой, *сопни́-ко эти двери со тугих замков* (37:112)
сорокó́вка, сорокó́воцка — бочка в сорок вёдер, *вы катите сороковку кра́сна золота* (19:204), *откатывай боцьки-сороковоцки* (15:70)
сорокó́вой — сороковедёрный, *откупал боцьки сорокó́выя* (10:31)
сорокопе́гой — смотри: скоропе́йной, *лютоедная змея сорокопе́гая* (54:12)
сорочи́на — сарацин, южный воин, *убила сорочи́на долгопо́лая* (6:120)
сосмека́ть — смотри: смека́ть
состига́ть, сустига́ть — настигать, догонять, *поехал Олёшка по чисту́ полю́ состигать на чисто́м поли бога́тыря* (40:83,136)
сота́ — сыта́, вода, насыщенная мёдом, *наливал соты́, воды медовоей* (8:92)
списа́ть — записать, описать, *тут списал он все эти хитрости и мудрости (*54:131)
спи́ця — деревянная вешалка в избе, *берёт со спици шубу ено́тову* (19:51)
сповя́нуть — повеять, *не буйны́ ли ветры́ на нас сповя́нули* (21:119)
сподобля́тьсэ — собираться в путь, *Василей сын Буслаевич стал сподоблетисе* (6:61), *стала она сподоблятисе* (9:139)
сполюбо́вница — возлюбленная, невеста, *не знаете ли, робята, мне сполюбовницю* (30:19)
спроста́ть — смотри: опроста́ть
спроста́тьсэ — смотри: опроста́ть
сре́титьсэ — встретиться, *сре́тилсэ Илья к ему* (50:2), *настре́ту* — навстречу, *настре́ту ему идёт назва́ной брат* (2:129)
сряжа́тьсэ — собираться в путь, *срежа́тча Опросе́нья дочь Семёновна* (4:100)
ссáриватьсэ — смотри: сдóрити
ста́рой — старящий, о каплях, *взял он себе капли старые, состарил он своё бело́ лицё* (26:10)
старома́терой — старый, *жёна́ да старома́тера* (6:154)
стать на во́зносте — понести, о женщине, *стала беременна, стала на во́зносте* (51:60)
стать на во́зросте, на во́злете — стать взрослым, *стал Михайло на возрасте* (13:48), *ко́гда будет он на во́зросте, будет на во́злете* (51:13)
степь — смотри: хребётна кось
стол, столо́ваньё, столова́ть — пир, пировать, *стол-от вёлса о полу́стола* (13:15), *заводилосе столо́ваньё-пиро́ваньё* (57:3), *столовали они трои суточки* (38:141)
столе́шенка — столе́шница, *хвати́л он столе́шенку дубо́вую* (48:119)
сто́льник, сто́льничать — распорядитель на пиру, распоряжаться на пиру, *али стольнички мои тебе не по разуму, не оче́стливы* (41:26), *на честны́х пирах он стольничал* (54:98)
сто́льной — главный, о городе, столица, *сто́льной Киев-град* (26:2), *над сто́льным заря зачинаетца* (38:9)
стро́жити — строго обращаться, наказывать, *он будёт, деви́ца, строжи́ти те* (13:216)
строк — срок, *приходят строки короткие от короля неверного* (27:74)

стропа́ — стремя, *прижимал коня во стропы булатныя* (13:146)
стрось — трость, палка, *бра́ла она стрось в руки залезную* (31:69)
струна́ — тетива, *у туги́х луко́в все струны он привы́кусал* (29:81)
ступи́ть — сходить, сделать ход в настольной в игре, *ступил Батуй Кайманович своей пешкой точёною* (37:78)
ступца́, ступця́ броди́ вая — медленный шаг лошади, *поехал он ступцо́й потихошенько* (40:38), *едет он ступцёй броди́воей* (35:30)
суббо́й — опасное место на реке или на море, глубокое, с быстрым течением, *на прямоезжой дорожке есть суббо́й быстёр* (6:21)
су́жёной — смотри: богоря́женной
супроти́в — напротив, *другу́ тебе место супроти́в меня* (2:46)
суреди́ть, суряди́ть, суряжа́ть — снарядить, снаряжать, *суреди́ ты мне своего коня* (15:173), *суряди мне нов черле́н корабль* (42:24), *стали суряжа́ть нов черлён корабль* (37:23)
сустига́ть — смотри: состигать
схобота́ть — схватить хоботом, *схоботала его змея там скоропе́йная* (45:34)
схо́дни — доска для схода на берег с корабля, *обирали-то схо́денки дубо́выя* (6:82)
сыма́ть — снимать, *сыма́т ее́ со добра́ коня* (15:180)
сыть — снедь, корм, о коне, *волчья, конь, сыть, травено́й мешок* (8:36), *волчья сыть* (24:220)
тавóлженой — из та́волги (растение), *мы сде́лаём же́ребьи тавóлжены* (7:89)
тала́нистой — приносящий счастье, удачу, *будь-ко ты, мо́я шуба, тала́ниста* (27:31)
тежёлой — такой, нарушение которого влечёт за собой тяжёлое наказание, о заповеди, *клажена́ у нас с им заповедь тежёлая* (29:44)
тену́ть — весить, *плита железная тену́ла соро́к пудов* (13:85)
тесо́вой, тисо́вой — из обтёсанных досок или из ти́са (дерево), *на кроватку на тисо́вую* (7:136)
те́шить — нянчить, смотреть за ребёнком, *у нас хто будёт тешить-не́жити* (13:20)
тогды́ — тогда, *стал Михайло тогды́ на возрасте* (13:48)
тогды́-сегды́ — редко, иногда, *я тебя часте́нькё побрасывал, а ты меня тогды́-сегды́* (5:151)
тосмя́нной — сделанный из тесьмы или украшенный тесьмой, *узду́-о-узду́ да тосмя́нную* (2:4)
трепо́к — трепа́ло, орудие для обработки льна (?), *моя есь ку́кша, твой есь трепо́к* (33:145)
троедённой — трёхдневный, о младенце, *стоял за младенцей троедённых* (28:111)
троеко́лой — смотри: двоеко́лочка
тру́бной — для выхода дыма, вместо трубы, об окне, *трубно́ окно* (2:53)
трубчато́й — длинный, пышный, о девичьей косе, *она трепи́т, шшы́плёт трубчату́ косу́* (13:198)
тру́дной — больной, *больным она больна или трудны́м-трудна́* (46:35,37)
трупьё — труп, мёртвое тело, *россе́к трупьё по мелку́ часью́* (2:181)
тужо́й — смотри: ту́цьной
ту́лово — туловище, тело, *ту́лово ему бы Светого́рово* (1:22), *росходилось его ту́лово пога́ноё* (9:194)
тупи́ца — вид топора, *меньшо́й сын бежит со тупи́цею* (35:110)
тур, гнед, тури́ца, тури́ца — дикие бык и корова, ныне вымершее животное, *два гнеды́ тура́* (3:1), *обернула она его гнедо́м-туро́м* (31:38), *гнедая тури́ца златорогая* (3:6), *как у той ли у тури́цы златорогоей* (38:1)
ту́рий — туриный, взятый от тура, *играл Семён во ту́рей рог* (4:64)

турзы́-мурзы́ — иноземные князья-бояра, *турзы́-мурзы́ уда́лые* (9:6), сравни: па́новья-ула́новья
ту́цьной, тужо́й — тучный, крепкий, о рёбрах коня, *начал бить коня по тужи́м ребра́м* (19:160), *бьёт он ко́ня по туцьны́м ребра́м* (24:219)
ты́катьсе — колоться, о копьях, *тыкалисе копьями бурзоме́цкима* (40:159)
тыл — затылок, *в тылу́ бу́дёт блад светёл месе́ц* (4:163)
тыни́нка — шест, жердь, *у шатра тыни́нки все повыпали* (8:106)
ты́сецкой — смотри: ба́тюшко
тьма — десять тысяч, *на всякого царя да силы по три тьмы* (3:35)
тю́кать — ударять, о сабле, *он сек саблей востроюо, он тюкал по гробу* (50:61,63)
тя́пуш — смотри: ола́буш
убира́тисе — уходить, *пора уже тебе убиратися* (46:50)
увёрчивой, вёрткой — увёртливый, *Олёшенькя вёрток был* (2:167), *кали́ка был увёрчивой* (26:36)
уда́ритьсэ об закла́д, о зало́г — смотри: биться об заклад
удро́гнуть — задрожать, *удро́гла матушка сыра́ земля* (18:78)
укрепи́ть, крепи́ть — поставить, ставить на якорь, о корабле, *укрепили они новчерлён корабль* (37:214,239)
ула́новья — смотри: па́новья
уми́льной, умы́льной — ласковый, приятный, о речи, *князь с гостями речь умильну разговаривать, умыльную речь, тихосмирную* (39:19–20)
умыва́ньицо румя́нное — румяна (?), *вынимала умыва́ньицо румя́нное* (18:63)
унижа́тьсе — делать непотребное, *лежит Чури́лишко, со его женой унижаецця* (32:55)
упа́вная — кроткая, смирная, от слова *упа́дывать* (?) либо как у павы, *походоцька у ней была упа́вная* (9:27)
упа́дывать — робеть, *читай, Добрыня, не упа́дывай* (38:59)
ура́нивать — умалчивать, не высказывать, о слове, буквально: ронять, не доносить, *не утаивай словецька, не ура́нивай* (30:36)
уско́к скочи́ть — смотри: скок
услужёньицё — служба, *ты приехал мне во услужёньицё* (30:87)
усмотре́ть — повидать, *усмотрел я свету белого* (37:12)
уста́ток — усталость, *нет уста́тку до́брым мо́лодцам* (52:288)
уте́ха — приручённое животное, *были у Добрынюшки три у́техи* (18:69), *поехал он, детина, по чисту́ полю́, со утехами своима потешаетца* (40:40)
у́треня — смотри: обе́дня
уходи́ть — убить, извести, *не убьют ли его, не уходят ли* (54:113)
учу́ти, уцю́ти — услыхать, *учу́ли бояра толстобрюхие* (27:33), *уцю́л Перемя́т сын Ивановиць* (32:76)
флюга́рка — флюгер, *флюга́роцька была на ка́рабли позолочена* (6:69)
ха́рч хле́бной — съестные припасы, *сорок нам возо́в ха́рчу хлебного* (15:73)
хвата́тьсе во мя́тоцьку — вступать в рукопашную схватку, *хваталисе они тогда во мя́тоцьку* (28:98)
хвати́тьсэ — обнаружить потерю, *хватилса он своей золотой цяры́* (22:110)
хвоста́ть — бросать, *хвоста́л-мета́л о матушку сыру́ землю́* (13:239)
хиле́ — хуже, *я, Настасья, не хиле́ тебя* (4:198)
хмели́нка — опьянение, *от великою хмели́нки просыпаетце* (18:83)
хо́бот — часть тела змеи, *хоботы ме́цёт по-змеиному* (6:64), *целко́м, говорит, я тебя хочу сглону́ть а́ле в хобота́ складу́* (51:50–51)
ходи́ть — смотри: ба́тюшко
хо́лка — ?, *во праву́-ту хо́лку дал ему два отя́пыша, во леву́-ту хо́лку дал два оля́пыша* (40:97–98), сравни: ола́буш

хоро́брой — храбрый, *дружинушка хоро́брая* (5:98)
хорони́тьсэ — прятаться, укрываться, *ме́ньши хоро́нятся за сре́дниих* (9:29), *бо́льшой хоро́нитца за среднего* (30:23)
хошь — хочешь, *куды сам ты хошь* (2:47)
хребётна кось, хребе́тна степь — хребет, холка, о лошади, *кладёт подпругу чере́з хребётну кось* (8:74), *тринадцету кладёт через хребе́тну степь* (13:115), *перехре́стницок кладёт чере́з хребетну степь* (35:21)
хре́сьник — смотри: крёсна
хрещ, хрящ — мелкие камни, *засыпан песком, хрещо́м сыпучиим; розрыл бы хрящи́, пески сыпучие* (13:79; 13:83)
хрущато́й — узорчатый или хрустящий, о камке (ткани), *завертели во камо́цьку бе́лу-хру́щату* (6:226), *ясны очи закрыла камкой хру́щатой* (14:79)
ху́до — мало, *товару в городу́ худо убыло* (11:37)
худо́й — плохой, поганый, о птице, *разметал он его по полю чи́стому, худым птицам на съеде́ньицо* (35:243)
ца́до, цядо, чадо — дитя, ребёнок, *цядо милое* (1:20)
цве́тной — нарядный, яркий, красивый, об одежде, *надевала она своё пла́тьё цве́тноё* (18:65)
целко́м — целиком, *целко́м я тебя хочу сглону́ть* (51:50–51)
цюра́тьсэ — смотри: чура́тьсэ
часьё, чесьё — части, *россе́к трупьё по мелку́ часью́* (2:181), *розрывал татар по мелку́ чесью́* (13:241)
чёботы — вид обуви, *в одных цюлочиках без чёботу* (8:33)
чело́ — лоб, *они бьют челом на вси чёты́ри стороны* (2:29)
черда́к — помещение на корабле, *мурамён чердак* (12:9)
чересхребе́тной — перекидываемый через хребет, о подпруге, *подстегиват двенадцять по́дпруг шёлковых, тринадцату кладёт чересхребе́тную* (47:65)
черешо́к — рукоятка, *подхватил он ведь но́жицёк за че́решок* (2:110)
черка́сской, черка́льчетой, зерка́льцятой — относящийся к черкесам (ады́гам) или к черкасам (запорожским казака́м), о седле, *наверх он клал седёлышко черкасское* (13:113), *седёлко всё черкальчето* (37:133), *седёлышко зеркальцято* (24:236)
черлёной — красный, *ма́шёт Василей черлёны́м везо́м* (5:49)
черня́вка, черна́вушка — служанка, *девушка-черна́вушка* (5:120), *чернявка на то не соглашалася* (32:32)
честно́й — почтенный, почётный, *честна́ вдова* (6:124), *зва́нной гось че́сен, а не́зван и честне́ того* (44:80)
чинжа́л, синьжа́л — кинжал, *синьжа́лищо була́тен нож* (15:256), *вымал он чинжа́лишшо, булатен нож* (28:106)
числа́-сме́ту нет — неисчислимо много, *переде́ его силы чи́сла-сме́ту нет* (4:76)
чита́ть — считать, *он читал, он смекал трои суточки* (45:76)
чудь — финно-угры, *чудь двоёгла́зая* (6:121)
чуже́нин — чужак, *почему же ты пошла за чуже́нина* (55:284)
чура́тьсэ — отводить от себя опасность волшебными действиями и заклинаниями, *он плюнул, Василей, сам чура́етца* (6:125), *плю́итце Василей, цюра́етцэ* (10:128)
чу́рванка — смотри: му́рманка
шар — глаз, *розлетись Соловéюшку во пра́вой шар* (19:172)
шёломя, шёло́ма, ме́лема — холм, *он скаце́т с шёломя на ме́лема ока́тисты* (13:149), *выходит на гору на высокую, на шёло́му на ока́тисту* (45:66)
шело́н, шёло́н — шлем, *на главы́ несёт шело́н зе́мли Греческой* (2:132)

шёлы́га — посох, клюка, *во руках несёт шёлы́гу подорожную* (2:133)

шемаши́нской, шемати́нской — из Шемахи́, города на Кавказе, о шёлке, *не здешняго шёлку, шемаши́нского* (6:67), *дорогого сла́вна шёлку шемати́нского* (14:119)

ши́льник — ремесленник, *идут ши́льники, мы́льники, иго́льники* (5:31)

штурмова́ть, шурмова́ть — орудовать, бить, колоть, владеть, о копье, *он немецьким копе́йцом за́мог штурмова́ть* (40:6), *ко́пьём шурмова́л* (8:5)

шчабле́ты — обувь, *в одных она шчабле́тах без цюлоциков* (30:46)

щан — чан, *устроил-то щан да середи́ двора* (5:18)

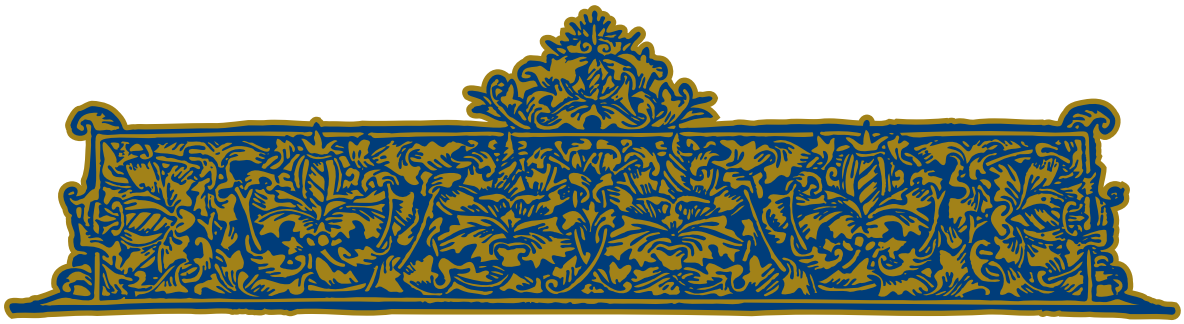
ще́лья, ще́лина, ще́ла — обрывистый берег, *со ще́льи скачет он на ще́лину* (20:99), *выезжал он на горы высокие, на ще́лы ука́тисты* (38:99)

щуп — шест для прощупывания дна, *берите шшупы́ долгомерныя* (7:77), *вы́мецют щу́пы долгомерныя* (10:105)

э́тта — здесь, тут, *останся ты э́тта во чисто́м поле́* (4:20)

ю́ность — юноша, подросток, *живёт един сын со ро́дной матушкой, молода́ юно́сть живёт десяти годов* (40:4)

ары́жливой — бродячий, о собаке, *собака ары́жлива* (47:76)



Указатели

Указатель 1

Былины Нижней Печоры

В столбцах слева от вертикальной жирной линии указаны номер и название былины, количество стихов в ней, её длительность и номера других былин на этот же сюжет, если есть (в №№ 3 и 38 можно сравнить зачины); все данные приводятся по настоящему изданию. В столбцах справа даны номера былин в предыдущих изданиях: для былин 1–18 — это сборник Ончукова [*Ончуко́в 1904*]; для 19-23 — Астаховой [*Аста́хова 1938*], для 24–49 — Леонтьева [*Лео́нтьев 1939*; *Лео́нтьев 1979*], для 50–58 — Колпако́вой [*Колпако́ва 1961*]. В крайнем правом столбце даётся номер былины в Своде русского фольклора [*Свод 2001*]. Смена заливки строк означает смену сказителя. Горизонтальные жирные линии обозначают границу между записями одного собирателя и другого и соответственно смену года записи и той книги, номера из которой приводятся.

Пример чтения: в настоящем издании былина под номером 1 имеет название «Рождение Вольги́», её стиховой объём 49 стихов, звуковой файл с пением этой былины имеет длительность 6 минут 28 секунд, сравнить эту былину на нижнепечорском материале не с чем, то есть на Нижней Печоре — это единственная запись былины на этот сюжет, у Ончуко́ва [*Ончуко́в 1904*] былина опубликована под номером 84, а в Своде русского фольклора [*Свод 2001*] — под номером 1, эта былина записана от того же сказителя, что и былины 2–7, и тем же собирателем и в том же году, что и былины 2–18.

№	Название	Стихи	Пение	Сравни	1904, 1939	1938, 1979, 1961	2001
1	Рождение Вольги́	49	6:28		84		1
2	Олёша и Туга́рин	194	24:24		85		115
3	Ту́ры златорогие и Ску́рлат-царь (Василий Игнатьевич)	73	9:23	38, д4	87		199
4	Дуна́й Иванович	255	32:43	30, 57	86		119
5	Василей Буслáевич набирает дружину и бьётся с новгородцами	200	26:2	10, 14, 17	88		238
6	Василей Буслáевич едет в Ерусáлим	268	34:58	10	89		244
7	Садко́	190	24:27	11	90		250
8	Пота́п Артамо́нович	246	39:32	16	72		235
9	Анна Княженéвская	216	37:35	56	73		21
10	Василей Буслáевич набирает дружину и едет в Ерусáлим	139	23:50	5, 6, 17	74		245
11	Садко́	135	22:11	7	75		251
12	Дани́лко Дени́сьевич	78	13:11		76		266

№	Название	Стихи	Пение	Сравни	1904, 1939	1938, 1979, 1961	2001
13	Михайло Петрович	277	53:7		93		269
14	Василей Буслáевич бьётся с новгородцами	302	57:26	5	94		237
15	Иван Гордéнович	318	29:27	41, 48, 55	80		180
16	Потáп Иванович	80	11:54	8	96		236
17	Василей Буслáевич набирает дружину	35	5:35	5, 10	97		239
18	Добрыня и Олёша	153	27:12	58	95		34
19	Исцеление Ильи; Илья и Соловéй	281	27:24	24, 35		95	42
20	Иван Гостúнович	226	21:32	39, 44		96	191
21	Фатéнко	213	19:53			98	187
22	Касья́н Иванович	193	18:14	43		99	171
23	Пермя́та и Чурúла	129	12:26	32, 46		97	156
24	Исцеление Илéйки; Илéйка и Соловéй	340	57:17	19, 35	1	2	46
25	Старóй и Святогóр	202	30:9	36, 50	5	3	3
26	Илья и Издóлишшо: стычка на пиру	42	6:2		2	8	65
27	Илья и Владимир-князь	204	29:53		4	9	102
28	Старóй и Сокóльник	191	27:20	40, 47, 53, д1		5	75
29	Мúтрий Бря́нской	102	14:56				264
30	Дунáй Иванович	238	35:46	4, 57		11	125
31	Добрыня и Маринка	134	19:13			17	27
32	Перемя́т и Чурúло	111	16:22	23, 46			159
33	Ставёр Годúнович	155	22:10				177
34	Дюк Степанович	345	48:59		10	19	141
35	Илья и Соловéй	243	37:7	19, 24			60
36	Илья и Светогóр	44	3:32	25, 50			4-5
37	Василий Касимúрович	278	43:50	52	8	13	18
38	Добрыня и Кáлин-царь	142	21:42	3, д4	6	12	101
39	Иван Гостúнович	203	30:47	20, 44			193
40	Илья и Сокóльник	285	43:26	28, 47, 53, д1	3	7	74

№	Название	Стихи	Пение	Сравни	1904, 1939	1938, 1979, 1961	2001
41	Иван Горде́нович	300	44:29	15, 48, 55	7	16	181
42	Соло́мон	275	43:21	49, д7	9	14	272
43	Касья́н Иванович	80	12:1	22			174
44	Иван Гости́нович	239	34:6	20, 39			192
45	Лука́ Степанович	188	29:30	54		15	280
46	Пермя́ и Чури́лко	147	19:5	23, 32			158
47	Илья и Соко́льник	195	30:51	28, 40, 53, д1		6	73
48	Иван Годе́нович	225	31:43	15, 41, 55		21	182
49	Соло́мон	187	19:16	42, д7			273
50	Илья и Святого́р	82	7:5	25, 36		71	8
51	Добрыня и змея	158	12:13			68	15
52	Василей Касими́рович	339	24:26	37		69	19
53	Илья и Соко́льник	149	28:6	28, 40, 47, д1		67	84
54	Лука́ Степанович	211	36:49	45		72	281
55	Иван Горде́нович	381	1:7:47	15, 41, 48		70	183
56	Анна Путя́тична	130	14:12	9		83	22
57	Дуна́й Иванович: на пиру у князя	72	12:28	4, 30		63	130
58	Добрыня и Олёша	115	19:28	18		62	37
	Всего	10982	25:54:21				

Указатель 2

Собиратели текстов былин Нижней Печоры

В таблице указаны имена, отчества и фамилии собирателей, годы их жизни и годы, когда они записывали былины на Нижней Печоре. Указывается также количество, общий стиховой объём и общая длительность записанных былин; сколько сюжетов удалось записать: в левом столбце — впервые, в правом — всего; сколько сказителей и из какого количества селений было записано: в левом столбце учтены только те селения, откуда былины записывались впервые, в правом — все селения, откуда удалось записать былины.

Для примера приведём чтение строки 4: былины на Нижней Печоре четвёртой записывала Наталья Павловна Колпако́ва (1902–1994), в 1956 году она записала 9 нижнепечорских былин общим объёмом 1637 строк и общей длительностью 3 часа 42 минуты 34 секунды; 1 сюжет был записан впервые, а всего было записано 9 сюжетов; было записано 3 сказителя; из 1 селения былины были записаны впервые, а всего былины были записаны из 2 селений.

№	Имя, отчество, фамилия	Годы жизни	Год записи	Былины	Стихи	Пение	Сюжеты		Сказители	Селения	
1	Николай Евгеньевич Ончуко́в	1872–1942	1902	18	3208	7:59:25	14	14	6	5	5
2	Анна Михайловна Аста́хова	1886–1971	1929	5	1042	1:39:29	6	6	1	0	1
3	Николай Павлович Лео́нтьев	1910–1984	1938	26	5095	12:32:53	12	19	5	4	5
4	Наталья Павловна Колпако́ва	1902–1994	1956	9	1637	3:42:34	1	9	3	1	2
	Всего			58	10 982	25:54:21	33		15	10	

Указатель 3

Нижнепечорские сказители былин

В таблице указаны имя, отчество и фамилия сказителя, возраст на время записи от него былин, из какого он селения и в каком селении его записывали, сколько былин от него сохранилось, номера его былин в сборнике, их общий стиховой объём и общая длительность их пения. Жирными линиями отделяются сказители, записанные одним собирателем.

№	Имя, отчество, фамилия, возраст	Откуда родом	Где записано	Былины	№№	Стихи	Пение
1	Павел Григорьевич Ма́рков, 76	Бедово́е, д.	О́ксино, с.	7	1–7	1229	2:38:25
2	Николай Петрович Шалько́в, за 80	Великая Ви́ска, с.	Великая Ви́ска, с.	5	8–12	814	2:16:19
3	Степан Фёдорович Хабаро́в, 69	Пы́лемец, д.	тоня́ у Пы́лемца	2	13–14	579	1:50:33
4	Алексей Иванович Дитя́тев, 71	Великая Ви́ска, с.	Великая Ви́ска, с.	1	15	318	29:27
5	Василий Артамо́нович Ни́конов, ?	Нары́га, д.	Пустозе́рск, с.	2	16–17	115	17:29
6	Параско́вья Ивановна Шевелёва, ?	По́йлово, д.	Ку́я, с.	1	18	153	27:12
7	Параско́вья Ивановна Дитя́тева, 69	Великая Ви́ска, с.	Великая Ви́ска, с.	5	19–23	1042	1:39:29
8	Иван Кириллович Осташо́в, 65	Смека́ловка, д.	Смека́ловка, д.	11	24–34	2064	5:8:7
9	Василий Петрович Тайбаре́йский, 74	Ла́божское, д.	Ла́божское, д.	9	35–43	1850	4:40:15
10	Григорий Андреевич Карма́нов, 53	Кра́сное, выселок	Кра́сное, выселок	3	44–46	574	1:22:41
11	Игнатий Тере́нтьевич Ма́рков, 80	Голубко́во, д.	Голубко́во, д.	2	47–48	420	1:2:34
12	Афанасья Фёдоровна То́ропова, 69	Великая Ви́ска, с.	Великая Ви́ска, с.	1	49	187	19:16
13	Андрей Фёдорович Пономарёв, 72	Ла́божское, д.	Ка́люш, д.	6	50–55	1320	2:56:26
14	Тимофей Степанович Кузьми́н, 68	Те́львиска, с.	Те́львиска, с.	1	56	130	14:12
15	Ника́ндр Иванович Су́слов, 65	Ла́божское, д.	Ла́божское, д.	2	57–58	187	31:56
	Всего			58		10 982	25:54:21

Указатель 4

Сюжеты нижнепечорских былин

В таблице указывается название сюжета, сколько былин (Б.) записано на этот сюжет, номера этих записей в настоящем издании и фамилии сказителей, от которых эти записи были сделаны. Номер былины, взятый в скобки, означает, что в этой былине соединены два сюжета. Жирные линии разделяют сюжеты по темам: №№ 1–5 — начало пути и чудесные встречи; №№ 6–13 — борьба с неприятелем, война, мужские сюжеты; №№ 14–26 — сюжеты с любовными мотивами, женские: в основном, внебрачные связи и добывание невест; №№ 27–33 — средние сюжеты, где нет ни войны, ни любовной связи, но есть состязания в конной езде, в богатстве, кулачном бое и прочее. Такое разграничение, конечно, достаточно условно, но в какой-то мере оно должно помочь слушателям и читателям несколько упорядочить свои знания о сюжетах нижнепечорского эпоса.

Чтение строки 2: на сюжет под названием «Исцеление Ильи» записано две былины, которые в нашем издании идут под номерами 19 и 24. В обеих былинах этот сюжет сочетается с другим сюжетом. Былины на этот сюжет записаны от Дитя́тевой и Осташо́ва.

№	Название сюжета	Б.	№№ записей	Сказители
1	*Рождение Вольги́[85]	1	1	Пав. Ма́рков
2	Исцеление Ильи	2	(19), (24)	Дитя́тева, Осташо́в
3	Илья и Соловéй	3	35, (19), (24)	Дитя́тева, Осташо́в, Тайбаре́йский
4	Старóй и Святогóр	3	25, 36, 50	Осташо́в, Тайбаре́йский, Пономарёв
5	Добрыня и змея	1	51	Пономарёв
6	*Ту́ры златорогие и Ску́рлат-царь (Василий Игнатьевич)	1	3	Пав. Ма́рков
7	Добрыня и Ка́лин-царь	1	38	Тайбаре́йский
8	Василий Касими́рович	2	37, 52	Тайбаре́йский, Пономарёв
9	Пота́п Артамо́нович	2	8, 16	Шалько́в, Ни́конов
10	Олёша и Туга́рин	1	2	Пав. Ма́рков
11	*Илья и Издо́лишшо: стычка на пиру	1	26	Осташо́в
12	Илья и Владимир-князь	1	27	Осташо́в
13	Ми́трий Бря́нской	1	29	Осташо́в

[85] Звёздочкой обозначены сюжеты про Вольгу́ Всеславьевича, про Василия Игнатьевича и про Илью и Издо́лишша, которые можно считать записанными на Нижней Печоре лишь частично.

№	Название сюжета	Б.	№№ записей	Сказители
14	Старо́й и Соко́льник	4	28, 40, 47, 53	Осташо́в, Тайбаре́йский, Игн. Ма́рков, Пономарёв
15	Михайло Петрович	1	13	Хабаро́в
16	Касья́н Иванович	2	22, 43	Дитя́тева, Тайбаре́йский
17	Перма́та и Чури́ла	3	23, 32, 46	Дитя́тева, Осташо́в, Карма́нов
18	Добрыня и Мари́нка	1	31	Осташо́в
19	Дуна́й Иванович	3	4, 30, 57	Пав. Ма́рков, Осташо́в, Су́слов
20	Иван Горде́нович	4	15, 41, 48, 55	Дитя́тев, Тайбаре́йский, Игн. Ма́рков, Пономарёв
21	Анна Княженевская	2	9, 56	Шалько́в, Кузьми́н
22	Соло́мон	2	42, 49	Тайбаре́йский, То́ропова
23	Добрыня и Олёша	2	18, 58	Шевелёва, Су́слов
24	Фате́нко	1	21	Дитя́тева
25	Лука́ Степанович	2	45, 54	Карма́нов, Пономарёв
26	Ставёр Годи́нович	1	33	Осташо́в
27	Иван Гости́нович	3	20, 39, 44	Дитя́тева, Тайбаре́йский, Карма́нов
28	Дюк Степанович	1	34	Осташо́в
29	Василей Бусла́евич набирает дружину[86]	3	(5), (10), 17	Пав. Ма́рков, Шалько́в, Ни́конов
30	Василей Бусла́евич бьётся с новгородцами	2	(5), 14	Пав. Ма́рков, Хабаро́в
31	Василей Бусла́евич едет в Еруса́лим	2	6, (10)	Пав. Ма́рков, Шалько́в
32	Садко́	2	7, 11	Пав. Ма́рков, Шалько́в
33	Дани́лко Денисьевич	1	12	Шалько́в
	Всего:	58		

[86] Смотри примечание к былине № 10.

Указатель 5

Селения, из которых и в которых записаны былины и былинные напевы Нижней Печоры

В таблицу включены 18 мест, имеющих отношение к записи нижнепечорских былин. Первые десять — это нижнепечорские селения, из которых происходят те былины, которые вошли в настоящий сборник. Следующие пять (отграничены жирной линией) — места, в которых записывались былины от выходцев из других селений. Последние три — места, где были записаны лишь напевы нижнепечорских былин. В крайнем правом столбце приводятся имена людей, связанных с селением. Сказители, от которых записаны былины, даются прямым шрифтом с указанием в скобках числа записанных былин. Исполнители, от которых записаны лишь напевы, даны *наклонным шрифтом*. Три человека, от которых записаны и былины, и напевы, выделены **жирным шрифтом** с указанием в скобках числа записанных былин и напевов. Помета «отсюда» означает, что данный человек происходит отсюда, но записывался в другом месте. Помета же «не отсюда» означает, что человек происходит не отсюда, но записывался здесь.

Приведу чтение первых строк таблицы. Первая строка: из деревни Ла́божское записано 17 былин от 3 сказителей (от Василия Тайбаре́йского — 9 былин, от Пономарёва — 6, от Никандра Су́слова — 2) и 4 напева от 3 исполнителей (от Пономарёва — 2 напева, от Никандра Су́слова — 1, от Ника́ндра Тайбаре́йского — 1). В деревне Ла́божское записано 11 былин от 2 сказителей (от Василия Тайбаре́йского — 9 былин, от Никандра Су́слова — 2) и 3 напева от 3 исполнителей (от Никандра Су́слова — 1 напев, от Ника́ндра Тайбаре́йского — 1, от И́жемцева — 1). Вторая строка: из села Великая Ви́ска записано 12 былин от 4 сказителей (от Шалько́ва — 5 былин, от Дитя́тева — 1, от Дитя́тевой — 5, от То́роповой — 1), напевов не записано. Все 12 былин и 4 сказителя записаны в Великой Ви́ске. Третья строка: из и в Смека́ловке записано 11 былин от 1 сказителя (Осташо́ва), без напевов. Четвёртая: из Бедово́го записано 7 былин от одного сказителя (Павла Ма́ркова) и 1 напев от 1 исполнителя (И́жемцева), но в Бедовом ничего не записывалось. Заливкой выделено, по какой колонке таблица упорядочена.

№	Селение	Происходят отсюда				Записаны здесь				Сказители былин и *исполнители напевов,* а также **сказители былин и исполнители напевов в одном лице.** В скобках — количество записанных былин и ***напевов***
		Былины		Напевы		Былины		Напевы		
		Б.	Ск.	Н.	Исп.	Б.	Ск.	Н.	Исп.	
1	Ла́божское, д.	17	3	4	3	11	2	3	3	Василий Петрович Тайбаре́йский (9), **Андрей Фёдорович Пономарёв (6, *2*)** (отсюда), **Ника́ндр Иванович Су́слов (2, *1*)**, *Ника́ндр Васильевич Тайбаре́йский*, *Тимофей Семёнович И́жемцев* (не отсюда)

№	Селение	Происходят отсюда				Записаны здесь				Сказители былин и *исполнители напевов,* а также **сказители былин и исполнители напевов в одном лице.** В скобках — количество записанных былин и ***напевов***
		Былины		Напевы		Былины		Напевы		
		Б.	Ск.	Н.	Исп.	Б.	Ск.	Н.	Исп.	
2	Великая Ви́ска, с.	12	4	0	0	12	4	0	0	Николай Петрович Шалько́в (5), Алексей Иванович Дитя́тев (1), Параско́вья Ивановна Дитя́тева (5), Афанасья Фёдоровна То́ропова (1)
3	Смека́ловка, д.	11	1	0	0	11	1	0	0	Иван Кириллович Осташо́в (11)
4	Бедово́е, д.	7	1	1	1	0	0	0	0	Павел Григорьевич Ма́рков (7) (отсюда), *Тимофей Семёнович И́жемцев* (отсюда)
5	Кра́сное, выселок	3	1	0	0	3	1	0	0	Григорий Андреевич Карма́нов (3)
6	Голубко́во, д.	2	1	1	1	2	1	0	0	Игнатий Терентьевич Ма́рков (2), *Маремья́на Романовна Голубко́ва* (отсюда)
7	Нары́га, д.	2	1	0	0	0	0	0	0	Василий Артамо́нович Ни́конов (2) (отсюда)
8	Пы́лемец, д.	2	1	0	0	0	0	0	0	Степан Фёдорович Хабаро́в (2) (отсюда)
9	Те́львиска, с.	1	1	2	1	1	1	2	1	**Тимофей Степанович Кузьми́н (1, *2*)**
10	По́йлово, д.	1	1	0	0	0	0	0	0	Параско́вья Ивановна Шевелёва (отсюда)
11	О́ксино, с.	0	0	0	0	7	1	0	0	Павел Григорьевич Ма́рков (7) (не отсюда)
12	Ка́люш, д.	0	0	0	0	6	1	2	1	**Андрей Фёдорович Пономарёв (6, *2*) (не отсюда)**
13	Пустозе́рск, г.	0	0	0	0	2	1	0	0	Василий Артамонович Ни́конов (2) (не отсюда)
14	тоня у Пы́лемца	0	0	0	0	2	1	0	0	Степан Фёдорович Хабаро́в (2) (не отсюда)
15	Ку́я, с.	0	0	0	0	1	1	0	0	Параско́вья Ивановна Шевелёва (1) (не отсюда)
16	А́ндег, д.	0	0	2	2	0	0	2	2	*Аристарх Иванович Су́слов, Анастасия Петровна Хабаро́ва*
17	У́стье, д.	0	0	1	1	0	0	1	1	*Иван Петрович Усачёв*
18	Ленинград, г.	0	0	0	0	0	0	1	1	*Маремья́на Романовна Голубко́ва* (не отсюда)
	Всего	58	15	11	9	58	15	11	9	

Былинные напевы Нижней Печоры

В таблице сообщается номер напева в издании, исполнитель напева: прямым шрифтом обозначены сказители, от которых были записаны былины, *наклонным* — исполнители напевов, которые былин не пели, либо — в случае с Усачёвым — былин от них не записано. Также указывается, откуда происходит напев, где, кем и когда был записан, можно ли послушать в звуке полевую запись и сколько звучащих примеров такой записи есть в открытом доступе [*Звук 2013-2014*]. В крайней правой колонке указано, какие былины нашего сборника распеты данным напевом.

№	Имя, отчество, фамилия	Откуда напев	Где записан	Кто записал	Когда	Опубликовано звучащих примеров	№№ распетых былин
н1	Андрей Фёдорович Пономарёв	Ла́божское, д.	Ка́люш, д.	Ф.В. Соколов, Н.П. Колпакова	9 августа 1956	3	36, 50–52
н2	Андрей Фёдорович Пономарёв	Ла́божское, д.	Ка́люш, д.	Ф.В. Соколов, Н.П. Колпакова	10 августа 1956	2	13–14, 53–55
н3	Тимофей Степанович Кузьми́н	Те́львиска, с.	Те́львиска, с.	Ф.В. Соколов, Н.П. Колпакова	4 августа 1956	2	15, 19–23, 56
н4	Тимофей Степанович Кузьми́н	Те́львиска, с.	Те́львиска, с.	Ф.В. Соколов, Н.П. Колпакова	5–7 августа 1956	6	24–34, 44–46
н5	Ника́ндр Иванович Су́слов	Ла́божское, д.	Ла́божское, д.	Ф.В. Соколов, Н.П. Колпакова	31 июля 1956	3	8–12, 57–58
н6	*Ника́ндр Васильевич Тайбаре́йский*	Ла́божское, д.	Ла́божское, д.	Ф.В. Соколов, Н.П. Колпакова	31 июля 1956	1	35, 37–43, д1

№	Имя, отчество, фамилия	Откуда напев	Где записан	Кто записал	Когда	Опубликовано звучащих примеров	№№ распетых былин
н7	*Иван Петрович Усачёв*	У́стье, д.	У́стье, д.	Д.Г. Фёдоров	1914	0	16–17, д2
н8	*Маремья́на Романовна Голубко́ва*	Голубко́во, д.	Ленинград, г.	А.Г. Кудышкина	17 октября 1951	0	49, д3
н9	*Тимофей Семёнович И́жемцев*	Бедово́е, д.	Ла́божское, д.	Ф.В. Соколов, Н.П. Колпакова	31 июля 1956	0	1–7, д4
н10	*Аристарх Иванович Су́слов*	А́ндег, д.	А́ндег, д.	Ф.В. Соколов, Н.П. Колпакова	27 июля 1956	0	47–48, д5
н11	*Анастасия Петровна Хабаро́ва*	А́ндег, д.	А́ндег, д.	Ф.В. Соколов, Н.П. Колпакова	27 июля 1956	0	18

Список использованных публикаций

1. *Ончукóв 1901* — Ончуковъ Н. Е. О расколѣ на низовой Печорѣ // Живая старина. С.-Петербургъ, 1901. Выпускъ III и IV. С. 434–452.
2. *Ончукóв 1902-1* — Ончуковъ Н. Е. Печорскія былины // Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ. Санкт-Петербургъ, 1902. Том VII, книжка 3. С. 277–355.
3. *Ончукóв 1902-2* — Ончуковъ Н. Е. Былинная поэзія на Печорѣ // Живая старина. С.-Петербургъ, 1902. Выпускъ III и IV. С. 358–384.
4. *Ончукóв 1904* — Ончуковъ Н.Е. Печорскія былины. С.-Петербургъ, 1904.
5. *Ончукóв 1908* — Ончуковъ Н.Е. Печорскіе стихи и пѣсни. С.-Петербургъ, 1908.
6. *Ончукóв 1909* — Ончуковъ Н.Е. Сѣверныя сказки. С.-Петербургъ, 1909.
7. *Астáхова 1938* — Былины Севера. Том первый. Мезень и Печора. Записи, вступительная статья и комментарии А.М. Астаховой. Москва, Ленинград, 1938.
8. *Леóнтьев 1939* — Леонтьев Н.П. Печорский фольклор. Архангельск, 1939.
9. *Голубкóва 1946* — Голубкова М.Р. Два века в полвека. Москва, 1946.
10. *Исторические песни 1960* — Исторические песни XIII–XVI веков. Москва; Ленинград, 1960.
11. *Колпакóва 1961* — Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи). Москва, 1961.
12. *Леóнтьев 1979* — Леонтьев Н.П. Печорские былины и песни. Архангельск, 1979.
13. *Свод 2001-1* — Свод русского фольклора. Былины в 25 томах. Том первый. Былины Печоры. Санкт-Петербург, Москва, 2001.
14. *Свод 2001-2* — Свод русского фольклора. Былины в 25 томах. Том второй. Былины Печоры. Санкт-Петербург, Москва, 2001.
15. *Словарь 2003* — Словарь русских говоров Низовой Печоры в 2 томах. Том первый. Под редакцией Л.А. Ивашко. Санкт-Петербург, 2003.
16. *Словарь 2005* — Словарь русских говоров Низовой Печоры в 2 томах. Том второй. Под редакцией Л.А. Ивашко. Санкт-Петербург, 2005.
17. *Звук 2013–2014* — Свод русского фольклора. Былины. Звуковой аналог (по материалам Фонограммархива Отдела фольклора ИРЛИ РАН). 2013–2014. http://byliny.pushkinskijdom.ru.
18. *Тюренкóва 2012* — Тюренкова О.В. Утраченная старина // Северные просторы. Вып. 3–4, 2012. С. 115–117.
19. *Тюренкóва 2014* — Тюренкова О.В. Пустозерские сказители XIX–XX вв. // Пустозерск и Русская Арктика: история, культура, современность. Нарьян-Мар, 2014. С. 79–87.
20. *Мáрченко 2019* — Марченко Ю.И. Флавий Васильевич Соколов — собиратель напевов печорского былинного эпоса // Рябининские чтения — 2019: материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера / Музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск, 2019. С. 424–426.
21. *Шалькóва 2019* — Шалькова З.А. Сказители Великой Виски // Научный, культурно-образовательный и туристский потенциал Пустозерска — первого русского города в Арктике. Нарьян-Мар, 2019. С. 187–196.

О составителе

Александр Александрович Ма́точкин — современный русский сказитель. Родился в 1978 году в Северомо́рске Му́рманской области. С октября 1998 года посвятил себя изучению и освоению устной народной словесности. Начинал в составе фольклорных ансамблей Санкт-Петербурга, затем продолжил самостоятельно. Неоднократно ездил на Русский Север, в том числе и на Печо́ру, сначала в составе фольклорно-этнографических экспедиций СПбГУ, затем сам. Постоянно сказывает былины на людях с декабря 2012 года по настоящее время, выработав две своеобразные формы передачи былинного наследия в условиях современности — *сказительские посиделки* и *сказительские хожения*. Сказывание Александра находит живой отклик у слушателей и на сегодня является основой его творческого и жизненного пути.

Александр Александрович Ма́точкин. Снимок Анатолия Чуля

По образованию филолог-фольклорист: в 2005 стал бакалавром лингвистики, выпускная работа посвящена лексико-семантическому анализу пинежской свадебной песни. В 2007 стал магистром филологии по специальности «Фольклористика», диссертация посвящена сравнительному анализу печорских вариантов былины «Исцеление Ильи Муромца». В 2010 году написал кандидатскую диссертацию об индивидуальных особенностях песенного стиха трёх печорских сказителей. Результаты этого диссертационного исследования опубликованы в статьях: 1) Маточкин А. А. Современный потенциал «музыкальной» теории фольклорного стиха // Отечественное стиховедение: 100-летние итоги и перспективы развития. СПб., 2010. С. 45–52; 2) Маточкин А. А. Индивидуальные особенности квантитативности песенного стиха печорских сказителей // Антропологический форум. 2012. № 16 Online https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/matochkin.pdf/.

В 2018, 2023 и 2024 годах А.А. Маточкин при поддержке Этнокультурного центра НАО провёл Школы русского сказительства в Нарьян-Маре, а в 2025 осуществил Первую русскую сказительскую экспедицию «Эпос Русской Арктики. Возвращение» на Нижнюю Печору, в Ненецкий автономный округ. Все материалы, в частности 58 видеороликов с былинами Нижней Печоры, находятся в свободном доступе в сети «ВКонтакте» в специальном экспедиционном сообществе: https://vk.com/sk_nizh_pech.

Содержание

Слово составителя 3

Часть I. Записи 1902 года 5

1. Павел Григорьевич Ма́рков (Бедово́е, записано в О́ксине) 8
   1. Рождение Вольги́ 10
   2. Олёша и Туга́рин 12
   3. Ту́ры златорогие и Ску́рлат-царь (Василий Игнатьевич) 18
   4. Дуна́й Иванович 21
   5. Василей Бусла́евич набирает дружину и бьётся с новгородцами 29
   6. Василей Бусла́евич едет в Еруса́лим 35
   7. Садко́ 43

2. Николай Петрович Шалько́в (Великая Ви́ска) 49
   8. Пота́п Артамо́нович 50
   9. Анна Княженёвская 58
   10. Василей Бусла́евич набирает дружину и едет в Еруса́лим 65
   11. Садко́ 70
   12. Дани́лко Дени́сьевич 74

3. Степан Фёдорович Хабаро́в (Пы́лемец, записано на тони́) 77
   13. Михайло Петрович 79
   14. Василей Бусла́евич бьётся с новгородцами 88

4. Алексей Иванович Дитя́тев (Великая Ви́ска) 97
   15. Иван Горде́нович 98

5. Василий Артамо́нович Ни́конов (Нары́га, записано в Пустозёрске) 108
   16. Пота́п Иванович 109
   17. Василей Бусла́евич набирает дружину 112

6. Парасковья Ивановна Шевелёва (По́йлово, записано в Ку́е) . . . 114
   18. Добрыня и Олёша 115

Часть II. Записи 1929 года 121

7. Парасковья Ивановна Дитя́тева (Великая Ви́ска) 123
   19. Исцеление Ильи; Илья и Соловей 125
   20. Иван Гости́нович 134
   21. Фате́нко 141
   22. Касья́н Степанович 148
   23. Перма́та и Чури́ла 154

Часть III. Записи 1938 года 159

8. Иван Кириллович Осташо́в (Смека́ловка) 162

24. Исцеление Илéйки; Илéйка и Соловéй 165
25. Старóй и Святогóр 175
26. Илья и Издóлишшо: стычка на пиру 182
27. Илья и Владимир-князь 184
28. Старóй и Сокóльник 190
29. Мúтрий Брянской 196
30. Дунáй Иванович 199
31. Добрыня и Маринка 206
32. Перемя́т и Чурúло 210
33. Ставёр Годúнович 214
34. Дюк Степанович 219

9. Василий Петрович Тайбарéйский (Лáбожское) 229
35. Илья и Соловéй 232
36. Илья и Светогóр 239
37. Василий Касимúрович 241
38. Добрыня и Кáлин-царь 249
39. Иван Гостúнович 254
40. Илья и Сокóльник 260
41. Иван Гордéнович 269
42. Солóмон 278
43. Касья́н Иванович 286

10. Григорий Андреевич Кармáнов (Красное) 289
44. Иван Гостúнович 290
45. Лукá Степанович 298
46. Пермя́ и Чурúлко 304

11. Игнатий Терентьевич Мáрков (Голубкóво) 309
47. Илья и Сокóльник 310
48. Иван Годéнович 317

12. Афанасья Фёдоровна Тóропова (Великая Вúска) 324
49. Солóмон 325

Часть IV. Записи 1956 года 331

13. Андрей Фёдорович Пономарёв (Лáбожское, записано в Кáлюше) 336
50. Илья и Святогóр 339
51. Добрыня и змея 342
52. Василей Касимúрович 348
53. Илья и Сокóльник 358
54. Лукá Степанович 363
55. Иван Гордéнович 370

14. Тимофей Степанович Кузьмúн (Тéльвиска) 382
56. Анна Путя́тична 386

15. Никандр Иванович Сýслов (Лáбожское) 390
57. Дунáй Иванович: на пиру у князя 392
58. Добрыня и Олёша 395

Приложения 399
1. Напевы нижнепечорских былин 400
2. Дополнительные тексты 407
3. Незаписанные сказители Нижней Печоры 416

Особенности передачи былинных текстов в настоящем издании 419

Примечания к текстам былин 424

Словарь былинных слов и выражений 455

Указатели. 479
1. Былины Нижней Печоры 480
2. Собиратели текстов былин Нижней Печоры 483
3. Нижнепечорские сказители былин 484
4. Сюжеты нижнепечорских былин 485
5. Селения, из которых и в которых записаны былины и былинные напевы Нижней Печоры 487
6. Былинные напевы Нижней Печоры 489

Список использованных публикаций 491

О составителе 492

ГБУК «Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа»

166000, г. Нарьян-Мар, ул. Смидовича, д. 20А, корпус 2
тел.: 8(81853) 2-16-92, электронный адрес: etnonao@mail.ru

Издание финансировано из средств бюджета Ненецкого автономного округа
в рамках государственной программы Ненецкого автономного округа
«Развитие культуры»

БЫЛИНЫ НИЖНЕЙ ПЕЧОРЫ

сборник текстов
с аудиоприложением

Автор-составитель, редактор — Александр Маточкин
Рецензент — кандидат филологических наук Татьяна Канева
Корректор — Ольга Бороненко
Макет — Петр Гончаров
Менеджер — Мария Измайлова
Ответственный за выпуск — Елена Вергунова

Подписано в печать 06.09.2025 г. Формат 60 × 90/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Сенчури Скулбук.
Усл.-печ. л. 62. Тираж 1000 экз. Заказ № 160620252.

Отпечатано ООО «Триумф»
394024, Воронежская область, г. Воронеж,
пер. Здоровья, д. 78 А